

ЧЕЛОВЕК
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ
И ДУХОВНОМ
ПРОСТРАНСТВАХ

*ЧЕЛОВЕК
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ
И ДУХОВНОМ
ПРОСТРАНСТВАХ*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

*ЧЕЛОВЕК
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ
И ДУХОВНОМ
ПРОСТРАНСТВАХ*

*Сборник научных трудов к 90-летию профессора
Владислава Жановича КЕЛЛЕ*

Прогресс-Традиция
МОСКВА 2010

ББК 87.7
УДК 1.4
Ч 39

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 10-03-16085д*

Ч 39 **Человек** в интеллектуальном и духовном пространствах / Отв. ред. М.С. Киселева [Сб. ст.]. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 512 с.

ISBN 978-5-89826-352-2

В основу коллективной монографии положена идея, разрабатывавшаяся проф. В.Ж. Келле (21.10.1920–02.08.2010) в последнее десятилетие его творческой деятельности. Разграничение двух ветвей, культуры, интеллектуальной и духовной, их историческое развитие, конфликт и продуктивное взаимодействие, разнообразие всевозможных проявлений – эти сюжеты лежат в основе многих статей авторов сборника, в недавнем прошлом коллег Владислава Жановича. Книга посвящена тем направлениям современного гуманитарного знания, в которых более всего работал Келле: социальной философии и философии культуры, социологии науки и современным проблемам инновационного знания, его развития и применения в современной России. Каждый из разделов открывается статьей В.Ж. Келле, тем самым сопрягается современность и недавняя история отечественной философской мысли. В книге также собраны мемуарные материалы и документы из жизни В.Ж. Келле.

УДК 1.14
ББК 87.7

На переплете: Фрагмент рисунка Рафаэля.

ISBN 978-5-89826-352-2

© Коллектив авторов, 2010
© Г.К. Ваншенкина, оформление, 2010
© Прогресс-Традиция, 2010

Судьба распорядилась так, что юбилейный сборник открывается не словами приветствия и поздравления Владислава Жановича Келле, а словами прощания...

В жаркое и дымное девяностое лето своей жизни Владислав Жанович остался в Москве. Он много и плодотворно работал, заканчивая книгу, снося погодные испытания и не обращая внимания на болезни. Он думал и писал — это и была его жизнь. Он любил и помогал своим близким и друзьям. Он дорожил военным прошлым. Он знал, что такое война: оказавшись на фронте Великой Отечественной 10 июля 1941 года и вернувшись с ранением в 1944 году.

Владислав Жанович знал цену жизни, пережив очень многое и в мирное время: молодым преподавателем МГУ — послевоенные сталинские идеологические встряски для усмирения народа-победителя: борьбу с космополитизмом, «дело врачей», окрики писателям и музыкантам; сложившимся ученым — обнадежившие шестидесятые годы, «оттепель» с ее новыми, творческими возможностями; заведующим отделом в Институте философии — резкие «заморозки» на идеологической почве начала 70-х годов, которые привели к его уходу из института и к полной смене области научных занятий. Теперь Келле руководил сектором социологии науки в Институте истории естествознания и техники АН СССР. В 90-е гг. случился новый жизненный поворот. В поле интересов Келле — проблемы человека в социальной философии и культуре, академик И.Т. Фролов пригласил его в только что созданный Институт человека РАН.

Книга, над которой Келле трудился последние дни своей жизни, посвящена очень важной, на его взгляд, проблеме различения интеллектуального и духовного как двух взаимосвязанных «ветвей» развития человеческой культуры. Эта идея обосновывалась им в самых разных направлениях философского знания – историко-философском, социально-антропологическом, социокультурном. Воспитанный в традиции классической немецкой философии, Владислав Жанович оставался всю жизнь марксистом и твердо верил в необходимость открытия «закономерностей» развития человеческой культуры, которые дадут в руки ученым инструмент, способный объяснить явления человеческой истории и современности. Сделать философию научной дисциплиной. Если и позволительно говорить о вере в жизни Владислава Жановича Келле, то он, безусловно, верил в силу и мощь человеческого разума, в нравственные и гуманистические принципы, на основании которых и строил свою собственную жизнь...

Ранним утром 2 августа 2010 года сердцу Владислава Жановича не достало жизненных сил. Такой медицинский диагноз: «сердечная недостаточность»... а Москве не доставало воздуха...

Перед Вами, читатель, коллективная монография, посвященная различным проблемам современной философии, политологии, социальной философии и истории культуры, дар коллег к 90-летнему юбилею Владислава Жановича. В книге немало страниц, где Келле – и автор, и герой, и собеседник... Это книга и о времени страны длиной в одну человеческую жизнь, которой отдал свои труды и дни воин и профессор, доктор философских наук Владислав Жанович Келле.

*ФИЛОСОФИЯ
В КОНТЕКСТЕ
КУЛЬТУРЫ*

В.Ж. Келле

*ДУХОВНОСТЬ
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ
НАЧАЛО КУЛЬТУРЫ*

*К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО
И ДУХОВНОГО В КУЛЬТУРЕ*

Обозначенная в заглавии проблема для философии отнюдь не новая и не маловажная. Более того, она постоянно является предметом философских размышлений и обсуждений, с учетом того, что оппозиция интеллектуального и духовного начал культуры имеет многообразные формы выражения: теоретический и практический разум, знание и вера, истина и ценность, наука и идеология и т.д. В сфере образования их различие отражается в разграничении обучения и воспитания, в социальной стратификации — в отличии интеллектуала от интеллигента.

Мне представляется, что ее рассмотрение, ее методологический анализ имеет для культурологии существенное значение, поскольку может помочь более глубокому осмыслению самого феномена культуры, ее истории, а также процессов, происходящих в культуре в настоящее время. Я полагаю, что общепринятые трактовки культуры страдают весьма существенным недостатком, а именно — недооценкой интеллектуальной составляющей культуры. Но в современных условиях эта недооценка делает культурологию архаичной, неспособной отобразить особенности культуры техногенной цивилизации, информационного общества. А для нынешней России актуальность этой проблематики еще более возрастает, учитывая необходимость определения эффективных средств ее выхода из кризиса и роли ее интеллектуального потенциала в этом процессе.

В нашей философской литературе, особенно после публикации в «Вопросах философии» отрывка из рукописи Б. Шенкмана о *духовном производстве* (1966), это понятие получило широкое распространение. У Шенкмана оно шло от Марксова разделения производства на материальное и духовное, причем последнее можно было трактовать и просто как производство нематериального продукта, сознания и в более узком смысле как производство идеологии¹.

Творчество в науке, искусстве, философии и т. д. рассматривалось как духовное производство. И в нашем восприятии интимная связь понятия духовности с религиозным сознанием (оно отчетливо звучит, например, в словах «духовная музыка») совершенно исчезала. Ныне эта тема по многим причинам приобрела новое звучание. Возникла потребность заново определиться с понятиями духовности, духовной деятельности, духовной культуры и их отношениями с наукой, с прогрессом объективного научного знания.

Самой широкой характеристикой духовности можно считать признание ее ценностным аспектом сознания, отражающим смысло-жизненные экзистенциальные проблемы человека. В фокусе духовной сферы — человек как субъект и носитель культуры, как родовое существо и как индивидуальность, личность с ее системой ценностей. Духовность человека, бесспорно, следствие его социальности, она немыслима вне связи с другим, вне субъект-субъектного отношения: вне общения. Духовность нравственно окрашена, и все ее проблемы подлежат нравственной оценке. Мир, его свойства в этой сфере интересуют человека не сами по себе, а в их отношении к субъекту.

Основным и значимым для людей выражением интеллектуального начала в культуре современного общества является наука, научное знание, научная рациональность. Конечно, это начало присутствует и в других сферах культуры, но именно в науке оно выражено в «чистом виде». От науки в другие сферы сознания и культуры идут «волны» в виде научных знаний, научного стиля мышления, научных методов. Таким образом, интеллектуальное начало не ограничено областью науки.

¹ Вот одна из трактовок: «Духовное производство можно определить как производство сознания в особой общественной форме, осуществляемое специально выделенными и внутри себя организованными группами людей — идеологическими слоями общества» (Духовное производство. М., 1981. С. 142).

Обыденное сознание также не лишено рациональной составляющей, но здесь она как бы слита с другими формами. Это большая тема, но ее рассмотрение выходит за рамки наших заметок.

Развитие сознания «от мифа к логосу», появление древнегреческой философии, использующей рациональные методы постановки и решения проблем, системы доказательств, возникновение теории и тому подобное и было выделением и утверждением в культуре ее интеллектуального начала.

Духовность не исключает знаний, рациональности, интеллекта. Истина тоже есть ценность. Прогресс познания оказывает огромное влияние на духовную сферу, ибо решение многих смысложизненных проблем зависит от того уровня и объема знаний, которым обладает данная эпоха. Но в духовной сфере знания как бы не самоценны, а играют служебную роль. Кроме того, эта сфера включает в себя массу проявлений человеческой психики.

Духовная сфера не остается неизменной, как и все в этом мире. Но ее динамика имеет мало общего с прогрессом познания, где, правда, имеются мировые загадки типа происхождения жизни или возникновения человека, но развитие идет за счет постановки и решения все новых проблем. В области духа, напротив, преобладают вечные проблемы, меняются лишь их интерпретации и новое далеко не всегда устраняет прежнее.

Взаимоотношения духовного и интеллектуального начал во второй половине XX века отчетливо проявилось в противостоянии сциентизма и антисциентизма, породившем огромную литературу. Оба эти идейные течения были порождены успехами науки, которые у одних вызывали эйфорию и убеждение, что наука может решить все проблемы человека, а у других протест и апокалиптические настроения, что прогресс науки и ее приложений ведет современную цивилизацию к гибели, спасение же человечества возможно на пути отказа от науки, возвращения к природе, и т. п. утопий. Я полагаю, что имеются разновидности этих течений, отношение к которым не может быть однозначным.

«Умеренный сциентизм» как осознание великой роли науки в обществе, признание ценности научного знания и интеллектуальной деятельности является нормальной идеологией научного сообщества, для которого престиж науки имеет стимулирующее значение. Этот

тип сциентизма не доводит возвеличения науки до отрицания других форм сознания, до отрицания духовности. Но имеются и крайние выражения сциентизма, адепты которого освобождают науку и себя от необходимости считаться с нравственными императивами, гуманистическими ценностями, с любыми ограничениями, идущими от духовной культуры, ставящий себя выше уровня добра и зла. Этот «свободный» от всякой духовности человеческий интеллект является страшным, бесчеловечным, извращенным порождением научного и технологического прогресса, адские проявления которого красочно описаны в современной фантастике.

Но не менее опасными для цивилизации, культуры, для человечества являются реальные попытки *фанатичной духовности* использовать достижения человеческого интеллекта в своих антигуманных интересах. Ее носителем в современном обществе является, например, исламский фундаментализм – идейная база международного терроризма.

Вместе с тем, ошеломляющий прогресс и в развитии научного знания, и в его применении на практике значительно усложнил положение науки в обществе. Отчетливо выявилось, что наука является источником не только великих благ, но и страшных бед. Начались антисциентистские движения, борьба против науки. Перед наукой опять встала проблема самозащиты, но уже совсем в другом ключе, чем в период Возрождения. Там науке противостояла господствующая догма, сила привычных воззрений, власть инквизиции. Здесь науку отвергали во имя здоровья будущих поколений, спасения человечества, торжества идеалов гуманизма.

Вообще антисциентизм в различных его вариантах сопровождал науку практически на всем протяжении ее развития в Новое время. Ответы Руссо на вопросы Дижонской академии наук – что прогресс науки не способствует улучшению нравов – тоже были проявлением антисциентизма. Однако, пожалуй, до Первой мировой войны сами люди науки вдохновлялись тем, что наука несет людям только благо. Эта идея доминировала и в обществе. Но в наше время появились агрессивные антинаучные концепции и движения. Несмотря на их активность, они не имеют под собой серьезной идейной основы. Вред, наносимый не наукой, а ее практическими приложениями, зависит

либо от несовершенства технологии, загрязняющей среду, либо от людей, сознательно использующих знание для создания орудий разрушения и уничтожения. В 40-е гг. XIX в. К. Маркс в одном из выступлений сравнил науку с ножом, который может натворить бед в руках сумасшедшего. Нож нужен людям, но он опасен в руках сумасшедшего. Современная наука не нож, а энергия атомной и водородной бомбы, разрушительные возможности которой невероятны, и нужен строгий контроль общества, чтобы эта энергия не оказалась в руках «сумасшедшего». Нужен и контроль за применяемой технологией. Но анти-сциентизм сам по себе в этом не поможет.

Лейтмотивом антисциентизма является мысль, что до сих пор наука воспринималась как «верховный правитель», способный ответить на все вопросы и решить все проблемы, а ученые считались вершителями судеб человечества. Сейчас авторитет науки пошатнулся, диктату науки и научной рациональности приходит конец. Наука должна занять подобающее ей скромное место в ряду других явлений познания и культуры, поскольку является лишь одним из многих способов познания. Более того, оценка рисуемой естествознанием картины мира может быть только негативной, ибо она «деструктивна по отношению к культуре». Естествознание ориентируется на инженерию, обслуживает «технократический дискурс», который становится для человечества все более угрожающим. Гуманитарные науки тоже все подверстывают под научность, которая не имеет перспектив, и потому *XVI век не будет веком науки вообще!* Такова позиция, выражающая определенные умонастроения части интеллигенции. В ней замешано очень многое: и нависшие над человечеством реальные угрозы, в том числе экологические, возникшие в результате индустриального развития; и идеи технофобии, мода на постмодернизм; и интеллигентский снобизм; и сознательное дистанцирование от реальных социально-экономических проблем современности.

Хотелось бы обратить внимание на то, что эта позиция в социальном контексте современной России особенно неприемлема. Россия в глубоком кризисе. Наука в униженном, не востребованном обществом положении, но в то же время именно с ней, с ее развитием и технологическим применением связывается надежда на быстрый экономический рост, а значит, и выход из кризиса. Эти надежды

перечеркиваются. Ориентация на «технологический дискурс» ведет в пропасть. Значит, России надо искать другие пути в будущее и другие средства выхода из кризисного состояния. С этим согласиться нельзя. И настораживает проповедь антиинтеллектуализма. Научный рационализм вроде бы устарел уже и принадлежит прошлому. Говорить в этом духе сейчас тоже модно. Но я бы назвал эту моду своеобразным псевдонаучным популизмом, рассчитанным на дешевый эффект. Если принять эту точку зрения, то теряет смысл задача развития интеллектуального потенциала.

Вместе с тем антисциентизм как духовная оппозиция науке способен выполнять и определенную позитивную функцию, аналогичную любой конструктивной оппозиции, заставляя оппонента более осторожно и с учетом всех обстоятельств проводить свою линию.

Когда антисциентисты заостряют внимание на опасных для человека и общества направлениях развития науки и начинают борьбу против вредных последствий ее применения, неплохо ученым прислушаться к их голосам, проанализировать критику с точки зрения того, есть ли в ней нечто рациональное. Но антисциентизм иногда выступает с открытым или завуалированным отрицанием науки, ее положительного значения для будущего человечества. Такой «экстремистский антисциентизм» смыкается с обскурантизмом и должен быть отвергнут.

Взаимосвязь духовного и интеллектуального начал культуры имеет еще один аспект — отношение религии и науки. Религия — воплощенная духовность, наука, как уже говорилось, — интеллектуальное начало в чистом виде. С момента возникновения наука и сосуществовала с религией и противостояла ей. Современная наука и возникала в лоне религиозного сознания и завоевывала себе право на существование в борьбе с религией. Религия и отвергала положения науки, противоречащие ее догмам, пытаясь подчинить себе науку, и стремилась снять противоречия между ними путем соответствующей интерпретации ее положений. Последняя тенденция в их взаимоотношениях усиливалась по мере прогресса науки и продолжается до сегодняшнего дня.

Один любопытный пример. У Цицерона есть работа «О природе богов». Он начинает ее с утверждения, что признание существования богов правдоподобнее их отрицания. Философы в споре о богах

высказывают самые различные мнения об их наружности, местопребывании, образе жизни. Однако это все частности. «Главное же в этом вопросе: живут ли боги в полном бездействии, ни во что не вмешиваясь, совсем не заботясь о мире и об управлении им, или, напротив, они с самого начала все сотворили, и установили, и всем в мире до бесконечного времени управляют, и все приводят в движение»¹. Не вмешивались в дела мирские боги Эпикура. У Ньютона Бог дал природе «первый толчок», а движение происходит по ее собственным законам. И вот та же самая тема с неожиданной стороны всплыла в наше время. Немецкий профессор Петер Хегеле выступил со статьей, посвященной богословской интерпретации т. н. антропного принципа, устанавливающего причинную связь между устройством нашей Вселенной и возникновением разумной жизни. П. Хегеле утверждает, что «возможно и теистическое толкование» этого принципа. Бог не только создал мир, но и поддерживает постоянство его законов. «Бог был активен не только «в начале»... Он является не только Творцом, но и Вседержителем мира»².

Отсюда вывод, что духовное и интеллектуальное начала человеческой культуры не противоречат друг другу, вполне совместимы и что религия может даже опираться на науку. Эта позиция даже более радикальна, чем позиция Канта, ограничивавшего знание, т. е. претензии теоретического разума (интеллектуального начала), чтобы оставить место вере, т. е. практическому разуму (религиозной духовности). У Канта мир знания и мир веры не пересекаются, а каждый выполняют свою функцию. Но в человеческом сознании и культуре должны присутствовать оба мира, иначе культура будет неполноценной. Решение Канта снимает даже возможность конфликта между знанием и верой, интеллектом и духовностью и в этом смысле поднимает их отношение на новый уровень по сравнению с предшествующей историей конфликтов и острых столкновений между ними, историей их вмешательства в дела друг друга. Величие Канта здесь проявилось в обосновании *необходимости присутствия в культуре обоих начал и установления между ними гармоничных отношений*. Мы можем

¹ Цицерон. Философские трактаты. М., 1997. С. 47.

² Хегеле П. Рассчитан ли космос на человека? // Поиск. 2001. № 5. С. 13.

по-разному относиться к способу обоснования этих идей в философии Канта, но сами эти идеи имеют непреходящее значение.

Я хочу также коснуться — именно коснуться, не более — проблемы отношения духовности религиозной и светской, ибо она приобрела в наши дни особую актуальность и меня волнует, что культурология проходит мимо нее.

Духовность неразрывно связана с религией. Так считают верующие. Лишь в обращении к Богу, через отношение с Ним могут решаться духовные, нравственные проблемы, поддерживаться добро. Если Бога нет, все дозволено, духовность исчезает.

В советские времена с большими трудностями, крайностями, ошибками, перегибами формировалась безрелигиозная духовная культура, ориентированная на человека, ценности гуманизма, утверждение добра и справедливости. Все это означало, что рождалась не связанная с религиозными чувствами и переживаниями светская духовность, что нравственность возможна и без веры в Бога. Тем, кто воспитан в этой культурной среде, необязательность связи духовности с религией и возможность в рамках светской духовности быть людьми нравственными, отстаивать справедливость, иметь совесть, верить в добро и высокие гуманистические идеалы казалась вполне естественной, само собой разумеющейся.

Сейчас в России совершенно другая обстановка. Духовность все более настойчиво и однозначно сопрягается с религией. И не только деятелями церкви или верующими гуманитариями. Недавно мне попалось на глаза высказывание академика Раушенбаха — человека, который пользовался огромным уважением, — что нравственность (а следовательно, и духовность) возможна лишь на почве религии¹. Что его на это подвинуло? Или его гуманитарные занятия? Или размышления над антропным принципом? Или, воочию наблюдая нравственное одичание, он воспроизводит мысль Вольтера, что, если Бога нет, его надо выдумать?

Все это заставляет вновь поднимать далеко не новый вопрос о светской духовности. Нелепо в наше время всех неверующих записывать в категорию безнравственных и бездуховных. Это противоречит прин-

¹ См.: Поиск. 2001. № 4.

ципам свободомыслия. Наивно полагать, что зло творится в обществе потому, что люди «забыли Бога». Варварски способны поступать и верующие. У людей разные ценностные ориентации. Светская духовность имеет такое же право на существование, как и религиозная, и сторонникам того и другого типа духовности следует проявлять терпимость к иной позиции. Вместе с тем, следует учитывать, что религия за тысячелетия своего существования накопила огромный и подчас ценный опыт духовной деятельности.

ДУХОВНОСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ

С начала 90-х гг. мы оказались в стране, где граждане обрели новые степени свободы, исчез тотальный дефицит самых необходимых продуктов, но выросли преступность, инфляция, бедность, нищета с одновременным спадом производства. И все это в невиданных для мирного времени масштабах. А богатые и сверхбогатые нувориши также в огромных масштабах стали отправлять свои незаработанные миллионы и миллиарды в зарубежные банки. Власть обещала, что вот-вот, еще немного – и цены стабилизируются, заработает рыночная экономика, получившая наконец настоящего хозяина, пойдут инвестиции и начнется предусмотренный курсом реформ долгожданный экономический рост. Однако экономика эффективно работать почему-то никак не желала, страна неуклонно погружалась в трясину кризиса, который был даже наречен «системным». Все надежды, что кривая все-таки вывезет, рассеял август 1998-го.

Оправившись от шока, люди задумались над тем, что делать с провалившимся «курсом радикальных реформ»: вперед не получается, а обратно не годится. Как быть? А, собственно говоря, ведь курса-то и не было. Были ключевые слова: либерализация, приватизация, демократизация, затем – стабилизация и т.д. Программы под эти слова не созданы, а все пущено на волю волн и чиновный произвол, исходя из того, что «невидимая рука рынка» сама все урегулирует и «обустроит Россию». Невмешательство государства в экономику стало для либералов чуть ли не священной коровой. Но российская «невидимая рука» в первую очередь укрепила теневую экономику, породила рэкет, массовое уклонение от уплаты налогов и коррупцию.

Вероятно, устойчивая популярность нового президента как раз и связана с надеждой, что он способен исправить положение и направить развитие в нужном направлении.

Такая огромная страна, как Россия, не может долгое время оставаться в униженном положении бедной, слабой, зависимой в финансово-экономическом отношении от развитых государств, ибо она просто развалится или ее сомнут. Естественно, что у нас стали появляться различные сценарии модернизации, «экономического рывка», средне- и долгосрочных программы с более или менее оптимистическим настроением и мрачные пророчества, что, в общем, у России нет будущего, из провала ей не выбраться и ей надо смириться с ролью отнюдь не великой державы.

Катиться вниз всегда легче, чем подниматься вверх. И стратегия нужна, чтобы двигаться по восходящей. Вопрос состоит в том, каков оптимальный путь и на что следует опираться: какие ресурсы нужны, где их источники.

Очевидно, при решении этого вопроса следует исходить из того, что в условиях «техногенной цивилизации», в эпоху становления постиндустриального (информационного) общества, опирающегося на «экономику знания», создание высокотехнологичной экономики является цивилизационным императивом, вызовом, на который Россия сможет ответить, если сохранит доставшийся ей в наследство интеллектуальный потенциал и использует науку. А если она ее потеряет, то окажется на цивилизационной обочине. Я убежден, что судьба российской науки и судьба самой России тесно связаны, просто слиты. Одну из своих статей я так и закончил: «В России будет такая наука, какой будет сама Россия». Что я имел в виду?

России досталось более 70% советской науки. У нее, конечно, были свои слабости, но это была мощная наука, работавшая по многим направлениям на мировом уровне. Реформы привели к серьезным потерям в области фундаментальной науки, но особенно пострадала, т.к. оказалась практически невостребованной, научно-техническая сфера.

В условиях рыночной экономики особенно следует четко различать фундаментальную науку и научно-техническую сферу. Первая непосредственно не связана с рынком, финансируется государством, и ее

организация не нуждается в принципиальных изменениях. Продуктом второй являются новые технологии или продукты, которые поступают на рынок в виде *инноваций*, т.е. приносящего прибыль товара. Она в развитых странах финансируется не только государством, но и частным капиталом. Конечно, источником инноваций в конечном счете (а иногда и непосредственно) является фундаментальная наука, но это не делает ее коммерческим предприятием. Поэтому она всегда нуждается в поддержке государства. Таким образом, если распространение рыночных отношений на фундаментальную науку для нее смерти подобно, то включение в эти отношения научно-технической сферы является условием ее существования. Это включение происходит в рамках *инновационной системы*, объединяющей науку, технологический рынок и производство, устанавливающей между ними прямые и обратные связи.

В России необходимо *заново* создавать инновационную систему, основанную на принципах *рыночной экономики*. Такого рода системы доказали свою эффективность в экономически развитых странах и свое преимущество перед инновационной системой планово-директивного типа. Создание инновационной системы не частная проблема, а задача и технологическая, и социально-экономическая, и социокультурная. Система будет функционировать, если у общества, производства имеется *постоянный* спрос на технологические инновации. Такой спрос возникает, когда оно движется по инновационному пути. А именно этот путь является *оптимальным* для современной России. Поэтому создание национальной инновационной системы можно с полным основанием считать ключевой проблемой современного развития России.

Инновационное развитие требует больших капиталовложений. Дело экономистов – найти финансовые ресурсы для обеспечения инновационного процесса. Имеются экономические разработки, доказывающие, что задача поддается решению.

Инновационная деятельность невозможна без развитой системы современного образования, обеспечивающего систематическую подготовку кадров высшей квалификации. Для инновационной деятельности, создания в стране современного технологического базиса, обеспечения устойчивого экономического роста кроме науки и ученых

нужны конструкторы, инженеры, техники, экономисты, педагоги, менеджеры, квалифицированные рабочие и другие специалисты. В стране должен быть определенный уровень культуры и образования всего населения, делающий его способным существовать в обществе, насыщенном современной техникой. А все это – составляющие интеллектуального потенциала общества.

В постиндустриальном мире ведущую роль играют страны с высоким интеллектуальным потенциалом. Последний востребован именно как некая интегративная целостность составляющих его компонентов. Россия по многим показателям опустилась до уровня стран третьего мира. От них она принципиально отличается именно уровнем своего интеллектуального потенциала. Интеллектуальный потенциал России – ее национальное достояние, открывающее перед ней возможности инновационной динамики и поддержания должного уровня цивилизационного развития. Значит, интеллектуальная составляющая культуры России является основой, средством преодоления кризиса.

Интеллектуальный потенциал общества – это его инновационные возможности, использование которых позволяет решать возникающие проблемы, вносить в исторический процесс нечто новое и тем самым создавать предпосылки для движения истории вперед.

Людей интеллектуального труда на Западе называют интеллектуалами. Это не только носители профессиональных знаний, но люди, способные творчески их развивать, вносить в них нечто новое. В теориях постиндустриализма интеллектуалам, профессионалам отводится важная роль в «обществе знания».

У нас термин «интеллектуал» пока не привился, а люди умственного труда относятся к различным отрядам интеллигенции. Такое терминологическое различие не случайно. Оно сложилось исторически. Думаю, что пришло время сломать эту традицию, вернуть понятию интеллигенции его истинное значение и признать наличие интеллектуалов и в нашем обществе. У них разная социальная роль. Интеллектуал всегда представитель определенной профессиональной группы, занимающейся интеллектуальной деятельностью, в совершенстве знающий свое дело и творчески к нему относящийся. Принадлежность же к интеллигенции не является функцией ее профессио-

нальной деятельности, а определяется ее нравственной позицией и уровнем ее духовной культуры.

Многие свой оптимизм в отношении будущего России связывают не с инновационным путем развития, а с культурой России, ее особой духовностью, отличной от рационализма Запада. Считают, что она найдет *свой* путь к прогрессу и благосостоянию и ключевое значение имеет ее духовность. Конечно, было бы глупо игнорировать роль духовной культуры, ее особенностей, роль нравственного начала, без которого ничего не получится, но когда, отдавая приоритет духовности, принижают науку, исповедуют и прямо или косвенно проповедуют антисциентизм, хочется спросить у этих господ, будут ли они с лопатами и граблями, с серпом и молотом выходить из кризиса?! Или, следуя завету великого комбинатора, уповать на то, что за граница нам поможет?

Жизнь, как видно, вполне конкретно ставит ныне вопрос о соотношении интеллектуальной и духовной составляющих культуры. Если касаться лишь принципиальной стороны, то она, на мой взгляд, состоит в следующем. Исторический опыт свидетельствует, что научно-технический прогресс способен успешно протекать не только в рамках западноевропейской культуры и не обязательно приводит к ее экспансии на инокультурные среды. Япония достигла огромных успехов в технологической области и в то же время сохранила свою самобытную культуру. Более того, она использовала ее особенности, определяющие психический склад нации, для создания и развития своей мощной современной экономической системы. Впечатляющие достижения Китая в экономике, в научно-технической сфере и его древняя традиционная конфуцианская культура, оказываются, бесконфликтно сопрягаются друг с другом. Некоторые китайские авторы даже находят, что конфуцианство вообще соответствует реалиям постиндустриального мира. И этому не надо удивляться. Ведь возраст христианства тоже за рубежом двух тысячелетий. И разве духовная культура России не сможет стать достойной базой ее постмодернизации, имея в виду ее экономический и технологический прогресс. Зачем противопоставлять их друг другу. Духовная культура способна минимизировать связанные с научно-технологическим прогрессом опасности для природы и человека, создать необходимый для него

социально-психологический климат. Конечно, между ними возникают противоречия. Но нет оснований полагать, что во всех случаях они фатально должны противостоять друг другу. Надо понимать, что наука, инновационная деятельность требуют для своего развития не только серьезных инвестиций, но и благоприятной социальной и духовной атмосферы. Иначе говоря, духовность и активная интеллектуальная деятельность не только не являются антагонистами во всех случаях, но могут взаимно подкреплять друг друга.

Богатство России – ее прекрасная культура, ее духовный потенциал и пока еще достаточно развитый интеллектуальный потенциал, ее огромные природные ресурсы. Если она, т. е. ее народ, сумеет использовать эти богатства и обратить их в силы и средства развития Отечества, она поднимется, преодолеет кризис и выйдет на широкую дорогу современного цивилизационного развития. Страна стоит перед выбором. Задача в том, чтобы не ошибиться в этом выборе, ибо от него зависит, как она будет жить дальше. В прошлом России удавалось выходить из тяжелейших ситуаций, хотя с правителями ей здорово не везло. Ей помогали ее традиции, ее культура, ее творческий потенциал. За проводимые ныне реформы Россия уже заплатила невероятную социальную цену. Если имеющийся опыт поможет ей собраться с силами, то надежда на лучшее будущее остается.

КАК ВОЗМОЖЕН ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Есть свойство и признак человеческого общения, без и вне которого рассуждать о диалоге цивилизаций просто нельзя. Это толерантность, или в русском переводе терпимость, выступающая как первоначальное, исходное условие любого плодотворного диалога.

Можно рассматривать диалог как один из способов проявления толерантности (мне самому приходилось писать именно в таком духе). Однако лучше всё-таки различать толерантность и диалог: диалог предполагает толерантность, последняя же может и не сопровождаться диалогом. Почему это нужно и важно и какой практический смысл всё это имеет, я постараюсь показать. Но с самого начала хочу подчеркнуть, что в понимании роли диалога цивилизаций в современном мире существует определённая неясность.

Получило распространение, например, мнение о том, что именно этого рода диалог является универсальным способом решения тех сложных проблем, которые порождает современное социальное развитие, в частности процесс глобализации. Я думаю, что в действительности дело обстоит всё же не совсем так.

Во-первых, потому, что глобализация при некоторых обстоятельствах может и не нуждаться в диалоге такого рода. Тот тип глобализации, который сегодня реально разыгрывается, никакого межцивилизационного диалога не предполагает. Ибо в действительности происходит экспансия на все регионы мира системы рыночной экономики, современных информационных технологий и сопутствующей им массовой культуры. Та глобализация, которая является сегодня реальным фактом, ведёт к нивелированию цивилизационных

различий, к гомогенизации человечества в целом. Модернизацию в своё время отождествляли с вестернизацией. Есть соблазн назвать современную глобализацию американизацией мира. Но в таком случае межцивилизационный диалог просто бессмысленен, ибо речь идёт как раз о создании унифицированной, гомогенной цивилизации, а не о разных цивилизациях, которые могут вступать (или не вступать) в диалог друг с другом. Значит, когда мы говорим о возможности и даже о необходимости диалога цивилизаций, мы имеем в виду не ту глобализацию, которая *реально* совершается ныне, а ту, которая нам представляется *желательной*, т. е. глобализацию иного типа, не отменяющую цивилизационных различий, а, напротив, их культивирующую. Иными словами, разговор о важности и нужности диалога цивилизаций сегодня предполагает в том числе и возможность изменения направления и характера глобализации.

Во-вторых, не следует думать, что даже в том случае, если глобализации будет придан иной, чем сегодня, т. е. более гуманный, характер и если будет практиковаться диалог разных цивилизаций, то мы с помощью этого диалога сможем решить все современные проблемы. В действительности многие из них не имеют готовых решений. Не содержится решение этих проблем и в наследии существующих сегодня разнообразных цивилизаций. Ибо с ними человечество никогда до сих пор не сталкивалось. Есть основания считать, что сегодня человечество стоит перед каким-то серьёзным вызовом, когда возникает вопрос и о будущем человека, и о будущем общества и культуры.

Это прежде всего проблемы, являющиеся результатом новейшего этапа развития науки и техники, возникновения новых информационных технологий (телевидение, использование компьютера, коммуникация с помощью Интернета). Высокий темп обновления знаний, характерный для информационного общества, влечёт быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникации. Многие социальные процессы становятся чем-то эфемерным: существующим относительно небольшое время. Интеграция прошлого и будущего в единую цепь событий, образующая индивидуальную биографию и лежащая в основе личности, «Я», оказывается в некоторых случаях непростым делом. Всё более усложняющаяся в современном глобализирующемся обществе цепь

социальных и технологических опосредований между действием и его результатом делает сложным рациональное планирование действий не только на коллективном, но даже и на индивидуальном уровне. Но дело не только в этом. Любое рациональное действие предполагает не только учёт его возможных последствий, но также и соотнесение выбранных средств с существующими в обществе нормами поведения, с коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, с представлениями действующего субъекта о самом себе, о своей биографии, о принятых на себя в прошлом обязательствах, о принадлежности к той или иной коллективной общности, т. е. с тем, что называется индивидуальной идентичностью. Между тем современный западный мир, вступающий в информационное общество и втягивающий посредством процесса глобализации в это общество остальную часть мира, переживает кризис индивидуальной идентичности. Начинается кризис и ряда коллективных идентичностей.

Вот ещё один современный вызов нашим представлениям о человеке. Это попытки с помощью воздействия на генную систему изменить саму человеческую телесность, создать более «совершенного» человека, наиболее приспособленного к выполнению тех или иных конкретных функций. Кажется, что современная наука открывает такие возможности. Появились энтузиасты, пропагандирующие новые способы экспериментирования над человеческим телом и связывающие с изменением человеческой телесности осуществление самых дерзновенных мечтаний, реализацию новой генно-технологической утопии. Возникающая в этой связи проблема связана даже не столько с возможностью или невозможностью такого рода экспериментов (как писал Н. Бердяев, особенность утопии не в том, что она не существует, а в том, что она может осуществиться), сколько с тем, что подобного рода вмешательство может привести к необратимым последствиям, сходным с результатами человеческого воздействия на природу, породившими современный экологический кризис: человек может перестать быть человеком. Известный теоретик Ф. Фукуяма пишет о «нашем постчеловеческом будущем». Между тем все существующие сегодня на Земле цивилизации с их представлениями о нравственности предполагают ту человеческую телесность, с теми присущими ей возможностями и ограничениями, с тем распределением способностей между

индивидами, которая до сих пор считалась чем-то неотъемлемым от самого понимания человека.

Эти (а также многие другие) исключительно острые, при том не только теоретические, но и практические проблемы, конечно, не могут быть решены только с помощью диалога цивилизаций. Диалог в этом случае совершенно необходим, но это должен быть прежде всего диалог между специалистами разных областей знания, между философами и учёными, между экспертами и обычными людьми. Определённую (но вряд ли решающую роль) в этом случае может сыграть и диалог цивилизаций. Роль последнего в данном случае, таким образом, ограничена.

Где же и каким образом диалог цивилизаций может быть полезен в решении тех проблем, с которыми сталкивается сегодня человечество?

В этой связи хочу высказать два соображения.

Первое. Конечно, цивилизации сами по себе никакого диалога вести не могут. «Диалог цивилизаций» – это метафора. Могут вести диалог лишь конкретные представители разных цивилизаций. Это могут быть индивиды, социальные группы, сообщества, правительственные структуры.

Второе. Диалог, как правило, ведётся не по поводу самих цивилизаций: их систем ценностей, взглядов на мир, религиозных убеждений. Дело в том, что эти смысловые установки как раз и конституируют идентичность цивилизаций и лежат в основе социальной идентичности каждого индивида, приобщённого к данной цивилизации. Поэтому если только цивилизация не распадается, не переживает кризиса собственной идентичности (что всё-таки иногда происходит, особенно сегодня), то ядро цивилизации не обсуждается. По поводу этого ядра диалог невозможен. Это ясно видно на примере возможности диалога разных религий, которые исторически всегда входили в ядро конкретных цивилизаций, по крайней мере, с того времени, когда эти религии возникли. Представители разных религий могут вести диалог по поводу конкретных социальных проблем: как эти проблемы могут быть поняты и решены с позиций этих религий. Но они не будут вести диалога о религиозной догматике. Ведь каждая религия исходит из абсолютности и непререкаемости своих догматов. Можно дискутировать по

поводу их толкования, чем и занимаются теологи. Но нельзя сомневаться в абсолютной истинности самих догматов. Если только допускается возможность взгляда на догматы с позиций другой религии, данная религия перестаёт существовать.

Диалог между цивилизациями возможен и может быть плодотворным в связи с решением конкретных практических проблем и связан как с пониманием этих проблем с позиций той или иной цивилизации, так и с предлагаемыми способами решения. Каждая цивилизация задаёт собственную перспективу в подходе к современным проблемам. Сравнение этих перспектив с точки зрения их плодотворности возможно и насущно необходимо. Об этом я подробнее скажу несколько позже. Но сейчас я хочу обратить внимание на то, что такого рода диалог предполагает, что само ядро разных цивилизаций, к которым принадлежат вступившие между собой в общение индивиды, этим диалогом не затрагивается. Иными словами, такого рода диалог предполагает вместе с тем межцивилизационную *толерантность*, т.е. терпимость, невмешательство в глубинные смысловые основы чужой цивилизации, бережное отношение к тому, что не похоже на то, к чему мы привыкли.

Итак, что же такое толерантность?

* * *

Первое понимание толерантности было первым и исторически. В некоторых отношениях оно считается классическим и дожило до наших дней. Оно связано с именами Бэйля и Локка, с классической либеральной традицией. Мне представляется важным и во многом проливающим свет на сам характер проблемы тот исторический факт, что она как философская была сформулирована в связи с проблемой веротерпимости и была первоначально понята как своеобразное осмысление итогов Тридцатилетней войны, в ходе которой представители враждующих религиозных конфессий почти поголовно истребили друг друга.

Согласно этому пониманию, истина, основные моральные нормы, основные правила политического общежития могут быть неоспоримо и убедительно для всех установлены и обоснованы. В этих вопросах бессмысленно говорить о толерантности, так как доказательство,

рациональное обоснование убедительны для всех. Однако люди не только разделяют истинные утверждения, но также и придерживаются различных мнений. Истинность некоторых из этих мнений может быть впоследствии установлена. Однако среди них есть такие, истинность которых никогда не может быть установлена бесспорно. Это прежде всего религиозные взгляды, метафизические утверждения, специфические ценности разных культур, особенные этнические верования и убеждения. Эти мнения принимаются людьми не внерациональных основаниях и связаны прежде всего с самоидентификацией: культурной, этнической, личной. Без самоидентификации нет личности, т. е. человека, самостоятельного в своих решениях и ответственного за свои поступки. Однако способы самоидентификации во многих случаях являются внерациональными и связаны с определённой, принимаемой человеком традицией, с тем местом, где он родился и живёт, с культурой, к которой он принадлежит, с историей его страны, с его собственной биографией и т. д.

Что касается познавательных истин (в особенности истин науки), рационально обоснованных норм права и нравственности, то нельзя, конечно, терпимо относиться к тому, что им противоречит, и к действиям, которые их нарушают. Люди, нарушающие нормы морали и права, должны быть наказаны. Однако и в этом случае следует отдавать себе отчёт в том, что истина не может быть навязана силой: силой физического принуждения или пропагандистского внушения. К принятию истинного утверждения человек может прийти лишь самостоятельно. Поэтому нужно вести борьбу с действиями, нарушающими разумно установленные правила общежития и вместе с тем проявлять в некоторых пределах терпимость к неразумным взглядам, создавая для тех, кто их придерживается, такие условия, в которых они могли бы сами прийти к признанию истинности того, что может быть бесспорно и универсально установлено.

Что же касается тех мнений, истинность которых не может быть доказана, которые принимаются на внерациональных основаниях (религиозные убеждения, метафизические утверждения, специфические ценности разных культур, этнические верования и т. д.), то не только их, но и соответствующую им практику вполне можно допустить в тех случаях, когда они не вступают в противоречия с основами

цивилизованного общежития. В этом случае такого рода мнения и соответствующая им практика выступают как «особое дело» определённых культурных, этнических, социальных групп. Терпимость в данном случае обосновывается тем, что различия во взглядах, не относящихся к вопросам истины и основным моральным, правовым, политическим нормам, индифферентны к основным ценностям цивилизации и не препятствуют нормальному общежитию. Различные социальные, культурные, этнические группы могут иметь свои церкви, школы, культивировать свой язык, иметь свои обычаи. Недопустимо вмешиваться в эти дела со стороны (со стороны правительства, если речь идёт, например, о существовании этнических меньшинств на территории большого государства, или со стороны одного государства по отношению к другому). Основным для нормальной жизни в обществе и для мирных взаимоотношений разных обществ и культур считается согласие в понимании основных моральных норм и того, что установлено в познании (в частности, в науке). Очень важно отметить, что с точки зрения данного понимания толерантности различия в специфических цивилизационных ценностях будут постепенно уменьшаться по мере развития человечества, так как усиление взаимодействия разных цивилизаций и этносов, необходимость совместного решения практических проблем будут неизбежно вести к этому.

Толерантность при таком её понимании выступает как *безразличие* к существованию различных взглядов и практик, так как последние рассматриваются в качестве неважных перед лицом основных проблем, с которыми имеет дело общество.

Второе понимание толерантности исходит из того, что нельзя принять ту предпосылку, из которой исходит первый способ понимания, а именно: что существуют такие истины познания и нормы социального общежития, которые могут быть бесспорно и убедительно для всех установлены. Данное понимание опирается на результаты современных культурно-антропологических исследований, на некоторые результаты анализа истории науки, социального исследования научного познания, на некоторые современные концепции в философии науки. Согласно данному пониманию, религиозные, метафизические взгляды, специфические ценности той или иной цивилизации не являются чем-то второстепенным для деятельности человека и для

развития общества, а определяют сам характер этой деятельности и способ развития той или иной цивилизации. Плюрализм этих взглядов, ценностей и способов поведения неустраним, так как связан с природой человека и его отношениями с реальным миром. Все цивилизации (и познавательные установки) равноправны, но в то же время и несоизмеримы. Не существует никакой привилегированной системы взглядов и ценностей.

Единственное исключение следует сделать для идеи о том, что все люди, независимо от расы, пола и национальности имеют равное право на физическое существование и культурное развитие (в отношении нарушения этих прав не может быть никакой терпимости).

Но, будучи равноправными и заслуживающими уважения, разные системы взглядов (в том числе разные цивилизации), по сути дела, не могут взаимодействовать друг с другом, ибо замкнуты на себя, несоизмеримы друг с другом. Самоидентичность разных цивилизаций, культурных и социальных общностей основана на том, что они как бы не касаются друг друга, существуя, по сути дела, в разных мирах. Можно переходить из одного цивилизационного или познавательного мира в другой. Но нельзя одновременно жить в двух разных мирах.

Толерантность в данном случае выступает как *уважение* к другому человеку или цивилизации, которые я *не могу понимать* и с которыми я не могу взаимодействовать.

Однако против такого понимания толерантности и плюрализма можно возразить. Эти возражения формулируются в третьем понимании.

Третье понимание. Во-первых, можно показать, что в действительности между разного рода системами ценностей и концептуальными каркасами существует реальное взаимодействие. Это просто факт истории культуры. При этом в результате этой критики одни из ценностей и концептуальных каркасов сходят со сцены, уступая место другим. Ибо не существует их принципиальной несоизмеримости. Между разными системами ценностей, разными традициями идёт постоянное соревнование, в ходе которого они пытаются показать свою состоятельность, возможность с их помощью и на их основе справиться с решением различных технических, социальных и интеллектуальных проблем, с которыми сталкиваются люди. А при всём

различия традиций и цивилизаций им всё же приходится решать немало общих проблем. В результате соревнования происходит отбор тех норм, систем ценностей, интеллектуальных традиций, которые соответствуют требованиям постоянно меняющейся ситуации.

Но нельзя силой навязывать свои убеждения другим людям или ценности одной цивилизации другим.

В данном случае толерантность выступает как *снисхождение* к другой цивилизации.

* * *

Толерантность абсолютно необходима, если мы хотим избежать того столкновения цивилизаций, о котором писал С. Хантингтон. Вместе с тем как бы ни понимать и ни практиковать толерантность (как индифферентность, как уважение, как снисхождение к другому), она всё же сводится к невмешательству в иную цивилизацию и исключает взаимодействие с ней. Между тем сегодня взаимодействие цивилизаций жизненно необходимо. Верно, что одного этого взаимодействия недостаточно для решения всех тех проблем, которые возникают перед человечеством. Но верно и то, что это взаимодействие (диалог цивилизаций) жизненно необходимо.

Диалог (не только цивилизаций, но и культур, социальных групп, научных сообществ, индивидов) — это вообще нечто большее, чем толерантность. Ибо он предполагает не только терпеливое допущение иной позиции, иной системы ценностей и установок, но и желание чему-то научиться у другого.

И ведь исторически цивилизации учились друг у друга, пытаясь учесть чужой опыт и тем самым расширяя горизонт собственного опыта. Это бесспорный факт истории культуры. Между прочим, самые интересные идеи в истории философии и науки возникали как раз при столкновении и взаимной критике разных концептуальных каркасов, разных интеллектуальных парадигм. Западноевропейская цивилизация возникла из синтеза двух других, очень разных и, казалось бы, даже несоизмеримых: иудео-христианской и античной. Христианские Отцы Церкви, разрабатывая систему религиозной догматики, вели плодотворный диалог с античной философией. Современная физика, будучи продуктом развития прежде всего евро-

пейской цивилизации, черпает некоторые принципиальные идеи из изучения индийской и китайской мифологии: речь идёт не о синтезе мифологии и науки, а о переводе на язык науки некоторых идей, навеянных этой мифологией (как отмечал лауреат Нобелевской премии И. Пригожин, предлагаемая им картина мира близка представлениям древней китайской мифологии).

Как любил подчёркивать М. Бахтин, диалогична уже сама природа сознания. «Я» не похоже на лейбницевскую монаду, ибо не замкнуто на себя, а открыто другому человеку. Само отношение к себе как Я — элементарный акт саморефлексии — возможно только на основе того, что я отношусь к другому человеку, что я могу отнестись к самому себе как к другому, т. е. мысленно или в воображении (как правило, не сознавая этого) встать на точку зрения другого. Каждый человек не только обладает самоидентичностью. Он может развивать эту самоидентичность, меняясь в существенных отношениях. Особенно остро эта проблема стоит сегодня. Развитие идентичности возможно только на основе постоянной коммуникации с другими, диалога с иными точками зрения, позициями, возможностью понять эти другие позиции.

Сегодня человечество оказалась в такой ситуации, когда явно осознаётся недостаточность и односторонность того опыта отношений людей с природой и друг с другом, который был накоплен до сих пор, необходимость расширения этого опыта. А это предполагает также и взаимный учёт опыта друг друга. Это, конечно, вовсе не означает, что чужой опыт просто некритически осваивается. Речь идёт совсем о другом: о необходимости видеть в иной позиции, в другой системе ценностей, в чужой цивилизации не то, что враждебно моей собственной позиции, а то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими собственными, но и проблемами других людей и других цивилизаций, других ценностных и интеллектуальных систем отсчёта. В этом диалоге не только отдельные люди, но и цивилизации могут и должны развиваться.

Взаимодействие с позициями, отличными от моих, сопоставление моей аргументации с аргументами в пользу иной точки зрения выступает как необходимое условие развития моих собственных взглядов. То же относится и к взаимодействию цивилизаций. В этом случае плюрализм выступает не как нечто мешающее существованию данной

цивилизации, нечто глубоко ей чуждое, но как необходимое условие её плодотворного развития и как механизм развития культуры в целом. Это уже не просто плюрализм, а *полифония*, как выразался Бахтин, т. е. диалог и глубинное взаимодействие разных позиций.

Диалог – это вообще более высокая форма развития как индивидуальной идентичности, так и идентичности той или иной цивилизации. Это нечто большее, чем простая толерантность. И это более высокая форма уважения к чужому, чем та, которая предполагается простой толерантностью. Сегодня, как я уже отметил, этот диалог не может затрагивать глубинного ядра цивилизации (так же, как и глубинного ядра личной индивидуальной идентичности). В отношении этого ядра поэтому можно и нужно практиковать толерантность. Но будущее человека и культуры, по моему глубокому убеждению, связано именно с диалогом, при этом таким, который будет затрагивать также и ядро идентичности. Ибо только диалог даёт возможность не только сохранить, но и развить, т. е. в чём-то изменить идентичность. А современный этап развития человечества как раз и предполагает динамизацию всех социальных процессов, в том числе динамизацию идентичности: как индивидуальной, так и коллективных (в частности, идентичности цивилизаций).

* * *

Что же означает межцивилизационный диалог в современных условиях?

Я хочу подчеркнуть, что диалог – это особая форма коммуникации. Диалог означает, во-первых, что собеседники имеют разные позиции по какому-то вопросу. Во-вторых, он предполагает, что каждый из собеседников исходит из ценности рационального обсуждения, из того, что существуют аргументы в пользу его позиции и что они будут поняты собеседником, что можно и нужно в этом диалоге защищать свою позицию и вместе с тем учитывать точку зрения другого, и если эта иная точка зрения в чём-то обнаружит преимущества, то можно и нужно изменить в этом пункте собственную позицию. В итоге диалога оба собеседника придут к некоей общей позиции по обсуждаемому вопросу. Иными словами, если не признаётся ценность рационального рассуждения, диалог невозможен.

Конечно, рациональность не является специфическим достоянием западной цивилизации. Индийская, китайская, арабская и другие цивилизации внесли неоценимый вклад в её развитие. Так, например, в арабско-мусульманском мире всегда почиталась наука: алгебра, химия, медицина и др. Но нужно всё-таки признать, что современные формы рациональности в том виде, в каком они практикуются сегодня наукой и техникой, связаны с развитием прежде всего западной цивилизации. В этом её особый вклад в создание условий, в которых возможен межкультурный диалог. Мы не можем не признавать этот исторический факт.

Практически диалог цивилизаций возможен сегодня не по поводу самих цивилизаций (их ядерных оснований), а по поводу решения тех или иных конкретных социальных проблем. Представители разных цивилизаций имеют свои взгляды на эти проблемы, исходя из своих систем ценностей. Обмен этими взглядами, их сопоставление, рациональное обоснование их преимуществ могут быть очень плодотворными и вести к поиску общих решений тех проблем, которые являются общими для всех.

Мне представляется, что сегодня предметом диалога цивилизаций могут и должны быть проблемы, от решения которых зависит ближайшее будущее человечества.

Вот некоторые из них.

Это прежде всего создание нового мирового правового и политического порядка. Есть мнение о том, что западная цивилизация тяготеет исторически к демократии (и связанным с нею ценностям индивидуальной свободы и прав личности), в то время как восточные («традиционные») цивилизации больше ценят ответственность и обязанности и в связи с этим склонны в политическом плане к авторитаризму. Если это так, то, казалось бы, диалог цивилизаций по этим проблемам невозможен, ибо данные ценности входят в ядро соответствующих цивилизационных образований, а обсуждение этого рода ценностей, как я писал выше, невозможно на данном этапе развития человечества. Я думаю, что до недавних пор диалог между цивилизациями по этим вопросам был действительно невозможен. Но сегодня ситуация в ряде важных отношений другая. Ибо ныне речь идёт об установлении такого рода отношений между разными

странами, представляющими разные цивилизации, при которых они могут сохранить свою идентичность. Но единственную возможность такого рода даёт именно демократия в международных отношениях. Таким образом, ценности демократии хотя бы в этом отношении не могут не признаваться сегодня представителями разных цивилизаций. При этом нужно признать, что до конца не очень ясно, что такое ценности демократических отношений между странами (до сих пор демократия понималась как политическая система применительно к отдельной стране). Значит, предмет для диалога и обсуждения имеется. Между прочим, справиться с международным терроризмом без решения этого рода проблем вряд ли возможно. Можно предполагать, что по мере развития будет всё больше происходить процесс конвергенции разных цивилизаций. А это значит, что те вопросы, в отношении которых современные цивилизации должны практиковать простую толерантность, во всё большей степени будут предметом настоящего диалога.

Предметом диалога цивилизаций сегодня могут и должны быть экологические проблемы, касающиеся всех жителей Земли, проблемы взаимоотношений мирового центра и мировой периферии и ряд других.

Приведу пример такого рода диалога.

В августе 2003 г. в Стамбуле проходил Всемирный философский конгресс. Его главная тема формулировалась так: «Человечество перед лицом глобальных проблем». Вопросы, связанные с глобализацией, были центральными и на пленарных, и на секционных заседаниях, и на многочисленных круглых столах. Вот некоторые темы этих обсуждений: неравенство и нищета, война, мир и насилие, глобализация и культурная идентичность, будущее демократии, роль средств массовой информации в современной культуре. На одном из заседаний обсуждается одна из этих острых и всех затрагивающих тем. Выступают три главных докладчика. Один из них живёт в США, другой в Индии, третий в Южной Африке. Все трое ценят рациональную аргументацию и владеют ею, прекрасно знают современную литературу по данному вопросу, говорят по-английски. Но в подходе к теме каждый докладчик выражает позицию, связанную с ценностями именно его цивилизации. Поскольку эти позиции формули-

руются с помощью рациональной аргументации, они могут обсуждаться всеми участниками. Каждому понятна позиция других. Он сравнивает свою позицию с иными, обсуждает другие подходы. В дискуссию включаются другие участники конгресса. Конечно, в течение двухчасового заседания нельзя прийти к общему решению, но все, кто выступал на этом обсуждении, и даже те, кто просто слушал дискуссию, получили новое представление и о самой проблеме, и о возможных способах её решения.

Если практиковать такого рода диалог, глобализация будет выглядеть не как навязывание всем регионам Земли единственно возможной системы ценностей, а как создание такого мира, который един и в то же время состоит из многих уникальных цивилизаций.

О.К. Румянцев

КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ
ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА

ВВЕДЕНИЕ

Установка Нового времени на сознательное переустройство общества сформулировала напряженность между актуальной реальностью и парадигмой будущего в *рациональной* форме, благодаря чему удалось направить надежды людей на возможность действительного изменения существующего миропорядка. Кроме того, от Возрождения была унаследована беспрецедентная ставка человека на свой разум. Потому здесь можно говорить о некотором культурном проекте не только с ретроспективной исследовательской позиции, но о проекте тех людей, которые взялись реализовывать эту программу. Культурный проект модерна¹ предполагал развитие *конструирующих* возможностей интеллекта как способ решения задач освоения природы и усовершенствования человеческого духа.

Успехи данного проекта, даже независимо от его оценки, очевидны: это лидирующая сегодня европейская цивилизация, в которой реализуются идеи исторического прогресса, свободы и где существует система прав, ограничивающих вторжение общества в свободу индивида. Вместе с тем если усовершенствование интеллекта, по крайней мере в заданном проекте направлении, налицо, то покорение природы сопровождается экологическими проблемами, а главное — две мировые войны заставляют усомниться в усовершенствовании человеческого духа. Кроме того, по мере развертывания проекта модерна наука поте-

¹ См.: *Визгин В.П.* Проект модерна: возникновение и кризис // Визгин В.П. На пути к другому: От школы подозрения к философии доверия. М., 2004.

ряла связь со своими культурными корнями. Сама формулировка понятия «природы» связаны с осознанием *радикальной конечности* человеческого разума. А производная от последней – тематизация радикальной конечности человеческого существования – пришла в современную культуру из философии жизни и экзистенциализма как **ОППОЗИЦИЯ** научной рациональности.

Видимо, ключевым является следующий вопрос. Создало ли осуществление этого проекта те условия, которые необходимы для реализации личностью его основного культурного замысла – **ПРОГРЕССА** в *понятии свободы*? Ведь сейчас происходит, пишет М.Б. Туровский, «решительное отвержение того рационалистического менталитета, который оказался невосполнимо скудным перед проблемами личностного развития истории, как они стали уже в начале XIX в. при переосмыслении назначения человека в качестве творца истории»¹. Однако было бы поспешным и утверждение об исчерпанности проекта модерна. Надо обратить внимание не столько на дискредитированную сциентистскую технократическую утопию, сколько на метафизическую составляющую этого проекта, которая выражена *универсальностью* европейской культуры. В этом своем значении проект модерна не просто не исчерпан, но насущно необходим для благополучия не только европейской, но и других культур.

В настоящей статье выдвигается гипотеза, что определяющим для человека, современной системы знания, культуры является складывающийся сейчас *новый тип* взаимоотношения двух ипостасей субъективности человека, двух фундаментальных форм знания – конструирования и воспроизведения, универсальности и уникальности культуры. Данные формы знания не совпадают непосредственно с различием естественнонаучного и гуманитарного знания ни по предметному принципу (природа или культура), ни по методу познания (номотетический или идеографический), поскольку эти формы пронизывают обе предметные сферы знания, скорее объединяя их. Этому вовсе не противоречит то обстоятельство, что естествознание публично позиционирует себя, скорее, в качестве знания-конструирования, а гуманитарное знание – как воспроизведение.

¹ Туровский М.Б. Рождение рефлексивной культуры (к постановке проблемы) // Туровский М.Б. Философские основания культурологи. М., 1997. С. 411.

Для знания-воспроизведения свое «собственное» дело, где оно наиболее полно реализуется, — представлять *субъектность иного* как обращенного к мысли радикально внемысленного предметного содержания мысли. А знание-конструирование наиболее адекватно реализуется как выражение субъектности мысли, обращенной к иному. Хотя, конечно, обе эти формы знания могут выступать выражением и *субъектности мысли*, и субъектности иного. Ведь первая и вторая субъектности только вместе образуют субъективность человека. Именно античная философия, породившая новый тип знания — конструирование, обнаружила, что субъектность человека образована двумя ипостасями: субъектностью мысли и субъектностью иного. Причем как раз в Античности конструирование осуществляется обычно от имени иного.

Европейская культура еще в своем античном истоке содержит такую уникальную особенность преемственности культуры, которая предполагает постоянное переконструирование собственного начала. В диалоге «Тимей» упоминается, как египетский жрец отсылает Солона за пониманием событий, отраженных в мифах, на 90 веков назад, укоряя греков за их беспамятство: «И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершилось в древние времена в нашей стране или у вас самих»¹. Европейской культуре свойственно отчетливое осознание того, что начало всегда ЕЩЕ ТОЛЬКО возникает, — оно начинается сейчас так же, как и всегда. Однако такое осознание становится особенно ярким и нарочито тематизируется именно в те периоды, когда происходит слом старого и становление нового типа субъективности. По-моему, подобная смена типа субъективности как раз и происходит в современном европейском знании (и культуре).

Европейская культура и есть *собственно* культура, в том специфическом смысле, что она и порождена философией, и конституирована ею же, и стержнем своим также имеет философию. Универсализм культуры, тематизированный новоевропейской философией, с необходимостью предполагает историзм. Подразумевается историзм в широком смысле слова — когда становление представляет собой уже не ослабленное подобие вечного бытия: теперь становление первично по

¹ Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 463–464.

отношению к любому ставшему. А поскольку культура, тем более культура, конституированная философией, есть всегда рефлексия на ее историю, то кризис философии и культуры оборачивается кризисом самой истории, а значит, следуя позднему Э. Гуссерлю и М. Хайдеггеру, – метафизическим, онтологическим кризисом. Причем, по словам Э. Гуссерля, *только* для европейской традиции кризис науки и философии оказывается кризисом европейского человечества¹, а значит, и созданной им всемирной истории.

Понятно, что обсуждение особенности, уникальности европейской культуры (философии), предполагает тематизацию того, что является *общим* для всех культур (философий), где самые значимые черты заданы **ДЕМАРКАЦИЕЙ ОТ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**. Речь пойдет, конечно, не о концептуальном сравнении философии с мифологией и религией, а лишь об отличии первых философий (греческой, индийской и китайской) от мифологий и религий «доосевого времени», т. е. языческих религий (иудаизм здесь не подразумевается). Представляется естественным ограничиться для сравнения с греческой культурой лишь самыми мощными мифологическими системами, из которых «родились» философии, а именно – индийской и китайской. Сразу надо подчеркнуть, что оценка европейской культуры как уникальной и **УНИВЕРСАЛЬНОЙ** несколько не оскорбительна по отношению к иным уникальным культурам, и здесь это вовсе не этикетная формула современной политкорректности, но объективное положение дел.

ДЕМАРКАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ОТ МИФОЛОГИИ

Прямым предметом нашего интереса является не индийская или китайская, а европейская культура, которая конституирована философией, потому предварительная задача исследования несколько сужается. Можно ограничиться сравнением не культур, а главным образом

¹ Э. Гуссерль в работах «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», «Кризис европейского человечества и философия» утверждает, что причиной кризиса европейской культуры является свойственная науке объективация результатов творчества, отчуждающая их от человека, из-за чего история технической цивилизации лишается человеческих смыслов.

философий. В этом сравнении я опираюсь на анализ, проделанный М.Б. Туровским¹.

Прежде всего следует подчеркнуть, что все эти философии, с одной стороны, преемственны мифологии и религии, с другой стороны, отличаются от них. Основным является отличие СПОСОБОВ ОБЪЕКТИВАЦИИ в религии и философии. Это действительно самое фундаментальное различие: ведь человек всегда считал знание своей главной духовной силой. Её содержание состояло в поразительной способности человека преобразовывать объект в соответствии со своими целями, т. е. — в возможности объективировать знание (воплотить в объекте). Хотя всякое знание происходит из опыта, но непосредственно из него не удастся получить обобщенное знание, потому что опыт всегда есть конкретно-деятельное отношение человека к объекту. Так что трудность получения знаний для человека составляет не само по себе добытие эмпирического опыта, а задача обобщить и структурировать этот опыт, т. е. придать его результатам *всеобщее* и необходимое значение. Но последнее оказывается возможным, если объекты человеческих воздействий представлены не непосредственно чувственно, а ОПОСРЕДСТВОВАННО, в виде системы способов их преобразования (т. е. в виде системы знания), соответствующих полагаемой человеком цели.

Философия сразу зафиксировала различие двух видов знания. Одно знание — привычное повседневное, опирающееся на традицию, авторитет, веру, и другое знание — рефлексивное, с системой доказательств, истинность которого обеспечена методом его *конструирования*. Главная забота философии — критерий объективности, или *истинность*, и метод ее достижения философия находит в диалектике, в логике. Итак, главное отличие состоит в том, что в религии и философии существуют *разные формы* отчуждения или объективации, выраженные различной укорененностью человеческих объяснений себя и мира: для философии — в самих объясняемых объектах, а для религии — в действиях творца. Естественно, речь не идет о восприятии религии верующим человеком, для которого она вовсе не является каким-либо «способом объяснения» мира, но о религии как одной из форм знания. Пред-

¹ Туровский М.Б. Лекции по истории философии (личный архив С.В. Туровской; лекции готовятся к публикации).

ложенное выше понимание философии, например отчетливо выраженное в немецкой классической философии, в марксизме, означает: человек не осваивает мир в той мере, в которой он его познает, а наоборот — познает мир в той мере, в которой его осваивает. Правда, из этого не обязательно следует слишком резкий и, по-моему, неоправданно сужающий проблему вывод, что познание есть всего лишь функция деятельностного освоения мира, но возможен и противоположный по своему пафосу и даже более радикальный вывод экзистенциализма: *само познание и есть существование*.

И последнее, что следует отметить по поводу демаркации мифологии и философии. Если мифология не различает общества и природы (ведь для мифологичных мир — это и есть миф, т. е. мир культуры), то для философии существует методологическая граница между объективным знанием и повседневным, соответственно — между миром по истине (как скажут в Новое время — природой) и миром по мнению (миром культурных предметов) в этом смысле философия, породив новое знание — о мире как объекте, — тем самым автоматически осуществляет рефлексии на культуру и *тематизацию* культуры. Однако получается, что по отношению к привычному для нас положению вещей ситуация оказывается перевернутой. Мифология, воспринимающая весь мир как культуру (т. е. не знающая культуры), естественно *антропоцентрична*: ведь именно человек является центром культуры. А философия (особенно античная), различающая мир как объект и как культуру, оказывается *космоцентрична*: она, конечно, тоже обращается к человеку, но исходя из понимания Космоса.

УНИКАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИЙ И КУЛЬТУР «ПОСТОСЕВОВОГО» ВРЕМЕНИ

Возникновение всех философий, с одной стороны, есть рождение радикально нового, индивидуального самосознания (тематизированного открытостью человека), с другой стороны, является плодом преемственного переосмысления мифологической картины мира. Но эта преемственность философии относительно мифологии КОЛИЧЕСТВЕННО наиболее контрастно выражена для ИНДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ. Последняя предлагает ответы на вопросы

о мироустройстве, заданные в Ведах и оставленные там без ответа; осуществляет переосмысление Брахмана в качестве уже не личности, а безличного мирового разума и т. д. Логика в индийском пятичленном силлогизме выводит не на конструирование Космоса, как аристотелевский трехчленный силлогизм, а на повседневность. Теория познания в составе индийских философских систем обсуждает отнюдь не имманентную причинную логику миростроения, но как раз возможность для индивида освободиться от причинных зависимостей. Человеческий ИНДИВИД в качестве главного героя индийской философии оказался рубежным существом между безысходным миром земных страданий и миром освобождения. И не случайно мир освобождения не стал центром внимания индийских философов: он так и остался символом надежды для человека в его борьбе против мира нужды, страданий и зла. Тем самым индийская философия, в отличие от греческой, не пытается выступить основой культуры, а принимает необходимость опоры своей культуры на мифологическую традицию.

Основной предмет интереса **КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ** – это мир человеческой культуры. Соответственно, субъект китайской философии не индивид, но **НАРОД**. Подчеркнуто культурологический характер китайской философии выражается также в том, что мир, который ею объясняется, есть мир Поднебесной, т. е. китайского государства. Вторая особенность китайской философии – это ее сравнительно **МАЛАЯ СТЕПЕНЬ** преемственности по отношению к мифологии. Лидеры философских концепций лишены мифологического ореола, это учителя, выполняющие высокие гражданские обязанности в качестве государственных чиновников. Следствием такой культурологической направленности китайской философии являлось ее относительное равнодушие к космологическим проблемам. Вот почему Китай – страна древнейшей системы традиций – не знала ни религии, ни культа Неба. Именно слабая зависимость китайской философии и культуры от мифологии определила бесконфликтную преемственность этой культуры по отношению к своей мифологической предыстории, и фундаментальной силой в такой преемственности выступает **ТРАДИЦИЯ**. Тем самым, другим способом получен тот же результат, что и в индийской культурной традиции: рождение философского

знания не прерывает *непосредственной* преемственности китайской культуры (сложившейся после Осевого времени) со своей мифологической предысторией.

В отличие от великих восточных философий, ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ открыто заявила о своей оппозиции к мифологии. Так, знаменитый Гераклит Эфесский в одном из сохранившихся фрагментов заявлял: «Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора...», и «Гомер... заслуживал того, чтобы его выгнали с [поэтических] состязаний и высекли...»¹. Эти высказывания, в контексте безусловной авторитетности для древнегреческого общества гомеровского эпоса и поэм Гесиода, выражают открытое и *намеренное ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ* философии мифологической традиции, которая составляла основу античной религии. Забегая вперед, подчеркнем, что именно такая жесткая оппозиция и определила буквально беспрецедентную *зависимость* (ведь преследователи, по словам Ницше, — лучшие последователи) европейской культурной традиции от своей мифологической предыстории. Эта зависимость, выраженная, например, в концепции естественного света разума, по-настоящему начинает преодолеваться только с возникновением науки. Конечно, противостояние мифу для первых греческих философов является, скорее, декларацией; естественно, античная философия в значительной мере есть (по выражению А.Ф. Лосева) диалектика мифа; и грандиозный культурный проект возрождения мифологии реализован неоплатониками. Но все это как раз и является, по-моему, показателем напряженных взаимоотношений философии с мифологией.

НЕОБРАТИМАЯ СВЯЗЬ УНИКАЛЬНОСТИ И УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Первые греческие философы включили в обсуждение совершенно новую проблему — проблему естественной имманентной устроенности мира, понятого как Космос. Индийская и китайская философии следовали в своем миропонимании мифологической традиции: Веды как источники философствования в Индии, Небо как принцип философских конструкций в Китае. Греки же подчеркнуто противопоставили

¹ Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. I. С. 176.

философские воззрения на устройство Космоса предшествующей мифологической традиции. В этом смысле можно сказать, что первые греческие философы заново ИЗОБРЕЛИ ВСЕЛЕННУЮ как место обитания человеческого рода. Тем самым философия как бы переоформила культуру на себя – выступила основанием, конституирующим культуру.

В отличие от античной, индийская и китайская культуры, предпочли опереться не на основание, которое все время переконструируется человеком, а на свою традиционную «предысторию». Потому там в принципе невозможен культурный феномен, подобный европейской философии. Рискованность такого поступка греческой философии – обосновать культуру на конструирующей способности человека – греки оценили довольно быстро, что стало одной из причин казни Сократа. Европейская культура изначально в своей основе содержит уникальную форму преемственности традиции, предполагающую постоянное возвращение к собственному началу и его переконструирование. Конечно, такую форму преемственности искусственно привила европейской культуре философия, но их судьбы теперь оказались *неразрывны*. Про европейскую культуру даже нельзя сказать, что она породила философию, поскольку эта культура сама конституирована философией.

Правда, последний полемически заостренный тезис теряет свою однозначность, если вспомнить, что во всякой культуре есть, метафорически выражаясь, два слоя (в реальности они перемешаны): архаичный – как бы «мифологический», наследуемый от традиции, и слой, прививаемый инициацией посредством образования, предполагающий индивидуальную инициативу (в личной жизни человека этому соответствуют периоды детства и зрелости). Однако второй культурный слой, о котором сейчас и идет речь, вовсе не является *надстройкой* к традиционному базису. Ведь любая культура в первую очередь культивирует открытость человека. Человек, в отличие от остальных живых существ, еще не обретает своего места в мире простым фактом рождения. Особенность человека, пишет Л.С. Черняк, в том, что он является открытым существом – существом, к которому всё окружающее его обращается с призывом к пониманию: «я – камень,

я – дерево у дороги, или я – твой Бог»¹. Миф выдает себя за первичный язык вещей, потому экспрессивность освоенного мира не предполагает никаких ответных усилий со стороны человека. Начиная с Осевого времени², с рождения философии, человек – это существо, осознающее себя не только адресатом, к которому обращается мир (природа, общество), но и ответственным за организацию культурного опосредствования, обеспечивающего возможность этого обращения. Человек становится ответственным за овладение, с помощью образования, культурным опосредствованием, необходимым для того, чтобы включиться в свою культуру (традицию). Однако только в европейской философии (культуре) человек осознает и ТЕМАТИЗИРУЕТ эту свою ответственность за собственную детерминацию через иное.

Понимание человеком себя (а значит – своей культуры и своего места в мире) неодинаково в разных культурах. Если в Индии и Китае эпицентром философствования выступала *судьба человека*, то в античной философии проблема человеческой жизни (а вместе с тем проблемы культуры) обсуждалась как подробность космического миропорядка, чем европейской философии и был задан космизм в рассмотрении проблем первооснов бытия. Индийские философы, в отличие от Парменида, считали, что невозможно наделить Брахмана как подлинное бытие (так они поняли лежащий радикально за пределами мысли предмет мысли) атрибутами единства и неподвижности. Брахман индуизма был истолкован как некоторая неопределенная ментальная реальность мира (предельно внемысленный предмет мысли, который совпадает с самой мыслью). Но тогда эта НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ выносила понятие Брахмана за пределы дискурсивного объяснения – в область мифологической интуиции. В истории индийской культуры начала мистицизма выступали своего рода дополнением к философским концепциям.

Избранный индийской философией путь признания неопределенности бытия был отвергнут античной философией в силу того, что она

¹ Черняк Л.С. Рациональность культуры // Теоретическая культурология М., 2005. С. 21.

² В Осевое время появляются еврейские пророки, возникают мировые религии, складываются конфуцианство, буддизм, даосизм, греческая философия. См.: Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. М., 1994.

настаивала на благоустроенной космичности (упорядоченности, определенности) мира. Преобладание космизма, как я полагаю, определило не только важнейшее преимущество (о чем речь ниже), но и ограниченность европейской философии. Ее недостатком, по-моему, является то, что античная философия с момента своего рождения была почти лишена интуиции качественной бесконечности, что и обусловило одну из особенностей дальнейшей истории европейской философии и культуры — это философия (культура), сконцентрированная на тематизации границы как разделяющей дистанции и как связи. Потому парадоксальным образом, будучи собственно и в полном смысле слова ОТКРЫТОЙ философией (культурой), вместе с тем это философия ОПРЕДЕЛЕНИЯ. Метафорически выражаясь, ей свойственна некоторая поспешная формализация¹ — желание удобно обустроиться в границах (по-моему, в принципе невозможно сказать — хорошо это или плохо), естественно, ею же положенных границах, и во многом именно поэтому европейская культура² оказалась лидером в развитии цивилизаций.

Расплата за лидерство выражена в том, что творчество (а значит, и трансцендентное) не умещаются в повседневность в качестве образа жизни. Творчество понимается как разрушение границ, неважно — с природой или обществом (в этом смысле как экстаз), и потому трансцендентное — а значит, и «свобода-для» (качественная бесконечность) — все время оказывается как бы за пределами границы. Восток, как мы отмечали, избрал иной путь: например, индуизм оставил актуальную бесконечность в мире освобождения, в активности покоя нирваны (в мире надежды), не включив ее в интересы философии.

¹ Если брать социальный аспект, то формализация на Западе представлена как формальная система прав, ограничивающих притязания общества на свободу индивида, а на классическом Востоке — формальной системой привилегий, ограничивающих свободу индивида и защищающих свободу общества. У нас же речь идет совершенно о другом — о необходимой и неизбежной объективации (отчуждении) результатов индивидуального творчества. Даже если считать, что это отчуждение везде одинаково, то для Индии или Китая, где традиция, а не рациональная философия является опорой культуры, это не столь критично.

² Как ни странно, но это же является одной из причин, обусловивших ситуацию, в которой греческая философия, оставшая на два-три столетия от индийской и китайской философий (и несмотря на множество заимствований из них), представляет самое концентрированное выражение философии, ее квинтэссенцию.

При этом было бы заблуждением утверждение, что они предпочитают рационализму практики медитации. В буддийской философии-религии предлагается несколько путей освобождения. Можно каждый день читать Махабхарату (рецитация), и через несколько лет неожиданно, как бы без усилий открывается целостный смысл религии; можно достичь того же – через веру. Но главным считается путь освобождения через *познание*, и в этом смысле буддисты более рациональны, чем даже европейцы.

Индийская или китайская философия (культура, человек), конечно, иная, чем европейская философия (культура, человек), но эти культуры так же уникальны, как и европейская. Только индийская (китайская) культура, в отличие от европейской, не универсальна (или, что то же самое, не тематизирует свою открытость). Однако универсальной может быть лишь *одна* из культур. Эта «должность» (быть универсальной), которую сама взяла на себя европейская культура, вовсе не освобождает от человеческого горя, беспросветности и зла. Европейское отчуждение человеком своей человеческой сущности вовсе не слаще, чем индийское (китайское) отчуждение. Скорее – горше, и как раз в силу универсальности европейской культуры. И ее ответственность за несуразицу в мировой истории также больше.

Никакая другая культура и не претендует на должность универсальной культуры. Например, некоторые представители исламской культуры утверждают, что ислам – это Третий Завет, и он должен быть принят всеми людьми, или что исламская культура (и религия) должна стать единственной общемировой. Однако они вовсе не хотят, чтобы исламская культура стала, наподобие европейской культуры, универсальной, открытой, но хотят (естественно, желая всем только добра), чтобы их особенная культура и стала общемировой. Резонно выдвинуть предположение, что современный кризис самоидентичности европейской культуры можно понять как отказ современной европейской философии и культуры выполнять роль универсальной (открытой). Однако и призыв «назад к европоцентризму» (который я разделяю) вовсе не должен бы вызвать у европейцев (понявших, какие им вменяются обязанности) радостного энтузиазма, просто им деваться некуда.

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ
ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ

Универсальность европейской философии (и культуры) предопределена как раз ее главным преимуществом, выраженным перманентным переконструированием своего начала. А ее уникальность, представленная исходным космическим онтологизмом, парадоксальным образом определила радикальную *субъективность* этой философии, что, в свою очередь, задало прогресс в понятии свободы.

В греческой философии сразу были заданы две конкурирующие логики объяснения мира: «саморазвивающийся» Логос Гераклита и неподвижное Единое Парменида. Нам сейчас принципиально важно, что оба эти логические варианта объединяло то, что мышление в них представлено преимущественно как способность КОНСТРУИРОВАНИЯ, а отнюдь не как *отражение* действительности. Наоборот, в качестве отражения выступало повседневное чувственное познание, т. е., по Пармениду, познание как докса, как мнение. Последующие философы как раз и обратились к конструированию мира. Именно конструирование стало рассматриваться в качестве способности, культивируемой античной философией. Причем данная способность выступила под видом КОСМИЧЕСКОЙ СИЛЫ разума, не описывающей, а конструирующей мир. Эта активная мощь разума составляет одно из самых существенных отличий древнегреческой философии от древнеиндийской и древнекитайской, которые видели свою задачу именно в описании мира. Напомню, что хотя я несу полную ответственность за предложенный выше сравнительный анализ философий и культур, этот анализ полностью опирается на идеи М.Б. Туровского.

Несмотря на то что философия породила новую форму организации знания — конструирование (а диалектику как метод конструирования разработал уже Платон), при этом сам античный разум понимал себя в качестве созерцания, воспроизведения. Причем речь идет не только о повседневном знании. Например, с одной стороны, в платоновском понимании эйдоса переворачиваются привычные для нас отношения между вещами и знанием о них: эйдосы, как реальное бытие априорных (врожденных, доопытных) форм сознания, задают принципы конструирования (гипотезы) из меона (это мягкое отри-

вание — небытие как греческий аналог новоевропейской материи) вещей. С другой стороны, в «Тимее», конструируя Космос¹ из геометрических атомов, Платон отдает полновесную дань и воспроизведению: Ум ПОДРАЖАЕТ Единому, Душа — Уму, а Космос — Душе (соответственно, вещи — эйдосам). Эта же концепция представлена в платоновской трактовке знания как припоминания эйдосов.

Дело не в том, что наряду с конструированием соприсутствует и воспроизведение. Это как раз само собой подразумевается, ведь конструирование и воспроизведение, выражающие в знании ипостаси субъективности человека (соответственно — субъектность мысли и субъектность иного), являются обязательными предпосылками друг для друга. Дело в том, что знание-воспроизведение (значит, и субъектность иного) доминирует не только в мировоззренческой картине мира, но и в *форме организации* знания. Вообще мимесис (подражание) как форма воспроизведения полностью господствует в античной картине мира (знания)².

И такое понимание себя разумом вовсе не безобидно, поскольку (как обнаружилось позже, уже в Новое время, а явно — в современной философии) КАК РАЗУМ СЕБЯ ПОНИМАЕТ, ТАКОВ ОН И ЕСТЬ, так он и действует в освоении мира и выстраивании общения и социума³. На протяжении всего огромного периода от возникновения философии до Нового времени предполагалось, что разум обладает некоторой неизменной *конститутивной инвариантностью* и просто понимает себя по-разному. И такая инварианта гарантирована изна-

¹ Просто замечательная инверсия: полную волю своему конструированию Платон дает там, где конструирование осуществляется от лица Демиурга (иного), т.е. не на стороне субъектности мысли, а на стороне субъектности иного, где должно бы доминировать знание-воспроизведение. Еще более удивительно, что в превращенном виде это повторяется у Канта, который использует термин «конструирование» только как конструирование понятий в математике, моделирующей варианты возможного творения мира, а синтез, осуществляемый трансцендентальным единством апперцепции, или способностью суждения (в умозаключениях), т.е. — от лица субъектности мысли, он не называет конструированием.

² См., например: *Лосев А.Ф.* Подражание (mimesis) // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1994. Кн. 2. С. 56–75.

³ Собственно, именно это обстоятельство в первую очередь и позволяет настаивать на самодостаточности и фундаментальности «второго слоя» культуры, прививаемого воспитанием и образованием.

чальным средством разума и мира (Космоса) – естественным средством, обеспечивающим ПРЕД-ПОНИМАНИЕ. Благодаря последнему, в знании продолжало доминировать воспроизведение. И также благодаря этому в живом мире людей звучали, по образному выражению Л.С. Черняка¹, «голоса бессмертных»: в живом и благоприятно расположенном к человеку мире ходили гордые люди, а на дорогах чаще можно было встретить богов, чем людей.

Только расставание в философии Нового времени (по-настоящему начиная с Канта) с концепцией Естественного света разума (с унаследованной еще от античности идеей средства мысли и Космоса) обеспечило автономию и доминирование знания-конструирования. Потому идея универсальности европейской культуры сразу была тематизирована (в явном виде у Гегеля) следующим образом. Представление о природе может быть сформулировано только культурой, только в ней возможно единство, целостность природы. В этом смысле культура обязательно *универсальна* и единственна, и таковой является европейская культура. Понятно, что универсальность предполагает и обыденное значение, подсказываемое здравым смыслом, – универсальная мера, позволяющая соотносить любые другие культуры. Осознание европейской культурой своей универсальности означает нарочитую тематизацию своей открытости, а ее открытость другим культурам обусловлена ее изначальной ОТКРЫТОСТЬЮ к ИНОМУ. Это специфически европейское прочтение свободы или самодетерминации как *открытости* радикально ВНЕкультурным (природным и сакральным) детерминациям².

Причем эта открытость к иному была сразу гиперболизирована, как бы заявлена с «перебором», выраженным античным космизмом. *Уникальность* европейской культуры заключается в том, что своим космизмом она незамедлительно задала тематизацию и приоритет субъектности иного (а не субъектности мысли) в составе субъективности человека. И не вполне понятно, что здесь означает «перебор», ведь как раз чем больше «степень» инаковости (суверенности иного),

¹ См.: *Леон Черняк*. Март 2006. Метафизические размышления о природе антисемитизма ... www.machanaim.org/.../antisemitism2.htm.

² См.: *Черняк Л.С.* Внеаходимость в диалогике: самодетерминация мысли и детерминации внемысленные // Владимир Соломонович Библер. М., 2009. С. 10–128.

тем более близко и интимно иное представляет мою внутреннюю сущность. Хотя в субъективности человека субъектность иного и субъектность мысли представляют ее неслиянные и нераздельные ипостаси, но изначальное *доминирование* субъектности иного, по-моему, плодотворно. Если апеллировать к религиозному сознанию, то потому, что божественное в человеке важнее, чем человеческое, а если оглядываться на диалогическую философию — потому, что «ты» в человеке важнее, чем «я». Полагаю, что именно по этой причине античная культура смогла вступить в столь плодотворный альянс с иудаизмом — альянс, который в составе христианства обернулся нескончаемыми попытками синтеза Афин и Иерусалима.

Важно подчеркнуть, что именно преимущества европейской культуры (философии) обусловили и ее ограниченность, ее «недостатки», поэтому многие из них (здесь нет возможности конкретизировать) вовсе не следует изживать, а в каком-то смысле даже наоборот — надо сознательно к ним вернуться. Главное — восстановить приоритетность иного в составе субъективности человека. Другими словами, эти «изъяны» являются не просто неизлечимыми для европейской культуры, но их в принципе нельзя залечивать, поскольку тогда она перестанет быть самой собой, исчезнет.

Возможно ли это? Видимо, да. Универсализм европейской культуры вовсе не является гарантией ее «бессмертия»: ведь европейская культура так же уникальна, а значит, конечна, как и любая другая культура. Восстановление универсальности, открытости европейской культуры (поставленной под вопрос современным кризисом культуры) является, вообще говоря, не радостным выздоровлением, а возвращением к тяжким обязанностям. Открытость (универсальность) не полагается один раз и навсегда, но ее надо постоянно воспроизводить, причем так, как будто все еще только начинается. Вместе с тем именно оттого, что универсальность европейской культуры обеспечивает возможность самоидентичности, а значит — *множественность* других уникальных культур, постоянное воспроизведение своей открытости является обязанностью европейской культуры не только перед самой собой, но и перед другими культурами. Главная проблема в том, что дело не столько в оппозиции универсальности (выражающей всеобщее) европейской и уникальности (представляющей особенное) иных

культур, сколько в оппозиции этих составляющих ВНУТРИ самой европейской культуры.

*ОППОЗИЦИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО
И УНИКАЛЬНОГО КАК ГЛОБАЛЬНОГО
И НАЦИОНАЛЬНОГО*

Глобализация является нацеленным в будущее проектом европейской культуры, заложенным еще в ее античном истоке. Первоначально национальные культуры¹ выступали важным этапом этого проекта, ведь они – продукт не коллективного, а индивидуального творчества (в их истоке – имена выдающихся писателей, художников, мыслителей), обязательно несущего на себе печать авторства. Национальные культуры предполагают некоторый всеобщий эквивалент (хранящийся в библиотеках и музеях) и форму культурного единства, требующую не группового, а индивидуального участия в нем. В границах этого единства люди осознают себя не этнически однородной массой, а автономными единицами, обладающими индивидуальным самосознанием и свободой выбора. Таким образом, глобализация, обращенная в *будущее*, может быть обоснована только индивидуальностью *настоящего*. И лишь вместе «всеобщее» и «единичное» порождают национальное как особенное, которое изначально обращено в *прошлое*. Получается, что в культуре имеет место последовательность, обратная хронологической: сначала будущее (всеобщее) и настоящее (единичное), а затем – прошлое (особенное). Причем глобализация и индивидуализация в истории культуры являются делом рук, ума, сердца человека, и именно европейского человека.

Во второй половине XX века отчетливо проявились процессы, казалось бы оставшиеся за чертой Нового времени с его универсализацией и интеграцией мировой культуры. А.Л. Доброхотов пишет: «Вместо того чтобы осуществлять утопическую мечту рационалистов XVI–XVII вв. о сверхнациональном и сверхрелигиозном сообществе преобразователей природы, которая казалась такой реальной уже в конце XIX в., европейская культура разбилась на два потока. ... Один

¹ См.: *Межуев В.М.* Национальная культура // Теоретическая культурология. М., 2005. С. 470–476.

поток вел к созданию планетарной техники, мировой системы коммуникаций, транснациональной экономики, другой — к «истокам», к углублению в национальные традиции, региональные культуры и т.д. Общими у этих потоков были разве что торопливая интенсивность и взаимная непримиримость. ... Партия, если так можно выразиться, «культурного интеграла» достигала своих идеалов ценой превращения личности в атомизированный объект, легко поддающийся манипуляциям извне; партия «культурного дифференциала» превращала личность в частицу органической массы, чем бы она ни признавалась — родом, общиной, нацией, — и тем самым делала личность столь же беззащитной перед активизмом любого самозванного «пастыря», сколь беззащитна она перед безличным механизмом планетарной цивилизации»¹. Две мировых войны были обусловлены в первую очередь все той же драмой раздвоившихся путей европейской цивилизации. И сейчас из этого же живучего корня вырастают все новые и новые конфликты, которые проявляют удивительную способность к мутациям и экспансии.

Нерешенность в современной европейской культуре проблемы *взаимоотношения* ее универсальности и уникальности непосредственно отражается на иных культурах. Следствием этого является НЕПРИМИМОСТЬ оппозиции евро-американского глобализма, который может себе позволить жить преимущественно во времени, поскольку пространство для него практически не имеет значения, и локальных общностей, которые обитают в основном в пространстве, пытаясь изо всех своих национальных и конфессиональных сил сделать его значимым. В.Ж. Келле обращает внимание², что хотя глобализация имеет большую предысторию, но впервые о ней заговорили в связи с военными, демографическими и экологическими угрозами, а новый импульс к развитию этой темы дали информационные технологии. Глобализация обострила взаимоотношения евро-американской цивилизации с развивающимся миром из-за противоречий как раз с местной духовной культурой и элитой. Поскольку на первом плане оказываются

¹ *Доброхотов А.Л.* О предмете культурологи // От философии жизни к философии культуры. СПб., 2001. С. 18.

² *Келле В.Ж.* Процессы глобализации и динамика культуры // Культура и культурология: тенденции и проблемы М., 2002. С 36–38.

информационные технологии постиндустриального общества знания, постольку акцент невольно смещается на универсальность обесчеловеченной интеллектуальной составляющей, а *культурные корни* (духовные предпосылки – в первую очередь осознание радикальной конечности человека) глобализации становятся неразличимыми. Компрессия пространства и времени привела к встрече не зрелых и оформившихся культур, способных к диалогу, а к столкновению исторически сложившихся ментальностей с информационными технологиями, которые выступили как представляющие не столько европейскую культуру, сколько некую универсальную надындивидуальную ментальность. Между различными ментальностями тоже возможна какая-то «ментальная интуиция понимания», но тут более характерно как раз отчуждение как непонимание.

Получается, что источник конфликта – в нерешенности взаимоотношений всеобщего и особенного внутри европейской культуры. Причем выражающие «всеобщее» глобализм, рационализм, наука и представляющие «особенное» национализм, романтизм, искусство наладить отношения между собой сами не могут в принципе. Ведь связать будущее и прошлое может ТОЛЬКО НАСТОЯЩЕЕ – единичное (индивид). Именно в этом, по-моему, суть активно обсуждаемой в последние годы В.Ж. Келле¹ проблемы взаимоотношения интеллектуальной и духовной ипостасей и в культуре и в человеке. Однако отношение ипостасей субъектности иного и субъектности мысли в субъективности человека задает взаимодействие человека как субъекта культуры с радикально внекультурным иным – сакральными и природными детерминантами субъективности. Это классическая проблематика новоевропейской философии: как соотносятся человеческое сознание и объективные законы природы (биосферы). Только теперь уже речь идет не о гносеологической оппозиции субъекта и объекта или о предпосланном тождестве мышления и бытия, но о соотношении *темпоральности* сознания (или существования человека) и *эволюции* биосферы, или – соотношении времени личностного существования (экзистенции) человека и времени природы.

¹ См., например: *Келле В.Ж.* Культура и свобода. Культура как предметное бытие свободы // Философский журнал. 2008. № 1; *Келле В.Ж.* Духовная и интеллектуальная составляющие культуры // Вопросы философии. 2005. № 10. С. 38–54.

Для экзистенциализма определением человека является не его разумность (рациональность), а его открытость перед миром (заброшенность), и непосредственно для *открытости существования* человека мир чужд. Мир не был предуготован человеку. М. Хайдеггер считал, что мир как целое есть Ничто или Ужас. Потому полагание границы (опосредствования) между миром и человеком, а значит, ограниченности (и открытости) человека, является обязательной характеристикой существования. «И тогда, — говорил М.Б. Туровский, — если таким образом размышлять, то возникает подозрение: а что, так уж скверно — ужас? Или немного ужаса — совершенно необходимая добавка в существование?!»¹ Разумность человека не решает коллизию космической упорядоченности универсума и обреченности индивида случаю, а наоборот, обостряет эту коллизию, что проявляется в проектировании (объективации) разумной силы человека (Логос, Нус, Космический Ум) на универсум. Однако единичность не только не противостоит опосредствованию (всеобщему), но является его выражением, концентрацией. Поскольку единичное — это *замкнутое на себя опосредствование*, постольку противопоставление всеобщего и единичного является лишь ИЛЛЮЗИЕЙ гносеологического формализма, выражающей противопоставление человека Космосу как вещи в себе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для современной манеры теоретизирования сознание является не особенностью душевной субстанции, но свойством существования или бытия человека. Туровский следующим образом характеризует данную манеру теоретизирования. «В этом отношении сознание действует бытийственно: оно непрерывно изменяет объект и именно в этом воспроизводит его бытие как непрерывную изменчивость. ... Только эта представленность сознания в непрерывности бытия может дать нам понимание необходимости сознания в существовании человека. С помощью сознания как одного из способов своего существования человек встраивается в процесс бытия и сам регулирует синхронность

¹ Философское обоснование истории культурологии (методологический семинар). М., 1993. С. 111.

этого процесса. Именно такая синхронность сознания и бытия и является *пониманием*. Иными словами, понятие времени переводит бытие в процесс. В аспекте этого перевода факт бытия предстает как событие. Самый термин со-бытие подчеркивает, что бытие как время не предстает сознанию в качестве некоей завершенности, но складывается, конструируется и тем образует узел в непрерывности бытия. С точки зрения временного характера сознания оно (сознание) и есть способ человеческого творения бытия»¹.

Предложенное Туровским новое понимание знания-конструирования предполагает и новую трактовку знания-воспроизведения. Более того, представляется, что необходимо, оставаясь в заданной новоевропейской культурой парадигме *доминирования конструирования* в знании, восстановить характерную для европейской традиции ПРИОРИТЕТНОСТЬ субъектности иного (а значит, знания-воспроизведения) в субъективности человека. Видимо, без этого невозможно возобновить взаимосвязь универсальности (открытости) и уникальности европейской культуры. В данном отношении европейской культуре нужны другие культуры, и не меньше, чем она им. Марк Борисович Туровский иногда использовал оборот: истину не находят, это не гриб, истину — конструируют. Это очень справедливо для европейской философии (культуры). Но так же ли верен подобный тезис для других философий (культур) и, главное, является ли он безоговорочно однозначным для самой европейской философии (культуры)? Видимо, истину и конструируют и находят (воспроизводят, созерцают), причем одно невозможно без другого. Однако вторая позиция (воспроизведение) более характерна как раз для традиционного Востока (а раньше и для языческой Античности). Потому интерес Запада к Востоку является не модой, а жизненной необходимостью. Хотя решить такую задачу, конечно, может и должна только сама европейская культура.

¹ Туровский М.Б. Проблема сознания // Логос живого и герменевтика телесности. М., 2005. С. 21–22.

Ю.Д. Гранин

*ФОРМИРОВАНИЕ
«ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ»:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Каждому воздастся по делам его... Еще недавно полосы многих, в том числе и уважаемых, изданий были переполнены статьями, авторы которых, молясь новым Богам, сводили счеты со своей старой философской совестью. Им вторили вчерашние марксисты-экономисты — «чикагские мальчики», с комсомольским задором предлагавшие освободить науку (сиречь экономику) от идеологического диктата философии. «Общим местом» этих писаний была квалификация советского этапа отечественной философии в качестве «интеллектуального провала»: «шага назад» не только от русской философской мысли первой трети XX столетия, но и от западноевропейской марксистской традиции, в рамках которой А. Альтюссер, А. Грамши, Р. Гароди, Д. Лукач, Э. Фромм и другие создавали свои оригинальные концепции. Советские же философы, писали, далее «догматического теоретизирования», будто бы, не пошли. Однако реальная история советской философии имеет мало общего с этими инсинуациями. Г.С. Батищев, И.Г. Блауберг, А.Ф. Грязнов, А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, Б.М. Кедров, М.К. Мамардашвили, И.Т. Фролов, В.С. Швырев, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин и многие другие выдвинули ряд плодотворных идей и концептов, оказавших значительное влияние на развитие современной философской мысли. Имя Владислава Жановича Келле в ряду выдающихся отечественных философов стоит одним из первых.

Еще в 1960-е гг., когда в нашей философии начались дискуссии об азиатском способе производства, соотношении логического и исторического в познании социальной реальности, В.Ж. Келле внес большой вклад в развитие теории общественно-экономических формаций.

Позже, отдавая дань формационному подходу, он плодотворно работал в сфере проблематики концепций мировых и локальных цивилизаций, социокультурного контекста существования и эволюции науки, а в последние годы — в области глобалистики, связывая перспективы глобализации человечества с развитием межцивилизационных отношений и принципов гуманизма. Некоторые идеи В.Ж. Келле о взаимодействии и эволюции культур в контексте современной глобализации положены в основу настоящей статьи.

* * *

Будучи всемирно-исторической тенденцией к объединению человечества, феноменологически глобализация представляет собой совокупность процессов изменения пространственно-временных характеристик (увеличения скорости, масштабов, «уплотнения» либо «сжатия») и порядка («новый мировой порядок») экономических, политических, культурных и иных взаимодействий между народами и государствами. Начиная со второй половины XX века эти взаимодействия и сопутствующая им интеграция обрели ярко выраженный системный характер. Под воздействием финансово-экономической, политической и социокультурной глобализации, считают многие, эрозии подвергается духовная скрепа наций и национальных государств — «национальное самосознание» образующих их народов, основой которого была и остается «национальная идентичность» каждого из нас. Налицо, пишут, «глобальный кризис» традиционных, прежде всего национальных, идентичностей. Из-за «прозрачности» границ и роста миграционных потоков, способствовавших образованию в пределах национальных государств инокультурных диаспор, не желающих интегрироваться в национальную культуру и овладеть национальным самосознанием, почти повсеместно, отмечает Самюэль Хантингтон, идет процесс «фрагментации национальной идентичности», которой «пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным»¹.

Способна ли, под воздействием символического насилия современной евро-атлантической формы глобализации, выстоять и сохраниться национальная идентичность большинства народов планеты?

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 36.

Или она будет утрачена и заменена культурными и политическими идентичностями более высокого – «глобального», «общеевропейского», «регионального» и другого – порядка? В значительной мере содержание ответов на эти и связанные с ними вопросы зависит от смыслов, которыми обременены понятия «идентичность» и «идентификация».

* * *

В специальной литературе существует множество типологий и классификаций идентичности. Их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные» и «негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». Самыми фундаментальными признаются расовые, этнические, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями людей. Но что собой представляет идентичность и процедура идентификации «как таковые»? Какое содержание вкладывают современные исследователи в понятия «идентичность» и «идентификация»?

Понятие «идентификация» впервые, в 1921 году, было введено в научный оборот Зигмундом Фрейдом в работе «Психология масс и анализ человеческого Я», где, солидаризуясь с Ле Боном, основоположник психоанализа утверждал, что каждый индивид есть частица множества «масс», связанных посредством сети идентификаций. Поэтому человек строит свой идеал «Я», руководствуясь множеством образцов и моделей поведения, которые он выбирает более или менее сознательно. Функция процесса идентификации, по Фрейду, двойственна. Во-первых, идентификация включена в процесс социализации человека. Во-вторых, она выполняет защитную (адаптивную) функцию. Разрыв идентичностей, даже их ослабление преобразует повседневное окружение человека в чужой, непонятный и враждебный мир. У человека создается впечатление, что он один перед лицом опасности, он превращается в антисоциальное существо, руководствующееся в поведении формулой «Каждый за себя!». Это состояние З. Фрейд назвал «психологической нищетой масс»¹.

¹ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Я и ОНО: Сочинения, М.: Харьков, 2001. С. 801–807.

В 1960-е гг. концепция идентичности получила всестороннее развитие в работах известного американского социального эго-психолога Э. Эриксона. В противоположность представлениям классического психоанализа об антагонизме личности и общества, Э. Эриксон особо подчеркивал адаптивный характер поведения индивида, центральным интегративным качеством которого и выступает идентичность. Он определяет это понятие как аспект самосознания, выраженный в чувстве органической принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, свойственному данной эпохе. Идентичность личности предполагает, следовательно, гармонию присущих ей идей, образов, ценностей и поступков с доминирующим в данный исторический период социально-психологическим образом человека, принятие ею социального бытия как своего¹.

Идентичность рассматривается Э. Эриксоном в двух аспектах. Во-первых, это «*Я-идентичность*», которая, в свою очередь, состоит из двух компонентов: «органического», т.е. данности человеку его физического внешнего облика и природных задатков, и «индивидуального» — осознания им собственной неповторимости, стремления к развитию и реализации собственных способностей и интересов. Во-вторых, это «*социальная идентичность*», которая также подразделяется на «групповую» и «психосоциальную». «Групповая идентичность» рассматривалась Э. Эриксоном как включенность личности в различные общности, подкрепленная субъективным ощущением внутреннего единства со своим социальным окружением. А «психосоциальная идентичность» — это то, что дает человеку ощущение значимости своего бытия в рамках данного социума и с точки зрения социума².

Здесь следует подчеркнуть один принципиальный момент: индивидуальная и групповая идентичность — это как две стороны одной медали, между ними нет непроходимой границы. Индивидуальная идентичность является видом групповой идентичности, существующей в голове индивида, а групповая — это сумма общепринятых норм и образцов, берущих начало в поведении отдельных людей. Не случайно

¹ Erikson E. Insight and Responsibility. N.Y., 1964. P. 203–204.

² Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things Selected Papers/Edited by S. Schlein. N.Y., 1995. P. 675–679.

поэтому понятие «идентичность» так широко используется и в социальной психологии (эгопсихологии), и в социологии (социальной антропологии, символическом интеракционизме), и в философии (феноменологии), и в этнологии, и в политических науках. Но вернемся к процессу идентификации, который довольно изменчив.

Стабильность идентификации обеспечивает способность человека достигать гармонического соотношения между собственным представлением о себе и представлениями других, между социальным и индивидуальным «Я». Однако эта способность может быть реализована лишь в процессе адаптации. И поскольку в ходе развития людей их идентичность «испытывается» реальностями изменяющегося внешнего мира, адаптация представляет собой крайне сложный процесс, не исключая психосоциального кризиса, который выражается в активном осмыслении своего места в мире, своих целей, стремлений и отношений с другими.

Кризис вызывают и у индивида, и у группы сходные реакции – фрустрацию, депрессию, агрессивность, внутренний конфликт. Тем не менее, по Э. Эриксону, психосоциальный кризис – неизбежный этап на пути саморазвития личности к обретению новой, более зрелой идентичности. Он же подчеркивал тесную связь кризиса идентичности с кризисами общественного развития. Как правило, кризис идентичности наступает тогда, когда (начинающийся под влиянием острого социального кризиса) распад идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее доминировавшей политической культуры, вынуждает людей искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в меняющемся социуме, связей с государством и окружающей социальной средой¹.

В контексте нашего исследования это обстоятельство имеет большое значение, позволяющее конкретизировать влияние глобализации на трансформацию этнических и национальных идентичностей, изменение их структуры. Дело в том, что в структуре идентичности наличествуют позитивные и негативные элементы. Формирование идентичности всегда сопровождается противоборством этих двух составляющих. В зависимости от силы общественных трансформаций

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. С. 340–351.

и социальных противоречий, вызываемых, в частности, наплывом инкультурных мигрантов, поглощением национальных компаний ТНК или иными последствиями современной глобализации, возможно возникновение ситуации, когда у значительных групп людей происходит *переструктурирование идентичности*: ее негативные элементы выходят на передний план – за пределы позитивной идентичности.

Известно, что универсальной, архетипической формулой самосознания и самоидентификации любой общности людей является формула «мы», включающая представления об антропологических, языковых, культурных и других консолидирующих признаках. Однако процесс групповой идентификации, самоопределения «мы» с необходимостью предполагает, как писал Д. Мид, распознавание позитивно или негативно значимых «обобщенных других». Иначе говоря, «мы» с необходимостью предполагает психологическую оппозицию «они» (включающую представления о дифференцирующих признаках) потому, что общность «мы» просто не может быть определена иначе – вне «значимого другого» (Т. Парсонс). «Они» – это социальная (этническая, национальная, политическая и др.) общность, имеющая иной, более или менее отличный, образ жизни, язык, культуру, иные экономические, политические и другие интересы и цели, иные ценности и имидж¹.

Таким образом, идентификация невозможна вне сравнения, вне коммуникации. Только в результате взаимодействия (прямого и опосредованного) с иной группой данная общность обретает свои «особые» признаки. Поэтому, считают психологи, *идентичность – символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других*. При этом позитивная идентичность – это прежде всего осознанная общность с позитивно значимыми другими (с «мы»), без жесткого противополо-

¹ Архетипическая оппозиция «мы – они» лежит и в основе этнического самосознания, этнических отношений. Причем этот архетип является одним из самых древних. Так, Б.Ф. Поршнев полагал, что это психологическое размежевание, возможно, является отпечатком опыта столкновения первых людей со своими животными предками, которые воспринимались как опасные и враждебные «нелюди» или «полулюди». (Подробнее см.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. С. 83; *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 1997. С. 477–480.)

ставления «мы»—«они». А негативная идентичность — это консолидация общности «мы» на основе тотальной оппозиции негативно значимым другим («они»). Она строится по схеме «я/мы — они» и содержит либо неприятие (или отрицание) того или иного социального явления, либо тотальное противопоставление «нас»—«им».

Негативную окраску идентичность обретает у тех индивидов, социальных групп и социальных общностей (племен, этносов, наций), которые усматривают во вновь возникающих формах социальной и политической жизни не дополнительные возможности для личного существования и саморазвития, а «обман» населения «коррупцированными правящими элитами», происки «врагов» (внешних и внутренних), а то и «заговор» против «народа» или «нации». В случае затяжных финансовых или экономических кризисов, периодически повторяющихся в глобальной экономике и особенно больно бьющих по странам третьего и четвертого мира, национальная идентичность строится из элементов отрицательной идентичности по схеме «свой — чужой». И тогда подавленная отрицательная энергия рождает всплески национализма самого разного толка, находит выход в поддержке массами психопатических лидеров, социальным основанием существования которых является именно негативная идентичность.

В контексте нашего анализа это означает, что, идущие с разной степенью интенсивности в разных странах и разных сферах международной жизни, процессы глобализации человечества на основе евроатлантической цивилизационной модели развития могут не только, как полагает Хантингтон, разрушать национальное самосознание населения полиэтнических национальных государств за счет распространения западной (прежде всего североамериканской) «масскультуры», но и актуализировать национальные идентичности на основе негативных представлений о «них». Кроме того, каждый индивид, как уже отмечалось, является носителем комплекса многочисленных, иерархически связанных идентичностей, часть из которых актуализируется вместе с изменением географического, политического и социокультурного пространства его жизни. Но поскольку процедуры индивидуальной идентификации осуществляются в чувственно-эмоциональной и когнитивной формах, включая в себя мысленное отнесение к «группе», содержание полученного в акте самосознания ответа на

вопрос: «Кто я (Мы)?» в полной мере зависит от ценностно-оценочных представлений и знаний о «Них».

В конечном счете идентичности представляют собой индивидуальные и групповые конструкты — вербализованные результаты отношения к «воображенным общностям» (Б. Андерсон), определяемые, в свою очередь, предшествующим воспитанием, образовательным и культурным «багажом» и наличествующим в данный момент «окружением»: политическими ландшафтами, информационными и культурными «пространствами», в которые индивиды и группы вынужденно помещены и в которых они существуют. Поэтому главные угрозы национальной идентичности в эпоху современной глобализации исходят не только от потока инокультурных мигрантов, этнокультурного и политического сепаратизма. В значительной степени мере процесс эрозии идентичностей был вызван изменением интеллектуальной атмосферы в лоне самой евро-атлантической цивилизации, претерпевшей в XX столетии значительные трансформации. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения.

* * *

Становление и развитие евро-атлантической формы глобализации было связано не только с появлением и распространением в пределах и за пределы Европы в XVII—XIX столетиях новых форм и институтов экономического развития, способствовавших становлению принципиально иного — индустриального — типа хозяйства, но и с формированием и распространением новых политических форм общежития и новых социальных общностей: «национальных государств» и «наций». По сути, она представляла собой «модернистский проект» — была органически связана с идеалами Просвещения, гарантирующими оптимальное — национальное — устройство пространства совместной жизни лингвистически, конфессионально и культурно разных народов в Европе и за ее пределами не на основе традиций, а на основе рационально сформированных общей «памяти», общих «ценностей» и общей «судьбы». Однако проект модернизма, с характерным для него обожествлением и верой во всемогущество человеческого разума, уже в конце XIX века был сначала подточен нищезанством, подорван двумя мировыми войнами, тоталитаризмом и структуриализмом в первой половине

XX века и почти совсем разрушен во второй половине XX столетия культурным и философским постмодернизмом.

Постмодернизм бросил интеллектуальный вызов не только национальной идентичности и национальным формам общежития. Под сомнение были поставлены интеллектуальные и культурные скрепы всей претендующей на глобальное господство евро-атлантической цивилизации: классическая наука, с ее пафосом рационального познания мира и презрением к религиозным догмам и суевериям, и культура модерна, с ее вниманием к общечеловеческим ценностям и классическим образцам. В социальных науках упор был сделан на отказ от парадигмальных образцов естествознания, логоцентризм и равноправность дискурсов любого рода, а в культуре — на ее плюрализацию, виртуализацию и визуализацию. Модернистской установке на искусственную гомогенизацию, «выравнивание» социокультурного пространства постмодерн противопоставляет якобы естественную плюральность последнего: растущее множество отдельных и вполне конкурентоспособных образований — «картин мира», идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т. п.¹

В результате использования характерных для постмодернизма интеллектуальных стратегий децентрации² и деконструкции³ разрушению подвергается выстроенное наукой в эпоху модерна западочентричное (евро-атлантическое) представление о характере становления и эволюции всемирной истории: ее разделение на политически, экономически и культурно «развитый» Центр (Запад) и «догоняющие» его

¹ Тем самым в культурное пространство современного Запада возвращаются, казалось бы, давно вытесненные из него архаичные дискурсы и практики: мифы, древние формы религиозных культов, алхимия, астрология, магия. Растет интерес к противопоставляемой национальной расовой и этнической реальности — маргинальным объектам и ситуациям: языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, «безумию», «порнографии», «однополым бракам» и «сексуальному насилию».

² Отказа от поисков центральных элементов в тех или иных знаково-символических комбинациях и конструирования новых комбинаций без опоры на какие-либо «центры» или «ядра».

³ Образованный из двух слов, «деструкция» и «конструкция», введенный Ж. Дерридой термин «деконструкция» подразумевает «разборку» присутствующих в культуре старых смысловых образований и «сборку» полученных элементов в новых комбинациях.

«периферию» и «полупериферию». В исторических и социальных науках появилось, преимущественно связанное с именами работающих в Европе, Японии и США ученых – выходцев с арабского Востока, Индии и Латинской Америки¹, мощное интеллектуальное направление «реориентализма», объявившее о необходимости выхода за пределы абстрактного универсализма и «логики евро-атлантической модерности», отмеченной колониализмом и имперским различием, в пространство «глобальной истории», «контр»- и «транс»-модерности, позволяющее создавать не менее эффективные, чем евро-атлантические, «эпистемы» анализа, теоретические проекты и модели развития, ведущие, как считают, постепенно к созданию иной – нерепрессивной по отношению к «отставшим» народам – глобализации.

Не вдаваясь в нюансы научных споров ориенталистов и реориенталистов², любопытно отметить, что последние тяготеют к идее «критического космополитизма», якобы преодолевающего «культурный империализм» современной – евро-атлантической – формы глобализации, историческими субъектами которой, как уже отмечалось, выступали и выступают ведущие национальные государства Запада и созданные при их покровительстве и поддержке крупнейшие ТНК. Поэтому в их работах «нации» и «национальные государства» объявляются устаревшими формами общежития. И в этой оценке с ними солидарны, объявляющие «нации» и «национализм» фиктивными теоретическими конструкциями Р. Брубейкер, Э. Гидденс, К. Вердери и другие представители европейского «конструктивизма», неолиберальные политики и экономисты (К. Омаэ, Дж. Сорос, З. Бжезинский), многочисленные политологи и некоторые известные мыслители. Все вместе они доказывают, что национальная идентичность исчерпала свой исторический ресурс, и выстраивают «безнациональные» политические проекты грядущего «сетевого общества» (М. Кастельс), «мирового государства» (Т. Левит), «континентальных федераций» (А.Г. Дугин), «глобального гражданского общества»

¹ Хоми Бабу, Энрике Дусселя, Эдварда Д. Саида, Э. Глиссана, А. Катиби, А. Кихано, В. Миньоло и др.

² Персонифицирующих своими работами «незападный» вариант деконструкции идеологии модернизма: из пространства пограничья между западной модерностью и незападными формами знания, мышления и восприятия.

(Д. Дарендорф, Э. Гидденс), «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван), «общества множеств – рес-коммуны» (А. Негри, М. Хардт) или возглавляемой США «глобальной демократической империи» (Н. Фергюссон, П. Гречко).

В этом споре все точки над «і», конечно, расставит будущее. Но интеллектуальные вызовы национальной идентичности, о которых шла речь, в превращенной форме фиксируют некоторые объективные тенденции современной глобализации, связанные с формированием массовой мультикультурной среды существования, появление и распространение которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. В этой связи актуализируется вопрос о формировании «глобальной культуры», который заслуживает специального обсуждения.

* * *

Действительно, нынешний рубеж веков также стал временем широкомасштабного распространения универсальных методов мышления и способов коммуникации с помощью новейших информационных инфраструктур. Это принципиальная особенность современной стадии глобализации, но о последствиях её судить пока сложно. Глобальная культура принимается в той или иной степени повсеместно, но с существенными местными видоизменениями. Это разнообразие соответствует поведенческим стандартам рыночного общества, где глобальные притязания продавцов должны, чтобы реализоваться, приобретать локальную форму, отвечающую потребностям различных групп покупателей. Но рыночная логика и логика культуры не всегда сочетаются. От современной культурной ситуации в мире рябит в глазах. Как в слоёном пироге, мы можем встретить пласты внациональной глобальной культуры, гибридные глокальные формы и вновь актуализированные локальные. Глобализация даже может усиливать дробление локалий, как в случае с сербохорватским языком, который, попав в водоворот исторических перемен, распался на сербский, хорватский и боснийский.

Своеобразное примирение глобального и локального выражается с помощью понятия *мультикультурализма*. В особенности оно попу-

лярно на американской почве, где плюральное сочетание культур выглядит как дело вполне естественное. Поддержку национально-культурного разнообразия страны, в котором некоторые видят её преимущество, осуществляют и власти, прежде всего — администрации Демократической партии, идеологическим установкам которой отвечает мультикультурализм. Не следует, однако, забывать, что мультикультуральная среда — вовсе не пространство свободы. При всём своём разнообразии, а в общем-то, именно благодаря ему, она является пространством управляемого потребления, контролируется ТНК, рыночным стратегиям которых плюральность культурной среды вполне соответствует.

В качестве наиболее характерной формы мультикультурализма в условиях неолиберальной глобализации оказывается «экзотизация» специфических культур. Экзотизация безопасна для глобального доминирования тем, что, сохраняя своеобразие, устраняет локальную идентичность: «Неолиберальный «плюралистический» мультикультурализм создаёт обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире. Неолиберальный или корпоративный мультикультурализм не заинтересован в перераспределении власти и культурного влияния, но, напротив, отвлекает внимание от подобных вопросов путём коммерциализации мультикультуры и превращения её в товар»¹.

Однако рыночная социокультурная стратегия экзотизации часто пробуксовывает, вызывая раздражение тех, кто озабочен сохранением общенациональной идентичности. В США овладение иммигрантом американской культурой и включение в жизнь общества всегда означало овладение английским языком. В современной мультикультурной ситуации американские патриоты бьют тревогу по поводу засилья в Америке «низших» по своему развитию иммигрантских культур и нежелания иммигрантов овладевать английским языком. Но без этого у иммигрантов всё равно нет шансов продвинуться в американском обществе. Все технологии ориентированы исключительно на английский язык. Неадаптированные иммигранты могут, разумеется,

¹ Глобализация и мультикультурализм. М., 2005. С. 185.

включаться в этнокриминальные структуры, но вряд ли именно это было для них «американской мечтой». Ситуация глобального билингвизма, сложившаяся в условиях распространения западных информационных технологий, не нова. То же самое переживали этнические языки и диалекты в период формирования национальных государств. И здесь возможны разные стратегии поведения. Возможно, многим эффективной покажется японская: освоение экономических и политических стандартов жизни Запада на основе использования традиций, института семьи, национальных культуры и языка.

Чрезмерное мультикультуральное разнообразие утомляет. Им заполнены СМИ и Интернет. Массовое сознание дезориентируется и лучше соответствует теориям «массового общества», чем в то время, когда эти теории создавались. З. Бауман прав, когда характеризует становящуюся «глобальную цивилизацию» как внешне фрагментированную, но по сути подконтрольную¹. Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментизации культуры гражданская и культурная идентификация осуществляются через потребление². Н. Стивенсон уточняет принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современной стадии глобализации: она идёт не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям³. Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде «специфическую» идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с «конвейера», поставлена на поток. По мнению К.К. Шварцман, множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу⁴. «Массовая культура» так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, формирующий новую идентичность глобального потребителя, в которой

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 178.

² Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.

³ Stevenson N. Globalization, national cultures and cultural citizenship // Sociol. quart. Berkeley (Cal.), 1997. Vol. 38. N. 1.

⁴ Schwartzman K.C. Globalization and democracy // Annual revue of sociology. Palo Alto, 1998. Vol. 24. P. 176.

сочетаются нивелировка и допущенная, более того, «изготовленная» мера своеобразия. Экономическая борьба становится всё в большей степени борьбой информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определённых культурных моделей ради усвоения этих моделей потребителем и роста прибылей. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растёт манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни.

Социокультурная интеграция при воздействии государственных структур всегда сопровождала глобализационные процессы. Но сегодня «символическое насилие» получило новый импульс, более того, стало чем-то естественным, перешло на уровень фона, социальной атмосферы. Добиваться экономических успехов, воздействуя на сознание, оказалось эффективнее, чем трансформировать физический материал. Здесь и таятся социокультурные угрозы национальному государству как политической форме евро-атлантической цивилизации. Формирование идентичности ускользают из его рук. Интеграционные процессы по формированию глобальных транснациональных идентичностей идут в массовом сознании как через воздействие «информационного империализма», так уже и через самоорганизацию. А со стихийной перестройкой сознания совладать весьма сложно. Этим эффективности, погони за успехом, престижем, трансформирует наличные идентичности, «сегрегирует» их, по выражению З. Баумана¹. Эталоном здесь выступает транснациональная идентичность глобальной буржуазии, которую тот же З. Бауман назвал космополитизмом «туриста». В результате социокультурное развитие человечества сегодня идёт как противостояние транскультурной идентичности и идентичностей этнокультурных и гражданских, имеющих привязку к национальному государству². Каковы перспективы этого противостояния?

¹ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004. С. 101.

² Журавский А.В., Садов О.В., Фетисов А.В. Субъекты миропорядка XXI века // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003. С. 77.

* * *

Нивелляторский потенциал транснациональной и транскультурной идентичности невелик. Присущие этой идентичности меркантильность, стандартизация и общекультурная ограниченность не создают необходимого поля притяжения, которым в своё время обладали общенациональные идентичности национальных государств по отношению к этнолокальным идентичностям. Имперская мифология США, которые мифологизируют и свою реальную историю, но ещё более конструируют истории вымышленные — интегратор низкого потенциала в силу своей примитивности. А главное — вторичности: Голливуд с назойливостью творит имперский миф из заимствованных культурных образцов¹. Для истинной империи, даже для национального государства, воздействующего на окраины, это не характерно. Они всегда были оригинальны в социокультурном отношении — это залог успеха. Отсутствием оригинальности объясняются такие черты голливудской мифологии, как агрессивность и перемещение событий в некую сверхреальность.

В этих условиях национальные культуры попрежнему остаются мощным фактором мирового развития. Это не просто мультикультурализм, а позитивное многообразие. И здесь велико значение национального государства, которое должно, как пишет А.А. Галкин, «не только оборонять свою идентичность от культурной и псевдокультурной экспансии, но и способствовать реализации объективно возрастающего стремления народов к сохранению своеобразия и самобытности»². Примером позитивного сохранения культурной идентичности в условиях давления космополитической культуры является, благодаря помощи своего национального государства, французская культура. Национальным государствам, если они ответственно подходят к вопросам идентичности, необходимо осуществлять контроль за информационными потоками. В каком-то смысле этот контроль является защитой демократии. Н. Стивенсон совершенно справедливо пишет, что работа правительства, направленная на укрепление у насе-

¹ См.: *Sardar Z., Davis M.* Why Do People Hate America? Cambridge, 2002. P. 141; Пономарёва Д. Киноимперскость // Политический журнал. 2005. № 24.

² Галкин А.А. Национальное государство в изменившихся условиях // Транснациональные процессы: XXI век. М., 2004. С. 18.

ления чувства единой судьбы и культуры, является одной из центральных задач¹. Отсюда важность культурной политики национального государства, по крайней мере в отношении элитных образцов, символов национальной культуры. Зрелые национально-культурные идентичности приобретают непреходящую ценность в глобальном мире.

Перспективы социокультурного развития в условиях глобализации зависят от того, готова ли евро-атлантическая цивилизация к реальному межкультурному диалогу. Такой диалог в глобализующемся мире становится императивной необходимостью. Следует согласиться с Ю. Хабермасом в том, что поддержание национального в глобальной культуре имеет сегодня не угасающее, а, напротив, усиливающееся значение². Рыночные формы общежития далеко не всегда способствуют продуктивному диалогу культур. В этих условиях нация-государство выполняет гуманистическую функцию сохранения социокультурной исторической памяти и социального пространства, где эта память «обитает» и воспроизводится в новых поколениях. Противоречивой формой взаимодействия национального и наднационального является формирование «европейской идентичности» в ходе реализации проекта единой Европы. Пока в целом это позитивный пример подобного взаимодействия, перспективы которого далеко не ясны³. А более глобальные формы идентичности пока что проблематичны. В конечном счете формирование и тех, и других будет зависеть от темпов и характера разворачивания двух взаимосвязанных процессов — макро- и микрорегионализма.

¹ *Stevenson N.* Globalization, national cultures and cultural citizenship // *Sociol. quart.* — Berkeley (Cal.), 1997. — Vol. 38. N. 1.

² *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005.

³ Подробнее см.: *Ноженко М.А.* Национальные государства в Восточной Европе. СПб., 2007. С. 154–167.

В.Г. Федотова

*ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ: ВЫБОР ПУТИ
ИЛИ РАКУРСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹*

Владислав Жанович Келле — один из замечательных людей, пытливый ученый. По его с Матвеем Яковлевичем Ковальзоном учебнику училось не одно поколение людей. Его научная деятельность связана с социальной философией, философией науки и культуры. Помню, как под его редакторским доброжелательным контролем я напечатала в «Вопросах философии» одну из первых своих статей в этом журнале по методологии социального познания, невероятно гордясь такой удачей...

Вызов Запада ощущался по-разному. Россия была ориентирована преимущественно на Европу, хотя и знала периоды деклараций «догнать и перегнать Америку», либо более близкого неоллиберализма, пытающегося воспроизвести в России «чистый» опыт Америки. При выборе российского пути развития в ходе нынешних реформ неомодернизм со всей определенностью ориентирован на Америку, и лишь по мере ослабления радикализма Европа стала представляться некоторой альтернативой. Географическое видение модернизма — Запад и «остальной мир». Сегодня все становится более дифференцированным: США, Западная Европа, Восточная Европа, Восточноазиатские центры развития, Китай, Россия и «остальной мир». География постмодернизма: меньшинства, этносы, не Европа государств, а Европа регионов, и весь мир, от микромолекулярного до глобального, с заметным пропуском реального — еще существующих наций-государств, еще не исчезнувшей роли Запада как центра мирового могущества и влияния.

Однако то или иное введение географического аспекта, разде-

¹ Статья печатается по гранту РГНФ «Человек в экономике и других социальных сферах». № 08-03-00175а.

ление некой целостности на регионы если и не создает приоритета уникальности в социальных исследованиях, то, по крайней мере, вводит локальное, уникальное в обсуждение развития. География тут присутствует совместно с историей, культурологией, социологией, геополитикой. Воистину, мы живем в позднюю современность, где тенденции и предчувствия нового вполне уживаются со старым («современным» в теоретическом смысле слова). Вопрос о российской идентичности — это вопрос о том, где более общий источник российского самосознания.

*РОССИЙСКАЯ
ПОЛИИДЕНТИЧНОСТЬ*

Поскольку процессуально, исторически Россия — всегда модернизирующаяся страна, от Петра I, Александра II, большевиков до нынешних реформаторов и, как мы показали, общественный контекст смены социальных теорий не только не позволяет исключить Россию из рассмотрения, но буквально разворачивается вокруг ее судьбы, проблема поиска российской идентичности осуществляется в терминах Восток — Запад, отражающих соотношение традиционного (незападного) и современного (западного) обществ и переход от одного к другому как процесс модернизации.

Обсуждение российского развития имманентно включает в себя эти понятия, всегда начинается с определения места России между Востоком и Западом. Можно выделить несколько основных точек зрения относительно российской идентичности, рассматриваемой по отношению к обозначенным координатам «Восток» — «Запад»: Россия находится между Востоком и Западом и не имеет цивилизационной определенности, она лишь колеблется в ту или иную сторону; Россия осуществляет слабый, неустойчивый синтез между Востоком и Западом, постоянно теряя стабильность и цельность; Россия — евразийская страна, в ней осуществлен синтез европейского и азиатского начала, она явилась плавильным тиглем для славяно-тюркских народов, сформировавших в результате органику российского суперэтнуса, его культуру; Россия вовсе не является азиатской страной, она безусловно европейская страна, находящаяся, однако, в состоянии недостаточной развитости («отсталая» Европа, «вторая» Европа), но способная прео-

долеть отсталость и подняться до уровня развитых капиталистических стран; Россия представляет собой часть восточноевропейской цивилизации; Россия обладает собственной цивилизационной особенностью, которая ярче всего представлена ее провинцией.

Наиболее характерными являются концепции, изолирующие российское развитие (почвенничество, в том числе славянофильское и евразийское), и западничество, определяющее Россию как отсталую Европу. Западный, славянофильский и евразийский подходы проявляются уже при интерпретации российской истории. Они по-разному характеризуют пройденный Россией путь. Западники рассматривают российскую историю как историю преодоления отсталости от Запада, начатую Петром и не завершенную в ходе дальнейшего развития. Будущее России – присоединиться к народам Запада. Славянофилы – как историю развития самобытных качеств – православия, соборности, народности, определяющих историческую миссию России сохранять и множить духовные основы человечества. Евразийцы полагают, что судьба России в ее «месторазвитии». Они считают его характеристикой, органически объединяющей географические, этнические, социальные особенности России. Введенный П.К. Савицким, этот термин был призван подчеркнуть самобытность России, ее «почву», отличную от того, как ее понимали славянофилы. Конгломерат народов, в сущности, не мог бы мирно существовать, имея разные религии, обычаи и нравы. Эти народы спаяны в единое целое, делающее из них достаточно органическую общность, идеократическим государством.

Таким образом, обозначились разные точки зрения, находящие различные пути России в прошлом, настоящем и будущем. Некоторыми исследователями они представлены как отрезки российской истории. Наиболее разработана и продумана эта линия у русского философа послеоктябрьского зарубежья Г.П. Федотова. Три столицы определили три этапа российской истории: исконная русско-византийская столица, наследница греческого христианства – Киев, забытая в качестве таковой и русскими, и украинцами, периодически тяготеющая к польско-украинской культуре, к борьбе с русско-византийской; «западный соблазн Петербурга и азиатский соблазн

Москвы»¹. В целом история России представляется Г.П. Федотову историей утраты ее лучшего этапа – Киевской Руси, дающего стране одновременно и самобытность, и свободу. Здесь доминировала не «тоталитарная» византийская культура, а свободная церковь и были все предпосылки, из которых на Западе в те времена исходили «первые побеги свободы»². Московская Русь, согласно Г.П. Федотову, определила новое направление развития России – прогресс на основе несвободы. Всего же в тысячелетней истории России выделяются «четыре формы развития основной русской темы: Запад – Восток. Сперва в Киеве мы видим Русь свободно воспринимающей культурные воздействия Византии, Запада и Востока. Время монгольского ига есть время искусственной изоляции и мучительного выбора между Западом и Востоком (Литва и Орда). Москва представляется государством и обществом существенно восточного типа, который, однако же, скоро (в XVII в.) начинает искать сближения с Западом. Новая эпоха – от Петра до Ленина – представляет, разумеется, торжество западной цивилизации на территории Российской империи»³.

Г.П. Федотов противоречив – Запад привлекает его свободой, но прямые утверждения о западном пути России от Петра до Ленина тут же и оспариваются. Это был лишь западный соблазн, неорганическое вовлечение России в реформы. Он отрицает значение азиатских народов для России, полемизирует с евразийцами, но говорит о Москве как азиатской основе России. Если Г.П. Федотов и западник, то особенный. Основанием цивилизационного сходства у него является религия, поэтому он поклонник не «латинства», а греческой традиции эллинизма, проникающего в Киевскую Русь через посредство Византии⁴. Мечты Г.П. Федотова – религиозное торжество православия, эллинизм, удержание традиций Киевской Руси. В светском плане этому соответствуют традиции Восточной Европы. Славяне ненавидели Оттоманскую империю, хотя потом и пожалели о ее

¹ *Федотов Г.П.* Три столицы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 1. С. 61.

² *Федотов Г.П.* Россия и свобода // Там же. Т. 2. С. 278.

³ Там же.

⁴ *Федотов Г.П.* Три столицы // Там же. Т. 1. С. 64.

распаде. Их цивилизационный код был другим, тянул их друг к другу. Поэтому они чувствовали себя крайне неудобно в Османской империи. Однако, оказавшись в Австро-Венгерской империи, они ощутили духовную, религиозную несвободу, более жесткую, чем под турками, которым не было особого дела до духовного мира своих подданных.

Г.П. Федотов является европейцем, но не западником. Он – певец «второй» Европы. Он часто употребляет термин «Европа» вместо «Запад», поскольку он всегда имеет в виду прежде всего Восточную Европу, либо Восточную и Западную вместе, более развитые, чем Россия, европейские страны. Эллинистическое начало Восточной Европы – ее восточнохристианские корни в глубине истории сформировали отличия от Запада, западнохристианской цивилизации, создали иной психологический склад.

Хотя эта точка зрения кажется нам привлекательной, не будем поддаваться ее соблазну. Присоединиться к сторонникам того или иного пути российского развития можно лишь на основе мировоззренческих предпочтений, ибо нет доказательств истинности какого-то из них. Попробуем подойти к этой задаче методологически. Предположим, что каждый из вариантов истолкования российской идентичности способен выявить некоторые действительные особенности, будучи ракурсом интерпретации, а не характеристикой пути российского развития.

Все ракурсы интерпретации должны быть обсуждены и учтены, но не могут быть онтологизированы, представлены как реальные возможности. Это предположение возникает в связи с тем, что весь спектр выбора расположен между идеально-типическими конструктами «Восток» – «Запад». Последние несомненно имеют под собой географическую, политическую и культурно-цивилизационную почву, но характеризуются они прежде всего своей сущностью: «Запад» – пафосом покорения природы, демиургическим началом, развитием науки, целе-рациональности, демократией; «Восток» – традиционностью религиозностью, ценностной рациональностью и пр. Достаточно сказать, что средневековый Запад, исходя из этих сущностных представлений, был Востоком. Поэтому на понятия «Запад» и «Восток» распространяется правило работы с теоретическими абстракциями,

запрещающее их прямую онтологизацию, т. е. отождествление с реальностью.

В зеркале методологии судьба России не более определена. Однако можно предположить, что в спорах о ее судьбе отражаются, причем вполне адекватно, отдельные стороны. Предположим, в отличие от классической методологии, которая ориентирует на выбор единственной – истинной точки зрения, что в данном споре зерна истины имеет каждая сторона. Тогда каждый из подходов, трактуемый классической методологией как путь России, в неклассической будет выглядеть как ракурс интерпретации. Вопрос о «пути» будет решаться на пересечении этих ракурсов.

В силу сказанного ориентация на Западную Европу и Запад в целом, славянофильское и евразийское почвенничество, провинциальный угол зрения рассматриваются нами не как пути выбора России, а как *ракурсы интерпретации*, вскрывающие российскую специфичность в ходе модернизации и ее геополитические интересы. В этой связи задача пересматривается как нахождение возможностей рационального договора о базовых национально-государственных ценностях и интересах, причем такого договора, в котором могла бы принять участие российская провинция. Условие и цель договора – преодоление конфликта между представителями враждующих течений на почве простого понимания того, что без развития Россия не может быть великой страной (мысль, «полезная» почвенникам и евразийцам) и что без осознания своих национально-государственных интересов и собственной идентичности она не может модернизироваться (мысль, «полезная» западникам). Такая идеология не может решить проблему единства страны, т. к. за столкновением взглядов стоит борьба интересов. Однако без нее не могут быть достигнуты ни общие правила действия, ни жертва части интересов, называемая компромиссом.

Полагаем, что все ракурсы интерпретации – европейский, почвенный (славянофильский и евразийский, взгляд из провинции) принципиально отличаются тем от трех «путей» развития России, что ни один из ракурсов не является ни единственным, ни единственно возможным. Заведомая односторонность каждого из них очевидна, как очевидна и заведомая относительность правоты каждого, т. е. аргу-

ментированность, наличие подтверждающих фактов, ценностная обоснованность. Не приходится ожидать и механического совмещения ракурсов интерпретации.

Если поставить вопрос, какой взгляд на российскую идентичность является верным из всех перечисленных выше, какой путь он предлагает России, то мы попадем в тот круг бесплодных дебатов, которые ведутся в России уже второе столетие (хотя евразийская концепция — послереволюционный продукт XX века, ее подключение к концептуальным вариантам российского пути разворачивается по логике старых споров славянофильства и западничества).

*СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАПАДНИКИ:
МОЖНО ЛИ ДУМАТЬ О РОССИИ
ВНЕ ЭТИХ РАМОК?*

Продолжается старый спор между людьми, называющими себя славянофилами и западниками. К нему присоединился новый оппонент, отсутствовавший в XIX веке, — евразийцы. Ожесточенность конфронтации очень велика, поскольку каждая из сторон мыслит себя носителем проекта переустройства России.

Вместе с тем, перенесение этих понятий в сегодняшний день не вполне оправдано. Во-первых, славянофилы были глубоко образованными и не отрицали Запад как таковой, а западники понимали российскую проблематику и не презирали Россию. В этом состоят глубинные отличия от сегодняшних упрощенных взглядов на природу российского общества и его будущее. А во-вторых, и западники, и славянофилы отрицали государство. Западники отрицали российскую государственную систему во имя самоорганизации, присущей Западу, и демократических структур, которые для Запада начинали быть характерными, а славянофилы отрицали государство во имя общины. Это в литературе, кстати, зафиксировано. Американский исследователь Рязановский обосновал это положение, Струве писал о том же. Отрицание государства идет с обеих сторон, поэтому полагать, что западники предлагают народу самоорганизацию и инициативу, а славянофилы твердо стоят на позициях государственности, было бы не в традиции этих течений.

Есть и другое соображение против применения этих традиционных рамок к сегодняшним реалиям. Западный, славянофильский и евразийский взгляды – это не пути, а ракурсы интерпретации. Глядя из Стамбула или Пекина, мы воспримем российскую «западность», «европейскость». Из Парижа и Лондона в ней обнаружится элемент «восточности», «азиатскости». Строя свои отношения с Западом, Россия консолидирует всю свою способность предстать «русским европейцем», как назвал свою книгу В. Кантор¹. Но в диалоге с Китаем или Индией она мобилизует свои евразийские или даже азиатские начала. Мы не можем стать Западом и не можем стать Востоком. Мы принадлежим Европе, но Европе «другой», незападной, если иметь в виду не этнический состав или географическое местоположение, а существо нашего развития. Причем «другая» Европа не означает Европы «второй», всего лишь отставшей от западной. Она характеризуется другим культурным кодом, сформировавшимся на ветви православного христианства, влияние которого имплицитно включено в светскую культуру.

В дискуссии между И. Клямкиным и В. Чесноковой, состоявшейся в Интернете на сайте Фонда общественного мнения, резко выявлено разделение позиций на западнические (И. Клямкин) и славянофильские (В. Чеснокова). Не принято во внимание то, что наше стремление обсуждать свою идентичность в терминах «Запад – Восток» не находит отклика в этих регионах. Приведу пример. В Париже, на конференции ЮНЕСКО, делая доклад о российской модернизации, докладчик высказал мысль, что Россия – не Запад, но Европа, «другая Европа». Ему сказали: «Как хорошо, что вы это понимаете. Мы очень боялись, что вы будете считать Россию частью Запада». Через некоторое время на конференции в Нью-Дели, проводимой Азиатскими советами по социальным наукам, этот же ученый повторил свою мысль о том, что Россия – это «другая Европа». В ней есть внутренняя Азия – азиатские народы и азиатская территория, но все-таки она не может причислить себя к Востоку, потому что она модернизировала в течение многих веков свое евразийское пространство. Поэтому Россия не считается азиатской страной. Докладчик встретил ту же радостную реакцию по поводу не оправдавшегося опасения, что Россия считает себя азиатской страной. Даже

¹ Кантор В. Русский европеец как явление культуры (филос.-ист. анализ). М.: РОССПЭН, 2001.

австралийцы и новозеландцы не составили исключения и выразили удовлетворение отсутствием подобных притязаний. Таким образом, мало кто (а может быть, никто) из живущих как на Западе, так и на Востоке, и мало кто (или, возможно, никто) из ученых этих регионов, всерьез занимающихся проблемами России, склонен воспринимать Россию как Запад или как Восток. Она, если говорить геополитически, сохраняет статус моста, специфического пространства, которое в достаточной степени модернизировано, где в определенной мере интегрированы славянские, тюркские, угро-финские и другие народы посредством модернизаторской роли русского народа как народа европейского. Этот процесс осуществлялся и в царской России, и в СССР. Пятнадцать лет назад в Институте философии РАН были аспиранты из Туркменистана, Казахстана и других азиатских республик СССР. Теперь они оказались в пространствах, которые частично демодернизируются, частично (анклавно) модернизируются, но в целом испытывают определенные цивилизационные потери после распада СССР.

Славянофилам в России в сегодняшней ситуации труднее, чем евразийцам, выполнить социальный заказ на защиту традиции, самобытничества. Скорее, эту роль играет евразийское почвенничество, но наши отличия от Востока не менее сильны, чем несходство с Западом.

В спорах между теми, кто сегодня претендует быть славянофилом и западником, не учтен один новый фактор, который меняет структуру взаимоотношений между Западом, Россией, незападным миром в целом и не позволяет говорить о западном пути, почвенном пути или евразийском пути — фактор глобализации.

Что же можно сказать тем, кого сегодня считают западниками и славянофилами, в свете этой новой тенденции? То, что уже сказано. Если раньше Запад выступал как образец, то теперь Запад сам находится в трансформации, он перестает быть универсальным образцом для развития. Не принимая во внимание трансформацию самого Запада, люди путаются в определении того, что означает официально декларированное намерение жить, как на Западе. Избранная либеральная модель — это только одна из моделей западного развития. Одновременно Нобелевскую премию имеет и Дж. Тобин, который при Дж. Картере осуществлял политику государственного регулирования, развивая идеи Дж.М. Кейнса, и неолиберал М. Фридман.

США имеют баланс социальных программ, обеспечивающих социальную справедливость и экономическую эффективность. Эти программы представлены двумя партиями и концептуально обеспечены. Единственная, хотя и взятая с Запада, модель не обеспечит логики обновления социального преобразования, что и происходило уже в случае применения марксизма. Ориентация правящей элиты 90-х на неолиберальную модель осуществилась с совершенной безоглядностью, как прежде ориентация на марксизм и коммунистическую идеологию.

Что мешает нам стать Западом? Воспринять западный опыт свободы? Индивидуализм? Перейти к цивилизованному рынку? Это вопрос о ценностях. О рациональности. Об отношении к государству. К свободе. И эти отношения не меняются в корне.

*СЦЕНАРИИ РОССИЙСКОГО БУДУЩЕГО
КАК ОТРАЖЕНИЕ ТОГО, КАКОЙ
МЫ ХОТИМ ВИДЕТЬ РОССИЮ*

Капитализм — это тип социального порядка, творимый прежде всего политически, социально, культурно, и лишь в последнюю очередь экономически, в данной статье я хочу показать перспективность тех сценариев, которые учитывают кризис чистого экономизма в предсказании российского будущего. В *экономоцентризме* — один из корней слабости российской неолиберальной модели, настолько доказанной, что здесь мы не будем обсуждать этот сценарий, равно как сценарии мононационального, ортодоксального или любого другого изоляционистского проекта в силу их неадекватности российской истории и опасности для многонациональной и многоконфессиональной целостности страны.

Существуют образы развития России. Образы могут быть бесконечно многообразны, представлять собой образы отдельных сфер, например образ свободы¹, строиться на социологических опросах населения, чтобы выявить их представление о политиках², о самих

¹ Шабанова М.А. Образы свободы в реформируемой России // Полис. 2000. № 2.

² Климова С.Г., Якушева Т.В. Образы политиков в представлении россиян // Полис. 2000. № 6.

себе¹, о будущем страны². Во всех этих работах приводятся данные о травматическом опыте народа, о его витальности, способности к выживанию, адаптации, о том, что, несмотря на непонятность для большей части населения идей демократии и их скомпрометированность неудачами реформ, люди с большим интересом и надеждой воспринимают перспективы демократии, если она будет честной. Из образов рождаются образы-сценарии, не детальные стратегии, а подходы к развитию страны.

Мы различаем *образы-сценарии* — своего рода видение, способное воплотиться если не в проект, то в идеологию; *сценарии-тренды* — выявление объективных тенденций возможного будущего, как правило мотивированные предпочтением одной из возможных тенденций; *сценарии-проекты*, в которых это будущее предлагается конструировать и *сценарии-идеологии*, в которых конструирование начинается с выдвижения привлекательных идей. Нередко эти типы сценариев комбинируются, создавая переход от сценарий-образов к сценариям-проектам или сценариям-идеологиям, от сценариев-трендов — к сценариям проектам и т. д. Для того чтобы работать со сценарием, надо понимать, каким из указанных четырех или комбинацией каких из них он является. *Сценарий-образ* будит мысль, собирает сторонников и противников, намечает контуры будущего, ориентируясь на эмоциональные предпочтения. *Сценарий-тренд* призывает увидеть некоторую объективную тенденцию и заставляет одних полагаться на нее, а других делать что-то, что способствует ее осуществлению или замедлению. Он строится как научно обоснованное предположение относительно закономерности развития и в какой-то мере его неизбежной направленности. В этом есть определенное противоречие сценарному подходу, возникшему по причине признания возможности разных путей развития, неравновесности процессов и их способности изменить

¹ Лайдинен Н.В. Образ России в зеркале общественного мнения // Социол. исслед. 2001. № 4; Рывкина З.В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социол. исслед. 2000. № 3; Ачкасов В.А. Россия как разрушенное традиционное общество // Полис. 2001. № 3 и др.

² Левашов В.К. Социополитические стратегии развития России // Социол. исслед. 2000. № 7; Рывкина З.В. Какие варианты будущего возможны? // Общественные науки и современность. 2001. № 1.

направление, сломаться в особых точках, которые называются точками бифуркации. Как отмечается в недавно рассекреченном докладе американского разведывательного сообщества «Контур мирового будущего», представляющего собой сценарий-тренд, комбинированный со сценарием-идеологией американского будущего, «линейный анализ позволит нам получить значительно видоизмененную гусеницу, но никак не бабочку — для этого нужен скачок воображения. Мы надеемся, что данный проект позволит нам совершить такой скачок — не предсказать, каким будет мир в 2000 году (это явно лежит за пределами наших возможностей), — а тщательно подготовиться к разнообразным трудностям, которые могут ожидать нас на нашем пути»¹. Этот вполне «политически корректный» документ отличается тем, что, указывая на ряд тенденций, подрывающих могущество США и однополярность (например, возвышение Китая и Индии), он не смотрит на мир как квазиприродный и утверждает роль США в будущей мировой политике. *Сценарий-проект* прямо ориентирован на переустройство общества и предлагается реальным политическим субъектам. Он может быть научным проектом, каким, например, был проект отказа от либерализма японских социологов и их переход к идеям сохранения коллективной продуктивности в 50-е послевоенные годы. Либо таким, как немецкий проект Эрхарда, построенный на концепции ордолиберализма и практически-политических соображениях. *Сценарии-идеологии* выдвигают обоснованную или имеющую основание идею, схему, которая может консолидировать сторонников и быть доведена до проекта.

Помимо признания *многовариантности развития*, сценарный прогноз характерен ориентацией на *конструирование будущего*. У сценариев разного типа неодинаковые возможности для этого. Сценарии-образы — всего лишь зондаж общественного мнения. Сценарии-проекты более операциональны, они конкурируют за право быть внедренными в общество. Сценарии-тренды плохо операционализируются, но зато они обладают большей долгосрочностью, обращают внимание на стратегии. Сценарии-идеологии имеют мобилизующую

¹ Контур мирового будущего. Доклад по «Проекту–2020» Национального разведывательного совета США на основе консультаций с независимыми экспертами со всего мира. Декабрь 2004. www.hia.gov.

роль, кроме того, являются средством критики сценариев другого типа и оппонирующих сценариев-идеологий. В плане практическом, на мой взгляд, для конструктивных задач необходимо представить сценарии всех четырех типов, чтобы ответить на вопросы: Чего мы хотим? Возможно ли это объективно? Какой проект для этого предлагается? Какая идеология может мобилизовать на решение поставленных задач, чтобы они не просто шли сверху, а вовлекали население?

В каждом сценарии есть объективные предпосылки и субъективные предпочтения, мотивы. Сценарный прогноз исходит из многообразия возможностей, из нелинейности развития и способности слома наметившейся тенденции в точке бифуркации, возникающей неожиданно. Как перспективные, так и неперспективные сценарии всех четырех указанных типов могут реализоваться с разной социальной ценой, а могут не реализоваться. Это зависит от сложившейся ситуации, политики власти, активности социальных движений, информационной активности, возможных преимуществ и рисков. Сценарные прогнозы возникают в условиях объективной неопределенности ситуации и при наличии разных точек зрения, мотивированных разными образами российского будущего. Именно мотивация прогноза в данном случае — предмет интереса. Важно не отбрасывать негативный прогноз, а стремиться предотвратить его реализацию и поддержать прогнозы позитивного развития страны. В США платят тем, кто предсказывает риски, и тем больше, чем более страшные риски предсказываются. В России платят тем, кто рассказывает о том, что все хорошо и дальше будет еще лучше. Такая услужливость работает на доверие к власти здесь и теперь, но может подорвать его впредь.

У прогнозов будущего есть еще черта мегаломании, неограниченности сроков прогноза, попыток усложнять простые проблемы. Два года назад я была в Китае, в Институте Евразии и развития при Госсовете. Рассказывая об успехах и проблемах своей реформы, китайцы объясняли, как они решали сложные вопросы, способные расколоть общество. «Кто такой Мао Цзедун?» — «Мао Цзедун — тоже человек». «Как относиться к учению Мао Цзедуна?» — «Всякое учение развивается, учение Мао Цзедуна тоже». «Как относиться к распаду коммунизма в России?» — «Как к внутреннему делу России». — «Как акционировать предприятия, если они плохо акционируются?» — «Подождать, пока

будут акционироваться хорошо». Согласие по поводу базовых ценностей в Китае, достигнутое вследствие ряда успехов реформы – прекращения голода в деревне и улучшения жизни, позволяет упрощать сложные проблемы в интересах этого согласия. Россия – расколота страна, испытывавшая и испытывающая ценностные надломы и даже в хорошие времена мало способная к подобным компромиссам на уровне здравого смысла.

Правительство и группы независимых ученых могут дать серьезную и реалистическую оценку положения в стране. Когда ученым говорят, что они должны помочь, сделать предложения, имеется в виду, что есть задачи, которые поставлены политиками, которые кто-то пытается решить и не может. И ученые помогут. Но такие задачи не поставлены. Поэтому сценарии будущего копяются про запас, ждут своей востребованности. Остановимся на тех, где наиболее явным образом проглядывает мотив.

Образ-сценарий России как страны третьего мира. За исходный пункт берется то, что, намереваясь стать страной первого мира из-за неудовлетворенности своим статусом страны второго мира, мы оказались в третьем мире. Глобализация не меняет базовых различий между первым, вторым и третьим миром, ибо усугубляет неравенство и даже производит четвертый мир. Поэтому каждый сценарий, в том числе и те, которые сформированы за границами подобных размышлений, необходимо тестировать на предмет отношения к этим трем перспективам – первого, второго, третьего мира.

Нам представляется, что наша гражданская цель состоит в том, чтобы через возвращение стране статуса второго мира попытаться войти в развитый мир, стать первым миром, великой державой. Используя этот подход, мы отказываемся принять за перспективный сценарий интересные идеи Т. Шанина¹. По отдельности в них содержится много верного: рассуждения о неформальной эксплоярной экономике (которая не является ни рыночной, ни государственно регулируемой), об особенностях менталитета и пр. Мы их цитируем и готовы признать и восхвалить. Но вместе они подчинены тому, чтобы убедить Россию смириться с потерей своего исторического статуса

¹ Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999.

и спокойно обустроиваться на манер других стран третьего мира, ибо «третьемирская» сущность, внутренняя гнилостность присуща стране, по мнению сторонников этой точки зрения, во все времена. В частности, и правильный диагноз о неформальной, а не государственно регулируемой экономике СССР (в магазинах ничего, на столах все) и о неформальной (а не рыночной) экономике 90-х и тут же используется, чтобы сказать: такая экономика была открыта на примере Ганы, характеризует третий мир, и, следовательно, Россия – страна третьего мира. Остается только выбрать модель, и выбирается Бразилия – одна из самых далеких нам по культуре и принадлежащих к третьему миру стран. Автор данной статьи не хочет принимать этот образ, хотя он иногда пугающе реален. Именно так стал реальным для Запада и перерос в реальность образ России как страны внутренней деспотии и внешней агрессии. И 27-миллионные жертвы Второй мировой войны, и самораспад страны, и отречение от коммунизма ничего не изменили в этом имидже¹. А ведь ни о чем нельзя сказать правду без любви. Образ – это не научное представление, это то, какой кажется страна или какой ее хотят видеть.

Не согласен с третьемирскими и алармистскими сценариями народ, генетический код которого имеет другие характеристики российского прошлого и отсюда будущего. Вот – корень победы Путина на выборах и *относительной* устойчивости его рейтинга, несмотря на малое улучшение экономического и морального климата, тревогу и неясность в отношении избранного пути. Патриотизм – не атавистическое или патриархальное чувство, а переживание гражданства, сакрализация своих истоков даже теми, кто очень современен, хотя большинство-то живет, как это ни парадоксально, в мало изменившемся мире (например, в российской деревне).

Мы согласны с той трактовкой третьего мира, которая проистекает из биполярности, из противостояния двух мировых систем, между которыми располагалась третья. *В модернизационном плане третьемирская сущность определена мною наличием таких препятствий к развитию, которые делают его постколониальным по типу*². Это вклю-

¹ Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // *Общественные науки и современность*. М., 2000. № 1. С. 51–65.

² См.: Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 248–251.

чает и технологическую отсталость, и культурную замкнутость, и отсутствие возможности быть культурно-историческим типом, внесшим вклад в мировую историю или культуру. Антиэволюционистски, антипрогрессистски настроенные люди будут оскорблены таким видением третьемировской сущности, поскольку справедливо видят ее привлекательность, наивность, целостность, синкретизм. Но мы не этнографы, а специалисты по развитию, которые, по определению, в отсутствии развития видят отсталость, а в отсталости — опасность для здоровья, мира, процветания, существования, для этносов и для наций, наконец. Неравенство, бедность большинства, необразованность, болезни не могут радовать, а речь идет именно о них как спутниках отсталости. Равным образом в радикальном подталкивании к развитию там, где нет предпосылок, таится не меньшая опасность, прежде всего опасность разрушения традиционного общества без обретения новых качеств. Конечно, третий мир не одинаков. Бразилия, Турция, Вьетнам показывают экономические успехи и успехи модернизации, страны Африки находятся в тяжелом положении. Страны третьего мира пребывают в циклическом развитии, их прогресс, если он имеет место, чреват откатами, нелинейностью. Однако сегодняшняя трактовка модернизации отказывается от признания одной лишь поступательности и линейности: «Последнее видно на примере модернизационных концепций последней волны, в рамках которых идея однонаправленного эволюционного развития, сближаясь с многовариантной парадигмальностью, трактует сущность модернизации как усиление черт своеобразия отдельных сегментов геополитического пространства, как максимально полную реализацию самобытности национальных культур. Концепция множественности миров, модернизация которых разнопланова и непохожа, являет собой сложный сплав идеи неизбежности прогресса и вариантности его форм»¹. Ничуть не сомневаясь в правильности этого утверждения для сегодняшнего дня, нельзя считать, что оно разрешает проблему различия трех миров — первого, второго и третьего. Н. Бердяев предупреждал, что нельзя за специфику России принимать ее отсталость. Это относится и к другим народам.

¹ Барсукова С.Ю. Принадлежит ли Россия к третьему миру? // Полис. 2000. № 4. С. 62.

В какой мере комбинация факторов, упоминаемая в цитируемом фрагменте, может сделать развитие третьего мира более успешным и вернуть Россию во второй? Исключая отнятие права на прогресс под любыми благовидными предлогами (гарантированности статус кво, критики девелопментализма за наивность, признание нелинейности развития, предпочтительности устойчивого развития, невозможности догнать Запад и пр.), нельзя добиваться прогресса любой ценой, вплоть до умирания населения. Прогресс противоречив. Для его достижения нужны предпосылки. Прогресс и модернизация имеют высокую цену. Мы склонны согласиться, что сегодня Россия – страна третьего мира, но это не естественноисторический процесс, это выпадение из цивилизации, обусловленное радикальностью реформ, которая на деле превратилась в кланово-корпоративный захват собственности. Носителями этого типично третьемировского начала являются как раз те представители верхов, которые пытаются легитимизировать на будущее (сегодня этого еще не надо) свое обогащение под прикрытием демократической и рыночной риторики.

От третьего мира даже сегодня Россию отличает образованное население, завершенная индустриализация, тысячелетняя история цивилизационного развития, великая литература и другие художественные достижения, известные всему миру, хорошая система образования. Россия была одним из полюсов в противостоянии систем, по отношению к которым произошла идентификация третьего мира. Россия в течении трех веков осуществляла модернизацию. В ней прочно европейское начало. Отличия от Запада, инкриминируемые России как третьемировскость, имеет и Китай. Включение этих великих стран в разряд стран третьего мира есть девелопментализм худшего сорта, когда место страны в мире определяется только экономическими понятиями. Кроме того, «в современной России – в отличие от стран третьего мира – значительная часть обедневшего российского населения представляют специалисты с высоким уровнем образования и квалификации. Рыночные условия поставили перед ними дилемму: отказаться от малооплачиваемого профессионализма в пользу более доходных «рыночных» видов деятельности (что зачастую ведет к депрофессионализации под видом переквалификации, когда, например, врач начинает работать продавцом) или сохранить

верность профессии, *амортизируя* свое решение участием в неформальной экономике.

Таким образом, если в третьем мире низкодоходные группы населения характеризуются недостатком «человеческого капитала», что делает их участие в неформальной экономике *безальтернативной стратегией*, то в России группа *новых бедных* включает в себя значительную долю высокообразованных специалистов, *сознательно воздерживающихся* от профессиональной мобильности на легальном рынке труда¹ из-за неадекватности и этого «рынка» современным требованиям.

США описывает С. Хантингтон. Поставив вопрос «Кто мы такие?» в отношении Америки, он отмечает, что «американское кредо», т. е. принципы американской жизни, утвержденные отцами-основателями страны и первыми поселенцами-протестантами, разрушаются под напором этнических меньшинств, которые при доминировании политики мультикультурализма, перестают считать себя американцами, а начинают определять свою идентичность по крови, по языку, трактуя ее как афро-американскую, испанскую и пр. Хантингтон начинает книгу с описания футбольного матча в Лос-Анджелесе, когда мексиканцы – граждане США – сжигают прямо на стадионе американский флаг, болея за команду из Мексики. Хантингтон прямо связывает этот процесс не только с политикой в области культуры, которую начал проводить Б. Клинтон, но и с глобализацией. Дело не в том, что в США увеличивается количество меньшинств, растет испаноязычное население, а в том, что перестал работать плавильный тигель, делающий всех жителей США, независимо от этничности, расы, вероисповедания и культуры, гражданами Америки и ее патриотами. Если дело пойдет так, США станет Бразилией, и, наконец, геополитическое положение России таково, что даже в сегодняшнем состоянии она играет роль большую, чем региональный лидер.

Сценарии-тренды. Сценарии-тренды будущего России связаны с поиском объективных тенденций. Они, как правило, политически нейтральны, тяготеют ни к левым, ни к правым, а, скорее, к центристским представлениям, имеют разную степень абстрактности, применимости и ориентации на разные субъекты, не проработаны в деталях, но намечены в своих принципах.

¹ Там же. С. 69–70.

1. *Сценарий распада страны.* Формулируется и как предложение, полезное для страны, сценарий-видение, например, З. Бжезинским в его «Великой шахматной доске», в сетованиях Е. Гонтмахера, высказанный на семинаре журнала «Прогнозис», что большой размер России пугает и не позволяет ей интегрироваться с другими. Более того, некоторые считали географический передел, по крайней мере СССР, необходимым: «Чтобы стать демократией, мы должны стать американцами. Для этого надо прийти на новую землю, новыми, очищенными от истории и традиций, свободными начать все заново. Да, для такой жизни потребуются кольты, т. е. автоматы Калашникова. Ну и что? А как же иначе?» Не буду называть автора этого «блистательного» публичного пассажа, ибо модернизация ценой распада исторической России морально неприемлема для меня. Кроме того, ситуация хаоса, которой сопровождается распад, не поддается научным прогнозам, и планировать модернизационные перемены из хаоса невозможно. И наконец, новая реальность без истории, традиции, территории, старых связей существует только в голове революционно-романтически мыслящих теоретиков. В действительности же невозможно «очиститься» от груза исторического наследства, судьбы развития.

Часто этот же сценарий выступает как сценарий-тренд, в ряде прогнозов, находящих объективные предпосылки для распада России. Я постоянно указываю на новые опасности распада в связи с укрупнением территорий и возможной провокацией такого редкого явления, как русский сепаратизм, стремление успешных или обиженных русских территорий отделиться¹. Дело не только в том, что я лично не согласна с исходом в третий мир, равно как со сценарием распада России, и не хочу, чтобы сбылись мрачные прогнозы или мой собственный прогноз риска, которого нельзя допустить. Опыт распада СССР показал, что уменьшение размера территорий не меняет сути проблем, которые воспроизводятся на другой территории. А опыт объединения двух Германий — что имеющиеся и накопленные цивилизационные расхождения делают различия между Востоком и Западом Германии едва ли не большими, чем национальные различия в ЕС.

¹ См., например: *Федотова В.Г.* Политический класс, население и территория // Свободная мысль. 2004. № 2. С. 26–43.

Часть представителей прозападных элит в России в стремлении сделать Россию частью Запада не останавливаются перед идеей ее распада, как прежде перед идеей распада СССР. В статье «Горе победителям!» (1879 г.) русский историк Н.Я. Данилевский писал о тех, кто испытывает «сомнение в смысле, цели, значении самого исторического бытия России, которое как нечто несущественное, сравнительно мало-важное, второстепенное должно уступить место более существенному, более важному, первостепенному»¹. Как часто мы оказываемся в уже пройденным историей месте.

2. *Сценарий-тренд глобальных ценностных изменений* (академика В.С. Степина) является философским. В нем утверждается, что сегодня кризис ценностей имеется не только в России, но и на Западе и в мире в целом. Это обусловлено переходом Запада в постиндустриальное общество и глобализацией. Первый значительный сдвиг в технологиях – переход от аграрного общества к индустриальному вызвал слом ценностей и формирование новых, отвечающих новому содержанию эпохи. Новый сдвиг так же приведет к ценностным изменениям. Объективная тенденция тут видится в том, что дальше не может остаться все по-старому. Примерно так же рассуждал И. Кант о перспективах «вечного мира». Точка зрения философски привлекательная, но рассчитанная на объективный процесс. В ней мало места для самостоятельного движения России, ибо ее переход к «новому мышлению» раньше других, когда другие остались при старом, уже показал свою трагичность. Такие ратовавшие за это люди, как М.С. Горбачев, возможно, опередили свое время, и их позиции еще будут признаны миром. Но сейчас этого нет. Запад продемонстрировал неуклонное следование своим интересам, которое он продолжает в условиях глобализации. Поэтому главный конфликт в истолковании тенденции: является ли она объективным процессом, вызванным лавинообразным взрывом информатики и транснациональной экономики или это процесс открытой эксплуатации Западом незападного мира. И, описывая тенденцию ценностных изменений как объективную для мира в целом, стоит сначала убедиться, что Запад готов пожертвовать экономическими достижениями ради этого. Соглашаясь с этим сцена-

¹ Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890. С. 44.

рием в принципе, мы не можем его операционализировать, сказать, что надо делать в социальном, экономическом и политическом планах в России. Мы не можем предположить, какие социальные движения осуществят эту объективную потребность и каким способом. Здесь сценарий-тренд смыкается со сценарием-образом. Философский прогноз — это с неизбежностью — мысленное творение истории, которое не является технологически представленным проектом, но дает представление о стратегии, в частности стратегии отказа от экономцентризма и большего внимания к проблемам морали, ценностей, культуры, политической культуры. В частности, уже сейчас эта задача могла бы решаться в России путем «опривычивания» через СМИ позитивных ценностей, более отчетливое различие добра и зла, хорошего и дурного.

3. Существуют депendentистские, неоколониалистские сценарии-образы, часто не проговариваемые явно компрадорской буржуазией в Латинской Америке, в России. Они были внутренне присущи ельцинскому режиму. *Сценарий-тренд* депendentизма В.Л. Иноземцева и В.А. Красильщикова видит объективные предпосылки для этого в неудачах реформ, в депendentизме многих стран, их стремлении развиваться под протекторатом Запада. Это сценарий отстающей модернизации. Авторы критикуют догоняющую модернизацию за то, что догнать Запад уже нельзя. Запад оторвался абсолютно, у него нет конкурентов, он — в постэкономической фазе (фазе победы интеллектуального продукта над индустриальным, немислимым богатств лидеров интеллектуального труда). Они неохотно используют термин «глобализация». Иноземцев следует модели Д. Белла. Но мы не хотим колониализма (Россия — единственная страна незападного мира, никогда не колонизированная). Сценарий, предлагаемый этими авторами, — войти в позднеиндустриальное развитие, догнать Запад вчерашнего и позавчерашнего дня. Демодернизация последних 10 лет не отменяет подобную задачу. Это нужно. Но следует подумать о прорывах.

Сценарии-проекты.

1. Сценарий-проект А.И. Уткина. «Новый курс». За модель берется политика Ф.Д. Рузвельта, который посредством деятельности государства вывел США в глобальные лидеры и решил ее внутренние проблемы, используя гибкую политику, не меняя демократической

природы государства и не превращая его в тоталитарное, чем нас постоянно пугают.

2. *Сценарий-проект «второй Европы»*. Несмотря на неудачи неолиберального курса в России, стремление быть ориентированным на Запад, остается. Оно принимает не только неолиберальную форму, но и констатацию идентичности стран Восточной Европы, историческое развитие которых отделило их от Запада, но не навсегда. Какой бы ракурс рассмотрения ни был для нас более привлекательным, нельзя пренебречь тем, что Россия входит в семью европейских народов. Любой ракурс рассмотрения развития не может игнорировать того, что Россия – страна европейской культуры, связанная с Восточной и Западной Европой и ориентированная на работу европейских институтов. Поскольку Европа – континент многокультурный, многонациональный, многоконфессиональный (западные христиане, восточные христиане, мусульмане), содержащий этнические меньшинства и маргинальные группы, потенциал конфликта здесь подчас превышает потенциал общих ценностей. И Россия заинтересована в объединительных тенденциях в Европе и с Европой, в поддержании своего статуса европейской державы по отношению к другим, менее развитым или более специфичным соседям. Европейская идентичность – это условие работы общеевропейских институтов, мира в Европе, общих демократических ценностей на континенте многообразия и различий.

Для обсуждения европейского ракурса интерпретации российской истории вводится концепт «второй» Европы. Этот концепт возник в модернизационных теориях, где он характеризует стадию развития этого региона Европы, который не является всегда одним и тем же. Его географические контуры подвижны и сравнимы в этой переменчивости с тем, что и Запад не является неизменным: некоторые государства, особенно Центральной Европы, находясь на Западе, даже в его сердцевине в географическом смысле, в концептуальном стали частью Запада много позже.

Концепт «второй» Европы связан с выделением эшелонов капиталистического развития. Он сформировался в рамках стадийного, преимущественно марксистского, понимания истории, но от этого не перестал быть верным в определенных исторических границах и социально-культурном контексте.

Под «первой» Европой или первым эшелонам мирового капитализма¹ понимается регион классического капитализма, включающий Западную Европу и Северную Америку. Он отличается органичностью модернизационных процессов. Переход от Средневековья к современности (Новому времени) совершился здесь под влиянием внутренних органических процессов, связанных с исторической спецификой и совокупностью ряда уникальных событий: зарождением капиталистических отношений внутри феодализма, колониальными захватами, Ренессансом, Реформацией и Просвещением, промышленными и научными революциями.

К странам второго эшелона относятся страны, позже и менее органично вступившие на путь модернизации. В работе И.К. Пантина и других к ним относят Россию, Японию, Турцию, Балканские страны, Бразилию. Этот «список» не является верным для всех времен и народов. О Японии и Турции как странах второго эшелона развития стало возможным говорить только тогда, когда они действительно вступили на путь капиталистических трансформаций. До определенной поры страны Западной Европы – Германия, Италия, Австрия, Испания, Португалия – были странами второго эшелона развития внутри Запада.

Ныне, когда эти страны, а также Япония преодолели свою отсталость и выровняли свое экономическое развитие с другими странами Запада, а также развили у себя демократические политические институты, их можно отнести к странам второго эшелона развития лишь ретроспективно.

Существует традиция употребления понятия «вторая» Европа, при котором такие страны, как Португалия, юг Италии, прежде Германия и Греция, включались сюда на основе отставания от Запада. Ныне – это страны второго эшелона развития внутри Запада. Нередко термин «вторая» Европа используется также для характеристики стран Азии – Японии, Южной Кореи и др., которые преуспели в освоении западных технологий, осуществили модернизацию. В экономическом смысле сюда можно было бы отнести и Китай, но мы предпочитаем не делать этого не только по причине коммунистического режима в нем, но и по

¹ См.: Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С. 15–56.

географическим соображениям. Примем в качестве предпосылки, что ко «второй» Европе мы будем относить только страны, находящиеся в Европе или в Европе и Азии одновременно (Россия, Турция). Следование географической точности является одновременно следованием цивилизационному сходству. Обозначая страны в соответствии с их подлинным географическим положением, мы дополняем стадиальный подход цивилизационным: Япония стала высокоразвитой капиталистической страной, но она не стала ни Европой, ни Америкой, напротив, ее цивилизационные особенности четко обозначились и отделились от особенностей западных стран. Сам путь вхождения в высокоразвитый капитализм был особенным для Японии, не повторял черты западного развития.

Там, где и поскольку процесс модернизации, т. е. развития с ориентацией на западный образец, не закончился, стадиальная концепция развития неизбежна. Она имманентна модернизационным теориям: нельзя говорить о модернизации, не предполагая перехода из одной стадии развития в другую. Вместе с тем этот переход может быть истолкован в цивилизационных терминах, а там, где он совершен по имманентной логике, лишь с использованием западных технологий, но без смены национальной или цивилизационной идентичности, он может быть понят только как процесс разворачивания черт определенной цивилизации, не порывающей с собственными культурными основаниями.

Обсуждая модернизацию, мы не можем отказаться от восприятия «другой» Европы как «второй», как определенной стадии. Мы понимаем под «второй» Европой незападные европейские или евразийские страны, выбравшие путь модернизации. Географически «вторая» Европа включает в себя Россию, европейские государства – бывшие республики СССР, европейские посткоммунистические страны.

Теоретически «вторая» Европа – это второй эшелон европейского развития сегодня. Введением концепта «вторая» Европа достигается отказ от рассмотрения проблем России и других посткоммунистических стран только как посткоммунистических следствий. Сам коммунизм является модернизационной идеологией стран второго эшелона развития. Этот сценарий перспективен в плане интеграционных тенденций посткоммунистического мира, но не в отношении коллек-

тивного превращения в Запад.

3. Специалисты, разделяющие левые убеждения, предупреждают об опасности развития по сценарию радикального либерализма, корпоративно-олигархического развития и предлагают развитие на основе принципа солидарности, т. е. по социал-демократическому варианту. Правоориентированные ученые опасаются авторитарного развития, националистического варианта и уже не говорят о коммунизме, считая его окончательно разрушенным. Их привлекает как раз радикально-либеральный вариант, и они толерантны к корпоративно-олигархическому сценарию, который они не называют своим именем. Некоторые из них обращаются все же и к левой идее, признавая органичность ее интернациональной сущности и объективно следующее отсюда противостояние бесперспективной для России идеи монационального государства.

В этом контексте возникает *сценарий-проект российского третьего пути*. Это – вариант сценария-тренда национальной модели модернизации, который может быть доведен до проекта, однако это тема самостоятельной статьи.

А.Е. Разумов

ЗАКОН И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

Будем соблюдать законы,
На лица сильных не взирать.
Г.Р. Державин

История должна быть злопамятной.
Н.М. Карамзин

Добрейший Николай Михайлович Карамзин, автор «Истории государства Российского» прав, бесспорно. Однако «должна быть» или является таковой? Мы обязаны помнить злые уроки истории, но соблюдаем ли мы рекомендацию историка? Когда как. Иногда даже злоупотребляем, осуждая прошлое. Не в последнюю очередь потому, что мним себя на вершине исторического опыта, не замечая, что плывем во времени, уносящем окончательные оценки в неопределенное, неведомое будущее. А наша «вершина опыта» с незавидным постоянством воспроизводит многие злые проблемы ушедшей, но длящейся в нашей памяти истории.

Но, чтобы более или менее адекватно оценить настоящее положение дел, неплохо, по возможности, помнить свое прошлое, то с чего начиналась политическая история России. «Посмотрите от начала до конца наши летописи, — читаем в «Апологии сумасшедшего» Чаадаева, — вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти, непрестанное влияние и почти никогда не встретите проявлений общественной воли...»

Впрочем, Россия не сирота в человеческой истории; у нее есть родители и родственники в иных временах.

* * *

На излете одной исторической эпохи своей культурно-исторической ойкумены мудрец и управитель изрек знаменитое: «*Vox populi — vox Dei*» — «Глас народа — глас Божий». Со времен автора изречения, убиенного собственным воспитанником Нероном, Луция Аннея

Сенеки, история не раз могла убедиться, что «глас народа» бывал (чаще всего) тоньше комариного писка, а «Бог» с удивительным однообразием возвышал свой «глас» за правителей, чему есть свои объяснения. Античность знала «Богоравных» императоров, позднейшие времена — «помазанников Божьих». Я говорю не о возможном Творце миров и времен, а о нашем истолковании его воли.

Если поверить тому, кто утверждает, что демократия отличается от диктатуры «всего лишь» тем, что первая организует народную жизнь, опираясь на право, а вторая — опираясь на силу; первая — на Закон, вторая — на Власть, если это верно, то Россия в очень незначительной мере жила при демократии раньше и не вполне живет при демократии теперь. «По совести» жили, «по понятиям», но не по Закону. Закон никогда не был обязательным для власти и, как следствие, для подданных. Я не отрицаю наличие хороших и честных людей во власти, но лишь утверждаю ее стремление сотворить «систему права», отвечающую ее собственным интересам. Мои сверстники переживают уже пятую конституцию, и каждую сооружала под себя очередная власть (от Бога!); уверен, что «пройдет и это», невзирая на уверения, будто на сей раз конституция уже навсегда. Словом, наказу Гавриила Романовича Державина мы пока следовать не спешим.

В отличие от установок классических и канонических форм закона и права, демократия в России, благодаря этим усилиям властей, принимала формы протестных смут, погромов. Правительства обычно не гнушались даже грабить народ ради тех или иных собственных нужд, народ, в свою очередь, не считал греховным обман государства и власти. Привыкшая к насилию власть и народ приохотилась к нему же, поэтому если случалось «демосу» утверждать иногда собственную политическую «кратию», то делалось это, в том числе, через кровь и смертоубийство. Других форм борьбы за свои права населению практически не дано было знать. Так «рабочее движение» начала ушедшего века отторгало умеренные формы борьбы в пользу самых воинствующих и радикальных.

Как показывает услужливая память, среди знаков «борьбы с», под которыми расцвели последние в двадцатом столетии радикальные российские реформы, ярко сиял знак борьбы с «административно-командной системой». Увлеченные борцы-интеллектуалы и сочув-

ствующие из «народных масс» как-то упустили из виду, не обратили внимания, что бороться они в данном случае вознамерились не со специфическими проявлениями большевизма, не с коммунистическими извращениями славной хозяйственно-рыночной отечественной истории, а с самой этой историей в полном объеме. Что, бесспорно, значительно и гораздо сложнее, требует больших усилий и большей, среди многого прочего, исторической подготовки.

Административная команда — это неперенный спутник и рычаг всякой мобилизации, а наша страна и государство жили в состоянии так называемой мобилизационной экономики столетиями; в стране постоянно действовало бессрочное «мобилизационное предписание». В условиях вынужденного догоняющего развития и от того сопутствующего хронического дефицита — дефицита финансового, дефицита навыков производства и знаний, дефицита времени, а также в условиях развития под кнутом угрозы, в условиях непрерывного деформирующего политико-экономического давления извне ничего иного ожидать и не следовало. Чтобы бросить вызов такой истории, потребны люди иного, не мелко- и не крупноворовского масштаба. Не такие пытались! По волевым параметрам, по уровню личности и в государственном измерении не чета тогдашним руководящим старателям реформ. Пытались, правда, с одним неизменным военно-фискальным манером. Не очень упорно и вполне безуспешно.

Как и ныне, надо всей российской историей висели центральные проблемы власти: как сколотить и обустроить государство, где взять деньги на оплату чиновничества-администрации, на армию и на войну. Павел Милюков утверждал, что деньги и войско — это две главные российские заботы, которые определяли все важные российские реформы. Реформы во все времена, заметьте, при хронически пустой казне, при зияющих, разной природы дырах в государственных карманах, куда неизменно проваливалась часть с большим трудом собранных податей. При всем том все всегда знали, что деньги в стране есть, но там, куда рука власти предпочитала не залезать. А если в виде исключения для государственного дела власть переливала колокола на пушки или изымала для собственных целей церковные сокровища, то плач и стенания обиженных достигали небес и звуки тех воплей звучат в столетиях.

Начало реформ «лихих девяностых», о которых внезапно заговорили сегодня, в 2010 году, отличается от всех предыдущих тем, что «реформаторы» разворовали или позволили в числе прочих разворовать средства, предназначенные «на войско», и при этом никто не помышлял тащить казнокрадов в Тайный приказ. Не было в истории России таких невезучих в деле «субъектов» преобразований и одновременно таких благополучных в личной судьбе. В области реформ не преуспел никто, зато каждый обзавелся солидным куском имущества, личным фондом или, по крайней мере, крупной пожизненной рентой от вложенных в реформу усилий. Главным образом усилий по производству и воспроизводству властных «вертикалей» и «горизонталей».

Самое прискорбное из наших несчастий то, что на сегодняшний день Россия все еще не в состоянии контролировать свою Судьбу, хотя усилия в этом направлении есть. Почему?

Вернемся к нашим баранам, то бишь к нашим командно-приказным традициям, овеванным идеологиями, взлелеянными под сенью религий, под патронажем государства, при личной заинтересованной заботе и покровительстве правителей.

Не станем подобно вещему Баяну растекаться мыслью по древу о временах князя удалого Игоря Святославовича, тиунов и кметей его, кого удельное честолюбие и навыки модного в те времена командного администрирования занесли в плен к половцам и погубили дружину. Скажем только, что уже в те былинные годы и далее через всю российскую историю протянулась нить, скорее, чугунная цепь административных команд.

Административные команды взращивали череп государства как ответ внутреннему и внешнему врагу, устанавливая жесткий контроль над тем, что копошится в извилинах под черепом. Они вскармливали тело огромной империи, принося и поощряя работно-тягловые и ратные человеческие жертвоприношения — иногда на алтарь Отечества, но часто к собственной славе, процветанию и обустройству. Не будет слишком большим насилием над историей сказать, что команда, приказ — это карма, рок, парки, ткущие нити отдельных конкретных судеб.

Естественно, это требовало жертв, и главной из жертв оказалась на века утраченная политическая свобода, которая так трудно

обретается сегодня. На долгие-долгие годы почитание венценосца стало составной, принципиальной частью официальных идеологий, при этом «принцип», как мы помним, совсем не мешал прирезать или удавить, взорвать, ослепить «конкретного принцепса», сидящего на князем или на царском престоле. Вовсе не большевики были первыми цареубийцами и детоубийцами — история тянется от св. великомучеников, отроков Бориса и Глеба, зарезанных собственным (Окаянным) братом. Еще на долгие годы растянулось ожидание радостного события: «рабства павшего по манию царя». Надо сказать, активное, однако, ожидание.

Вместе с историей в человеческое общежитие входит ответственность. Ответственность творит историю, направляя энергию жизни в русло восходящих потоков, сообразно целеполаганию, целеорганизации. Безответственность, напротив, разрушает историю, низводит ее до уровня нечеловеческих природных стихий. Так и следует относиться к истории, так и должно быть, когда-нибудь так и будет, если цивилизации успешно завершат мегацикл эволюции, над которым довлеет деформирующее воздействие отчуждения, со специфическими экономическими отношениями, политическим господством, культурно-идеологическим подчинением и с соответствующими формами протеста.

Команда, плеть и нагайка, дыба и плаха, кол и веревка, почести и награды российской истории рождали не только исполнительский раж и преданность власти — еще они породили влиятельное, чрезвычайно живучее, авторитетное социально-психологическое образование, явление, имя которому — голытьба. «Голытьба», «голь кабацкая» — неотъемлемая часть, пласт народной жизни со своим эпосом, нравственными установлениями, уложениями о правах собственности, со своим представлением о добре и зле, о роли и месте насилия, о том, что дозволено и справедливо, о характере власти, об основных установлениях религии — не даром бунты, как правило, сопровождали ереси и расколы.

Историки отмечают, что, например, различие между «государевым казаком» и «воровским казаком» было в народном сознании весьма зыбким и условным. Таковым же оно было и в жизни. Казаки весьма легко переходили из одного состояния в другое, как Ермак Тимофе-

евич, как атаман Иван Кольцо, как (обратный переход) Кондрат Булавин или Степан Разин, Емельян Пугачев.

Часть активного «нижнего» народа в конце концов соображала или ему объясняли, что жизнь под страхом ежедневных побоев, жизнь голодная и подневольная с перспективой оказаться в застенке, в кандалах или в солдатах может быть заменена разгульной, вольной, хотя и опасной, но посреди речных и степных просторов. По крайности, жизнью воровской, площадной и в «царевом кабаке».

Народ искал в центральной власти и поныне ищет защиты от произвола и угнетения разных господ и, не находя таковой, переносил свои упования и находил образцы бесшабашной удали, смелости, мужества в смерти и справедливого воздаяния среди «добрых молодцев», «бурлаченьков вольного Поволжья», «граждан матушки каменной Москвы». Это тем более оправдано, что верховный народ исполнял ничем не лучшие гражданские правила, то есть воровал и грабил, доносил и мошенничал, то есть оба два в этом смысле, так сказать, одного сукна епанча.

Опричные топоры гуляли по шеям воровских бояр, воровал светлейший князь Меншиков, доносили и грабили Шувалов, Бирон, сенаторы, духовные пастыри. Разгул сановного воровства, поутихший было, поуменьшивший масштабы в связи с карательными усилиями и общей бедностью советской эпохи, вспыхнул и разгорелся настолько, что, повторимся, лидер, не отмеченный воровством, — о, простите! Лидер, не отмеченный рыночной инициативой, аукционно-инвестиционно-акционной благодатью, — это «чужой среди своих, свой среди чужих» и выглядит такой же идейной нелепостью, как одноименный ранний кинофильм нашего главного режиссера среди его «зрелых» теперешних монархических откровений.

Причудливым образом перемешано в нас представление о героическом и постыдном, и далеко не всегда удастся нам их развести. Вот, примеру, Кудеяр и рапсодия по случаю неудачной свадьбы веселого и хмельного атамана, да и вообще, заметим, что «разбойные» песни с удовольствием расппеваются в городах и весях России, так же, как блатные и тюремные. Есть в каждом россиянине, в русском наверняка, частица голытьбы, голи кабацкой, будь он хоть трижды аристократом или миллионщиком. «Голь на выдумки хитра», — говаривал отец

последнего Императора, пряча от законной супруги в ботфорт спец-бутылку с традиционным русским напитком. Не станем уже развивать тему об объяснимой любви вождя тов. Сталина к песне в исполнении Утесова: «С одесского кичмана сбежали два уркана».

Гольтыба и вольница, как сума и тюрьма, от которых, по слухам, не стоит зарекаться ни одному русскому, формировали определенный нравственный (вненравственный) строй жизни и строй понятий, где сила важнее, полезнее, лучше анонимных, слепых законов; адресная, конкретная, умная сила против тупого закона — это лозунг народной истории и ельцинско-демократического российского реформаторства. Народ молчал, когда расстреливали им же избранных депутатов, не потому, что солидарен с убийством, а потому, что гольтыба в нас инстинктивно против Закона — таков наш национальный, веками отшлифованный «архетип».

«Закон» — всегда не наш, всегда для кого-то другого писан, что часто как раз и случалось с нашими законами. Беззаконие, опора на силу равным образом нравятся гольтыбе и управителями всех рангов. Правда, любовь к силе образует вектор, направленный вниз, а сверху ждут только правопорядка. Ожидания не оправдываются почему-то. Больше всего российские политические системы при неизменно командном управлении не терпели плюрализма властей. Попытки ограничения самовластия оканчивались плохо для реформаторов, даже самодержавных (Александр II, Николай II). Невзирая на видимые усилия последних президентов, наша современная система пока еще тяготеет к административно-командному управлению — и это отнюдь не новшество, а торжество древней традиции и возрождает ряд ее существенных сторон.

Ленин был интернационалистом и непримиримым борцом с самодержавием, но он был еще глубинным великороссом и клеймил разделение законодательной и исполнительной властей, так как, по его мнению, такое разделение только наводит буржуазную тень на плетень, служит интересам имущего меньшинства и, сверх того, мешает нормальному отправлению властных функций. Согласитесь, что, наблюдая перипетии грызни наших властей при Ельцине и плачевные результаты управления, мы испытываем сильный соблазн прийти к аналогичным выводам. Но, конечно, это вздор, будто у нас явилось

тогда совместное управление — всем руководила Администрация и несколько лиц из окружения президента, при содействии ручного парламента и «непримиримой оппозиции». Заметим, что «непримиримые» во все время реформ, голосовали за предложенный администрациями и правительствами бюджеты, а «парламентарии» в целом осеняли себя госсимволами, предложенными главой государства.

Команда — постоянный, последовательный и непримиримый враг инициативы, выходящий за рамки команды; она — самый примитивный способ руководства подчиненными. Иногда команда нужна, необходима, единственно возможна, но в нашей сегодняшней гражданской жизни она почти утратила полезный исторический заряд. Беда в том, что, разрушив старую систему управления, мы и поныне не умеем ничего, кроме как отдавать и исполнять приказы, так что пока мы робко, исполняя команду, осваиваем федерализм, возвращаем в себе сознание «строителя гуманного капитализма-олигархизма», тяжелеет пресс административной системы. Поэтому пока не осознаем условий свободы, микроб произвола и смуты будет жить в теле государства и ждать своего часа.

Вот уже более двух тысяч лет великий Гиппократ нас поучает: «Жизнь коротка, путь искусства долог. Благоприятный случай быстротечен, суждение трудно». Учить-то учит, а с нас как с гуся вода. Был не один «случай», благоприятный момент, чтобы развернуть курс в нужном направлении и двинуть корабль страны. Были случаи, да уносило их потоком мутной чиновно-канцелярской рутины, терялись они среди народного безразличия в карьерной возне политиков, глохли в славословиях вождей и просто в досужей болтовне «многих званых» интеллигентов. Еще бывало так.

Как только интеллигент начинает соображать, что он не только мерило своей собственной совести, но еще меряет совесть народа и Отечества, то есть не только зван, но и призван (желательно за приличное вознаграждение) излечить совесть народа, то тут же, без промедления начинает звучать «симфония» власти и интеллигента. Противоестественная, как однополая любовь, эта связь, в конечном счете лишает способности «трудного суждения», и того, и другую; ослепленные страстью оба сначала действительно не замечают, а вскоре едва терпят, но делают вид, что не замечают очевидные урод-

ства друг друга. Внешнему наблюдателю смотреть на это довольно противно. Как известно, власть активно обращается к морали, когда у нее нет денег.

Кроме гольтббы и черни командный вариант управления породил огромный (чиновный) класс исполнителей команд — этот бич всей российской истории, а также несуразно большой аппарат надзора за исполнением команд, целый надзирающий, репрессивный общественный слой, и все это при скудном экономическом базисе.

В XX веке государство предприняло попытку контролировать каждого гражданина поименно. Сеть канцелярий, парткомов, министерств, спецслужб и институтов должны были обеспечить беспрекословное исполнение приказов. В результате государство утратило самоконтроль, перестало управлять собственным имуществом и границами. Теперь оно мучительно нащупывают свои пути в мировой цивилизации XXI столетия. То место, которое России предуготовили сожители по планете и которое она сама себе определила реформами прав собственности и ее криминальным разделом, вряд ли может долго устраивать население и «демократию».

Иван Александрович Ильин (как и Карамзин) принадлежал к сторонникам «просвещенной конституционной монархии». Конституционная монархия, однако, не прислушалась к его советам и сгинула. Я разделяю убеждения Ивана Александровича, я также и за «просвещенный коммунизм», не против «просвещенного президентства» и «просвещенного республиканства». Иное дело — возможны ли они в России и всему свой час и свои условия. Ильин вычленил «аксиомы власти» и среди первых аксиом отмечал, что положительное право и создающая его власть, их авторитет «покоится не только на общественном сговоре, не только на полномочии законодателя, не только на внушительном воздействии приказа и угрозы, — но прежде всего и глубже всего на «духовной правоте, или, что то же, на содержательной верности издаваемых повелений и норм» (*И.А. Ильин. Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 291*).

Со своей стороны хочу подчеркнуть давно известное: полномочия «личности» кончаются там, где начинается жизнь, продиктованная инстинктом, страстями либо внешним приказом. Как бы ни была хороша, правильна и своевременна команда, на момент подчинения,

она ограничивает свободу и ответственность, а значит, и личность. Бесперывные, всеохватные командные распоряжения имеют тенденцию устранять их вовсе.

Похоже, есть смысл приобрести навыки и начать корректировать отцов-командиров.

Народ зачастую был лучше и чище собственных властелинов, ибо держал на плечах тяжесть существования страны, иногда смертоносную тяжесть. И это, кажется, тот случай, когда устами народа говорил Бог. Еще, бесспорно, говорит Он в трудах и ремеслах, в художественном творчестве. Отчасти все же прав Сенека.

А в остальном что же? Может быть, и разговаривает Бог народным голосом, только давно отмечено, что у евреев Бог и сам еврей, у японцев — японец. И у любой нации он человек, то есть имеет свои выраженные пристрастия и питает вполне объяснимую слабость «к своим».

Обратимся к опыту безбожной власти.

«Время — как берег, — утверждал один из наблюдателей, обозревая современные ему перемены, — движемся мы, а кажется, что он». Не так давно перелистал ветер жизни страницы истории, отпущенные власти Советов. Минула историческая эпоха, случились общественные подвижки. Какие на этом пути ждали жизневороты, пороги, провалы — хорошо известно, но вот что следует помнить: оценивая прошлое, мы судим и настоящее. Хорошо, если негативно-критическая оценка не оборачивается толерантностью ко всему теперешнему, даже глупому, фальшивому и мерзопакостному.

Эпоха, которая отделяет нас от того времени, вместила народные трагедии и народный героизм, тупую серость концлагерей и гигантские стройки века, фронтовые стойкость и мужество и фронтовое предательство — давайте станем злопамятны и не будем все эти вещи путать.

Политики и власть любят обставлять себя разнообразными легендами и мифами. Не знаю, как вам, а мне не довелось жить при власти, которая бы не лукавила со мной или не врала самым беззастенчивым образом. Самым невинным является утверждение, будто вершина власти означает вершину политического ума — невинным потому, что никто, кроме того, кому предназначен пассаж, в него не верит, однако

очень многие властные отношения строятся так, как будто соратники властелина искренне уверовали в эту чепуху.

В свое время марксисты, ленинцы и сталинисты понимали и определяли власть как инструмент для организации политической воли господствующего класса. Затем классовую теорию наши современники подвергли остракизму — будто бы эта теория, внедряясь в идеологии, взрывает общественное согласие и провоцирует социальные напряжения. Пожалуй, теория классовой борьбы действительно страдала некоторой узостью взгляда на исторический процесс и место в нем власти, но наш современник, как водится, вместе с водой выплеснул и ребенка. Характерно, что это случилось в преддверии и в момент глубочайшего классового расслоения в России.

Привычка приучить повелителя к скромному сознанию его талантов и выдающейся роли среди людей сопровождает историю власти с тех пор, как власть отделилась, проросла из своих биологических, животных эволюционных корней, чтобы цвести и плодоносить на дереве познания добра и зла. Удивителен не факт присутствия объяснимой человеческой слабости, а то, как скоро, как единодушно и охотно, как дисциплинированно подчиняется любой даже абсолютный властелин этой диктатуре чужого мнения, готов терпеть в этом вопросе даже грубое насилие. Такая вот слабость: «Я — сверхчеловек, ничто сверхчеловеческое мне не чуждо» — почти как в комедии Теренция.

Возвращаясь к выводу о народе как «источнике власти», следует с прискорбием и его посчитать исторической легендой. Легенда становится явью только в немногих, драматических и трагических временах революции и самоуправств. Отрицать за народом право на бунт и революцию может тот, кто отрицает «право» на высокую температуру у организма, пораженного инфекцией. Не преувеличивая заслуги большевиков в победе над бывшей властью, не могу разделить легкомысленного убеждения, согласно которому «власть сама упала в руки большевиков». Упала — вместе с сабельными атаками и боями на взаимное уничтожение.

Чтобы судить и понять «антирыночных» большевиков, следует понять их проблемы, иначе мы рискуем приписать им свои собственные изъяны. Наши проблемы — пустяки по сравнению с тогдашними. Жесточайший кризис промышленности и сельского хозяйства, кризис

на транспорте, голод, общий экономический ущерб от потерь в Мировой и Гражданской войнах оценивался в 50 миллиардов золотых рублей. Саботаж и преступность, спекуляция и казнокрадство. И при всем этом необходимо на базе аграрной страны создавать энергетику и индустрию, внедрять технологии, формировать милицию, армию и т.д. и т.п.

Идей, которые породило воображение большевиков, с какими они взялись за переустройство старого миропорядка, не так уж много.

Отмечу одну из них. Это идея радикального отделения персонального носителя власти от оков деформирующей его частной собственности; отделение управителя от крупного имущественного обладания. Между «быть» и «иметь» большевики поначалу твердо выбрали «быть». Большевики ленинского призыва действительно были большими мечтателями, идеалистами и фантазерами, чем известный английский фантаст. Пока тов. Сталин не опустил их на каменистую материалистическую почву.

Но вместе экономика и политика, по возвышенной мысли революционеров, обязаны были подчиниться общему и самому фундаментальному императиву социальной справедливости, каковой заключался в создании таких условий общежития, которые гарантировали бы для каждого максимум равных возможностей саморазвития с одной стороны, а с другой стороны, и вследствие этого исключала бы возможность социального взрыва. Отсутствие условий для социального взрыва — это и есть в точном смысле максимальное выражение идеалов справедливости. Последнее, по-моему, — весьма здравая мысль; ее же высказывал, чтобы не закопаться на этот раз далеко в историю, далекий, как мы понимаем, от большевизма Паскаль. Большевики искренне полагали, что их Революция будет в России последней.

Вдохновляющие идеи были достойными, намерения — чистыми, цели — ясными, а получилось — не то, что ожидалось. В чем дело?

Не справились большевики, затем коммунисты с «природой человека», помнили об обществе и идеалах и забыли такую малость, как человеческие качества. Они даже с собой не справились. Никто в 17-м году не слышал расстрельных залпов и концлагерей близкого будущего, своего будущего, а писали программы для всей мировой истории. Слов нет, далеко большевикам по части искусства личного обогащения до

нынешних новых собственников (я вот думаю, а вдруг окажется, что «ученый и математик» Березовский и впрямь не нарушал закон и честно заработал свои три миллиарда долларов, тогда, думаю я, дело совсем из рук вон плохо и надо судить законодателей за преступную халатность в законотворчестве). Как бы там ни было, далеко ли, близко ли, а «природа человека», страсть властвовать, обладать и иметь и на сей раз оказалась сильнее доктрины.

Доказать тезис «честность — лучшая политика» затруднительно, опираясь на исторические прецеденты. В конце концов, существует же врачебная тайна, существует и политическая тайна, а военная тайна и обман противника — так это просто добродетели. То, что у нас было и ныне модно трепать языком всем подряд и выбалтывать все где и кому попадетсЯ — это вовсе не откровенность, а иногда и прямое предательство. Когда правительство, министр болтал о решении тогда-то провести эмиссию (скажете — такого не было!), так это не честность, а нечто совсем иное. Хотя многое говорилось в неотразимом восторге от гласности и «открытого общества»; разделись, можно сказать, до самого голого места, больше, чем самая обнаженная, модная западная демократия.

Политика и власть знавали тех, кого прозывали Святым, Тихим, Грозным, Смелым, Храбрым, Бешеным и т. д., а от Великих просто в глазах рябит. Больше всего Великих случилось среди тех, кто изничтожил больше всего собственного и чужого народу, так сказать, основательно замутил источник власти.

История с мировыми тоталитарными системами по одной версии означает «победу личности над толпой», вождей над массой, по другой — «победу толпы над личностью», растворение личности в толпе. Дилемма, как мне представляется, надуманная, альтернатива ложная. В том и другом случае речь идет об одном — о незащищенности общего, коллективного сознания перед приемами и средствами массового обольвания. Это значит, что человеческая история чревата победой идолов над смыслом, победой частного, корыстного интереса над общечеловеческими нравственными заветами. Честность требует это признать.

Среди многих прозваний, имен властелинов не припомню ни одного Честного. Правда, Костомаров говорит о честности первых

Романовых, но добавляет, что они ничем и не управляли, а только светились и царствовали. Трудно доказать тезис о честности, как о лучшей политике, если только не воспользоваться «методом от противного». Вот мы имели бесчестную, вранливую политику, и что же?

Не везде и не всегда полезна и необходима честность, но там, где она возможна, она должна присутствовать.

Поэтому правда, что народ не наполняет власть, как источник наполняет водоем; он даже своих представителей делегирует во власть редко, имея в виду, что избранник обязан проводить «линию народа», отстаивать его «объективный интерес», а он норовит отстоять свой личный или интерес корпорации, а то и вовсе пожелание бандитской группы. Но верно также и то, что народу не следует врать сверх необходимого. Даже если мифология является неизбежной составляющей логики управления, враньем злоупотреблять не разумно. Компартия и Советы утратили власть именно из-за постоянной привычки к вранью, ставшей нестерпимой, ибо вранье унижает достоинство того, кто врет, но не меньше того, кому врут.

Ждать, когда на маске власти начнет само собой проступать человеческое лицо, можно неограниченно долго, но лучше приняться за воспитание собственных политических, а также финансовых, хозяйственных, научных, идейно-художественных, идейно-религиозных элит.

Сегодня и во веки веков — это центральная задача народа. Более того, народ — и необходимое, решающее условие задачи, и конечный результат решения.

Уже объявилось третье тысячелетие, отсчитывая от момента, когда явился тот, кому, по верованиям, учениям ряда Церквей предназначено было спасти человеческий род от довлеющего над ним «первородного греха», то есть от пороков его собственной «природы». Другими словами, спасти человека от сущности человека.

Полное спасение обещано, и следует ждать на небесах, а в земной жизни мы видим, что по ряду существенных параметров природа человека пребывает без изменений. Истекшие две тысячи лет мир, как и прежде, стремился к добрым делам, к полноте познания, изыскивая новые формы в сочетании красок, звуков и слов. Вместе с тем, под

слоем культур и цивилизации постоянно тлело, возгораясь войнами, сражениями, походами, стремление к власти, господству, обладанию, эксплуатации.

Во всех исторических российских обществах управление строилось как господство, и это неизбежно накладывало печать эксплуатации: не власть существовала для народа, а, наоборот, народ служил подкожим властью. Поэтому чаще всего вершин власти достигают не те, кто в состоянии охватить необходимое для общественного управления число и глубину человеческих связей, не те, кто познал достоинства народа и сильные стороны человеческой породы, а те, кто глубже других проник в темные пласты сознания и подсознания и способны спекулировать на людских слабостях. Потому многие наивно видели в монархии, в наследственной власти хоть какую-то гарантию от проникновения власти тиранов и корыстолюбцев.

В списке причин исторических провалов и поражений человеческих сообществ следует особо выделить пристрастие превозносить победу выше ее реальной ценности для оправдания затраченных на победу усилий и «списания» жертвоприношений на алтарь победы — вынужденных и ненужных, своих и противника. Мы выстраивали пьедесталы, что возносят памятники героям в разреженные, горные высоты, куда с трудом залетает критический ветер истории, наслаждаясь их видом, пока общественные перемены не стряхивали с памятника мишуру эпolet и позолоты.

Усерднее и быстрее всего пьедесталы строятся «великим» властителям и «великим» воителям, и кажется, что зенитные лучи славы согревают всех подвластных, мнится, что все они причащаются именем победителя, вкушают от величия победителя. На самом деле почитание не только греет, даже не столько греет, сколько деформирует сознание, направляя движение мысли на узкоколейку самолюбования и поклонения кумирам. «Любой кумир должен быть разрушен не потому, что он ложный, а именно потому, что кумир», — говорил Петр Лавров. Правильно говорил, глубоко мыслил.

Нынешний XXI век, возможно, будет прославлен достижениями наук и искусств, новыми энергетическими возможностями, расшифровкой тайн «темной материи» и «темной энергии», открытыми тайнами микроматерии, био- и другими новейшими технологиями,

принципиально иными средствами связи, а с ними — новыми формами понимания и овладения временем и пространством. Будет прославлен, если он состоится. Состоится же он, похоже, лишь в том случае, если уже сегодня мы усомнимся в неизбежности этого, если осознаем XXI век как проблему, решаемую только перестройкой глобального человеческого ума.

XX век создал угрозу «ядерной зимы», мог поджарить своих обитателей в «озоновых дырах», загрузил акватории ряда морей, а значит, и колыбель жизни — Мировой Океан — тоннами емкостей с бациллами бубонной чумы и сибирской язвы, создал такие угрозы существованию жизни на Планете, что поставил под сомнение возможность коллективного планетарного сознания управлять дальнейшей человеческой историей. С глобальной мыслью XX столетия опасно жить в XXI.

Не знаю полного объема и всего содержания перестройки ума для моей России, зато понимаю, с чего именно должна начаться перестройка. С того именно, что мы должны наконец обучиться отдавать предпочтение пусть малому, но доброму и конкретному делу, самому торжественному обещанию невыполнимого.

XX столетие слишком часто меняло мировой порядок — отчасти из-за динамизма ускоряющегося развития, а также войн и революций, отчасти из-за разнородных стремлений к мировой гегемонии. Неумных стремлений. Такой порядок, который навязывается сейчас: «Только Соединенные Штаты обладают как моральной выносливостью, так и средствами для того, чтобы поддерживать его», — как заверял соотечественников еще в 1991 г. президент (тогдашний) Джордж Буш, такой мировой порядок вряд ли установится надолго. И в Ираке, и на Балканах, теперь в Афганистане американцы демонстрировали воистину верблюжью моральную выносливость. Похоже, и здесь нужны перемены в сознании.

* * *

Эти заметки задуманы как относящиеся скорее к истории, а не к политике, да и то к истории в ее «злопамятном» контексте. В них намеренно не затрагиваются политические подвижки и реалии наших дней времен президентства-правления В.В. Путина — Д.А. Медведева. Настоящее, конечно, приоткрывает завесу прошлого, но нужно время,

чтобы оценить настоящее. И настоящее, конечно, это отдельный сегодняшний разговор.

Какие из тенденций ушедшего столетия возобладают в нынешнем — моим современникам вряд ли известно. Зато мы можем надеяться и вызывать такие не учтенные техникой и информатикой факторы исторического процесса, как милосердие, сострадание, человеческая солидарность, любовь к ближнему, внимание к памяти и уважение к истине, поиск истины. В конечном счете они, а не корысть и жажда власти, тем более не команда и приказ, направляют свободную мысль или мысль направляют к свободе. Что, в сущности, одно и то же. Тогда мысль может соразмерить победы и пьедесталы.

Может быть, тогда совместно, сообща проясним немного наше основательно замутненное перипетиями былого века историческое сознание. Если Россия и скатится в разряд третьестепенных государств — это еще не фатально, это еще можно поправить.

Лишь бы Россия не стала страной третьеразрядных людей.

П.Д. Тищенко

*ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ*

(поэтическое предположение)

Все действительно новое, рождающееся в жизни людей, должно предварительно вызреть (и точнее говоря — прозреть) в слове, в поэтике родной речи. Воплотиться в жизнь людей, стать их личной судьбой, определить и взгляд на себя, мир и другого.

ПОМНЮ...

жили в двухэтажной барачной коммуналке рядом с Крестьянской заставой. Посреди комнаты — столб, чтоб потолок не рухнул. Во дворе ряд сараев. Один из них наш. В нем дрова, барахло, сундук старый изнутри, заклеенный газетами, и лужа, просыхавшая лишь в самый жаркий летний день. Запах гнили и сырости... в сундуке спрятанные родителями книги. Разрешенные были в книжном шкафу (предмет негодования соседей — никто шкафов для книг не покупал). Среди спрятанных — несколько томов прерванного издания Ленина. Украдкой залезал в сарай и читал запрещенное (родителями), ленинское... Был обнаружен, разоблачен и уличен... Наказан. Книги выбросили. Многократно оглядываясь, прощаясь с тем, что наполняло жизнь бытием (абсолютно непонятым, но своим — тайно вычитанным), навсегда от-бывшем (ставшем бытием от бывшего), сохраняющимся лишь в присутствии печали, оберегаемой памятью, впервые почувствовал необратимость утраты. К сожалению, потом, — забыл, и должна была произойти катастрофа, чтоб вспомнил, опомнился...

* * *

...Было лет восемь от роду. Всей семьей собирались в гости. Меня как старшего одели по-взрослому. Костюмчик, белая рубашка и папин галстук, заправленный в штаны, чтоб конец по полу не болтался. В таком виде с мамой (учительницей) и папой (инженером) продефилировал под завистливые взгляды многочисленных соседей через длинный коридор барака и двор. На следующий день меня отловила группа местных пацанов (соседи у нас были в основном из рабочих) и изрядно помяла бока. Приговаривали: «У-у.. интеллигент... Получай... интеллигентское... отродье!». С тех пор я узнал в качестве своего – имя, которого не знал, и «подручное знание» (если вспомнить Хайдеггера) его смысла как некоторого типа...¹ Стал на него откликаться.

* * *

...отец взял меня на дежурство в праздничный день. Шел мне тогда одиннадцатый год. Была такая форма партийной нагрузки. Сидеть в праздник на производстве и следить, чтобы провокаций не было. У дежурного был номер телефона, по которому следовало, если что, доложить куда надо. Отец оставил меня в своем кабинете книжку читать, а сам куда-то отлучился. Рядом с его большим столом стоял стол с печатной машинкой поменьше и пониже. Для машинистки. Я заправил в машинку лист и с трепетом напечатал нечто. Помню – о международной обстановке. Понравилось. Обрадовался. Увидел себя в авторе «произведения». Но радость была коротка. Как коротки бывают обтрепавшиеся шнурки. Вернувшись, отец дал крепкую затрещину, а «произведение» порвал и спалил в пепельнице. Не помню почему, но и он, помянув крепким цензурным словом (матом он при мне никогда не ругался) избаловавшую меня тёщу, отметил неприглядную роль гнилой интеллигенции в воспитании современной молодежи.

* * *

Помню. Совсем недавно. Вагон метро. Два подвыпивших мужика громко выясняют отношения. Пожилая женщина не выдерживает и столь же громко и многократно повторяясь в порыве назидатель-

¹ Греческая этимология слова «тип» опять же адресует к некоторому отпечатку, оставленному одним телом на другом при их со-ударении, контакте...

ности: «Как вам не стыдно... и т. п.». Её сосед во весь голос, чтоб быть услышанным: «Прекратите читать мораль этим алкашам. Они вопят, так вам мало – вы ещё больше шума производите – дайте спокойно газету почитать...» Громко, чтоб перекричать: «Эта я вам мешаю? Я? Ведь не я ж начала, а эти...» «Всё равно замолчите! И без вас тошно...» Другой сосед – тот, что через проход, так же на повышенных тонах: «Заткнитесь все!» Его соседка: «А вы что орёте – уши закладывает!» Начинается всеобщий вопёж, где каждый, чтоб побыть в тишине, надрываясь, кричит «замолчите!»... Соседка девушка, очкарик, обращаясь ко мне в полном отчаянии: «Вы же интеллигентный человек, сделайте хоть что-нибудь! Скажите им, чтоб они все замолчали...» Раскрываю рот и...

ПАМЯТНИК СЕБЕ

Есть стихи в прозе. Я хочу предложить прозу в стихах. Рассуждение через стихи... То есть стихи будут звучать в своей первоизданной поэтической силе. Мое дело – через их сочетание высказать логически ясную мысль. Три текста, которые полностью приведу, на первый взгляд об одном. Написаны в жанре оды себе самому. В них повторяется одна и та же мысль – жизнь поэта продолжается после его смерти. Разница в деталях. Но прежде, чем поговорить о них, – вслушаемся...

Гораций:

Создан памятник мной. Он вековечнее
Меди, и пирамид выше он царственных.
Не разрушит его дождь разведающий,
Ни жестокий Борей, ни бесконечная

Цепь грядущих годов, вдаль убегающих.
Нет, не весь я умру! Лучшая часть моя
Избежит похорон: буду я славиться
До тех пор, пока жрец с девой безмолвною

Всходит по ступеням в храм Капитолия.
Будет ведомо всем, что возвеличился
Сын страны, где шумит Ауфид стремительный,
Где безводный удел Давна – Апулия,

Эолийский напев в песнь италийскую

Перелив. Возгордись этою памятной
Ты заслугой моей и, благосклонная
Мельпомена, увей лавром чело мое!

(Пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского)

Гаврила Романович Державин:

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.
Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
От глена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Александр Сергеевич Пушкин:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

У пушкинистов «Памятник» всегда вызывал противоречивые чувства. Ведь как-то нескромно даже великому при жизни себе памятник ставить. Тем более человеку, наделенному здоровым чувством юмора. Однако чувствительные литературоведы обычно не замечают, что все три поэта писали оды не некоторому эмпирическому человеку, тогда-то рожденному, имеющему такое-то тело, волосы и так-то изогнутый нос, но «себе». Некоторому подлинному и Большему, что разместило себя, по воле судьбы, в этом конкретном и, если взять без поэтического дара, весьма жалком человечке. Мелочном, болезненно ревнивом уродце, который, вероятно, только для того и писал, чтоб видели в нем автора — «пиита». Не просто нескладный мужчина, на которого никто и никогда не обратил бы внимание, а известный поэт — автор. «Вы читали его вчерашнюю эпиграмму? Нет?! — батенька, как так можно? — только для вас, списал вчера у самого...» Поэтому ода «поется» именно «себе» —

тому, что (кто?) делает некоторого человека поэтом и является его «душой». Но в этом «пении» для пишущего всегда присутствует не только «душа», но и «тело» того конкретного человека, который через свою, доступную только ему боль и страдание, предоставляет душе возможность высказаться. Всевозможные варианты психологии творчества (весьма полезные для самой психологии, но бесполезные для творчества) верно схватывают то обстоятельство, что именно на границе тела и души, уникального опыта поэтического переживания и публичного (открытого опыту другого) выражения действует магическая творческая способность (непонятно, кому принадлежащая) предоставлять слову слово. Однако эта предоставляющая способность с необходимостью выпадает из любого психологического или иного представления именно постольку, поскольку является для последнего априорным условием его (опыта представления) возможности. Сделав эту пометку, продолжу разговор.

В различной онтологической укорененности души, обеспечивающей и фундирующей надежду на бессмертие, таится фундаментальное различие сказанного тремя поэтами. У Горация душа укоренена в *Боге*: «пока жрец с девой безмолвною сходит по ступеням в храм Капитолия». Надежда на Бога обещает жизнь после смерти. У Державина – в *роде*: «Доколь славянов род вселенна будет чтить». А у Пушкина – в *лире*: «душа в заветной лире мой прах переживет» – и, соответственно, «доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит». Надежда на спасение души укоренена в «лире». Именно в «лире» поэт являет «себя» как собственно «самого» таким образом, что это явление становится путем спасения для него как телесного (и в силу телесности – страдающего) существа и для другого – его читателя.

Метафору «лиры» уточняет Баратынский, заменяя это слово словом «бытиё».

Мой дар убог, и голос мой не громок,
 Но я живу, и на земли моё
 Кому-нибудь любезно бытиё:
 Его найдёт далёкий мой потомок
 В моих стихах; как знать? душа моя
 Окажется с душой его в сношенье,
 И как нашёл я друга в поколенье,
 Читателя найду в потомстве я.

Воплощаясь в поэтическом слове, душа поэта (его «бытиё») вступает в сношение с читателем. И не любим, а лишь тем, кому «любезно» бытиё поэта... Отмечу, словом «бытиё» Т.В. Васильева и вслед за ней А.В. Ахутин предлагали переводить хайдеггеровский *Dasein*.

Можно сказать так — каждый из поэтов представляет особый антропологический проект, особую идею жизни, центрированную на особом понимании «себя», укорененную в некотором частном существе (иванове, петрове, пушкине...)¹. Причем это *бытиё* предстает не как *бытие*, уже выставленное в философском дискурсе на границу с мыслью (открытое ее склонением), а как творческая мощь жизни, еще только предполагающая его. Эта мысль звучит и в стихотворении Баратынского «Последний поэт». Поэзия трактуется им как природная стихия, которая противопоставляется пошлости «века железного», с его деловым интересом, просвещением (предполагающим автономного субъекта) и прогрессом.

Таким образом, Пушкин посвящает оду поэтическому дару в «себе», мощи его «свободной стихии» — «стихии стиха» (Б. Пастернак), которая порождает поэзию — «единственную стихию, с которой не прощаются» (М. Цветаева). Баратынский назвал эту творческую стихию словом *бытиё*. Метафизически интересен тот факт, что это слово трудно склонять (т.е. отклонять в речи от его сути) ни в числе (оно как бы по ту сторону различения единого и многого), ни в падеже (по ту сторону отношения к другим словам в предложении). Как только мы, усилием мысли, преломив собственную тенденцию слова, просклоняем его, то, по большей части, в руках окажутся варианты числа и падежа другого, более привычного слова — *бытия*. Исключение тут вариант — «бытиём»...

Но вернемся к памятнику. Тема еще не закончена, и ей надо предоставить возможность отзвучать. В стихах «памятник» перед нами не просто нескромное самовосхваление известных поэтов, а особого рода антропологические проекты. В этих проектах присутствует, помимо прочего, особый мессианский импульс. Поэт не только спасает свое существо от тлена, но и дарит надежду на спасение читателю — тому, кому станет любезно его истинное поэтическое «бытиё». Через сотню лет после Баратынского и Пушкина очень близкое понимание поэзии

¹ Я пишу «частный», полагая его более изначальным, чем атрибуты всеобщего, единичного, уникального, индивидуального.

находим у Маяковского: «Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном – только если это отстоялось словом». Сказано это в автобиографии – «Я сам». И еще пронзительней, чем у поэтов XIX века, у Маяковского звучит мессианская идея. Из «Разговора с фининспектором», по поводу поэтических слов:

«Поэзия –
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.
Но как
испепеляюще
слов этих жжение
рядом
с тлением
слова – сырца.
Эти слова
приводят в движение
тысячи лет
миллионов сердца».

И совсем уж в лоб:

«Слово поэта –
ваше воскресение,
ваше бессмертие,
гражданин канцелярист».

Чтобы понять Маяковского, а через него – Пушкина, вслушаемся еще раз в стихи Баратынского: «В моих стихах; как знать? душа моя // Окажется с душой его в сношенья...»

Моя душа – это моё бытие, лира, стихия и мощь поэзиса. Он, читающий, любезен мне, а я ему лишь постольку – поскольку каждый из нас (встречаясь в тексте) через этого другого находит путь к себе. Обменивает время жизни на время письма и чтения и считает, что обмен выгоден. Два чудесных дара внимания и признания удостоверяют успех состоявшегося «сношения», а следовательно, и обмена. Подчеркну – в выгоде оказываются оба – и дарящий, и дары

получающий. Как в обычной жизни. Причем отношение любезности здесь не следует путать с отношением любви. Оно антропологически шире, поскольку захватывает обе закраины человеческого существования — и ангельское в нем, и животное. Кому-то любезен Пушкин. Кому-то, любезна «гадость» порнографии, поскольку позволяет изживать (давать возможность выразиться) вытесненное моральным ригоризмом. Недаром в стихии русской жизни параллельно с Пушкиным, Баратынским, Лермонтовым и другими классиками всегда присутствовал сын священника¹ Иван Семенович Барков и огромное число его анонимных соавторов (активное творчество последних на столетие пережило самого Баркова). И он тоже, как и Пушкин, вправе сказать: «весь я не умру...» Культура нуждается в своих раблезианских маргиналиях... На ум сразу приходит ахматовское — «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...»

Но вернемся к основной линии рассуждений. В поэзии и поэтике русской речи конца XVIII — начала XIX века вызревал особого рода антропологический проект, который я имел решимость назвать несколько затертым словом «интеллигенция» (аргументы прозвучат позже — терпение, уважаемый читатель!). Сердцевина этого проекта — новая идея спасения — не в Боге, не в роде, а в лире. В том, что было помечено словом «бытиё» и укоренено в отношении любезности, реализующимся через текст. Это новая идея человеческой судьбы. Поэтому полезно еще раз взглядеться в судьбоносное отношение любезности М.М. Бахтин был прав, наделив читателя активностью «соавтора». Эффект любезности коренится в провоцирующей функции написанного текста. Мне любезны, к примеру, В.С. Библер и А.В. Ахутин не столько потому, что этих людей я знал (первого) и знаю (второго) как милых и чрезвычайно интересных собеседников, но прежде всего потому, что чтение написанного ими не просто раскрывает для меня нечто небывалое, мне не раскрытое, но провоцирует к работе соавторства. Провоцирует во мне мысли и представления, которые никогда бы в иных условиях не пришли ко мне «в голову», не стали бы для меня способом выражения чего-то сокровенного именно для меня. Того, что ни при каких условиях тому написавшему не станет известным. В чтении текста любезного автора читающий сам обретает спасение, в нем

¹ Не случайно священник — один из главных героев маркиза де Сада.

пробуждается лира — то, что не умрет. Поэтому это «сношение» душ *не* передача информации.

Любезный текст оказывается местом встречи, местом резонанса между поэтической стихией, мощью и бытиём души написавшего и стихией, мощью, бытиём души прочитавшего. В обыденной жизни философов и канцеляристов эта стихия пребывает как бы втуне. Заставлена и заслонена нужностями и необходимостями. Встреча с поэзией (как и настоящей прозой или философией), сношение с любезным поэтом (как и любим другим пишущим, поскольку тот сохраняет в себе и предоставляет другому дар поэзиса) через текст оборачивается для частного человека встречей с «собой». Возникает эффект, подобный физическому резонансу. Ритм стихотворного слова как бы испепеляет руду тяжеловесного слова-сырца в душе читателя, высвобождает из него энергию поэзиса (бытиё как творческую энергию), которая(ое) способна(о) приводить в движение миллионов сердца¹. Так, как движут на протяжении уже пары тысячелетий тексты Гомера, Эхсила, Еврипида, Платона, Аристотеля и других античных поэтов и философов.

И еще важное уточнение. В сношении двух душ возникает кон-такт любезности. Причем этот кон-такт удвоен. Во внешнем плане — он предстает как сношение поэта и читателя. Во внутреннем, поскольку голос поэта звучит во мне, я «сам» звучу как ответ другому «самому» в себе самом. Возникает молчаливая беседа (сношение) души с самой собой как другой собой. Событие мышления... Мышления в горизонте конкретного антропологического проекта... Ответ в душе любезного читателя формируется лишь на грани, возникающей в опыте чтения открытости мира и уникального опыта боли (боль я здесь понимаю широко — как переживание ущербности — неважно, телесной или душевной). Более того, если учесть, что пишущий себя также и читает, то в принципе это событие может происходить и в себе, без всякой реальной публикации, можно сказать — в публичном (открытом в слове для другого) одиночестве. Стихи облегчают боль. Спасают.

И не только мышление. Надежда на индивидуальное спасение как поэтическое сношение душ через произведения указывает еще на один аспект этого проекта — духовность. Духовность (как сила надиндиви-

¹ В.С. Библер говорил: «Поэзия прочищает философу глотку».

дуальная) и есть спасающее. То, что, воплощаясь в жизнь отдельного человека, создает для него горизонт, который выше ценности самой этой жизни. Наличие духовности опознается по готовности людей жертвовать жизнью во имя Большого. И в данном отношении проект выдвигаемый Пушкиным, Баратынским, их друзьями и последователями, находится в вызывающей оппозиции к иным проектам. Баратынский противопоставляет свой антропологический проект проекту просвещенного человека дела, расчета и прибыли. Человеку, готовому жертвовать своей жизнью и жизнью другого во имя наживы. Он тот «тот», кто поклоняется мамоне.

Пушкин противопоставляет себя иному конкурирующему проекту. На Руси куда более популярному. Дело в том, что написание его стихотворения практически совпадает (различие буквально в несколько дней) с открытием Александровского столпа в Санкт-Петербурге. Последний был возведен в честь победы над Наполеоном. Больше, во имя которого осуществляется готовность жертвовать жизнью (духовность) в войне, в официальном самосознании отождествляется с тройчаткой «самодержавия, православия и народности». Спасение — в службе и жертве жизни на алтарь отчизны. Пушкин ставит свой проект «с главою непокорной» выше «Александровского столпа». Тут же вспоминается М.Ю. Лермонтов:

Люблю Отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Что же это за «странная любовь»? К кому она? К какой отчизне? К России, но не той, что бряцает милитаристской тройчаткой. Ответить на вопрос поможет Анна Ахматова. В критической ситуации блокадного Ленинграда, мягко говоря, не испытывая никаких близких чувств к государству, расстрелявшему её мужа и отправившему в ГУЛАГ её сына, она дает свой ответ, завещанный ей Пушкиным, Баратынским и Лермонтовым, на вопрос — за что мы обязаны отдать жизнь? Отнюдь не за советский вариант царской тройчатки: «сталинизм, партия, пролетариат». За другое Большое. Она любит отчизну,

но странною любовью. В стихотворении «Мужество» (1942 г.) она пишет:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Слово и есть та стихия, которая в горизонте особого антропологического проекта обладает *онтологической мощью мягкого знака, превращающего быт в быть*. В нем и через него возникает своеобразная идея смысла жизни, спасения, идея души, мышления и духовности. Если наше слово умрет — то мы все вместе (со всеми предками и неродившимися потомками) ляжем в небратскую (ввиду внутреннего раздора), но общую коммуналку могилы истории... Сохраним — означает спасём для себя и следующих за нами стихию родной речи, укореняющей в себе бытиё — место встречи с собой, другим и иным...

С учетом сказанного вновь попробуем внять — что, собственно, сказывается в слове «бытиё», которое можно назвать сердцевиной антропологического проекта, который я решил назвать — «человек как интеллигент». Поэзия вновь подскажет, главное — услышать. Как было выше сказано — А.В. Ахутин предполагал, что смысл этого слова ближе всего выражает смысл центрального хайдеггеровского понятия — «Dasein». В поисках немецкого созвучия со стихами Баратынского, которое позволило бы более внятно услышать высказываемое этим словом, он нашел стихотворение Эдуарда Мерике (1804–1875) — «Оглядка». В нём «швабский поэт делает здесь само Dasein (бытиё человека) темой поэтического размышления»¹.

¹ Ахутин А.В. DASEIN (материалы к истолкованию). Философия в поисках онтологии. Самара 1998. С. 21.

Оглядка

Когда твой путь выходит на простор
 И счастье ждет за ближним поворотом,
 И все потери мнутся пустяком, —
 Внезапно взор приковывает твой
 Прошедшее, и ты стоишь в смущеньи,
 На плечи грусть тяжелая ложится
 И голос в сердце тихо повторяет:
 Со всем, что так любимо было, ныне
 Ты навсегда простишься, — навсегда.
 Не обманись же, милый мой, — и горстка
 Всего, что юность сладкая сулит,
 Едва наполнит девичью ладонь.
 Таков закон, что нашей жизни дан
 От Бога. Он не устроит того,
 Кто духом глубоко уразумел,
 Суть нашего земного бытия.
 Есть радость безоглядная, за ней
 Приходит радость зрячая: серьезность;
 Так пусть она твоим началом будет
 И бьется сердцем счастья твоего.

По А.В. Ахутину, понимание того, что высказывает слово бытиё, связано с оглядкой, со взглядом, брошенным на то, что уходит навсегда. Как если бы кто-то потребовал — опомнись! В этой оглядке-опоминании, присутствующей(м) в печали, схватывается смысл навсегда уходящего, отбывающего в бывшее и самой жизни человека как содержащей в себе стихию безвозвратно уходящего. «Уйдя из жизни, наше отбывшее бытиё преобразилось в память и мысль»¹. Раскрыло в себе память и мысль. Оглядка «работает» так же, как радикальное сомнение Декарта или феноменологическая редукция Гуссерля. Она расчищает пространство достоверного опыта — бытиё человека, отставляет в сторону то, что в обыденной жизни закрывает её суть. Достоверное в опыте и есть его мысль («твоё начало»).

Как только достоверное найдено, из него как основания (нужно воздержаться от всяких ассоциаций с логическими основаниями) взгляд возвращается к тому, что было на время отставлено в сторону — к самой жизни. «Эта мысль сама теперь входит в средоточие жизни, из (оглядки) вырастает *выглядывание* («пусть не укроется от тебя»).

¹ Там же.

Мы уже не оглядываемся вспять, а вглядываемся в ближайшее будущее, находясь как бы в междувременье»¹. Слово «бытиё» высказывает суть особого рода опыта, который Борис Пастернак, переводя Шекспира, обозначил как «распалась связь времен». Возникло «междувременье». Распадок временения. Неуместное место, разместив своё существо в котором возможно взглянуть на себя как погруженного в поток временения со стороны. Напомню, время так или иначе указывает на связанность жизни в некоторую целостность. Оглядка обнаруживает разрыв этой целостности, рану. Боль разрыва, как действие анатома, вскрывающего тело, обнажает ранее скрытое — некоторую трагическую истину — и дарит особую возможность взгляда на жизнь со стороны. Серьёзность. «Мы обретаем — или открываем — это выглядывание как определяющее черту нашей жизни. Так, *оглядывающаяся*, вспоминая *печаль* обращается *серьезностью* настоящего бытия... Боль окончательной разлуки знаменует окончательность сбывшейся теперь эпохи... Вместе с этим узнаванием ты узнаешь, что таково устройство нашего бытия вообще, что всякая эпоха — как предстоящая *юность* (и пробудившаяся вместе с этим узнаванием *зрелость*) — складывается как законченное в себе событие твоего бытия, в само средоточие которого заранее заложена разлука — складывающаяся, вымеряющая событие бытия *смерть*»². Причём эта серьёзность «не отстраняется от жизни с её переживаниями в какое-то безжизненное размышление о жизни. Обретаясь, напротив, в средоточии (в ядре, сердце) жизни (счастья, горя, любви, смерти...), она преобразует жизнь в *бытиё*»³.

Я цитирую А.В. Ахутина, который, в свою очередь, цитирует Мерике, в силу отношения *любезности*. Для меня эти написанные другим, другом слова дают возможность высказать лишь мне известную боль прощания с жизнью. Мою никому не известную оглядку. Так же как останется неизвестной его, написавшего, оглядка, принудившая его к письму как единственной возможности справиться с болью прощания. Единственной надежды. Эти слова в опыте чтения раскрывают для *меня самого* как вот этого существа здесь и теперь,

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

в «7–26.04.09», пишушего (и читающего) себя в просвете ясности, раскрытой другим. Этот просвет, раскрывающий пишущему и читающему себя самого, и есть *бытиё*. То, что Пушкин назвал «лирой». То, в чём жизнь спасается («весь я не умру») перед лицом смерти не только для написавшего, но и для «канцеляриста».

Бытиё, живущее в стихии родной речи. Ему для присутствия нужно слово. Слово, как скажет Хайдеггер, – «дом бытия». Но, как я предположил выше, бытиё и бытие – вещи различные. Одно склоняется, а другое всё склоняет, само практически не склоняясь, сносит в стихии сношения. Если слово – «дом бытия», то бытиё в дом не вмещается. Скажу иначе. В слове присутствует доминирующий импульс культуры одомашнивания всего, с чем человек встречается. И первый шаг на пути к одомашниванию – именование. Первое дело Адама.

По Хайдеггеру: «Слово есть у-словие вещи как вещи. Нам хотелось бы назвать эту власть слова *условленьем* (Bedingnis). <...> Условие есть существующее основание для чего-то существующего. Условие обосновывает и основывает. Оно удовлетворяет положению об основании. Но слово не об-основывает вещи. Слово допускает вещи присутствовать как вещи. Пусть это допущение и называется *условленьем*»¹.

Что значит – «допустить вещи присутствовать как вещь»? Ответ станет ясен, если возьмём такую особую (особенно для темы наших рассуждений) вещь, как «человек». Слово «человек» допускает присутствие человека как человека. То есть разбивает человеческое существо на собственно человеческое в человеке (его бытие) и не-человеческое (ангельское или животное). В доме остаётся бытие, а бытиё распространяется за рамки одомашненного мира, охватывая мир в целом как различенный на дикое и одомашненное состояние.

Если бытиё – сердцевина антропологического проекта, то она у самого основания раскола. Серьезность через грусть оглядки – это позиция самости, погруженной в поток становления, воплощенный

¹ *Хайдеггер М.* Слово // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Составл., перевод, вступ. статья и комментарии В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 309.

в теле этого конечного существа. Из-за этого страдающей. Но в этом существе воплощен и сам поток (стихия). Если встать на его (ее) позицию как свою, то тогда не грусть и слезы, а смех и хохот над суетными метаниями этой самости станут его выражением. На место уникального присутствия пишущего или читающего как личностей приходит обезличенная, анонимная стихия хохота. Человеком, хохочущим над «собой», хохочет воплощенная в нем жизнь. Её хохот – эхо «гомерического хохота» античных богов над терзаниями смертных. Как форма культуры он воплощен в карнавале и «смеховой культуре».

Почему читаются и пишутся такие стихи? Чем они любезны пишущему и читающему? Этот голос из-*ничто*-жающей воплощенной в конечном человеческом существе стихии жизни антитетически входит в со-гласие с грустью оглядки, образуя напряженный жизненный интервал. Бытиё в своих бесчисленных градациях вызревает как интервал между плачем и смехом. Как условие игры жизни. Любой предел в этом интервале сам по себе – вне игры. Только вместе они удерживают *бытиё* как сердцевину особого рода антропологического проекта. И когда я случайно сталкиваюсь на телеэкране с какой-нибудь «смехопанорамой» хохочущих людей, не обремененных желанием стать собой, самостоятельно решать свои жизненные проблемы, а трусливо перепоручающих их решение начальству, то охватывает жуткое чувство. Ведь вопрос – не «над кем смеётесь?», вопрос принципиальной – «кто, собственно говоря, здесь смеётся?». Нет, не публика. Жизнь смеётся...

Таково, как мне мнится, поэтическое априори особого рода антропологического проекта. Дело философского истолкования – забота другой статьи. Сейчас голословно предположу: *интеллигент – это российский вариант общеевропейского антропологического проекта, в рамках которого человек обретает бытиё в актах письма и чтения, вступая в сношение с собой, миром и другим человеком через тексты произведений перед лицом публики*. Напомню, речь идет об антропологическом проекте, а не неких людях, именовавших себя интеллигентами. Как проект – он принципиально по ту сторону добра и зла. В своем осуществлении он дает ресурс всему – и возвышенному и низкому, и очаровательному и мерзкому. И консерваторы и рево-

люционеры, и богословы и ниспровергатели богов, и этики и аморалисты, и гении науки — все прежде всего «литераторы». И Кант, и Ницше, и Ленин, и К. Леонтьев, и Гитлер, и Лев Толстой, и Сталин, и даже Брежнев — автор и лауреат литературных премий. Это люди, ищущие себя в письме для публикации. В отличие от подвижников прошлого люди интеллигентные, вняв великому смыслу молчания, ничего иного, как публично говорить или писать о нем, не могут. А укрепившись в вере, в скит не торопятся. Мало им тихой веры и молитвы. Как если бы этот прямой путь спасения был чем-то заслонен. И на самом деле. Заслонен и заставлен — публичным словом. Им надо написать о своей обретенной вере. И даже тогда, когда перед ними раскрывается правда немолчащих слов, мудрость деда, решающего глобальные различия между добром и злом на заваulinke, — они не торопятся оставить профессорские или доцентские должности и вернуться домой, на родину. Они об этом прочтут лекцию студентам, выступят на телевидении и, конечно же, опубликуют сокровенные мысли в печати. Как говаривал знаменитый философ Том Сойер, «для молотка любая новая проблема — лишь еще один гвоздь». Так и для представителей новоевропейского антропологического проекта, разновидностью которого является русский интеллигент. Конечно, для кого-то из нашего цеха людей пишущих «интеллигент» окажется идеалом, а для иных — кровожадным идолом... Каждому по вере его.

* * *

И — совсем последнее. Когда я говорю об антропологическом проекте, дающем особого рода надежду на спасение, то речь идёт только о надежде. За надеждой скрывается риск неисполненности. Риск неудачи. Приведу фрагмент великолепного перевода Т. Васильевой из Рильке:

Как мать-природа предает детей
Отваге глухо в них таящихся страстей,
Никак не бережет их ни в лесу, ни в поле,
Так мы первооснове бытия не боле
Любезны. Нам отважен каждый шаг
Как зверю, как ростку...

В.К. Кантор

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ И ПРИНЦ ГАМЛЕТ

«Как звали отца Гамлета», – спросил
профессор студента-двоечника.
Тот прокрутил в голове все ему
известные имена из пьесы и ответил:
«Клавдий».

Профессор хотел было возразить, но осекся.
«А ведь правда: еще и башмаков не износил...»

«ВЕК РАСПАТАЛСЯ»

Как показывает заглавие предлагаемого читателю текста, образ Гамлета рассматривается в контексте реформационных и предреформационных идей, прежде всего текстов друга Томаса Мора, Эразма Роттердамского («Воспитание христианского государя» и «Оружие христианского воина»), хорошо известного английским интеллектуалам того времени. Сошлюсь на замечание специалиста: «Основной политический трактат Эразма «Христианский государь» появился в том же 1516 году, что и «Утопия» Т. Мора, и через два года после того, как Макиавелли закончил своего «Князя». Это три основных памятника социально-политической мысли эпохи, однако весь дух трактата Эразма прямо противоположен концепции Макиавелли. Эразм требует от своего государя, чтобы он правил не как самовольный хозяин, а как слуга народа и рассчитывал на любовь, а не на страх, ибо страх перед наказанием не уменьшает числа преступлений. Воли монарха не достаточно, чтобы закон стал законом. <...> в век нескончаемых войн Эразм, возведенный в ранг «советника империи» Карлом V (для которого он и написал своего «Христианского государя»), не устает бороться за мир между государствами Европы. Его антивоенная «Жалоба Мира» <...> была в свое время запрещена Сорбонной. <...> в XVI–XVIII веках читатели особенно ценили также религиозно-этический трактат Эразма «Руководство христианского воина» (1504), переведенный на ряд европейских языков»¹.

¹ Пинский Л.Е. Эразм Роттердамский и его «Похвальное слово Глупости» // Пинский Л.Е. Ренессанс. Барокко. Просвещение: Статьи. Лекции. М.: РГГУ, 2002. С. 66–67.

Н. Акимов указывал, что строфы Гамлета пропитаны внутренними реминисценциями из «Разговоров запросто» Эразма. Некоторые авторы замечают, что даже образ флейты взят из «Похвального слова Глупости» Эразма. С точки зрения Эразма Роттердамского, человеческая жизнь представляет собой непрерывную борьбу с пороками, ибо «...кто примирился с пороками, тот нарушил союз, торжественно заключенный с Богом при крещении». Каждый истинный христианин является членом воинства Христова. «О христианский воин, — обращается к нему Эразм, — разве ты не знаешь, что уже тогда, когда ты животворящим омовением был посвящен в таинства, ты вручил себя военачальнику — Христу? Ему ты дважды обязан жизнью — Он даровал ее и возвратил вновь, — ему ты обязан больше, чем самому себе»¹.

Этот акцент поиска подлинного христианства, чистоты первых евангельских эпох весьма важен для интеллектуалов тех лет. И для Шекспира в том числе. Поэтому начну с того, что Гамлет — искренний и сознательный христианин². Это определяет всю систему его поведения. Пожалуй, впервые в мировой литературе такого класса в качестве героя нам явлен христианин. Строго говоря, до Достоевского ничего подобного словесное искусство не знало. Если говорить о проблеме христианского управления государством, то до Шекспира с его историческими хрониками не было в Англии, да и в Европе, поэта и мыслителя, который столь подробно рассмотрел грехи и взлеты английских государей.

Гамлет — тоже государь. Не забудем, что он — законный наследник трона, таковым его признают и Клавдий, и Гертруда, у которых нет общих детей. Они не хотят отъезда Гамлета в Виттенберг, где куется евангельская чистота, они хотят, чтобы он оставался здесь, чтоб сызнова приучался к полуязыческому образу жизни, о чем с иронией говорит Гамлет другу Горацио: «Пока вы здесь, мы вас научим пить». И далее приговор его языческим нравам родной страны весьма жесток:

Хоть я здесь родился
И свыкся с нравами, — обычай этот
Похвальнее нарушить, чем блюсти.

¹ Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1986. С. 92.

² Можно, конечно, вспомнить героев рыцарских романов, искавших святой Грааль, но это еще тексты, лишённые философской рефлексии. Разве что Дон Кихот близок Гамлету, но об этом чуть позже.

Тупой разгул на запад и восток
 Позорит нас среди других народов;
 Нас называют пьяницами, клички
 Дают нам свинские; да ведь и вправду —
 Он наши высочайшие дела
 Лишает самой сердцевины славы¹.

Но Гамлет сразу является с евангельским тезисом, что «мир во зле лежит», что владыка сего мира — зло.

О, мерзость! Это буйный сад, плодящий
 Одно лишь семя; дикое и злое
 В нем властвует.

Он спорит с великой формулой Пико делла Мирандолы, когда, практически перефразируя его слова из «Речи о достоинстве человека», делает из них иной вывод: «Что за мастерское создание — человек! Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что для меня эта квинтэссенция праха? Из людей меня не радует ни один».

А еще перед этим возникает образ Дании как тюрьмы, точнее худшей из темниц, если весь мир — тюрьма, как поправляет его Розенкранц. Но принц добавляет, что это его собственное размышление превращает Данию в тюрьму. И даже играя в безумие, он проводит все тот же мотив — мира, обреченного злу: «Если принимать каждого по заслугам, то кто избежит кнута?»

Жить в этом мире не хочется. Но он верен христианскому запрету на самоубийство.

О, если б этот плотный сгусток мяса
 Растаял, сгинул, изошел росой!
 Иль если бы предвечный не оставил
 Запрет самоубийству! Боже! Боже!

А раз самоубийство невозможно, то надо обнаружить источник конкретного зла, ибо зло в каждом случае конкретно. И обнаружить его должны мысль и душа христианина-воина.

¹ Текст трагедии цитируется в статье по переводу М.Л. Лозинского, в случае необходимости автор приводит английский первоисточник.

Терпи, душа (sit still, my soul); изоблится зло,
Хотя б от глаз в подземный мрак ушло.

До этого он сообщает, что видит отца глазами разума, он протестант и любое видение пропускает через разум. Не случайно Горацио говорит о явлении Призрака, ставя под сомнение зрение: «Соринка, чтоб затмился глаз рассудка». Герцен замечал о Шекспире: «Протестантский мир дает Шекспира»¹. И судьбу души принц, его герой, все же должен постигать с помощью разума. Именно отсюда вырастает впоследствии классическая немецкая философия с ее культом разума.

Ведь мы не должны забывать, откуда приехал Гамлет. Этот город несколько раз называется в трагедии. Сообщается, что Гамлет и Горацио – студенты Виттенбергского университета. Напомню, что Виттенберг – город Лютера и Меланхтона. Английским театрам он был известен как место действия трагедии Кристофера Марло «Доктор Фауст» (1588). Горацио офицеры называют scholar, студент. Они оба очень прилежны в занятиях. Об этом говорит Гамлет, опровергая слова Горацио о его безделье. А дело у них одно – учиться. Иными словами, Гамлет – книжный мальчик, полный и неуклюжий («He's fat», – говорит королева о сыне), приехал на похороны отца. Кстати, Лаэрт рвется в Париж, к увеселениям, Гамлет – в Виттенберг, к книгам. Но он уже пропитан протестантским пониманием Бога, он сам должен решить предвечные вопросы. Гамлет – христианин, о чем говорится на каждом шагу, но в пьесе нет священника. Ему не на кого переложить свои проблемы. Но так и требует протестантизм, когда священник в душе каждого мирянина.

Пройдя школу протестантизма в Виттенберге, Гамлет не растерян, сталкиваясь с жизнью, как полагал Шестов. Напротив, он применяет весь им наработанный интеллектуальный багаж, чтобы постигнуть происходящее. Становясь на наших глазах мыслителем² он и вправду

¹ Герцен А.И. Дилетантизм в науке // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 36.

² Ср. у Биццлли: «Динамизм Ренессанса, его интуиция жизни как вечного возникновения все новых, и новых, и новых форм нашел свое выражение в концепции человека деятеля, человека-творца. Но подобно своему прототипу, Богу, сам человек словно изъят из-под власти закона становления: творчески раскрываясь, он, однако, не изменяется. Новый человек, человек Монтеня, Шекспира, Сервантеса, этому за-

стирает «все книжные слова, все отпечатки, / Что молодость и опыт сберегли». Но теперь в «книге его мозга» будет решаться новая проблема, он вполне книжно подходит к ее осмыслению: «Мои таблички, — надо записать, / Что можно жить с улыбкой и с улыбкой / Быть подлецом; по крайней мере — в Дании».

Он должен отбросить искушение, понять реальность. Никакой раздвоенности, абсолютная цельность. Все подчинено единой цели.

Гамлет:

Мне кажется? Нет, есть. Я не хочу

Того, что кажется.

(‘Seems’, madam? Nay, it is; I know not ‘seems’) (I, 2).

Принц не то что не хочет, он просто не знает того, что кажется. Его взгляд устремлен в реальность, в том числе и политическую. Как и взгляд его создателя, Шекспира. Разумеется, драматург, писавший о жизни государей, создавший длинный ряд исторических хроник, не мог миновать тексты Макиавелли и Эразма о государях как действующих лицах истории. Эразм, как отмечают исследователи, немало сказался в шекспировских текстах. И вот что он писал: «Никакая чума не поражает быстрее и зараза не распространяется шире, чем зло, совершенное государем. Напротив, нет более короткого и успешного пути к исправлению нравов народа, чем безупречная жизнь государя»¹.

После рассказа Призрака о преступлении его брата Клавдия, ставшего обманом и преступлением королем, принц произносит свои знаменитые слова:

Век расшатался — и скверней всего,

Что я рожден восстановить его!

Время, век, вывихнувший свои суставы («the time is out of joint»), — это время, когда на троне порочный властитель. Эту ситуацию и должен исправить принц Гамлет, законный наследник датского трона. Он

кону подчинен. На наших глазах Отелло становится ревнивцем, Гамлет — мыслителем, Макбет — честолюбцем» (*Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996. С. 156).

¹ Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя. М.: Мысль, 2001. С. 28.

ставит себе задачу не мести, а исправления мира, «вправить суставы» («to set it right»). А это нечто более высокое, чем языческая месть. Это законное наказание зла. И в какой-то степени хирургическая операция. Хирургия сродни рыцарскому удару мечом, другая медицина походила в ту эпоху на волшебство. А хирург и рыцарь довольно суровыми и жесткими способами пытаются оздоровить организм. И бой принц собирается вести не за трон, а за справедливость. Ибо «никакая комета, никакая роковая сила так не влияет на дела смертных, как увлекает и изменяет нравы и души граждан жизнь государя»¹. Нельзя забывать также, что это была эпоха религиозных войн внутри христианской Европы. Недавно отгремела Варфоломеевская ночь, прошли войны Реформации в Германии, борьба протестантки Елизаветы с католичкой Марией Стюарт, надвигалось на Англию восстание пуритан. Век требовал подлинного христианского государя. Но вот возможен ли он? В том числе и об этом трагедия Шекспира.

СУЩЕСТВО ИЗ АДА

О загадочности «Гамлета» было написано даже слишком много. Скажем, великий поэт Т.С. Элиот высказал мысль, что «Гамлет» — это Мона Лиза в литературе. Но надо верить тому, что пишет Шекспир, и спокойно идти по его следам, просто внимательно читая то, что он написал, без домыслов, без постмодерна, ибо искусственность и жеманство сам Шекспир высмеивал не раз. Вспомним хотя бы речь Полония перед королем о любви Офелии и Гамлета. А потому отметим главное: «Гамлет» — это пьеса искушений. Их много, и все их принц должен преодолеть. Начнем с первого.

Увидев Призрак, Гамлет, как и положено христианину, взывает к помощи Господа:

Да охранят нас ангелы Господни! —
Блаженный ты или проклятый дух,
Овеян небом иль геенной дышишь,
Злых или добрых умыслов исполнен, —
Твой образ так загадочен, что я
К тебе взываю: Гамлет, повелитель,
Отец, державный Датчанин, ответь мне.

¹ Там же.

Он и не боится Призрака, поскольку верит в спасение своей души

Чего бояться?
 Мне жизнь моя дешевле, чем булавка,
 А что он сделает моей душе,
 Когда она бессмертна, как и он?

Призрак бессмертен, как и душа Гамлета. Но хранить душу – задача христианина. Гамлет идет на встречу с Призраком, вооружившись помощью «ангелов Господних». Надо защищать крепость своей души, ибо любой христианин должен был опасаться именно ее гибели. Эразм писал: «Телу по природе суждено погибнуть; даже если его никто не убивает, оно не может не умереть. Смерть души – это предел несчастий»¹. И Гамлет видит смерть отцовской души, ибо смерть души – это попадание ее в ад. А Гамлету явился именно вестник из ада. Задолго до гетевского Мефистофеля и черта Достоевского в высокую мировую литературу вводится существо из ада.

Именно с этого сообщения о своей сущности начинается речь Призрака:

Уж близок час мой,
 Когда в мучительный и серный пламень
 Вернуться должен я.

Это ощущение ада, вышедшего на землю, фокусируется в знаменитой фразе офицера Марцелла: «Подгнило что-то в Датском государстве». Отсюда прямой путь до великого романа Достоевского, где ад тоже злодействует в земной реальности, где является черт, до фразы семинариста-карьериста Ракитина «Смердит у вас», обращенной к Алеше Карамазову².

В «Карамазовых» ищется убийца отца, в «Гамлете», напротив, отец (или некто в его облике) призывает сына к мести. Не к суду, а к мести (venge), все время подсказывая это слово сыну. Заметим еще, что в протестантизме (об этом применительно к «Гамлету» напомнил

¹ Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина. С. 94.

² Я.Э. Голосовкер вообще считал черта главным действующим лицом «Братьев Карамазовых».

И. Шайтанов) отсутствует чистилище, стало быть, и Призрак не испукает свои грехи, а искушает принца.

Когда принца спрашивают друзья о разговоре с Призраком, он отвечает словами, которые кажутся Горацио «дикими, бессвязными». На самом деле они слишком серьезные:

Ведь есть у всех желанья и дела
Те иль другие; я же, в бедной доле,
Вот видите ль, пойду молиться.

А как же быть человеку, которого посетил посланец ада? Он должен просить совета у Бога. Надо сказать, что, «согласно доктрине протестантизма, утвердившейся в Англии после реформации в церкви, привидения с того света были наваждением самого дьявола»¹.

Гамлет упрекает себя в конце второго акта, уже после появления актеров, полных игрушечных страстей, что он, «влекомый к мести небом и геенной», отводит душу словами. Но тут же поясняет свою позицию, снимает все самоупреки, понимая, что его ум и душу, охваченную печалью и подозрительностью, дьявол может убедить в чем угодно. Нужна проверка посюсторонняя:

Дух, представший мне,
Быть может, был и дьявол; дьявол властен
Облечься в милый образ; и возможно,
Что, так как я расслаблен и печален, —
А над такой душой он очень мощен, —
Меня он в гибель вводит. Мне нужна
Верней опора. Зрелище — петля,
Чтоб заарканить совесть короля.

А.А. Аникст справедливо связывает завязку пьесы с явлением Призрака. Но вряд ли он прав, полагая, что призрак инициирует действие пьесы. «Воля Призрака, пришедшего с того света, является источником и началом трагедии»². Возможно, подобная воля могла бы являться завязкой и смыслом трагедии у другого драматурга. Другой герой другого драматурга немедленно начал бы суетиться, пытаться

¹ Аникст А.А. Послесловие к «Гамлету» // Шекспир У. Полн. собр. соч.: В 8 т. М.: Искусство, 1960. Т. 6. С. 611.

² Аникст А. Трагедия Шекспира «Гамлет». М.: Просвещение, 1986. С. 32.

убить короля. Гамлет тоже сразу начинает действовать, но его действие направлено прежде всего *на проверку* слов призрака. И это не случайно. Как пишут английские исследователи о Призраке: «Судя по его воинственному облачению и грубой речи, очевидно, что это злой дух. По словам Марцелла, он «вздрогнул, точно провинился и отвечать боится... он стал тускнеть при пении петуха», что позволяет в соответствии с христианской традицией предположить именно присутствие зла. Его голос все время доносится из-за сцены, здесь он, очевидно, ведет себя как дьявол, хотя этот эпизод никогда не интерпретировался подобным образом. Нетрудно заметить, что второе его появление мешает Гамлету помочь Гертруде прийти к раскаянию (и таким образом спасти ее от проклятия) и настойчиво подводит его к единственной мысли о мести Клавдию»¹.

Надо сказать, что в России Шекспир, а особенно «Гамлет», был в постоянном поле размышлений русской культуры. Его темами пронизаны весьма многие русские произведения, о нем писали великие русские мыслители и писатели. Известно, что Павла I современники называли русским Гамлетом. Владимир Соловьев в молодости хотел перевести «Гамлета» на русский, и это была бы для отечественных философов весьма важная трактовка текста, к сожалению не состоявшаяся. Но все же в одной из последних своих статей он сравнил Гамлета с самим Платоном, указав тем самым уровень размышлений датского принца. Парафразы героев Шекспира в великих романах Достоевского настолько очевидны, что и упоминать об этом не совсем ловко. С анализа текстов Шекспира начал свое философское творчество Лев Шестов. Образ Гамлета и Офелии появляется почти у всех больших русских поэтов (от Блока и Ахматовой до Пастернака, Самойлова, Высоцкого).

Английский шекспировед и бывший посол Великобритании в России даже написал об этом специальную статью, в которой прозвучала и шутка (что Шекспир – это сбежавший от тирании Грозного русский дьяк), и упоминания, как звучали шекспировские темы у русских писателей, и даже тот факт, что единственный издававшийся над Шекспиром великий русский писатель (Лев Толстой) закончил жизнь почти как король Лир, персонаж английского драматурга.

¹ Квиннел П., *Хамиш Дж.* Кто есть кто в творчестве Шекспира / Пер. с англ. Е.В. Лягушина. Лондон; Нью-Йорк: Рутледж; М.: Дограф, 2000. С. 61.

И свой текст он заканчивает словами: «По своему размаху и богатству, по тому, как его слова ложатся в ваш язык, по тому, как его персонажи прижились на ваших сценах и улицах, — по крайней мере, часть его — русская. Так что я отдаю вам его — русского Шекспира»¹. Конечно, Россия присвоила Шекспира как положено великой культуре присваивать высшее в других культурах (скажем, как Запад усвоил античность), но все же воспользуемся любезностью английского посла, увидевшего, что Шекспир оказался настолько воспринят русской культурой, что любая его трактовка в России есть в то же время и трактовка русских проблем, заполняемость русского контекста, который каждый раз заново пытается увидеть, прочитать и усвоить эту важнейшую часть западноевропейской культуры. Именно Шекспира называл своим духоводителем Достоевский, через его творчество прикасаясь к возможности христианского искусства: «Вся действительность не исчерпывается насущным, ибо огромною своею частью заключается в нем в виде еще подспудного, невысказанного слова. Изредка являются пророки, которые угадывают это цельное слово. Шекспир — это пророк, посланный Богом, чтобы возвестить нам тайну, о человеке, души человеческой»². Правда, такого уровня понимание Шекспира мы находим лишь у Достоевского. И это не случайно. Поскольку Достоевский такой был в России один, ибо тоже искал возможность в России создания христианского воина. Потому ему так важен был опыт английского драматурга³.

¹ Брентон Э. Шекспир — русский / Пер. с англ. И. Шайтанова // Вопросы литературы. 2000. № 4. С. 223.

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 11. Л.: Наука, 1974. С. 237.

³ В «Братьях Карамазовых» прокурор посмеивается над Митей Карамазовым: «Я не знаю, думал ли в ту минуту Карамазов, “что будет там”, и может ли Карамазов по-гамлетовски думать о том, что там будет? Нет, господа присяжные, у тех Гамлеты, а у нас еще пока Карамазовы!» Но Достоевский именно среди Карамазовых находит «христианского воина», которого старец Зосима посылает «в мир» на борьбу. Я говорю об Алеше, о преображении которого в воина ясно сказано в главе «Кана Галилейская: «С каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. *Пал он на землю слабым юношей, а стал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг*, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты» (выделено мной. — В.К.)

Интересно, что именно те писатели-мыслители, которые видели неспособность к действию русских героев, именно так и читали образ Гамлета. Заметив, что «первое издание трагедии Шекспира «Гамлет» и первая часть сервантесовского «ДонКихота» явились в один и тот же год¹, в самом начале XVII столетия»², И.С. Тургенев резко разводит два этих типа, полагая Дон Кихота символом действия, а Гамлета — символом бездействия. Он сближает по времени два великих текста, однако не чувствует, не понимает, что в обоих случаях изображен рыцарь, борец, воин, христианский воин, не понимаемый миром. Причем их сходство подчеркивается невольно их книжностью. Дон Кихот — «книжный рыцарь», а Гамлет — студент, книжный «христианский воин» из Виттенберга. Только католик Сервантес изобразил христианского воина в рыцарском облике, причем с намеком на Христа, который является перед глазами современников как посмешище в качестве юродивого и сумасшедшего. Протестантский Гамлет суров, он не кажется сумасшедшим, он притворяется сумасшедшим, но только так и в том, и в другом случае можно бороться с этим миром. Однако внутреннюю параллель Гамлета с Христом угадал Пастернак в стихотворении «Гамлет»:

Гул затих. Я вышел на подмости.
 Прислонясь к дверному косяку,
 Я ловлю в далеком отголоске,
 Что случится на моем веку.
 На меня наставлен сумрак ночи
 Тысячью биноклей на оси.
 Если только можно, Авва Отче,
 Чашу эту мимо пронеси.

Для Тургенева религиозный вопрос Гамлета абсолютно невнятен. По его мнению, герой Шекспира — «анализ прежде всего и эгоизм, а потому безверье. Он весь живет для самого себя, он эгоист; но верить в себя даже эгоист не может; верить можно только в то, что вне нас и над нами. Но это я, в которое он не верит, дорого Гамлету. Это исходная точка, к которой он возвращается беспрестанно, потому что

¹ Это мелкая, но ошибка. «Гамлет» появился на два года раньше.

² *Тургенев И.С.* Гамлет и Дон Кихот // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 5. С. 330.

не находит ничего в целом мире, к чему бы мог прилепиться душою; он скептик — и вечно возится и носится с самим собою; он постоянно занят не своей обязанностью, а своим положением. Сомневаясь во всем, Гамлет, разумеется, не шадит и самого себя; ум его слишком развит, чтобы удовлетвориться тем, что он в себе находит: он сознает свою слабость, но всякое самосознание есть сила; отсюда проистекает его ирония, противоположность энтузиазму ДонКихота. <...> Он не верит в себя — и тщеславен»¹.

Стоит, однако, прислушаться к протестанту Гегелю, который понимал бездействие Гамлета как сущностное религиозное действие по обезвреживанию возможного адского искушения: «Вначале мы видим Гамлета мучающимся смутным чувством, что произошло нечто чудовищное. После этого ему является дух отца и открывает совершенное преступление. Мы ожидаем, что после этого открытия Гамлет тотчас же приступит к наказанию преступника, и считаем, что он имеет полное право мстить. Однако он все медлит и медлит. Эту бездеятельность Гамлета ставили в упрек Шекспиру и порицали его за то, что в трагедии отчасти нет движения. <...> Но <...> Гамлет медлит, потому что он не верит слепо призраку. <...> Здесь мы видим, что призрак как таковой не распоряжается беспрекословно Гамлетом. Гамлет сомневается, и, прежде чем предпринять какие-нибудь меры, он хочет сам удостовериться в действительности преступления»². И все же именно от Гегеля идет представление о Гамлете как бездеятельном герое: «Гамлет — прекрасная благородная душа. Не будучи внутренне слабым, он, однако, не обладает сильным чувством жизни; охваченный тяжелой меланхолией, он бродит печально и бесцельно. У него тонкое чутье. Нет никакого внешнего признака, никакого основания для подозрений, но ему чудится что-то неладное, не все идет так, как должно быть. Он предчувствует, что свершилось нечто чудовищное. Дух его отца сообщает ему подробности. Быстро рождается в его душе решение отомстить. Он всегда помнит о долге, который ему предписывает собственное сердце. Но он не позволяет, подобно Макбету, увлечь себя, не убивает, не беснуется, не наносит удар прямо, подобно Лаэрту, а продолжает оставаться в состоянии бездеятельности, свойственном

¹ Там же.

² Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. М.: Искусство, 1968. Т. 1. С. 239–240.

прекрасной, погруженной в свои переживания душе, которая не может сделать себя действительной, не может включить себя в современные отношения. Он выжидает, ищет объективной уверенности, следуя прекрасному чувству справедливости, однако не приходит к твердому решению. Даже обретя эту уверенность, он предоставляет все внешним обстоятельствам. Далекий от действительности, он не разбирается в том, что его окружает, и убивает старого Полония вместо короля, действуя опрометчиво там, где требуется рассудительность. Он погружен в себя, когда требуется проявить настоящую энергию, пока наконец в этом сложном потоке обстоятельств и случайностей помимо его деятельности не осуществляется судьба целого и его собственного, вновь возвратившегося в себя чувства»¹.

Это объяснение, в сущности, равно пересказу. Призрак побуждает, но Гамлет проверяет, хотя как воин он готов к бою. Об этом его монолог «быть или не быть». Перед ним проблема: совершит ли он христианское действие, убив Клавдия, или то будет поступок, спровоцированный дьяволом, но тогда и возникает вопрос, что ждет его на том свете. Не серное ли пламя, как отца? Вот об этом он и размышляет: «Какие сны приснятся в смертном сне, / Когда мы сбросим этот бранный шум?» Его монолог — это размышление перед боем. И ясно решение: если пьеса покажет правду, он должен вступить в бой с королем. Но как тогда быть с Офелией?

Повторю, что трагедия «Гамлет» — это система искушений. Его искушает призрак (это главное искушение), и задача принца — проверить, не дьявол ли его пытается ввести в грех. Отсюда театр-ловушка. Но при этом его искушает любовь к Офелии. Искушение — это постоянная христианская проблема.

ЖЕНЩИНА КАК ИСКУШЕНИЕ

Начну эту главку с текста Эразма: «И снова — справа и слева, спереди и сзади — нападает на нас этот мир, который — по слову Иоаннову — весь во зле лежит и потому враждебен и противится Христу. Способ отразить эту армию, конечно, непрост. Ведь она то в ярости разбивает оплоты души разными несчастьями, словно тяжелым тараном

¹ Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. М.: Искусство, 1969. Т. 2. С. 295–296.

в открытом бою, то склоняет к предательству огромными, однако же пустейшими обещаниями, а то неожиданно подкрадывается тайно проложенными ходами, чтобы поразить нас — зевающих и беспечных. Наконец, внизу тот самый скользкий змей — первый предатель нашего покоя, то скрываясь в одного с ним цвета траве, то прячась в своих норах, извиваясь сотнями колец, но перестает преследовать по пятам единожды падшую нашу женщину. Пойми, что женщина — это плотская часть человека. Ведь это наша Ева, через которую извортливейшая змея совращает наш дух к смертоносным наслаждениям. С другой же стороны — будто мало того, что столько врагов грозят нам отовсюду, — внутри, в самой глубине души, мы к тому же носим врага более чем домашнего, более чем родственного. Как ничего не может быть ближе его, так ничего не может быть опаснее»¹.

Именно об этом, еще до визита Призрака, думает Гамлет:

Бренность, ты
Зовешься: женщина! — и башмаков
Не износив, в которых шла за гробом,
Как Ниобея, вся в слезах, она —
О боже, зверь, лишенный разуменья,
Скучал бы дольше! — замужем за дядей,
Который на отца похож не боле,
Чем я на Геркулеса. Через месяц!
Еще и *соль ее бесчестных слез*²
На покрасневших веках не исчезла,
Как вышла замуж.

Здесь стоит остановиться и разобраться с этим странным убийством отца Гамлета и поспешным браком его матери. Попробуем построить простую логическую схему. Вряд ли убийца мужа рассчитывал бы на срочный брак с вдовой им убитого человека, тем более брата. Но датский двор славен своим непотребством, именно с этого, как помним, начинается Гамлет свою характеристику родины. Его отец — очевидно, пожилой и заслуженный воин: сон после обеда — это признак физической старости. Младший брат, как не раз это звучало в мировой литературе, беспощадный соперник старшего. Эта же тема у самого

¹ Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1986. С. 91.

² Курсив мой — В.К..

Шекспира в «Короле Лире», где рисуется семейство графа Глостера и взаимоотношения его двух сыновей: откровенная подлость младшего Глостера Эдмонда по отношению к старшему брату Эдгару и отцу. Эдмонд тверд в своих намерениях:

Я отверг
Проклятье предрассудков и правами
Не поступлюсь, пусть младше я, чем брат.

Таково же, скажем, отношение Франца Моора к старшему брату Карлу и его понимание несправедливости природы («Разбойники» Ф. Шиллера): «У меня все права быть недовольным природой, и, клянусь честью, я воспользуюсь ими. Зачем не я первый вышел из материнского чрева? Зачем не единственный?» Далее идет борьба на уничтожение. Через простое самооправдание: почему-де все получает старший, хотя это всего лишь игра природы, что один старше, а другой младше. И младший сознательно идет против природы, пускается на коварство, в конце концов становясь воплощением зла. У каждого своя подлость: Эдмонд и Франц Моор пишут поддельные письма, желая оклеветать соперников. И можно представить, что младший брат короля, будучи всего-навсего моложе, тоже очень по-своему побеждает старшего — воплощение человеческого идеала. Его мужская молодость для пожилой королевы — это и есть основное искушение.

Об измене жены говорит Гамлету отец, это тяжелая душевная рана, которая не зажила, мучит его, это часть адского огня, который жжет его:

Да, этот блудный зверь, кровосмеситель,
Волшбой ума, коварства черным даром —
О гнусный ум и гнусный дар, что властны
Так обольщать! — склонил к постыдным ласкам
Мою, казалось, чистую жену;
О Гамлет, это ль не было паденьем!
Меня, чья благородная любовь
Шла неизменно об руку с обетом,
Мной данным при венчанье, променять
На жалкое творенье, чьи дары
Убоги пред моими!
Но как вовек не дрогнет добродетель,
Хотя бы грех ей льстил в обличьях рая,
Так похоть, будь с ней ангел лучезарный,

Пресытится и на небесном ложе,
Тоскуя по отбросам.

Гамлет это понимает и принимает версию отца. Он точно фиксирует ситуацию, обращаясь к матери: «Ад мятежный, раз ты бесчинствуешь в костях матроны...» В костях, в теле пожилой женщины, у которой, казалось бы, «разгул в крови утих», но выясняется, что это не так. И Гамлет продолжает описывать поведение матери, пытаясь пробудить в ней чувство стыда:

Нет, жить
В гнилом поту засаленной постели,
Варясь в разврате, нежась и любясь
На куче грязи...

Он любит мать, но нельзя забывать, что имя короля Клавдий — говорящее для Шекспира, прекрасно знавшего римскую историю. Одна из жен римского императора Клавдия — Мессалина — настолько прославилась своим распутством, что имя ее стало нарицательным для любой нетвердой в своих нравственных устоях женщины. Для английского зрителя, не раз видевшего пьесы из римской истории, намек, содержащийся в имени короля — Клавдий, — был вполне внятен. И продолжить ассоциацию, вспомнив Мессалину, было совсем несложно, ибо о подобном поведении своей матери Гамлет говорит прямым текстом.

Увы, часть понимания женского поведения переносится принцем и на его искреннее и страстное чувство к юной и нежной Офелии. Не забудем его писем к возлюбленной, они написаны любящим сердцем:

«Не верь, что солнце ясно,
Что звезды — рой огней,
Что правда лгать не властна,
Но верь любви моей.

О дорогая Офелия, не даются мне эти размеры. Я не умею высчитывать мои вздохи; но что я люблю тебя вполне, о вполне, чудесная, этому верь. Прощай! Твой навсегда, дражайшая дева, пока этот механизм ему принадлежит, Гамлет».

Тексты эти отобраны у послушной дочери Полонием, но этот факт не умаляет реальности страсти принца. Что же происходит потом?

Почему Гамлет дерзит ей, говорит сальности, и в сущности, отказывается от нее?

Когда Офелия рассказывает отцу о любви Гамлета, она говорит:

И речь свою скрепил он, господин мой,
Едва ль не всеми клятвами небес.

По-английски: «With almost all the holy vows of heaven». То есть святыми, благочестивыми клятвами и обетами. Неверующий Полоний не верит Гамлету, клятвы небес для него чушь. Верующий человек, искренне верующий, изменить своим клятвам не мог, мы помним вспышку любви и горя у могилы Офелии, значит, была другая причина, более важного свойства, из-за которой он оттолкнул Офелию. Быть может, позволим себе это предположение, с целью спасти, оберечь ее.

Принц обрывает свой великий монолог («быть или не быть») из-за появления Офелии, посланной как подсадной кулик королем и Полонием. Поначалу Гамлет этого не понимает, он верит Офелии, при этом сам готовится хоть и к справедливому, но убийству, а потому просит ее о минимальной – христианской – помощи. Аникст пишет: «Монолог обрывается с появлением Офелии. Гамлет не дает ясного ответа на вопрос, поставленный им перед самим собой. Пожалуй, он не дает вообще никакого ответа, но душа его полна тяжелого предчувствия. Оно выражено в словах, которыми Гамлет встречает Офелию и которым придают гораздо меньше значения, чем они имеют в действительности. Ведь Гамлет просит ее помянуть в своих молитвах, то есть замолить его грехи»¹. Напомню: «В твоих молитвах, нимфа, да вспомнятся мои грехи» (III, 2).

Еще меньше придают значение его совету Офелии уйти в монастырь. Воспринимают его как издевку, а он вполне серьезен. Надвигается бой, и он хочет спасти любимую женщину, найти ей убежище. Если вправду Офелия беременна от него², то единственное спасение

¹ Аникст А.А. Послесловие к «Гамлету». С. 614.

² А на это немало намеков в словах Гамлета: «Есть у вас дочь?», спрашивает он Полония. И добавляет: «Не давайте ей гулять на солнце: всякий плод – благословение; но не такой, какой может быть у вашей дочери». Еще ожидая постановки пьесы, он обращается к Офелии: «Напрасно вы мне верили; потому что, сколько ни прививать добродетель к нашему старому стволу, он все-таки в нас будет сказываться;

от мира для такой женщины — монастырь. О беременности Офелии написано немало, это и Иннокентий Анненский, и Андрей Чернов, автор последнего перевода Гамлета. Даже песенка про Валентинов день, перенесенная Гете в «Фауст», говорит о том же:

Завтра Валентинов день,
И с утренним лучом
Я Валентиною твоей
Жду под твоим окном.
Он встал на зов, был вмиг готов,
Затворы с двери снял;
Впускал к себе он деву в дом,
Не деву отпускал.

В этом смысле судьба гетевской Гретхен парафраз судьбы Офелии. Гретхен приговаривают к казни за убийство ребенка, Офелия тонет беременной, можно подозревать самоубийство, а тем самым и детоубийство, поэтому лишь по приказу короля ее хоронят как невинную девушку: «Ей даны невестины венки, / и россыпи девических цветов». Это мужская пьеса. Гамлет хочет спасти любимую женщину, хотя она и предает его. Предлагая ей монастырь, он предлагает убежище, ибо здесь, в Датском королевстве, начинается мужская схватка, где не место женщине.

Перед началом представления, когда все (принц, да и мы, зрители) уже понимают, что Офелия сыграла роль кулика-манка, мы слышим такой диалог, где Гамлет вполне выходит за рамки самых простых приличий:

Г а м л е т
Сударыня, могу я прилечь к вам на колени? (*Ложится к ногам Офелии.*)
О ф е л и я
Нет, мой принц.
Г а м л е т
Я хочу сказать: положить голову к вам на колени?
О ф е л и я
Да, мой принц.

я не любил вас...» Характерен ответ Офелии: «Тем больше была я обманута». И снова Гамлет: «Уйди в монастырь; к чему тебе плодить грешников?.. Все мы — отпетые плуты, никому из нас не верь. Ступай в монастырь».

Гамлет
Вы думаете, у меня были грубые мысли?

Офелия
Я ничего не думаю, мой принц.

Гамлет
Прекрасная мысль — лежать между девичьих ног.

Офелия
Что, мой принц?

Гамлет
Ничего.

Офелия
Вам весело, мой принц?

Гамлет
Кому? Мне?

Офелия
Да, мой принц.

Гамлет
О господи, я попросту скоморох. Да что и делать человеку, как не быть веселым? Вот посмотрите, как радостно смотрит моя мать, а нет и двух часов, как умер мой отец.

Офелия
Нет, тому уже дважды два месяца, мой принц.

Гамлет
Так давно? Ну, так пусть дьявол носит черное, а я буду ходить в соболях. О небо! Умереть два месяца тому назад и все еще не быть забытым? Тогда есть надежда, что память о великом человеке может пережить его жизнь на целых полгода; но, клянусь владычицей небесной, он должен строить церкви; иначе ему грозит забвение, как коньку-скакунку, чья эпитафия: «О стыд, о стыд! Конек-скакунок позабыт!»

Ситуация внятная: женщина не способна ни к любви, ни к памяти, это предел гамлетовской мизантропии. Стоит вспомнить слова Иннокентия Анненского: «Офелия мучит Гамлета, потому что в глазах его неотступно стоит тень той сальной постели, где тощий Клавдий целует его старую мать»¹. Но Гамлет — воин, а воин не ищет защиты у женщины, он может попытаться ее защитить, но помощи от нее он

¹ *Анненский И.* Проблема Гамлета // *Анненский И.* Книга отражений. М.: Наука, 1979. С. 168.

не ждет. Романтически настроенный ранний Лев Шестов (в работе «Шекспир и его критик Брандес») упрекал принца, что он, встав вдруг перед тяжелыми проблемами, сразу порвал те слабые узы, которые соединяли его с Офелией. Думаю, что, пройдя искусы Достоевского, Шестов уже не подошел бы так просто к трагедии Гамлета. Но эта его позиция интересна как сохраняющая свою силу до сих пор. Как полагает философ, Гамлет любит, как и ненавидит, лишь постольку, поскольку это от него ничего не требует. В тяжелые минуты жизни умеющие любить люди наиболее ценят в женщине друга. И женщины умеют идти вслед за близким сердцу человеком. Но для этого нужно, чтоб мужчина умел не мечтать о любви, а любить. Гамлет же уже не нуждается в Офелии. Зачем ему эта девушка, когда вся, решительно вся жизнь — это сказка, рассказанная глупцом. И он оставляет ее, почти совсем о ней не думая. При первой встрече он осыпает ее чудовищными оскорблениями, потом, перед представлением пьесы, позволяет себе при ней циничные выходки. Несомненно, пишет Шестов, Гамлету очень тяжело. Но, если бы он умел любить, Офелия принесла бы ему отраду и утешение.

Мысль утешительная и отвечающая русскому литературному опыту со слабыми мужчинами («пробниками», по ироническому определению Виктора Шкловского) и сильными женщинами, которые не просто друзья мужчин, но их утешение в их слабости. О силе любви Гамлета говорит хотя бы его выкрик у гроба Офелии: «Любил, как сорок тысяч братьев любить не могут». Но он ставит под сомнение ренессансную концепцию любви (Абеляр — Элоиза, Данте — Беатриче, Петрарка — Лаура), где женщина выступает духоводительницей мужчины. Но Гамлет вполне последователен как христианский воин, собирающийся в поход и берущий на себя всю тяжесть ответственности. Это точно почувствовал Аникст — связь между началом поединка, битвы и отказом от Офелии: «Не только убийство Полония, но и весь разговор Гамлета с матерью свидетельствует о его созревшей решимости. Он знает, что вступил на путь жестокостей. Это началось с того момента, когда Гамлет отверг Офелию. Он не намерен щадить никого»¹.

¹ Аникст А.А. Послесловие к «Гамлету». С. 615.

НАКАЗАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Тургенев совершенно не понял Гамлета, сказав, что проблемы государства принца не интересуют: «ДонКихот, при всем своем невежестве, имеет определенный образ мыслей о государственных делах, об администрации; Гамлету некогда, да и незачем этим заниматься»¹. Надо сказать, что, к сожалению, именно так прочитал трагедию и великий бард Высоцкий, понимая пьесу в современном контексте:

Я Гамлет, я насилье презирал,
Я наплевал на датскую корону, —
Но в их глазах — за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону.

Рассмотрим, однако, ситуацию, сложившуюся в пьесе, и станет понятно, что речь идет именно о государственных делах. Обозначим эту ситуацию словами А. Чернова: «Злодей Клавдий за четыре месяца погубил три поколения датских монархов: старого Гамлета, принца Гамлета и его наследника. Убиты и две королевы: одна прошлая, другая — та, что могла стать будущей. Разумеется, после этого должна произойти смена династии»². Но именно Гамлет прекрасно понимает, что пришло его время занять трон датских королей, что это — его законное право. Он обращается к другу Горацио:

Не долг ли мой — тому, кто погубил
Честь матери моей и жизнь отца,
Стал меж избраньем и моей надеждой,
С таким коварством удочку закинул
Мне самому, — не правое ли дело
Воздать ему вот этою рукой?
И не проклятье ль — этому червю
Давать кормиться нашею природой

Другое дело, что ему это не удалось, что и его погубил Клавдий. Но преступника он сумел все же покарать, а потому последние его распоряжения о судьбах королевства, на трон которого он прочит молодого Фортинбраса.

¹ Тургенев И.С. Гамлет и Дон Кихот. С. 344.

² Чернов А. «Гамлет». Поэтика загадок // Шекспир Уильям. Гамлет. Трагедия Гамлета, принца Датского / Перевод Андрея Чернова. М.: Изографус, 2003. С. 285.

Я умираю;
Могучий яд затмил мой дух; из Англии
Вестей мне не узнать. Но предрекаю:
Избрание падет на Фортинбраса;
Мой голос умирающий — ему;
Так ты ему скажи и всех событий
Открой причину. Дальше — тишина.

Это распоряжение Государя. Государя, каким он стал всего лишь на несколько минут. Но вернемся к теме мести. Мстил он Клавдию или казнил преступника и узурпатора? А также к теме активности Гамлета.

Итак, мы возвращаемся к вопросу, который возник после явления Призрака. Мечь или наказание? Это очень смутило В.С. Соловьева: «Но заметьте, что, хотя драма происходит после многих веков христианства, она имеет смысл только на почве чисто языческого понятия о родовой мести как нравственном долге. Центр драмы именно в том, что Гамлет считал своей обязанностью отомстить за отца, а его нерешительный темперамент задерживал исполнение этой мнимой обязанности. Но ведь это только частный случай; нет никакой общей и существенной необходимости, чтобы человек, исповедующий религию, запрещающую мстить, сохранял понятия и правила, требующие мести»¹. Не забудем, что Гамлет — христианин. Он проверил слова Призрака, убедился в их справедливости, по-прежнему не решается именно на мечь. Понятно, что суд он в этих условиях не соберет, народное восстание (как Лаэрт), чтобы захватить трон, не поднимет. Задача его проста — обезопасить себя как наследника престола и покарать короля Клавдия в момент совершения смертных грехов. Его равнодушное отношение к убийству Полония (пусть и непредумышленному) вполне королевское, государя, владыки над жизнью и смертью своих подданных. И христианского воина, карающего зло. С позиций сегодняшнего гуманизма (хотя где он есть, этот гуманизм!) поступок его — преступление. Но не в контексте той эпохи. Тем более, что и Полоний, по его мнению, заслуживал наказания как пособник убийства Гамлета-отца.

¹ Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Собр. соч.: В 10 т. СПб.: Просвещение, 6 г. Т. 9. С. 212.

Что до него
 (Указывает на Полония),
 То я скорблю; но небеса велели,
 Им покарав меня и мной его,
 Чтобы я стал бичом их и слугою (III, 4).

Он теперь вполне осознает себя воином небес, их слугою. Гамлет не в конфликте с небом, его задача другая. Как справедливо замечал Бицилли: «Шекспировский конфликт – конфликт личностей, а не личности с какой-либо сверхличной величиной»¹. Он воюет с людьми, нарушившими волю небес.

Но может ли христианский воин быть безвольным и бездейственным? Даже не считавший Гамлета подлинным христианином, а только лишь стоящим на пути к христианству, Флоренский писал: «С первой строчки – заглавия – когда мы прочли: «Трагическая история Гамлета, принца датского» – и видим, что пьеса должна быть трагедией, и до последней, когда мы, закрывая книгу, помимо всякой рефлексии и анализа произведения говорим: это есть трагедия, – через все произведение тянется как основное настроение – настроение трагического, трагическим пафосом дышит пьеса. <...> Трагедия прежде всего требует всего действия. Если рассматриваемое произведение есть трагедия, – а оно таково, – то в нем должно быть действие, и точка, куда направляются все события, реальный центр отпора этим событиям, герой – Гамлет. Он должен действовать»².

Конечно, можно изобразить Гамлета и злодеем. Сегодня при постмодернистской изощренности ума это несложно. Шекспир ясен, более того, высмеивал современное ему плетение словес хотя бы в образе Озрика, который совершенно не понимает, что приглашает Гамлета не на состязание, а на смерть. Но постмодерн всегда вне контекста. В весьма интересной статье, опубликованной в «Вопросах философии» десять лет назад, проблема трагической борьбы подменяется игрой соотношения уха и глаза. В результате получается следующее: «Гамлет всматривается в лица живых, и это означает, что они скоро погибнут. Так происходит и с Офелией, и с Гертрудой, и с Клавдием. Казалось

¹ Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры. С. 157.

² Флоренский П.А. Гамлет // Флоренский П.А. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1. С. 262.

бы, убей Гамлет своего врага, и делу конец¹. Однако выходит по-другому: Клавдий погибает последним, да и то почти случайно. Зато сам принц отправляет на тот свет одного за другим всех главных действующих лиц. Своей рукой он убивает Полония и Лаэрта. Из-за него гибнут Офелия и королева. Вместо него погибают Розенкранц и Гильденстерн. Наконец, покончив со всеми, Гамлет умирает сам, будто успокоившись, что в живых никого больше не осталось»².

Что ж, попробуем принять такое издевательство над Гамлетом. Но посмотрим без гнева и пристрастия, справедливо ли оно.

Лаэрта он не убивает (это случайность, вина самого Лаэрта), Офелию и королеву пытается спасти. Полония убивает, думая, что казнит преступного государя своей рукой, рукой законного государя и христианского воина. Но, увидев ошибку, не раскаивается, ибо Полоний тоже заслуживал казни. У него нет суда и присяжных, он вынужден сам проводить расследование, а затем по праву государя карать виновных.

После восклицания королевы, что она отравлена, Гамлет выступает как государь, как законный король, требуя королевского суда:

О злодеянье! — Эй! Закройте двери!
Предательство! Сыскать!

Но тут же узнает, что он сам отравлен и времени царить у него нет, что он по-прежнему христианский воин, так и не ставший христианским государем. Поэтому, как и положено рыцарю, воину, он не убивает из-за угла, а вступает в прямой бой с убийцей. Умирающий Лаэрт объясняет принцу, что происходит:

Гамлет, ты убит;
Нет зелья в мире, чтоб тебя спасти;
Ты не хранишь и получаса жизни;
Предательский снаряд — в твоей руке,
Наточен и отравлен; гнусным ковом
Сражен я сам; смотри, вот я лежу,
Чтобы не встать; погибла мать твоя;
Я не могу... Король... король виновен.

¹ Однако сказать так, значит, не понять движения пьесы, просто уничтожить ее. Просто убить мог бы одноклеточный язычник, но никак не христианский воин, не студент Виттенбергского университета.

² Карсеев Л.В. Флейта Гамлета // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 65.

Г а м л е т
 Клинок отравлен тоже! –
 Ну, так за дело, яд!
 (*Поражает короля.*)

Он казнит короля. Но поскольку он понимает, что пойдут слухи (и, скорее всего, лживые), принц не разрешает Горацио выпить яд, чтобы последовать за другом, возлагая на него важнейшую миссию:

Когда меня в своем хранил ты сердце
 То отстранись на время от блаженства,
 Дыши в суровом мире, чтоб мою
 Поведать повесть.

Стоит сказать, что Горацио – это человек, рассказывающий нам историю принца датского, выполняя волю друга. От Шекспира до Томаса Манна, у которого в «Докторе Фаустусе» историю композитора Адриана Леверкюна рассказывает его друг, гуманист и книжник Серенус Цейтблом, этот прием отделения рассказчика от автора достаточно часто употребляем. Причем в рассказчики выбирается человек, которому зритель и читатель вполне доверяют, человек, который сам мог бы быть героем истории, мыслитель, способный осознать происходящее. Условно говоря, это мог бы быть Эразм Роттердамский, применивший свои теоретические взгляды к реальному случаю. Об этом заметил как-то Ю.К. Олеша: «А Горацио? Ведь это Эразм Роттердамский. И Гамлет учит его! Вот кто он такой, насколько он выше всех!»¹ Добавим, что при этом Гамлет еще и воин, боец, заслуживший и воинские почести.

Существенно, что именно Фортинбрас понимает воинский пафос датского принца, приказывая: «Пусть Гамлета поднимут на помост, / Как воина, четыре капитана». Любопытно, что Флоренский оценил этот жест Фортинбраса, даже не признавая принца христианином: «И если хороший язычник Фортинбрас сумел почтить память дорогого нам Гамлета и величавой отходной с пушечными выстрелами проводил его в место, где он найдет разрешение своих тяжелых обстоятельств, то неужели мы откажем всем Гамлетам, жившим и живущим, в том единственном даре, который в нашей власти – в молитве?»² Почему,

¹ Олеша Ю. Ни дня без строчки // Олеша Ю. Зависть. Три толстяка. Ни дня без строчки. М.: Худож. лит., 1989. С. 391.

² Флоренский П.А. Гамлет. С. 280.

кстати, Флоренский называет Фортинбраса язычником, не совсем понятно.

Но и Гамлет не нуждается в наших молитвах, ибо он до конца выполнил свой долг христианского воина. Он ушел от брэнного шума жизни, ушел в небесную тишину. Тишину, правда, особого рода, тишину, лишённую посторонних и фальшивых звуков. В конце пьесы он слышит хор ангелов, означающих его примирение с небом. Горацио говорит, глядя на умершего: «Почил высокий дух. — Спи, милый принц. / Спи, убаюкан пеньем херувимов!» Потом этот прием повторен в завершающем акте «Фауста», где поющие ангелы поднимаются в небо и уносят «бессмертную сущность Фауста» («*Sie erheben sich, Faustus Unsterbliches entführend*»).

Но хор ангелов звучит в потустороннем мире. А здесь, в земном мире, победы нет. Мир неисправим. Государь может покарать (и Гамлет карает), но вправить веку суставы ему не дано. Фортинбрас — храбрый и справедливый, но он не взыскует высоких идеалов. И Гамлет отдает ему свой голос для избрания на трон, отдает, по сути, дела трон. Это трагедия о невозможности христианского государя в этом мире. И неизбежной, неминуемой гибели христианского воина, живущего в парадигме Христа. Ибо окончательная победа христианства не здесь. Здесь нужно государство, справедливый государь, но не затем, чтоб установить мир гармонии и счастья на земле, а чтобы, по слову В.С. Соловьева, зло не разбушевало окончательно. Задача государства и права, писал русский философ, «вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он *до времени* не превратился в ад»¹.

Поэтому честный и неглубокий Фортинбрас — реальный наследник датской короны, он тоже христианин, хотя и без сверхзадач Гамлета об исправлении мира. Но это и есть реальность. Шекспир трагичен и реалистичен. Возможно, в этом и заключается его величие.

¹ Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Собр. соч.: В 10 т. СПб.: Провещение, б.г. Т. 9. С. 413.

Е.Г. Захарченко

РУССКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ:
ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ
КАК МЕТАФОРА И КАК МОДЕЛЬ

ибо там смешал Господь язык всей земли

Внимание к проблемам языка в современной философии высветило его неразрывную связь с онтологическими основаниями культуры. Символическая система культуры невозможна без средств осуществления ее символизации — без языка. Язык — и средство, дающее возможность осуществлять власть, и сам властный субъект, этой властью обладающий. Он соединяет в себе и орудийное (логическое и в каком-то смысле «материально-техническое», в терминах В.Ж. Келле — «интеллектуальное») начало, и не редуцируемую никакими логическими или любыми другими процедурами аффективно-смысловую («духовную»)¹ стихию. Потому, размышляя о *власти языка*, «энергичной активности», лежащей между миром внешних явлений и внутренним миром человека², будем помнить, что и само понятие власти неоднозначно. С одной стороны, власть — это обладание качеством, связанным с волей и способностью к чему-либо, — власть *делать*. С другой, власть — осуществление господства и подчинения. Язык владеет и той и другой властью. Каждый человек, способный изъясняться, оказывается носителем обеих потенций власти языка — власти всемогущей и потому опасной...

Каждый говорящий должен, наконец, осознать ответственность за свою речь — свое речевое поведение. Внимание к проблемам языка в научном дискурсе в нашей стране в последние годы (в постсоветский период) оказалось усугубленным «социальным давлением», сопровод-

¹ Келле В.Ж. Культура и свобода. Культура как предметное бытие свободы // Философский журнал. 2008. № 1.

² Огурцов А.П. Философия языка // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 4. С. 238.

ждающим сегодня естественные, «внутренние» процессы языковой эволюции¹. И поскольку язык не только отражает общественное сознание, но и сам влияет на ментальную картину мира и напрямую конструирует то, что мы называем реальностью, наша озабоченность естественна: если к середине XIX русское образованное общество говорило и понимало друг друга на языке пушкинского извода (а не карамзинского и шишковского), то это оттого, что такой тип системы внедрялся в качестве образцового начиная со школьных хрестоматий. Тем не менее сегодня выражение типа «я нашел его готового пуститься в дорогу» («Капитанская дочка») мы не только не используем, но даже самостоятельно и придумать не сможем — однако же прекрасно поймем. Дело в том, что возможность понимания предоставляет нам литературный язык — социальный конструкт, зависящий от культурно-исторических обстоятельств в не меньшей степени, чем от стихии внутренних языковых процессов².

Выразительным примером значимости социальных условий его существования (языковой ситуации, в которой он складывается, функционирует и развивается³) является язык послереволюционной эпохи. Пафос эпохи — строительство нового мира — не мог в нем не отразиться, и, конечно, ярче всего в поэзии. Для Н. Заболоцкого этот мир так юн, что в нем, как в первые дни творенья, все сущее только что получило свои подлинные, обновленные имена: животное Собака, рыба Камбала, птица Воробей. Это мир без богов, и люди в нем сами

¹ Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 2004. С. 5–13.

² См., например: «Для литературного языка характерны, во-первых письменная фиксация, во-вторых нормированность, в-третьих общеобязательность норм и их кодификация. Быть общепринятым, а потому и общепонятным — основное свойство литературного языка» (Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 131); «Важнейшей чертой современного литературного языка является существование единых норм, общих для всех членов национальной общности и охватывающих как книжную, так и разговорную речь, т.е. все формы речевой коммуникации» (Шукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М., 2006. С. 143). Наличие кодифицированной нормы — то есть закрепление в законах — и есть признак социальной конструкции. Приведенные свойства не исчерпывают структурных свойств литературного языка.

³ Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия. М., 2003. С.222.

и есть «полузвери, полубоги» («Меркнут знаки зодиака...»). На путь «непосредственного и сознательного языкового изобретательства» вступили и футуристы¹. В этот период серьезной трансформации подвергся весь строй языка, вся его система – синтаксическая, грамматическая, лексическая, орфо-эпическая. Все это достаточно хорошо описано и изучено – причем, что особенно ценно, начато изучение было именно лингвистами-современниками, то есть очевидцами происходивших перемен².

Эволюционные изменения в языке явились следствием двух мощных социальных факторов. Во-первых, резко меняется состав носителей литературного языка: в результате массовых территориальных перемещений носителей литературного языка изменяются формы и традиции его передачи: если на протяжении всего времени его становления и существования нормы впитывались в семье, в быту, с молоком матери, то после социальных катаклизмов начала XX века (массовой эмиграции образованной части населения, ее гибели в Первой мировой и Гражданской войнах, послереволюционной изоляции «бывших») норма стала передаваться через книгу, лишь при специальном обучении. Появляется новая советская интеллигенция, принеся с собой особенности и диалектной, и просторечной речи – страна «заЁкала»³ (что привело к радикальным изменениям правил правописания о/ё после шипящих). Появилось «побуквенное», буквальное произношение: неграмотная прежде страна, реализуя внезапно обретенную с помощью ликбеза грамотность, «заЧТокала», буквально произнося *чт, чн*, окончания *-ого/-его*.

Второй фактор – изменения в самой объективной действительности: рождение новых понятий. В качестве иллюстрации можно указать на радикальные процессы, происходившие в 1920–1930 гг. в категории рода существительных. Любовь новой эпохи к сложносокращенным словам и аббревиатурам привела к противоречию

¹ Винокур Г.О. Культура языка. М., 2006. С. 307.

² Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л., 1981.

³ То есть на месте литературного Е стало произноситься просторечное Ё. Об этом подробнее: Захарченко Е. На букву Ё // Ё. Психотворец. Обуватель. Философ. М., 2002.

между окончанием слова и его родом. Существительные с окончанием *-а* (за исключением немногочисленных слов общего рода типа *неряха, зануда, плакса*) относятся в женскому роду, но *комполка, начштаба, замминистра* оказались мужского рода, однако аббревиатуры на согласный – наоборот, женского: *РСФСР, ГРЭС, РАПП, ООН*. Зато за счет того, что не ко всем бывшим мужским профессиям можно создать «гендерную» пару (*математик – математичка, электрик – ...электричка?*), чрезвычайно расширился корпус слов общего рода: *профессор, хирург, лектор*. Таким образом, происходившие в языке процессы протекали как будто в «противоречии» с грамматикой¹. Сегодняшние активные процессы также являются следствием в первую очередь социальных изменений: большинство исследователей указывают точную дату их начала – 1985 год. К настоящему времени существует уже достаточно внушительный список публикаций на эту тему. И снова речь идет о непозволительных грамматических вольностях.

* * *

Истолкование современного литературного языка как сознательного созданного, в некотором смысле искусственного в отечественной научной мысли возникло сравнительно недавно². Следует отметить, что *становление* литературного языка и *теоретическая рефлексия* этого процесса образуют две самостоятельные (хотя и тесно переплетающиеся) сюжетные линии. При этом особенности теоретизирования тесно связаны с обстоятельствами становления, поскольку протекали практически одновременно (в отличие от литературных языков, имеющих более длительную историю и не подвергавшихся в процессе своего становления такому жесткому, иногда волюнтаристскому давлению социальных обстоятельств).

Один из первых исследователей истории русского литературного

¹ Мучник И.П. Влияние социальных факторов на развитие морфологического строя русского литературного языка в советский период // Мысли о современном русском языке: Сборник статей под ред. акад. В.В. Виноградова. М., 1969.

² Например, настойчиво проводя мысль о возможности и необходимости языковой политики, языкового строительства, Л.П. Якубинский в то же время отрицал искусственность литературного языка. См.: *Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование*. М., 1986. С. 71–77.

языка советского времени академик В.В. Виноградов в 1933 г. писал, что в пределах национального языка существуют три взаимосвязанных системы: «разговорный язык господствующего класса и интеллигенции с его социально-групповыми и стилистическими расслоениями, национальный письменный язык с его жанрами и стилистическими контекстами и язык литературы с его художественными делениями. Соотношение этих систем исторически меняется»¹. Г.О. Винокур в монографии, опубликованной в 1943 г.², становление русского языка прослеживает со славянских времен и появления письменности, в какой-то мере отождествляя письменный и литературный язык. Такой подход был естественным для исследователей старшего поколения, их теоретическая позиция опиралась на исторические факты: вплоть до окончания программы ликбеза в конце 1930-х гг. грамотность, а тем более образованность была уделом сравнительно немногочисленной элиты.

История современного литературного языка напрямую связана с деятельностью Петра I. Его требования, чтобы светские книги писались на «простом» языке, не могли быть выполнены чисто практически: разговорный (иногда его называют «деловой» — он использовался в деятельности приказов) язык не обладал достаточным инструментарием для того, чтобы использоваться, например, при строительстве мостов, кораблей, обустройстве горнорудных разработок. Вместе

¹ http://ksana-k.narod.ru/menu/slave/vinogradov_sl.html

² Винокур Г.О. История русского литературного языка. М.: URSS, 2009. Удивительно! Ведь война самом разгаре! В эти тяжелейшие годы оказалось, что консолидация невозможна без понятного всем общего языка, и такая, казалось бы, академическая, далекая от повседневных нужд проблема обернулась насущнейшей необходимостью. Основной пафос монографии — преемственность в развитии и становлении общенационального языка. Это противоречило учению Марра (из которого следовало, что после Октября появился новый язык). В.М. Алпатов высказывает предположение, что разгром марксизма мог быть вызван несоответствием идей Марра, «ориентированных на умонастроения 20-х годов, политической линии Сталина послевоенных лет. Ушли в прошлое мечты о всемирной революции, космические фантазии и идеи о великодержавном шовинизме как главном зле в национальных вопросах; «народность» и «самобытность» из бранных слов превратилась в неперемненные эпитеты газетных статей. В этих условиях отрицание Марром национальных границ и рамок и особой роли русского языка, полное отвержение старой науки, требование форсировать создание всемирного языка не могли нравиться Сталину. Недаром Сталин сопоставил Марра с пролеткультовцами и рапповцами». <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/alp93sp.htm>

с голландскими кораблями пришла судостроительная лексика, которая до сих пор слышна в ракетостроительной терминологии (*стапеля, шпангоуты*), немецкие *маркшейдеры* научили строить *шахты* и пробивать в них *штреки* и т. д. Вспомним и политическую лексику: сам Петр I поздравлял соотечественников *с викторией*... Иными словами, требование писать на общепонятном языке являлось социальным заказом такой язык создать. Его создание на протяжении всего XVIII и первой трети XIX века, по сути, было также и процессом формирования нового национального самосознания. Шли жесткие дискуссии даже по поводу начертания отдельных букв, создавались первые грамматики. Ломоносовская теория трех штилей позволила сохранить и вписать в новый контекст лексическое наследие предшествующей культуры (в отличие от призывов их радикальных потомков). Разрабатывались принципы перевода художественной литературы, а вместе с переводными романами создавалось пространство¹ новой светской европеизированной культуры².

Каждый член сообщества был интимно заинтересован в развитии литературного языка, каждый являлся одновременно и его носителем, и экспертом, его оценивающим и влияющим на его состояние.

В воспоминаниях «Мелочи из запаса моей памяти» (1854 г.) М.А. Дмитриева, племянника И.И. Дмитриева, найдем суждение о новообразованных словах: «Карамзин, говоря о русском языке, употреблял иногда вместо правила подобие, которое делало правило очевидным. У одного журналиста в Москве нашел он слово *кормчиев* вместо *кормчих*. Он сказал ему: «Разве вы напишете *певчиев* вместо *певчих*?» Что сказал бы он о нынешних *помимо* и *совпадать*?»

Однако же сегодня мы заметим, что у *помимо* есть значение, не совпадающее со значением включения/исключения синонимичного ему предлога *кроме*: *помимо* — значит минуя активность объекта. Можно

¹ М. Лотман считал первопроходцем в этом Третьяковского. См.: Лотман Ю.М. «Езда в остров любви» Третьяковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 222–230.

² Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Русская идея. М., 1992. С. 389–390. Еще об этом: Владимир Кантор. Русский европеец как задача России // Вестник Европы». 2001. № 1; Межуев В.М. Национальная культура // Теоретическая культурология. М., 2005. С. 473–474.

сказать: *Все, кроме/помимо отца, уехали; кроме/помимо своих детей, он растит племянников. Но: помимо его воли (желания).*

И потому вопросы правильной или неправильной речи, традиции (узуса) и ее вариативности и изменчивости были в компетенции носителей языка – норма не нуждалась в кодификации, она имела *описывающий* характер. Создававшиеся справочники, словари и руководства, регистрируя вариативность – и орфографическую, и словоупотребительную, – носили рекомендательный характер. С начала 1840-х гг. возрастает процент разночинцев («второго общества», словами Софьи Карамзиной), «ученых на медные деньги», но в результате законодательно закрепленных процедур по большей части становящихся дворянами со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. И в связи с необходимостью полноценно влиться в живую, активно развивающуюся в это время культуру элиты (язык образованного общества М.В. Панов называл языком «горы») увеличивается потребность в инструктирующих справочных пособиях, *предписывающих* нормы речевого поведения.

Надо сказать, что носители этой культурной традиции, выжившие в катаклизмах начала XX века и оказавшиеся за границей, продолжили ее. В качестве примера можно привести полемику «о порче русского языка в советской и зарубежной России» П.М. Бицилли с С. и А. Волконскими, выпустившими в 1928 г. книгу с характерным названием «В защиту Русского языка». Ее основной пафос через столетие перекликается со знаменитыми «о старом и новом слоге» (1803 г.) не всегда справедливо обруганного А.С. Шишкова. (А ведь и еще через столетие полемика о состоянии современного языка вспыхнет с новой силой!)

И здесь вспомним, что призывы Шишкова вернуться к «подлинному Древнему Славенскому языку», как и требования Петра I, были столь же неосуществимы и по той же причине – такого идеального языка в действительности не существовало. Шишковисты пытались сконструировать древний с тем же переменным успехом, что и карамзинисты новый слог. Однако и Карамзин, и Шишков были таланты – в отличие от многих сторонников той и другой стороны, и не забудем, что все манифесты, воззвания и рескрипты Отечественной войны 1812 года писались именно Шишковым.

Накал страстей при обсуждении этого традиционного для русского общества вопроса выразительно иллюстрирует и название статьи С.В. Завадского «Борьба за язык» (1928). Отстаивая необходимость в русском языке таких «варваризмов», как *проблема, реагировать, реставрация* (которые авторы книги предлагают заменять уже существующими (*вопрос; разобраться, отвечать* и т.д.), Бицилли приводит те же аргументы, что и сегодня, на рубеже XX–XXI веков, сторонники «спокойного» отношения к происходящим процессам агрессивного внедрения в общеупотребительную лексику англицизмов и жаргонизмов.

«Зачем, — спрашивает кн. С. Волконский, — ориентироваться, когда есть: разобраться, рассмотреть, опознаться?» Затем, что ни разобраться, ни рассмотреть, ни опознаться не выражает того оттенка, который есть в ориентироваться. Неразобравшийся в оттенках этих слов сказал бы, что кн. С. Волконский не ориентировался в вопросе (сегодня *продвинутый пользователь* заметил бы, что князь *не в теме*. — Е.З.). Ориентироваться значит и разобраться, и рассмотреть, но непременно с одной точки зрения и для определенного действия»¹.

Опровергая утверждения о том, что новое заимствованное слово вытесняет сразу несколько синонимичных русских, Бицилли парирует: «Кн. А. Волконский... хочет заменить реагировать посредством отзываться или отвечать... Реагировать значит не просто отвечать (или отзываться), но ответить действием. Неясно, хочет ли кн. А. Волконский выбросить совсем реставрацию, или же только «реставрацию государственности»... Во Франции в 1814 г. произошло не восстановление государственности, ибо «государственность» существовала и при Наполеоне, а восстановление династии, низложенной во время Революции. Последние шесть слов мы заменим одним: Реставрация. Это — сокращенный условный знак»².

Но ведь и сегодняшней *киллер* — не *душегуб* или *убийца*, а именно *наемный убийца*³. И *быть не в теме* — значит *не просто быть некомпетентным*.

¹ Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 2006. С. 611–612.

² Там же.

³ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд.: СПб., 1998. Авторское издание 2009 г. лежит на портале ГРАМОТА.РУ.

тентным или *быть не в курсе*. Здесь есть существенный оттенок смысла: *это значит знать в общих чертах, но не иметь доскональной информации о подробностях*. И возможно как А.М. Дмитриев сокрушался в конце 1840-х, когда началось активное употребление разночинной лексики, по поводу новых уродливых слов, так и необъяснимая антипатия М. Кронгауза¹ к безобидному слову «блин» лет через сто будет непонятна. В самом деле, ну что неприятного в слове «совпадать»?

В связи с современным состоянием языка вновь актуализировалась еще одна большая лингвистическая тема – несмотря на то что одним из необходимых условий существования литературного языка является вариативность и подвижность его норм, буквально на глазах эти нормы меняются и значительно расширяются. Пуризм наших современников, вероятно, родственен позиции и Волконских, и корреспондентов К. Чуковского, возражавших, например, против выражения «это слово примелькалось для нашего слуха», потому что мелькание «воспринимается исключительно зрением»². Мне представляется, что сегодня он усугублен наследием тоталитарной эпохи – убеждением, что истина всегда незыблема и единственна. В орфографическом справочнике для работников печати 1949 г. так прямо и написали: «К сожалению, пока нет еще полного единообразия

¹ *Максим Кронгауз*. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008. С. 11. Автор справедливо указывает происхождение этого междометия от сходного по звучанию нелексиконного слова. Однако, попав в конце 1980-х в речь подростков, а потом и детей, оно на моих глазах (я тогда подолгу работала в детских – еще пионерских – лагерях; недолгая эпидемия неумеренной любви к нему, как это обычно и бывает в детских коллективах, пришлась на лето–осень 1988 г.) стремительно потеряло вулгарный бранный оттенок и превратилось в нейтральное, получающее самую разнообразную эмоциональную окраску в зависимости от контекста: восхищения, удивления, досады, сомнения, замешательства... Можно заметить, что употребляется оно чаще всего или людьми молодыми, «подцепившими» его именно в детстве, или теми, кто много работает с детскими коллективами. А если какое-либо новое слово надолго задерживается в языке, это сигнал, что здесь была некоторая смысловая или эмоциональная лакуна, которую данное слово и заполнило. Свою точку зрения позволю себе подкрепить еще и ссылкой на П.М. Бицелли: «Всякое обогащение языка скорее благо, нежели зло... Слово самого идиотского, самого «беззаконного» происхождения, укоренившись и ставши общеупотребительным, тем самым и облагораживается». (*Бицелли П.М.* Указ. соч., С. 601–602).

² *Корней Чуковский*. Живой как жизнь. М., 1966. С. 165–180.

в практике нашей орфографии и пунктуации» (напомню: вариативность — одно из фундаментальных условий существования литературного языка)¹.

Неудивительно, что в вопросах, *что* объявлять нормой и *как* ее отыскивать, сталкиваются точки зрения сторонников *предписывающего* и *описывающего* характера нормы. Здесь уже упоминалось, что в начале XIX века она в основном регистрировала положение дел, и неудивительно: в значительной мере ее оценивали ее же создатели. Дискуссии носителей языка, оказавшихся за границей как бы беглецами с Атлантиды, были стремлением, с одной стороны, сохранить культурное наследие на фоне рушащихся норм внутри покинутой страны, с другой — пониманием неизбежности и необходимости перемен: язык жив, пока он обновляется. В противном случае его ждет судьба латыни и церковнославянского — языков хотя и употребительных, но мертвых. Предписывающий характер нормы в орфографии окончательно взял верх в конце XIX века, в 1885 г., в первом своде правописания академика Я.К. Грота. Вторая половина XX века подарила нам в том числе трагикомические курьезы и следствия из них — радикальные предложения реформы орфографии по поручению Хрущева (пусть пишется как слышится): *мыш, ноч, платьеце*; статью «Заец есть огурци» и последовавшие для ее автора оргвыводы. Очередная попытка реформировать орфографию, предпринятая на рубеже веков, как и предшествующие, благополучно сошла на нет².

В уже упоминавшейся монографии Г.О. Винокур писал, «что на конечном пункте движения русского языка к национальной норме решающая роль выпала на долю русской художественной речи», однако «после того, как уже возникла национальная норма, языковые интересы художественной литературы и русской письменности вообще снова разошлись». Пушкинская эпоха освободила язык «от обязанности преследовать эстетические цели и оставила ему только его общенациональные функции... история русского языка в течение

¹ О типологическом сходстве немецкой лингвистики 1930-х гг. и так называемого «нового учения о языке» см. интересную статью: *Николаева Т.М.* Несколько слов о лингвистической теории 30-х: фантазии и прозрения // Слово в тексте и словаре: Сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2000.

² *Лопатин В.В.* Многогранное русское слово. М., 2007. С. 613–743.

XIX–XX вв. — это в значительной мере есть раздельная история общерусского национального языка и языка русской художественной литературы»¹. Таким образом, открывается возможность переосмыслить понятие «правильного», «принятого», традиционного, то есть нормы. Новая норма отличается от языка предшествующей эпохи (что и было зафиксировано в нормативных документах 1950-х — начала 1960-х гг.). Отсюда рукой подать и до современного понимания нормы как социального конструкта, с чего мы и начинали наш разговор. Однако в отличие от «горы» первой половины XIX века, объединявшей и коммуникативные, и эстетические задачи, теперь этот конструкт лишь средство общенациональной коммуникации — срединный, несколько консервативный сегмент языкового пространства.

Однако коммуникация не всегда может быть успешной, поскольку, кроме общего языка, необходимо еще общее смысловое пространство. Значение и смысл слова совпадают не всегда. Реконструируя употребление слов «демократия», «демократический» в России в 1917–1918 гг., Б.И. Колоницкий убедительно показывает: политическая востребованность этого термина, его «идеологическая модность» и эмоциональная притягательность приводили к тому, что практически все партии и группы, принимавшие участие в событиях того времени, от монархистов, кадетов (которые на своем совещании пели «Интернационал»), сторонников Керенского и до социалистов и большевиков, идентифицировали себя с этим понятием². Однако смысл самого понятия приобретал совершенно произвольные объем и значения, доходя до абсурдных: на митинге в ответ на призыв агитатора «Долой монархию, да здравствует республика!» крестьяне кричали: «Долой монахов, да здравствует республика и царь батюшка!» Автор справедливо указывает, что образованный человек, владеющий языком современной политики и считающий этот язык универсальным, и «темные», необразованные слои населения говорили на разных политических языках. «Использование одинаковых слов — «демократия», «республика», «царь», «социализм» и др. — создавало лишь иллюзию взаимного понимания, а результаты политического просвещения подчас были самыми неожиданными».

¹ Винокур Г.О. Указ. соч. С. 99–100.

² Колоницкий Б.И. Язык демократии //Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Спб., 2005.

данными: предлагаемые политические тексты «пере-водились» по-своему. Но, возможно, и политики порой не могли адекватно оценить восприятие собственных текстов массовым читателем»¹.

Описанные коммуникации на языке современной науки называются «провальными», несостоявшимися. Но, с другой стороны, именно наполнение одного и того же слова различными смыслами может обеспечить полноценное понимание друг друга не только участниками взаимодействия, но и сторонним наблюдателем. Ниже предлагается фрагмент главы «Маленькие картинки» из «Дневника писателя» Достоевского за 1873 г.

«Известно, что в хмелю первым делом связан и туго ворочается язык во рту, наплыв же мыслей и ощущений у хмельного, или у всякого не как стелька пьяного человека, почти удесят�еряется. А потому естественно требуется, чтобы был отыскан такой язык, который мог бы удовлетворять этим обоим, противоположным друг другу состояниям. Язык этот уже спокон веку отыскан и принят во всей Руси. Это просто-запросто название одного нелексиконного существительного, так что весь этот язык состоит из одного только слова, чрезвычайно удобно произносимого. Однажды в воскресенье, уже к ночи, мне пришлось пройти шагов с пятнадцать рядом с толпой шестерых пьяных мастеровых, и я вдруг убедился, что можно выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием этого существительного, до крайности к тому же немногосложного. Вот один парень резко и энергически произносит это существительное, чтобы выразить об чем-то, об чем раньше у них общая речь зашла, свое самое презрительное отрицание. Другой в ответ ему повторяет это же самое существительное, но совсем уже в другом тоне и смысле — именно в смысле полного сомнения в правдивости отрицания первого парня. Третий вдруг приходит в негодование против первого парня, резко и азартно ввязывается в разговор и кричит ему то же самое существительное, но в смысле уже брани и ругательства. Тут ввязывается опять второй парень в негодовании на третьего, на обидчика, и останавливает его в таком смысле, что, дескать, что ж ты так, парень, влетел? Мы рассуждали спокойно, а ты откуда взялся — лезешь Фильку ругать!

¹ Там же. С. 181–183.

И вот всю эту мысль он проговорил тем же самым одним заповедным словом, тем же крайне односложным названием одного предмета, разве только что поднял руку и взял третьего парня за плечо. Но вот вдруг четвертый паренек, самый молодой из всей партии, доселе молчавший, должно быть вдруг отыскав разрешение первоначального затруднения, из-за которого вышел спор, в восторге приподымая руку, кричит... Эврика, вы думаете? Нашел, нашел? Нет, совсем не эврика и не нашел; он повторяет лишь то же самое нелексиконное существительное, одно только слово, всего одно слово, но только с восторгом, с визгом упоения, и, кажется, слишком уж сильным, потому что шестому, угрюмому и самому старшему парню, это не «показалось», и он мигом осаживает молокососный восторг паренька, обращаясь к нему и повторяя угрюмым и назидательным басом... да всё то же самое запрещенное при дамах существительное, что, впрочем, ясно и точно обозначало: «Чего орешь, глотку дерешь!» Итак, не проговорив ни единого другого слова, они повторили это одно только излюбленное ими словечко шесть раз кряду, один за другим, и поняли друга друга вполне. Это факт, которому я был свидетелем. «Помилуйте! — закричал я им вдруг ни с того ни с сего (я был в самой середине толпы). — Всего только десять шагов прошли, а шесть раз (имя рек) повторили! Ведь это срамеж! Ну, не стыдно ли вам?»

Все вдруг на меня уставились, как смотрят на нечто совсем неожиданное, и на миг замолчали, я думал, выругают, но не выругали, а только молоденький паренек, пройдя уже шагов десять, вдруг повернулся ко мне и на ходу закричал:

— А ты что же сам-то семей раз *его* поминаешь, коли на нас шесть разов насчитал?

Раздался взрыв хохота, и партия прошла, уже не беспокоясь более обо мне»¹.

С наблюдениями писателя перекликается позиция современных исследователей, которые утверждают: «Нужно признать, что

¹ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя 1873 г. Маленькие картинки http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%94%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8F_1873_%D0%B3%D0%BE%D0%B4_%28%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%29/XIII.

предназначение языка никогда и не состояло в том, чтобы обозначать вещи. Скорее, функция языка состоит в обеспечении интересубъективной коммуникации при осуществлении совместной деятельности, которая, как оказывается, вполне может обойтись и без строгой референции к вещам, задаваемой посредством языковых выражений»¹.

* * *

В истории отечественной словесности авторитет Слова был унаследован от древнерусского христианского почитания Книги. Со времени петровских преобразований начинает формироваться единство «философского» и «поэтического», и это характеризует не только художественный стиль, но и особенности развития русской философско-общественной мысли. Но на рубеже XIX–XX веков слово утратило целостность. Знак и смысл – какими бы терминами эти ипостаси ни назывались – стали осознаваться как различные, не всегда согласованные друг с другом инстанции. Утратив метафизическую вертикаль – то пространство, в котором «не открывают законов, а ищут смыслы и решают смысложизненные проблемы человека»², – Слово потеряло свою силу. Прежде всех это почувствовали поэты.

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

.....
А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умною число передает.

.....
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова³.

¹ *Суровцев В.А., Ладов В.А.* От переводчиков // Сол А. Крипке. Витгенштейн о правилах перевода и индивидуальном языке. М., 2010. С. 8.

² *Келле В.Ж.* Интеллектуальная и духовная составляющая культуры // Вопросы философии. 2005. № 10. С. 49–50.

³ *Гумилев Н.* Слово (1921) <http://www.litera.ru/stixiya/authors/gumilev/v-onyj-den.html>.

Об этом же спустя годы заговорили философы, и здесь самый поразительный пример – движение Л. Витгенштейна от «Логико-философского трактата» к «языковым играм»: «значение слов есть способ их употребления. ...Когда изменяются языковые игры, изменяются и понятия, а вместе с понятиями и значения слов»¹. В переводе на поэтический язык – искать смыслы возможно только в речи. Только авторство дарит слову личностный неповторимый и каждый раз единственно точный смысл. Достоинство поэзии осознается как достоинство *речи* поэта: «Сохрани мою *речь* навсегда за привкус несчастья и дыма, // За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда...»² (О. Мандельштам), а самое ценное, по Бродскому, что нам достается, – «от всего человека вам остается часть речи. Часть речи вообще. Часть речи»³.

* * *

Слова Я. Смелякова о наших прадедах, которые «мукою припудривши лик», «на мельнице русской смололи заезжий татарский язык»⁴, следует понимать расширительно, как метафору всего времени существования нашего языка – от праславянской древности (включая готскую, скифскую и прочую лексику, унаследованную от древнерусского и церковнославянского языка⁵, грамматические конструкции греческие, финно-угорские, французские, немецкие, англо-американские) и по сию пору, когда никуда нам не деться от *компьютеров* и *мониторов*. Когда-то литературные языки Москвы и Петербурга складывались на основе городского койне – такого языка повседневного общения, который помогает понять друг друга людям, говорящим на разных диалектах русского или на чужих языках. Сегодня язык, на котором говорит и улица, и зачастую СМИ (ставшие носи-

¹ Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. I. С. 331.

² Мандельштам О. «Сохрани мою речь...» <http://www.litera.ru/stixiya/authors/mandelshtam/soxrani-moyu-rech.html>

³ Бродский И. «...и при слове «грядущее» из русского языка...» http://litera.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=&ob_no=13234

⁴ Смеляков Я. Русский язык <http://www.litera.ru/stixiya/authors/smelyakov/u-bednoj-tvoej.html>

⁵ Оиенко И.И. Иноземные элементы в русском языке: История проникновения заимствованных слов в русский язык. М., 2009 (репринтное издание 1915 г.).

телями и трансляторами общеупотребительного и разговорного, и так называемого письменного разговорного языка — языка электронных средств информации, в первую очередь Интернета), включает не только пласт нормативного языка, но и диалектные варианты, различные социолекты (социальные варианты родного языка — молодежный, экономический, политический и т. п.), язык мигрантов...

И потому образ Вавилона возникает как будто сам собою. Он давно перешагнул границы библейского мифа и зажил самостоятельной жизнью. В.Н. Топоров трактует его смысл так: «Господь не отказался от людей и не отказал им в своей помощи, но, увидев, что они не готовы к подлинному единству, он нарушил то природно-эмпирическое, даром полученное единство языка-культуры, которое, будучи осознано его носителями, не имея для себя ни меры, ни сомнения, ведет к самодовольству, к иллюзии самодостаточности и вседозволенности... Помощь Бога заблудшим состояла в открытии перед ними иной перспективы. Вступив на трудный путь рассеяния и дифференциации былого культурно-языкового единства, замкнувшись в своем языке и своей культуре, люди должны были понять и полюбить это свое, увидеть в неровной поверхности «своего» зеркала окружающий их мир, самих себя и, наконец, других, отличных от них по языку и культуре людей... и эти «другие», как только они были замечены и сам факт существования их как носителей культурно-языковой инакости был осознан, тоже стали зеркалом, через которое можно было увидеть не только «другое», но и через него и себя... главный урок библейской истории Вавилонской башни нужно видеть в выборе культурно-языкового плюрализма как нового пути человека, в выдвижении созидания нового единства (уже не природно-эмпирического) в многообразии, нового братства людей»¹.

Вавилон — это множество разных людей, собравшихся в одном месте, в одном городе. В таком смысле и Нью-Йорк, и сегодняшняя Москва — новые вавилоны. Но это еще и многоязычие, многоголосие. Языки и *на-речия*, их слова и смыслы, собравшиеся, слившиеся в современном русском языке, увидевшие, узнавшие и принявшие друг друга — чем не Вавилон?

¹ Топоров В.Н. Пространство культуры и встречи в нем // ВОСТОК—ЗАПАД. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 9—10.

Н.А. Минкина, М.М. Ковальзон

*НРАВСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ*

Прежде чем приступить к анализу нравственной составляющей социальной философии, целесообразно несколько слов сказать об объекте исследования и специфике его познания. Предметом социальной философии является социальная реальность во всем многообразии ее проявлений, а нравственная составляющая пронизывает практически все структурные элементы этой внутренне расчлененной целостности, что определяется спецификой нравственности. Чтобы адекватно описать эту социальную реальность, необходимо разработать систему категорий, в которых эта реальность была бы представлена. Выделить же существенные свойства, связи и отношения, характеризующие сегодняшнюю российскую реальность, — задача сложная и трудно разрешимая. В противном случае все реформы, инновации не будут соответствовать требованиям социальной реальности, а сама реальность будет ускользать из предмета анализа.

Существенный вклад в понимание социальной реальности внесли В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон в своей фундаментальной работе «Теория и история». Предложенные ими три методологических измерения или аспекта в изучении общества и его истории, которые были названы естественноисторическим (или объективным), деятельностным и личностным (или гуманистическим), фиксируют фундаментальные теоретико-методологические направления, что концептуально расширяет возможности применения в познании общества различных методов и делает его изучение более «раскованным», чем это позволяло превращенное в догму материалистическое понимание истории. Эти три измерения являются основными координатами социума.

Говоря о специфике социально-философского знания, В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон в своей «Теории и истории» писали, что основной задачей любой науки является познание объективных законов исследуемого предмета. Между тем в обществе, поскольку его функционирование и развитие есть результат деятельности людей, в предмет исследования полагалось бы включить сознание, волю, настроения, капризы и т. п., которыми непосредственно побуждается деятельность людей. Но можно ли тогда говорить применительно к обществу об объективных законах как специфическом предмете научного исследования? – ставят вопрос авторы. И в этом они видят принципиальную особенность и трудность социального познания. Но сама фиксация этой фундаментальной трудности есть результат развития общественной мысли.

Авторы убедительно показали, что естественнонаучные открытия могут создавать и создают коллизии с теми политическими, религиозными, нравственными установками, которые господствуют в обществе. При этом в основе этих коллизий лежит не содержание научных открытий, а ценностные установки общества. Думается, что это направление исследования таит в себе различные методологические возможности, выявление и использование которых может послужить выработке более выверенных подходов к решению актуальных ныне теоретических проблем. Методология трехаспектного подхода открывает, например, перспективу переосмысления таких сложных теоретико-методологических проблем, связанных с соотношением развития общества как естественноисторического процесса, как сознательной деятельности людей и индивидуального развития человека. Трехаспектный подход является, по мнению Келле и Ковальзона, главным выражением многомерной методологии на социально-философском уровне анализа исторического развития. Но в принципе возможны и другие подходы с использованием большего или меньшего количества измерений, как это происходит, например, в математике.

Нам кажется, что анализ социальной реальности требует четкого определения категорий народ, нация, социальный характер, ментальность, этнос. Эти категории не являются структурообразующими. Однако на определенных этапах и в определенных социальных ситуациях именно они существенно влияют на ход социальных процессов,

включают в себя нравственную составляющую и в значительной мере определяют социальную реальность. Поэтому они требуют социально-философского анализа.

На тот факт, что народы, как и отдельные его представители, имеют свой характер, свою мораль, обратил внимание П.Я. Чаадаев, характеризуя русский народ. «Помимо общего всем обличья, каждый из народов... имеет свои особые черты, но все это коренится в истории и в традициях и составляет наследственное достояние этих народов»¹. И далее Чаадаев прямо говорит о «чертах народного характера». Писатель и философ дал гениальное описание характера российского народа. Но когда мы говорим о «народном характере», то создается впечатление, что носителем его является народ. Понятие же «народ» является многозначным².

Чаще всего этот термин употребляется в значении народонаселения или народ как субъект, творец истории. Тем самым подчеркивается его ведущая роль в сфере общественного производства. Народ — те, кто приводит в движение орудия труда. Применительно к проблеме, социальной реальности, видимо, более корректно пользоваться понятием «социальный характер». Для того чтобы определить это понятие, необходимо исходить из определения характера вообще, показав специфику социального характера. Как известно, особое внимание проблеме социального характера уделял Эрих Фромм. Философ подразумевал под этим понятием ту относительно устойчивую структуру человека, которая детерминирует направленность его конкретного поведения, мышления, чувств и поступков. Исследуя характер, Фромм интересовался прежде всего установками, мотивами, страстями человека, добродетелями и пороками, порывами влечений и другими чертами характера, предвосхищающими, по его мнению, все конкретные поступки человека и детерминирующими их. Социальный характер, как и ментальность, принуждает индивида действовать определенным образом, поскольку в нем присутствуют как осознаваемые, так и неосознаваемые элементы. Таким образом, мы можем сделать вывод: ментальность и социальный характер являются релевантными понятиями.

¹ Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 22.

² Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 267.

Видимо, есть основания говорить и о национальном характере. Здесь возникает проблема соотношения понятий «народ», «этнос», «нация». Проблема эта в последние годы приобрела особую актуальность, и поэтому является дискуссионной. Вероятно, предварительно необходимо определиться с понятием «этнос», поскольку оно часто отождествляется с понятием «нация», а затем перейти к анализу соотношения «этнос» и «ментальность». Понятия эти близки по содержанию, но нетождественны. По данным этнологии, этносы возникли вместе с развитием людей и их социальных групп¹.

Уже в раннем палеолите существовали так называемые предэтносы. А в позднем палеолите, т. е. в период, который называют временем появления человека современного вида (*Homo sapiens erectus*), уже появляются этносы эпохи первобытнообщинного строя. В этносе сочетаются этнический язык, народно-бытовая культура, обряды, самосознание этноса, закрепленное в его самоназвании (этнониме). Этнос обладает общностью происхождения и культуры (чаще всего языка). Вообще именно язык является наиболее устойчивым признаком этноса. Язык фиксирует историю этноса, его важнейшие события и этапы развития. В языке народ выражает свои мысли, чувства. Язык фиксирует развитие этноса как в филогенезе, так и в онтогенезе.

«В сокровищницу родного языка, — писал К.Д. Ушинский, — складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы пережитого горя и пережитой радости — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть чистая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое»². Осознание своей принадлежности к определенному этносу выражается в этническом самосознании, которое и определяет этнический менталитет вместе с неким его потаенным слоем, который скрыт в различных текстах.

С развитием общества возникают и новые этносы, соответствующие новым этапам развития общества. Хотя этнос возникает на определенной территории, однако в дальнейшем на одной территории

¹ См.: Этнология / Под ред. Г.Е. Маркова, В.В. Пименова. М., 1994.

² Ушинский К.Д. Родное слово // Педагогические соч.: В 6 т. Т. 2. С. 110.

может оказаться несколько этносов. Более того, этнос со всеми присутствующими ему культурными константами, и прежде всего со своим менталитетом, сохраняется и не на своей этнической территории, когда он выступает в качестве диаспоры.

Ментальность является синтетической характеристикой, позволяющей соединить рациональный способ миропонимания с социальным бессознательным. Ментальность – это такое образование, которое в значительной своей части человек пропускает не столько через разум, сколько через сердце. В рамках ментальности присутствуют такие оппозиции, как рациональное и иррациональное, сознательное и бессознательное, природное и социальное. Существенной характеристикой, атрибутивным свойством ментальности является стереотипность, т.е. предрасположенность, внутренняя готовность человека действовать определенным образом.

Анализируя ментальность, нельзя обойти вниманием целое научное направление, сложившееся в середине XIX века и сконцентрировавшее свое внимание на проблеме психологии народа. Основателями этого направления считают немецких ученых М. Лацаруса и Х. Штейнталя. Основная их идея заключалась в том, что все представители одного народа носят отпечаток на своем теле и душе. У этого народа одинаковые склонности, предрасположенности, единый народный дух. Народный дух в таком понимании есть психическое свойство индивидов, принадлежащих к одному народу, его самосознание.

Идеи М. Лацаруса и Х. Штейнталя получили развитие в этнопсихологии, психологии народа или ментальности как типе культуры. Они говорят об особом народном духе, который определяется единством происхождения и средой обитания. Немецкий психолог В. Вунд, развивая психологическое направление, написал десяти томную «Психологию народов». Для понимания ментальности важным является его идея о том, что высшие психические процессы людей, их мышление, есть продукт историко-культурного развития сообщества людей. Он подчеркивал неправомочность отождествления индивидуального сознания и сознания народа. Народное сознание есть творческий синтез, интеграция индивидуальных сознаний. Результатом этого синтеза является особая реальность, которая находит выражение в языке, мифах, морали. Нам представляется такой подход плодотворным.

творным, особенно в той его части, которая позволяет экстраполировать трактовку Вундом индивидуального сознания и психологии народа на понимание соотношения менталитета отдельного человека и ментальности народа, этноса.

Нация, хотя часто и рассматривается как форма этнической общности, представляет собой совокупность всех граждан определенного государства независимо от их этнической принадлежности. Для нации наряду с этнокультурными признаками характерны территориальные, социально-экономические, государственно-политические черты и признаки, литературный статус языка, что не является обязательным для этноса. Нация – это образование не только более позднее, но и более высокого порядка. Применительно к нашей проблеме можно заключить, что в рамках одной нации оказываются и сохраняются этносы со специфическим этнонациональным менталитетом. Таким образом, и «этническое», и «национальное», «ментальное» являются релевантными категориями. При этом этнос характеризует отношение устойчивой общности людей к природе. Если мы рассматриваем исторически сложившееся устойчивое образование людей как общности в отношениях с общественной структурой, с социумом, со сферой борьбы за захват и удержание власти, имея в виду, на чьей стороне выступил народ, какую политическую программу поддержал или на стороне каких политических сил выступил, то в таком отношении общность выступает как народ.

Анализ этой же исторически сложившейся устойчивой общности и в этническом, и в социальном аспектах позволяет увидеть такие ее стороны, которые дают основания рассматривать ее как нацию. Понятно, что из трех этих понятий наибольшую «ментальную» нагрузку несут этнос и нация, точнее – этническое и национальное. При этом этническая ментальность несет в себе наибольшую природную обусловленность, а нация – социальную. И именно национальное самосознание определяет ментальность народов. Национальное самосознание не сводится к осознанию индивидом своей принадлежности к определенной национальной общности, к которому долгое время оно сводилось. Представляется правомерной точка зрения Ю.В. Бромлея, который под национальным самосознанием понимает «весь комплекс представлений национальности о самой себе (в том числе о принад-

лежности к ней), ее осознанных интересов, ценностных ориентаций и установок по отношению к другим национальностям»¹.

Таким образом, мы можем выделить то общее, что характеризует понятия «этнос», «народ», «нация». Общим для этих понятий является то, что они характеризуют исторически сложившиеся устойчивые общности людей. Различия определяются тем, что каждое из них отражает определенную сторону жизнедеятельности данной общности. А если рассматривать эти категории с точки зрения их субординации, то можно заметить, что этническая общность является природной предпосылкой ментальности народа, народ несет в себе социокультурную обусловленность, а нация в определенной степени выполняет синтезирующую функцию. Поэтому именно национальное самосознание является определяющим элементом ментальности народа, в основе которой лежит этническая, то есть природная, ментальность.

«Национальное самосознание в самом общем виде есть осознание нацией своей «самости», т. е. себя как общности, своего «мы» в противоположность другой общности – «они. Национальное самосознание формируется всем пройденным путем исторического развития нации, ее судьбой, а в каждый конкретный период времени оно зависит от уровня экономического, социального, политического развития нации и в особенности от уровня духовной жизни, культуры.

Таким образом, понятийная и содержательная характеристики указанных категорий позволят приблизиться к пониманию и описанию социальной реальности, включенности в нее человека, деятельность которого в рамках социума должна соответствовать требованиям социальной реальности, а не противоречить ей.

Хотя развитие общества есть процесс объективный, но историю делают люди со своими желаниями, интересами, стремлениями. Поэтому их деятельность не может быть морально нейтральной.

Вопрос о нравственной составляющей социальной философии является частным случаем вопроса о соотношении этики и науки. Наука, как известно, является знанием и занимается поиском истины. Поэтому наука по содержанию объективна. Даже в условиях неklas-

¹ Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988. С. 57.

сической и постнеклассической науки характеристики объективности хотя и приобрели менее жесткие параметры, но содержание научного знания, его методологические основания по-прежнему базируются на объективности, проверяемости и самокоррекции. Что касается гуманитарного знания, то здесь обеспечение объективности основывается на учете фактора присутствия «наблюдателя» в самой исследуемой социальной реальности. Поскольку этот фактор не поддается формализации и, следовательно, описанию, то возникла ситуация, при которой многие методологи исторических и социальных наук пришли к выводу, что наука должна быть свободна от ценностей, в том числе нравственных ценностей. Допустить в сферу науки этический дискурс означает поставить под сомнение свободу науки.

В каком отношении можно говорить о нравственной составляющей социальной философии? Может ли быть наука объектом моральной оценки? Можно выделить несколько аспектов этой проблемы.

Во-первых, какое место занимает нравственная направленность общей теории об обществе, которая содержит добрую и злую волю, различные мнения, настроения и чувства, идеи, взгляды и теории, короче, явления сознания. Что может и должна делать с этим социальная наука?

Во-вторых, в какой степени выбор средств для реализации цели соответствует нравственным нормам. Хорошо известно, что уже Гегель обнаружил фундаментальный для социальной теории факт несовпадения сознательно поставленных целей деятельности людей и социальных последствий их действий. Цель и выбор средств для реализации цели несут большую нравственную нагрузку, которую должна учитывать социальная философия.

В третьих, социальная философия пытается понять основные закономерности и тенденции развития общества, логику социальных процессов, обосновывает социальные идеалы, являясь составной частью философского мировоззрения. Социальная наука должна опережать практику, разрабатывать ту идеальную модель, которую люди будут воплощать в своей практической деятельности. Поскольку социальная философия предлагает систему ориентиров человеческой деятельности, то правомерно говорить об ответственности социальной философии как науки и как социального феномена.

Споры по вопросу о соотношении науки и морали велись на всем протяжении развития науки. Проблема эта имеет несколько аспектов. Имеет, видимо, смысл высветить один из аспектов, а именно — ценностный аспект научного знания, связь истины и добра. А если еще более конкретно поставить вопрос, то он может звучать следующим образом: есть ли связь между истинным, адекватным знанием о мире и социальной реальности и какую роль играет нравственная составляющая ученого в научном открытии.

Архимед отказывался изложить свои математические открытия по причине опасности их инженерных приложений, Леонардо да Винчи писал в своих тетрадах, что он не будет публиковать и разглашать свои чертежи подводной лодки «из-за злой природы человека, который может использовать лодку как средство разрушения на дне моря». Ф. Бэкон считал, что могущество знания следует охранять от широких слоев общества. Глава Дома Соломона в его «Новой Атлантиде» проводил консультацию по вопросу о том, какое из изобретений будет опубликовано и какое нет. Члены Дома Соломона давали присягу, что будут сохранять в тайне то, что, они полагали, должно быть секретным.

Множество более поздних примеров: Вернер Гейзенберг, Нильс Бор, Норберт Винер осознавали, что могут быть двоякие последствия научных открытий. Они могут быть использованы как во благо человека, так и против человека, т.е. во зло. Наука не должна становиться соучастницей приготовления к преступлению против человечества.

Вместе с тем, многие ученые считают, что наука должна быть своеобразной «башней из слоновой кости» («*beyond the ivory tower*»). Еще Галилей считал, что научное исследование не может быть ничем ограничено. На полях своего экземпляра «Диалога о главнейших системах мира» он написал: «Наихудшие расстройтва (беспорядки) наступают тогда, когда разум, созданный свободным... вынужден рабски подчиняться внешней воле». Ученые имеют право добывать научную истину, не заботясь о возможных отрицательных последствиях. Этой точки зрения придерживались Ньютон, Вольтер, Спиноза. Последний повторял, что в науке человек имеет нечто чистое, бескорыстное, самодостаточное и благословенное.

Может ли общество ограничивать академическую свободу? Несут ли ученые и наука как социальный институт ответственность за соци-

альные последствия научных открытий? В связи с развитием науки, ее мощью проблема эта приобрела еще большую актуальность.

Когда мы имеем дело с наукой, то она фиксирует объективные связи и отношения, присутствующие в мире. При этом существенные свойства, связи и отношения выступают в форме гипотез, категорий, законов и т.п. И они не требуют эмоционального отношения к себе, поскольку не затрагивают интерес человека. Законы термодинамики или любой другой науки не могут нравиться или не нравиться нам, а содержание знания не зависит от познающего субъекта. Хотя, надо заметить, так было и есть в рамках классической науки, где одни и те же свойства объясняются теми же причинами, достижение объективности требует изъятия позиции субъекта из исследовательской деятельности.

Существенные изменения произошли в период неклассической науки. Здесь нельзя исключить влияние субъекта на процесс познания. С открытием корпускулярно-волнового дуализма измерительные приборы становятся важными составляющими процесса познания, а отношения «субъект – объект» заменяются на отношения «субъект – средства познания – объект», что нашло выражение в принципе дополненности Нильса Бора. Постнеклассическая наука встала перед необходимостью помещать в ряд «субъект – объект» ценностные регуляторы (представления об ответственности за последствия научных открытий, благо человека и т.д.), в результате познавательный процесс приобретает следующий вид: «субъект – ценности – объект». Постнеклассическая наука – это новый тип рациональности, который концентрирует внимание на ценностях человеческого существования. Познание в полном объеме получает гуманитарное измерение. Знание как в классической, так и неклассической науке нацелено на поиск истины, но ориентировано на ценность. Именно поэтому возрастает нравственная составляющая научного знания вообще, социального познания в частности.

Думается, принципиальный подход к выявлению нравственной составляющей социальной философии дает разработанная В.Ж. Келле идея о двух типах знания¹ (развитая затем в «Теории и истории» Келле

¹ Келле В.Ж. Социальное знание и социальное управление. М., 1976. С. 38–52.

и Ковальзона). Речь идет о социологическом и гуманитарном знании. «Эти типы социального знания, — пишут авторы, — отличаются друг от друга в первую очередь тем, что связаны с решением различных познавательных задач и в соответствии со своими познавательными возможностям отображают различные аспекты реальности.

Анализируя гносеологическую ситуацию, сложившуюся в неклассической физике, авторы проводят параллель с ситуацией в социальном познании: «Включенность человека как общественного существа в социальные процессы не может не сказаться на характере социального познания. Действительно, общественные науки столкнулись с влиянием «природы человека» на характер социального знания значительно раньше естествознания, но в несколько ином плане...Фактор включенности субъекта неустраним из социального познания»¹. Включенность социального субъекта в социальную реальность не может не порождать разного отношения к общественным процессам, и это отношение не может не отражаться на характере создаваемых теорий. Ситуация включенности в обществознание обнаружилась не при использовании измерительной аппаратуры, а при столкновении противоборствующих взглядов и позиций тех или иных социальных групп. Именно поэтому и постановка цели, и выбор средств для ее реализации, и теоретическое обоснование необходимых социальных преобразований всегда имеют нравственную составляющую.

Сегодня мы видим, что этическому регулированию подвергаются не только использование результатов научной деятельности, но и сама научная деятельность, т.е. деятельность, направленная на получение новых знаний. Все это актуализирует проблему ответственности науки как компонента социальной системы. Постановка проблемы науки как социально-ответственного феномена позволяет рассмотреть сам процесс научного познания с точки зрения его социальных последствий, реализации объективных закономерностей развития общества и его гуманистических потенций. А в самом социальном знании выделить нравственную составляющую.

¹ Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. М.: Политиздат, 1981. С. 31–32.

*НАУКА
В КОНТЕКСТЕ
КУЛЬТУРЫ*

В.Ж. Келле

*МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
НАУЧНОГО ТРУДА¹*

Одной из общих проблем науковедения является интеграция науковедческих дисциплин с целью комплексного исследования научного труда. В настоящей статье мы бы хотели рассмотреть методологические основания одного из возможных путей подхода к решению данной проблемы.

*ЗНАЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНОГО
ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ
НАУКИ*

Минуло десять лет со времени советско-польского симпозиума по комплексному исследованию науки, на котором было принято предложение ввести для обозначения этих исследований термин «науковедение». Таким образом, само рождение (или возрождение) науковедения в нашей стране было связано с осознанием необходимости и важности комплексного подхода к изучению науки. Однако науковедение, объединив различные дисциплины, не нашло пока путей и форм их органической взаимной интеграции. Правда, при разработке конкретных тем (научные кадры, научный коллектив, управление наукой и т.д.) практически используются и объединяются в рамках науковедческого цикла различные подходы (психологический, экономический, социологический и др.), но на теоретическом уровне проблема их синтеза остается нерешенной. Видимо, такое положение, естественное для

¹ Статья была опубликована в журнале «Вопросы философии» (1977. № 5). Печатается с небольшими сокращениями.

ранних этапов развития науковедения, несколько затянулось, и потребность в таком синтезе становится все более настоятельной.

Правда, в момент рождения науковедения высказывалось и другое мнение, а именно то, что «комплексных наук» не бывает и потому нет оснований вообще выдвигать задачу конституирования науковедения как самостоятельной дисциплины, что оно в этом смысле всегда останется совокупностью изучающих науку дисциплин¹. Эта точка зрения уже неоднократно подвергалась критике в нашей литературе². Мы также не можем согласиться с подобной позицией в данном вопросе и полагаем, что она есть следствие абсолютизации первоначального состояния науковедения, возведения его в принцип. Между тем существует объективная потребность в формировании «органического комплекса» дисциплин, изучающих науку. Чем же она вызвана? Почему столь важно и необходимо действительно комплексное в подлинном смысле этого слова, системное исследование науки?

Социальная потребность во всестороннем изучении процесса развития науки вызвана, конечно, в первую очередь тем, что в огромной степени выросла роль науки в жизни общества, усилилось ее влияние на развитие производства и другие сферы деятельности людей. Никто не возражает против того, что наука должна изучаться «с разных сторон», различными дисциплинами. Сам по себе многосторонний подход к изучению такого сложного феномена, каким является наука, представляется большим достижением, ибо позволяет учесть влияние на ее развитие экономических, социальных, психологических и других факторов. Но ведь задача состоит не в том, чтобы останавливаться на этих «факторах», а в познании развития науки и самой по себе и как части общественно-исторического процесса. Необходимо учесть также степень влияния каждого «фактора» в конкретных условиях и взаимосвязь «факторов» друг с другом на различных этапах развития и применения научного знания. Но для этого необходимо поднять на новый уровень взаимодействие между науковедческими дисциплинами, утвердить ту органическую комплексность, о которой мы говорили выше.

¹ См.: *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. С. 288–292.

² См.: *Микулинский С.Р., Родный Н.И.* История науки и науковедение // Очерки истории и теории развития науки. М., 1969. С. 49–53, 62–66.

Комплексное исследование науки как целостного образования и ее развития как целостного процесса есть единственный путь к познанию закономерностей функционирования и развития науки в обществе, необходимому для управления наукой, для разработки и проведения научной политики. Очевидно, что практические рекомендации в области организации науки, интенсификации научной деятельности, совершенствования форм соединения науки с производством должны разрабатываться и осуществляться с учетом особенностей функционирования и развития науки как целостной системы¹. При этом важно иметь в виду, что какой бы уровень исследования науки мы ни взяли — уровень деятельности отдельного ученого, первичного научного коллектива, более высоких ступеней организации науки, наконец, уровень науки в целом, — везде комплексный подход сохраняет свое значение.

Имеется и еще один существенный аспект комплексности. Речь идет о комплексной разработке отдельных конкретных проблем развития науки. Предмет и цель конкретного исследования определяют круг тех дисциплин, которые объединяются в каждом данном случае для решения общей задачи. Всеми этими обстоятельствами определяется общее значение комплексного подхода к изучению науки, а следовательно, и значение разработки его общих методологических оснований, установления основных линий взаимодействия используемых при изучении науки методов, а также взаимовлияния, интеграции изучающих науку дисциплин. Преодоление их разобщенности — задача весьма сложная как в теоретическом, так и в методологическом отношении, и здесь нет готовых решений. Однако известно, что в рамках системного подхода идет разработка определенного методологического инструментария, позволяющего ныне если еще и не решить эту задачу, то по крайней мере подойти к ее решению².

Наконец, следует отметить, что само «комплексное исследование науки» не есть нечто однозначное. Эта идея в общем уже должна быть

¹ См.: *Микулинский С.Р.* Науковедение как общая теория развития науки // Планирование, организация и управление научными и техническими исследованиями / Труды симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. М., 1971. Т. 2.

² *Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976. С. 46–47, 169–171.

ясной из предыдущего. Характер и интенсивность связей между дисциплинами науковедческого комплекса могут быть весьма различными. Начальной стадией является практически самостоятельное существование в рамках науковедения различных дисциплин. В качестве высшей стадии, видимо, можно себе представить науковедение как комплексную дисциплину, опирающуюся на единую теорию науки. Очевидно, между этими двумя крайними точками должны быть и промежуточные формы. Отсюда следует, что становление науковедения в качестве единой науки – это сложный процесс, который проходит ряд последовательных этапов.

*НАУЧНЫЙ ТРУД В СИСТЕМЕ
ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА*

Методология комплексного исследования науки и научной деятельности должна преодолеть одну фундаментальную трудность: как совместить и соотнести их гносеологические и социальные характеристики. Где искать решение проблемы? Просто рассматривать познавательную деятельность как одновременно и социальную? Или исходить из того, что социальное является лишь чем-то внешним для науки? В таком случае как может быть представлено их соотношение: как взаимосвязь внутреннего и внешнего, либо как-то по-другому? Или же социальные параметры научной деятельности отражают и собственную природу науки, а не только внешние условия ее развития? Тогда как совместить друг с другом познавательную и социальную характеристики науки?

Если обратиться к литературе, то можно встретить различные варианты решения этой проблемы¹. Видимо, феномен науки настолько сложен, а его взаимосвязи с обществом настолько многообразны, что имеются достаточные основания для разных подходов. Но нас здесь интересует методология анализа научной деятельности, а следовательно, соотношение гносеологического и социального в самом

¹ *Мотрошилова Н.В.* Методологические проблемы и уровни исследований науки и научного знания // Социологические проблемы науки. М., 1974. С. 24–28; *Ярошевский М.Г.* Структура научной деятельности // Вопросы философии. 1974. № 11; *Карпов М. К.* Основные закономерности развития естествознания. Ростов-на-Дону, 1963.

корпусе науки, ибо именно это соотношение является объективным основанием комплексного подхода¹.

Наука – это особая сфера познавательной деятельности человека, то есть деятельности, направленной на приобретение нового знания о мире, его законах, свойствах и т. д. Без этой деятельности и вне ее наука не существует. Все другие характеристики науки приобретают смысл лишь постольку, поскольку осуществляется познавательная деятельность и поскольку эти другие характеристики имеют к ней какое-то отношение. Такова первая предпосылка всех наших дальнейших рассуждений. Она самоочевидна, но ее надо зафиксировать.

Далее. Можно ли считать эту познавательную деятельность социальной? Марксистская философия дает положительный ответ на этот вопрос. Основанием его положительного решения служит то, что познавательная деятельность и ее продукт – научное знание – вызваны к жизни общественными потребностями и существуют только в обществе. Процесс познания осуществляется в общественно выработанных формах познавательной деятельности², а субъект познания не изолированный от общества индивид, но существо общественное. Однако в самом содержании знания его «социальное происхождение» не фиксируется, ибо это содержание определяется предметом познания даже в тех случаях, когда оно отображает взаимосвязь объекта со способами познавательной деятельности субъекта познания.

Таким образом, социальные характеристики науки не являются лишь чем-то привнесенным в нее из общества и остающимся внешним для нее, они органически присущи ей самой. Содержание знания определяется предметом познания, но само «добывание» нового знания есть человеческое искание истины, т. е. человеческая деятельность, или научный труд.

В чем же состоит специфика этого труда? Прежде всего, научный труд есть конкретная, специализированная познавательная деятельность физика, химика, биолога и т. д., продукт которой – новое знание. Специальный научный труд выражает, так сказать, «техно-

¹ *Лейман И.И.* Наука как социальный институт. Л., 1971. С. 11–12.

² *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960.

логию» науки. Итогом совокупного труда ученых является развивающаяся система научного знания. Но эта специализированная познавательная деятельность в сфере науки имеет и социальный аспект. В социальном плане научный труд выступает как труд всеобщий. Понятие всеобщего труда введено К. Марксом. Оно, как нам представляется, выражает социальную специфику научного и технического творчества, характеризует именно социальный аспект этих видов деятельности (вопрос о художественном творчестве мы здесь не рассматриваем).

«Заметим мимоходом, – писал К. Маркс, – что следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов»¹.

Следовательно, специальный труд ученого является трудом всеобщим потому, что он немислим вне связи с результатами научной деятельности предшествующих поколений, с одной стороны, и вне общения: членами «научного сообщества», выражаясь современным языком, – с другой. Приращение знания предполагает овладение уже накопленным знанием и достигается не «в гордом одиночестве», а в процессе научного общения. Иначе говоря, ученый в процессе своей творческой деятельности соотносится с наукой в целом, как она существует в обществе, и предназначает результаты своего труда науке (вклад в науку) и обществу².

Из приведенного высказывания Маркса видно также, что он связывает характеристику труда как всеобщего с уникальностью, неповторимостью его результата, с одной стороны, и общезначимостью последнего для общества – с другой. Эти моменты связаны, ибо вошедший в науку результат интеллектуального труда представляет ценность для общества именно в силу своей новизны и уникальности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 116.

² Волков Г.Н. Социология науки. М., 1968. С. 212.

Итак, мы можем сказать, что специальный, конкретный научный труд есть одновременно труд всеобщий. Как субъект конкретного труда ученый (или научный коллектив) осуществляет специализированную познавательную деятельность. Как носитель всеобщего труда он является творцом человеческой культуры и вносит свой вклад в ее развитие, ибо всеобщий труд не может не выражаться в каком-то конкретном творческом результате, конкретном открытии или изобретении. Продуктом научного труда является знание, которое в идеале становится всеобщим достоянием, удовлетворяющим не чью-то индивидуальную потребность, а потребность общества. Процесс «потребления» знания может быть бесконечным и происходить до тех пор, пока данное знание сохраняет ценность, не устаревает и не заменяется новым, более совершенным знанием.

Всем этим продукт всеобщего труда, как показал К. Маркс, отличается от продукта совместного труда в товарном производстве. Научное открытие не является воплощением «общественно необходимого рабочего времени», хотя исследование, которое привело к нему, требовало как материальных затрат, так и приложения живого труда¹. И напротив, уже полученное знание может использоваться без всяких затрат. «С наукой дело обстоит так же, как с естественными силами», — писал Маркс. Раз те или иные законы природы открыты, «они уже не стоят ни гроша»². Но он тут же добавляет, что все это нисколько не мешает капиталисту эксплуатировать науку. «Эксплуатация науки» приобрела огромные масштабы в условиях государственно-моно-

¹ В отрывке из рукописи Б.И. Шенкмана «Духовное производство и его своеобразие», опубликованном в журнале «Вопросы философии» (1966. № 12), содержится плодотворная и концептуальная интерпретация Марксовой идеи всеобщего труда. Автор считает, что социальной формой всеобщего труда является самодеятельность, что он носит свободный творческий характер, в нем проявляется природа его субъектов, он выражает человеческую общность, его продукт всегда характеризуется новизной и оригинальностью и по своей природе является «всеобщей собственностью, предметом всеобщего потребления» и т. д. Вместе с тем автор, на наш взгляд, неверно интерпретирует здесь мысль Маркса о том, что продукт всеобщего труда не может измеряться «общественно необходимым рабочим временем», понимая ее в том смысле, будто всеобщий труд свободен от общественной необходимости. В результате получилось, что автор отождествил общественную необходимость с законами товарного производства, а это далеко не одно и то же.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. С. 398.

полистического капитализма. Заинтересованность последнего в технологическом применении науки заставляет монополии тратить большие суммы на научные исследования (главным образом прикладного характера) и разработки. В результате наука в мире капитала все шире втягивается в систему его экономических отношений.

Для анализа этого вопроса необходимо изучение взаимодействия науки и общества. При анализе науки в этом ключе возникают вопросы о связи науки и социальных условий ее развития, о зависимости науки от этих условий, и прежде всего от производства, о влиянии науки на различные стороны общественной жизни, и т. д.

Вопрос о социальной природе познавательного процесса дополняется проблемой социальной ценности научного знания. Именно осознание и признание того, что научное знание представляет собой социальную ценность хотя бы в виде экономической выгоды, способствовали утверждению права науки на существование уже в условиях капитализма, господствующий класс которого стремился утилизировать научное знание, включить его в «систему всеобщей полезности»¹. Знание становится ценностью для общества, поскольку оно реализуется, то есть материализуется, в продуктах материального производства, используется для целей образования, воспитания, развития общественных отношений и вообще совершенствования человеческой практики и ее технических средств. Этим и вызывается общественная потребность в научных знаниях. Конечно, исходными здесь являются потребности производства.

Общественная потребность оказывает стимулирующее воздействие на развитие науки. Но данная статья – и мы хотели бы это подчеркнуть – посвящена не этому предмету, а проблемам методологии комплексного анализа самой науки как деятельности по производству нового знания и в этой связи – проблеме взаимоотношения познавательного и социального аспектов научного труда в рамках науки. Рассматривая эти проблемы, мы установили, что научный труд представляет собой единство специального и всеобщего труда, единство, отражающее социальную природу познавательного процесса. Этот характер научного труда выражается в его продукте, который

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. I. С. 386.

выступает одновременно и как конкретное знание и как явление культуры.

Научная деятельность — и это будет следующий шаг в нашем анализе — включена в сложную систему коммуникаций и отношений в сфере науки. Анализ природы научного труда позволяет понять отношения в сфере науки в той мере, в какой они определяются спецификой научной деятельности. Но характеристика отношений в сфере науки связана с трактовкой ее как вида духовного производства. Здесь мы опять должны обратиться к Марксу.

К. Маркс доказал, что анализ экономических отношений, носителем которых является трудовая деятельность человека, выявление социально-экономических закономерностей, которые складываются на базе этих отношений, то есть объективный социально-экономический анализ самой трудовой деятельности, возможен только тогда, когда мы будем рассматривать последнюю в системе производства, способа производства. Введение категории производства как системной категории дает в методологическом плане ключ к объяснению самой трудовой деятельности, к пониманию социальной природы человека («То, что они (люди. — *В. К.*) собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством»¹), структуры и динамики всего общества. Анализ категории труда, взятой вне системы производства, не может привести к таким познавательным результатам. Через понятие производства и именно конкретного производства, то есть способа производства, осуществляется в марксизме восхождение от анализа труда к характеристике всей социальной системы в ее развитии.

Почему же переход от понятия труда к понятию производства открывает эти новые познавательные возможности? Это связано с тем, что производство включает в себя совокупность отношений, складывающихся независимо от воли и сознания людей в процессе материальной трудовой деятельности.

Здесь следует отметить, что реальные отношения не существуют вне деятельности и деятельность не существует вне отношений людей. Это отдельные аспекты одного и того же. Деятельность — это функционирующие отношения, отношения — это предпосылка деятель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 19.

ности, определяющая ее направленность и результат деятельности, ибо именно в деятельности осуществляется воспроизводство общественных отношений. Все это и определяет значение анализа отношений: их анализ дает нам возможность выявить устойчивую направленность самой деятельности (труда). Различные общественные учреждения и социальные институты и возникают для того, чтобы закрепить существующие в данной социальной системе общественные отношения, а следовательно, и выгодную для общества (или господствующего класса) социальную направленность человеческой деятельности.

Наука относится к сфере умственной деятельности, к системе духовного производства. Хотя в наше время и идет интенсивный процесс сближения материального и духовного производства и даже их взаимопроникновение, но это не означает, что духовное производство теряет свою относительную самостоятельность, сливается с материальным и наука может рассматриваться как элемент материального производства по преимуществу. Мы полагаем, что имеются все основания и ныне говорить о науке как виде духовного производства¹, тем более если акцентировать внимание не на технологическом применении науки, а на процессе приращения знаний.

Возникновение духовного производства совпадает с отделением умственного труда от физического. Бесспорно и то, что духовное производство имеет различные исторические формы, что его структура, социальная организация, связь с обществом, содержание деятельности и некоторые другие характеристики зависят от материального производства и в конечном счете определяются им. Становление науки в качестве вида духовного производства имеет длительную историю и завершается тогда, когда наука превращается в сложившийся социальный институт и как таковая получает признание со стороны общества. Мы не рассматриваем эту историю и берем в качестве предмета анализа уже развитое состояние науки как вида духовного производства.

Духовное производство — это не просто производство новых идей, знаний, художественных ценностей и т. д., но и способ институцио-

¹ Майзель И.А. Наука, автоматизация, общество. Л., 1972. С. 59–64.

нализации и социальной организации всеобщего труда. Социальные характеристики науки (включая систему сложившихся в ней отношений) в системе духовного производства выступают уже не как нечто внешнее для нее, а как собственные определения этого феномена. Таким образом, соединения познавательной и социальной характеристик науки мы можем добиться, рассматривая науку как подсистему духовного производства или его разновидность. В этом случае мы получаем такую теоретическую схему: ученые, осуществляя научную деятельность, в ходе которой достигается приращение знаний, вступают друг с другом в определенную систему коммуникаций и отношений; научный труд и связанная с ним совокупность отношений составляют характерный для данного общества тип духовного производства. На основе этой схемы далее мы можем построить модель взаимосвязи и взаимодействия различных систем отношений в науке.

*РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ
АНАЛИЗА НАУЧНОГО ТРУДА
И ПРОБЛЕМА КОМПЛЕКСНОСТИ*

Хотя выявление и анализ отношений, складывающихся в процессе научной деятельности, требуют рассмотрения науки как вида духовного производства, структура этих отношений может быть, по нашему мнению, описана по модели, заданной сферой материального производства. Поскольку же структура отношений в материальном производстве достаточно хорошо исследована, это поможет нам установить взаимосвязи между различными системами отношений и в сфере духовного производства. Причем заранее оговоримся, что здесь может идти речь не о тождестве отношений, а лишь о некотором подобии структур.

В материальном производстве можно выделить три «слоя» отношений:

1) Технологические отношения, связанные с содержанием трудовой деятельности и техническим разделением труда; иногда эти отношения называют производственно-техническими, поскольку они зависят от технологии производства и относятся к производительным силам. Техническое разделение труда порождает различные профессии,

а следовательно, и профессиональные отношения, то есть отношения между различными профессиональными группами¹.

2) Организационные отношения. С одной стороны, они зависят от самой технологии производства, с другой – от характера экономического строя. Иначе говоря, можно говорить о технической и социальной организации производства, и потому организационные отношения сами носят двойственный характер. Например, организация капиталистического производства, с одной стороны, есть организация машинного производства, с другой – выступает как экономическая организация для получения капиталистической прибыли. Отмеченный Марксом двойственный характер управления в условиях капитализма² целиком относится к организации труда, последняя имеет и технологический и социальный аспекты. Ленин после революции писал о том, что важной задачей является развитие сети организационных отношений в России³.

В нашей литературе встречается утверждение, что организационные отношения в производстве следует связывать только с техническими, что, следовательно, нужно говорить о технико-организационных отношениях. Но это неверно, ибо экономические отношения также пронизаны организационными формами. Поэтому мы считаем, что следует выделять в качестве предмета научного анализа слои организационных отношений и выяснять их собственную природу.

3) Экономические производственные отношения как социальная форма производительных сил. Они составляют сложную совокупность, границы которой определяются движением товара от производства до индивидуального потребления, где продукт выключается из системы экономических отношений. Экономические отношения – это отношения между людьми, но опосредованные их отношением к вещам – средствам производства (земля, орудия и средства труда). Они определяются тем фундаментальным для жизни общества (для социального строя) фактом, что материальные средства и предметы

¹ Чангли И.И. Труд. М., 1973. С. 155.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. С. 343.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 171.

труда, то есть средства производства и произведенный ими продукт (а на ранних ступенях развития эксплуататорского общества и сам человек труда), включаются в функционирование социально-экономической системы как чья-то собственность. Поэтому они формируются как различные проявления отношений собственности в сфере производства, обмена и распределения материального продукта.

Исторический материализм подчеркивает вторичный характер духовного производства, зависимость последнего от господствующих в обществе материальных условий, от материального производства. Человек должен есть, пить, одеваться, иметь жилье и т. д., прежде чем он сможет заниматься духовным производством, наукой. Последняя нуждается также и в определенных материальных средствах. А «класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства»¹. Эта зависимость и проявляется специфическим образом в различных видах духовного производства. Освободительная миссия социализма состоит здесь в том, что средства материального производства становятся достоянием всего общества и духовное производство может уже прямо и непосредственно служить интересам всего общества, интересам исторического прогресса.

Из этого сопоставления видно, что нельзя отождествлять совокупность отношений в системах материального и духовного производства.

Здесь можно говорить именно о подобии и сходстве структур, то есть о том, что в духовном производстве, так же как и в материальном, существуют «слои» технологических, организационных и социальных отношений и что характер их взаимосвязи аналогичен. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

а) «Технологические» отношения в науке суть научные коммуникации², поскольку «технология» науки — это производство нового знания в процессе научного труда. Но поскольку конкретная сторона знания нас в данном случае не интересует, мы можем заменить

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 46.

² См.: Коммуникация в современной науке. М., 1976.

понятие знания понятием информации, а технологические отношения, связанные с производством нового знания, рассматривать как информационные отношения. Предполагая, что эти отношения (коммуникации) образуют определенную систему, мы приходим к заключению, что науку можно рассматривать как информационную систему.

Представление науки в качестве информационной системы уже прочно вошло в науковедческую литературу¹, и это вполне оправданно, ибо информационный подход к науке позволяет решать ряд наукометрических и других проблем науковедения. Важно только понимать, что характеристика науки как информационной системы, имеющей своей целью генерирование новой информации, является далеко не всеобъемлющей и должна сочетаться с другими подходами к анализу науки. Мы используем информационный подход для характеристики науки как системы информационных отношений, складывающихся в процессе продуктивной научной деятельности.

б) Весьма важную роль в науке играют организационные отношения. Их наличие связано с тем, что научный труд осуществляется в определенных организационных формах. Как организационная система наука включает в себя совокупность научных учреждений с их системой управления, планирования и т. д., организацию научного труда и направлена на обеспечение процесса производства нового знания. Как и в сфере материального производства, организационные формы научной деятельности зависят от «технологии» научного труда и от системы социальных отношений, то есть носят двойственный характер. Их назначение состоит в том, чтобы обеспечить наилучшее и наиболее беспрепятственное протекание информационных процессов, иначе говоря, оптимальное функционирование науки как информационной системы. Соответствие организационной структуры, организационных форм и отношений потребностям продуктивной научной деятельности по производству нового знания есть главный вопрос организации науки. Противоречие между ними затрудняет нормальное функционирование науки

¹ *Добров Г.М.* Наука о науке. Киев, 1961. С. 25. См. также: *Стефанов Н.К., Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г.* Системный подход и современная наука. София, 1974.

как информационной системы и, следовательно, тормозит развитие науки в данных организационных формах. Комплексность здесь как раз и состоит в выяснении зависимости организационных структур от потребностей научного труда.

Но организация науки, особенно на ее высших уровнях, тесно связана с характером данного социального строя. Организационные формы и отношения в науке отражают в себе специфику общесоциальных условий развития науки. Поэтому уже для анализа самих организационных отношений нужен комплексный подход, учитывающий и информационные и социальные аспекты функционирования науки. Организация научного труда является связующим звеном между информационной и социальной системами науки.

в) Науку как социальную систему образует совокупность внутринаучных социальных отношений, связанных с производством нового знания. Эта совокупность включает в себя экономические, правовые, социально-организационные, социально-психологические, идеологические и нравственные отношения. В нашу задачу не входит подробный анализ этих отношений. Отметим только, что изучение каждого вида этих отношений, выявление его специфики невозможно, если рассматривать данный вид отношений изолированно от других социальных отношений в самой науке и от отношений, существующих в данном обществе вне науки. Поэтому для изучения совокупности социальных отношений в науке на различных уровнях организации уже необходимы междисциплинарные комплексные исследования силами социологии, социальной психологии, этики и т. д.¹

Но, кроме того, социальные отношения в науке связаны с организационными и информационными отношениями, они выступают в качестве одного из существенных условий и предпосылки научной деятельности. Продуктивность научного труда, эффективность науки в огромной степени зависят от «упорядоченности» социальных отношений в сфере науки. Конфликты и внутренние напряжения, особенно если они долго не снимаются, резко снижают продуктивность научной деятельности, и, напротив, из социальной сферы науки могут исходить мощные стимулы для этой деятельности. Поэтому мы можем сказать,

¹ Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 233–240.

что информационная и социальная системы науки постоянно соотносятся друг с другом, что механизм их взаимодействия весьма сложен и его исследование составляет одну из комплексных проблем науковедения.

Изучение социальных отношений в науке представляет для нас интерес еще в одном отношении. Ведь наука — это сфера творческой деятельности, принимающей в условиях научно-технической революции все более массовый характер. Социальные отношения в науке — это отношения в сфере всеобщего труда, в процессе творчества культуры. И хотя они несут на себе печать господствующих в современном обществе отношений (в условиях капитализма — отношений антагонистических) и отражают ограниченность еще далеко не всесторонне развитой личности, но они, видимо, заключают в себе и зародыши будущего, когда всеобщий труд как истинно человеческая деятельность освободится от своих исторически ограниченных социально-организационных форм и станет достоянием всех членов общества. А это есть идеал коммунизма.

Как мы уже говорили, потребность в комплексном подходе вытекает прежде всего из практики управления наукой. Одной из задач управления является регулирование системы отношений в науке. Эта проблема связана с институционализацией научной деятельности, то есть с превращением науки в социальный институт. Определение науки как социальной системы и определение ее как социального института не тождественны: первое определение гораздо шире. Понимание науки как социального института означает, с одной стороны, ее признание обществом в качестве необходимого компонента социальной системы, ее включение в систему экономических, социальных и идеологических отношений данного общества, а с другой стороны, выработку соответствующих природе научной деятельности социальных отношений, форм организации и норм, регулирующих эти отношения и деятельность. Мы хотели бы подчеркнуть важную роль социальных, в том числе нравственных, норм научной деятельности как одного из важнейших средств ее регулирования. Вопрос этот достаточно подробно разработан в литературе¹. Вопросы регулирования социальных отно-

¹ См., например: Наука и нравственность. М., 1971; *Merton R.K. Sociology of Science*. Chicago, 1973.

шений в науке и воздействия через них на процессы научной деятельности приобретают особенно важное значение в связи с развитием в науке непосредственно коллективных форм деятельности, ее превращением в массовую профессию и ростом общественного значения науки. Через систему организационных отношений в науке сфера управления может воздействовать как на «технологические» отношения, то есть на саму познавательную деятельность, так и на социальные отношения в науке.

Таким образом, объективная взаимосвязь информационной, организационной и социальной подсистем науки позволяет осуществлять в рамках науковедения необходимый синтез знаний о науке, ее комплексное исследование. Вместе с тем единство и взаимосвязь этих отношений и соответствующих им подходов к изучению науки не лишают те и другие их относительной самостоятельности, их своеобразия. Все эти знания имеют практическое значение для сферы управления наукой. Последняя имеет своей задачей, опираясь на эти знания, поддерживать оптимальный режим функционирования и развития науки как полисистемного образования¹.

Управление является проводником воздействия общества на науку, представляет в науке общественный интерес. Заботясь об удовлетворении потребностей науки в создании соответствующих условий, в кадрах, материальных средствах и т. п., управление осуществляет такое регулирование научной деятельности, чтобы последняя наиболее соответствовала общественным потребностям. При этом оно использует финансирование науки и другие экономические рычаги, систему образования, производство, идеологические средства и т. д. И с их помощью оказывает влияние на науку. Социальная направленность этого влияния определяется природой общественного строя, а само управление может носить централизованный и децентрализованный характер.

Исследование самой науки, характера взаимосвязи ее подсистем дает лишь часть знаний, необходимых для управления наукой. Из сказанного ясно, что управление нуждается в комплексном изучении форм и содержания взаимосвязей между наукой и обще-

¹ См.: Основные принципы и общие проблемы управления наукой. М., 1973.

ством, наукой и другими общественными явлениями. Но эти проблемы выходят за рамки настоящей статьи. Мы также оговариваемся еще раз, что исключили из своего рассмотрения вопрос о комплексном анализе проблем практического использования данных науки, применения науки в производстве, превращения науки в непосредственную производительную силу, а также вопросы, связанные с представлением науки как системы знания и с совокупностью способов его содержательного анализа. Рассмотрение всех возможных подходов к исследованию науки в целом и определение путей формирования широкого всеобъемлющего науковедческого комплекса, а также создания «единой теории науки» — большие и еще далеко не решенные задачи.

Б.И. Пружинин

*«ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ»:
НАУКА VS ИДЕОЛОГИЯ*

*(Из истории философии в России
2-й половины XX века)*

В середине 70-х гг. прошлого столетия в Институте философии АН СССР был расформирован после острой идейно-административной критики Отдел исторического материализма. Его кадровый состав был частично распределен по другим секторам (так, Н.В. Мотрошилова, Э.Ю. Соловьев были переведены в менее идеологически значимые сектора), частично составил костяк нового сектора, созданного взамен прежнего Отдела. Заведовавший Отделом, автор и соавтор чрезвычайно интересных работ по истмату Владислав Жанович Келле, перешел в Институт истории естествознания и техники АН СССР. Ушли из Института Е.Г. Плимак, Н.С. Злобин и др. Сегодня причины, по которым это произошло, могут показаться малоинтересными – во всяком случае, в концептуальном плане. Социально-политические перемены и идеологические потрясения в стране заслонили и сделали как бы малозначимыми события духовной жизни тогдашней «застойной» эпохи, тем более, события «внутриинститутского» масштаба. Открылись разнообразные возможности широко приобщиться к историческому и интеллектуальному опыту других стран, и нынешняя генерация наших интеллектуалов зачастую уже просто не видит нужды обращаться к недавней интеллектуальной истории собственной страны. Поскольку, полагают они, эта история в интеллектуальном плане малоинтересна. Уж во всяком случае, научить чему-либо полезному она не может. Не знаю насчет полезности, но полагаю, научить все же может много чему.

В данном случае я коснусь лишь одного из аспектов исторического опыта отечественного гуманитарного познания, причем аспекта

весьма специфического — связанного с попытками акцентировать элементы научности в рамках исторического материализма. Но мне представляется, что по сути-то речь пойдет о предметах, которые, как это ни парадоксально, вновь обретают сегодня весьма широкую актуальность — правда, уже не в связи с истматом. Философы, работавшие в то время в Отделе истмата Института философии АН СССР, попытались различить и по возможности демаркировать истмат как идеологию и истмат как концептуальное основание научного взгляда на общество, т. е. попытались рефлексивно отнестись к использованию концептуального аппарата одной из важнейших составляющих марксистской идеологии — исторического материализма.

Хочу заметить сразу. В данном случае в мои намерения не входит ни обсуждение вопроса о том, насколько историко-материалистическая концепция общества является научной, ни тем более вопроса о том, насколько вообще возможна научная концепция общества. Достаточно того, что истмат сложился в контексте соответствующей традиции именно как попытка научного понимания общества и содержит в себе элементы научности. О них и пойдет речь ниже, когда я буду анализировать попытки социальных философов различить в истмате идеологию и науку. Тем более что сами эти попытки развертывались в рамках характерного именно для науки критико-рефлексивного рассмотрения истматовских концепций.

Надо сказать, что в то время в ходе истматовского рассмотрения социальной проблематики рефлексивность уже в принципе не возбранялась. Да и сама философско-методологическая рефлексия при этом рассматривалась вполне адекватно — как особая критико-аналитическая практика, позволяющая отследить и методологически оценить способы соотнесения концептуальных построений с реальностью. Однако в ходе критико-рефлексивного анализа концептуальных структур истмата достаточно отчетливо возникал вопрос: какого рода отношение концептуального аппарата истмата к реальности должна оценивать философско-методологическая рефлексия? Точнее, какого рода цели функционирования истмата прежде всего должны приниматься во внимание при рефлексивной оценке эффективности его концептуального аппарата — задачи ли рационального оправдания практико-прагматических решений «политико-идеологического руководства»,

т. е. идеологические задачи, или задачи формирования адекватного представления о социальной реальности (в том числе и о реальность самой идеологии), т. е. задачи познания этой реальности, по возможности, научного?

Вообще говоря, т. е. в идее, истмат мыслил себя как научную идеологию, и потому никакого фундаментального противоречия внутри него между этими целями возникать не должно было. Соответственно, и компетенцию философско-методологической рефлексии над истматом следовало ограничить выявлением частных расхождений, для их дальнейшего устранения (преодоления) за счет взаимной коррекции познания и идеологии. И естественно, при этом ни о каком сознательном различии науки и идеологии внутри истмата и речи быть не могло. Дело, однако, было в том, что к 60-м гг. прошлого столетия зазор между истматовской идеологией и реальностью был уже настолько велик, что как раз ни о какой самоочевидной научности марксистской идеологии речи уже не было. И это обстоятельство, надо сказать, было очевидным и для профессиональных идеологов, и для ученых-гуманитариев. Но если, с точки зрения первых, именно социально-гуманитарные науки следовало подстраивать под идеологию, то для тех отечественных социальных философов, кто пытался честно работать в рамках истмата, единство в нем науки и идеологии (под руководством идеологии) представлялось отнюдь не исходным пунктом их размышлений, но чрезвычайно острой проблемой, предполагающей как раз четкое различие этих составляющих истмата и коррекцию именно идеологии.

В те времена более или менее серьезные самостоятельные разработки в истмате допускались только в рамках задач по обслуживанию корпуса идеологических установок, а отнюдь не с целью объективного познания социальной реальности. Соответственно, задачей рефлексии оказывалось не столько критико-методологическое осмысление истматовских гипотез в их соотнесении с социальной реальностью, сколько эффективное участие в их трансформациях под прагматические конъюнктурные контексты, т. е. прагматизация историко-материалистических идей под решение идеологических задач (причем задачи эти отечественные социальные философы отнюдь не сами себе ставили). С этой точки зрения философско-методологическая

рефлексия в рамках истмата подчинялась целям не научно-познавательным, а идеологически-прикладным. И хотя, в силу претензии истмата на научность своих идеологических программ, критико-методологическая рефлексия и не исключалась полностью из повседневной профессиональной работы тогдашних отечественных социальных философов, но, так сказать, злоупотреблять ею не рекомендовалось. И не рекомендовалось тем более настоятельно, чем более идеологические установки истмата обнаруживали свою нереальность. В этой ситуации любая попытка четко развести в истмате науку и идеологию, оказывалась фактически равносильной утверждению, что принимать за основание оценки истматовских идей следует не идеологическую ангажированность, но элементы научности, содержащиеся в философско-исторической концепции марксизма. Так что, и для тех, кто пытался исследовать социальную реальность, и для тех, кто контролировал такого рода попытки, было очевидно: за разведением науки и идеологии в рамках истмата явно просматривается критическая позиция по отношению к его идеологии – сначала текущей, а в перспективе и стратегической. Понятно, что попытки такого рода всегда более или менее жестко пресекались. Дело не спасали и ссылки на пролетариат, который якобы нуждается именно в научной идеологии. Сколь бы ни были ограниченными концептуальные основания истмата, они тем не менее позволяли даже изнутри различить вопиющую неадекватность его идеологической составляющей той реальности, которая сложилась к тому времени в стране. Во всяком случае, к 60-м годам прошлого столетия это было видно уже и невооруженным глазом. Вот за попытку различить в истмате науку и идеологию и дать серьезную критико-рефлексивную оценку научного потенциала истмата, собственно, и был наказан В.Ж. Келле и сотрудники его отдела.

Здесь я, автор этих рассуждений, отступаю в сторону и представляю слово самому Владиславу Жановичу.

Из беседы с В.Ж. КЕЛЛЕ

Для нас с Матвеем Яковлевичем Ковальзоном знаковым был 56-й год, когда «Вопросы философии» опубликовали нашу первую совместную статью «Категории исторического материализма». В 1959 г. мы выпустили первую книгу, «Формы общественного сознания», и надо отметить, что она тут же получила весьма критическую рецензию. Нам поставили в вину то, что мы идеологию вывели за грань познания.

Б.И. Пружинин. Позволю себе небольшое примечание к повествованию Владислава Жановича. Я нашел эту рецензию и приведу несколько ее фрагментов.

«Необходимо, однако, отметить, что в рецензируемой книге, в целом полезной, содержатся отдельные положения, которые вызывают серьезные возражения и нуждаются во внимательном разборе и критике».

«В развитии общественного сознания, — пишут авторы, — необходимо выделять две взаимно связанные друг с другом тенденции: во-первых, познавательный процесс, обусловленный интересами реальной жизненной практики общественного человека, — накопление объективных знаний о природе и обществе; во-вторых, идеологический процесс, обусловленный в антагонистических формациях интересами различных действовавших в истории классов, — возникновение, развитие и смена идеологий различных классов» (с. 11). Это противопоставление познавательного процесса идеологическому последовательно проводится авторами во всех разделах книги. Рассматривается ли общетеоретическое положение о преемственности в развитии общественного сознания в целом, они спешат заявить: «...следует различать преемственность в области идеологии от преемственности научного познания» (с. 22); излагается ли та же проблема преемственности применительно к отдельным формам сознания, например философии, авторы вновь утверждают: «...В развитии философии имеет место идеологическая и познавательная преемственность...» (с. 244); освещается ли содержание определенной формы общественного сознания, например искусства, они вновь и вновь повторяют, что это содержание представляет собой

«единство идеологического и познавательного моментов», осуществляемое «на эстетической основе» (с. 212), и т.д.

Известно указание В.И. Ленина о том, что научная идеология в противоположность идеологии ненаучной содержит объективную истину. Ленин противопоставляет одну идеологию другой идеологии в их отношении к объективной истине, но не противопоставляет науку вообще идеологии вообще, познавательный процесс — идеологическому процессу. Если, как утверждают авторы, в общественном сознании действуют две тенденции — познавательная, научная, и противостоящая ей идеологическая, ненаучная, — то понятие «научная идеология» в его противопоставлении «ненаучной или антинаучной идеологии» лишается всякого смысла. Проводимое авторами противопоставление познавательного и идеологического как двух противоположных процессов не отвечает действительности и не согласуется также с указанием В.И. Ленина, содержащимся в статье «Три источника и три составные части марксизма»: «Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т.е. развивающуюся материю, так общественное познание человека (т.е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т.п.) отражает экономический строй общества» (Соч. Т. 19. С. 5). Как видим, Ленин здесь называет все формы общественного сознания — значит, и идеологические формы, идеологию — формами познания»¹.

Б.И. Пружинин. Поскольку книга вызвала многочисленные отклики, редакция опубликовала их обзор. Приведу фрагмент этого обзора.

«Отрицательно относясь к излагаемой в книге концепции о соотношении познавательного и идеологического моментов в сознании, доцент И. Миндлин (Москва) считает, что разделение духовной жизни общества на эти два момента имеет искусственный характер. В действительности жизнь общества подразделяется на материальную и идеологическую (то есть духовную). Материальная жизнь — это та, которая складывается независимо от сознания людей, а идеологическая складывается, проходя через сознание людей. Из этого следует, что в клас-

¹ Гак Г.М., Рачков П.А., Степанян Э.Х., Чугаев А.Я. Спорные положения в интересной книге // Вопросы философии. 1960. № 8. С. 175

совом обществе общественное сознание не может быть единым, оно носит классовый характер; оно отражает ту ожесточенную борьбу классов, которая происходит в обществе и является главной силой истории. Эта борьба пронизывает от начала до конца все формы общественного сознания, в том числе и науку. А отсюда следует, что незачем искусственно расчленять общественное сознание на эти две тенденции»¹.

В.Ж. Келле. *Но каких-то организационных выводов тогда не сделали. Мы с Ковальзоном выдвинули идею, что идеология и познание образуют две тенденции в развитии общественного сознания, которые не совпадают друг с другом. Есть познавательная тенденция, ориентированная на объективность, и есть идеология, ориентированная на интересы. И в каждой форме сознания соотношение их своеобразное. В одних преобладает познание, в других идеология. Но единственная форма сознания, которая анализирует и оценивает адекватность этих соотношений — философия. В самой же философии соотношение идеологии и познания должна, так сказать, оценивать сама философия. Во всяком случае, философия — это та область сознания, которая занимается как раз этими вещами. Что мы и делали в нашей книге. Надо сказать, для нас такая постановка вопроса была некоторой новацией. На Западе давно идеологию и познание разделили.*

Б.И. Пружинин. Здесь я вновь не могу удержаться от комментария. История, о которой повествует Владислав Жанович, настолько недавняя, что делать какие-то далеко идущие теоретические обобщения, апеллируя к ней, еще, наверное, рано. И тем не менее некоторые идейные аналогии с днем нынешним очень даже просматриваются. Ныне, похоже, в рамках постмодернистских направлений (с ярко выраженными конструктивистскими установками) идеологию и познание свели вновь. Причем свели значительно более радикально, нежели об этом мог мечтать доцент Миндлин. Постмодернизм просто отождествил науку (и при том отнюдь не только гуманитарную) с идеологией. А поскольку благодаря этому отождествлению идеология лишилась какой бы то ни было оппозиции, она вообще пере-

¹ Спорные положения в интересной книге [«Авторы других рецензий, поступивших в редакцию...»] // Вопросы философии. 1960. № 8. С. 179.

стала чувствовать свои границы и приобрела характерные черты мифа. Впрочем, даже насквозь идеологизированное сознание предполагает все же самооценку, и так или иначе включает в себя взгляд с иных позиций на мир, в котором оно воплощает свой интерес, взгляд с позиций, скажем, знания о мире. Внутри мифа такой потребности нет – миф не имеет внутренней опорной точки для самооценки, он не рефлексивен в принципе. И при этом никакой нужды в том, чтобы стать познанием, а тем более научным познанием, он не испытывает.

В.Ж. Келле. В начале 60-х годов вышел наш «Курс лекций по историческому материализму». Еще продолжалась оттепель, породившая волну шестидесятников. Она подхватила и нас, хотя, мы были немножко старше. Но мы же были изолированы, и мало было знакомо с тем, что происходило в европейской философии. Работы западных социальных философов было в спецхранах, нам было трудно их получить. Мы сами пришли к идее разделения идеологии и познания, это не было каким-то заимствованием. Эта идея была проведена и в «Курсе лекций по историческому материализму» (1962). Эта идея и была ориентиром, которым я руководствовался. Я думал, что в марксизме в принципе идеология и познание должны совпадать. Это был принцип – должны совпадать, поскольку рабочий класс, идеологией которого является марксизм, заинтересован в объективном знании действительности, и лозунги, которые он выдвигает, идеологические, так сказать, принципы, они тоже должны соответствовать реальности для того, чтобы построить новое общество. Но реально это не получалось. И поэтому задача заключалась в том, каким образом построить саму идеологию, чтобы она совпала с познанием, чтобы была действительно научная идеология, как это провозглашала марксистская теория. Противоречие между теорией и жизнью, таким образом, получало выражение в философской проблематике. Соответственно, эти идеи определили и направление работы сектора, руководителем которого меня назначили.

Когда я пришел в Институт философии, сначала научным сотрудником, а затем возглавил сектор исторического материализма, то с удивлением обнаружил, что в самом Институте в это время многие очень способные люди оказались как-то не у дел. Или у них возникли сложные отношения с руководством секторов, где они работали, либо по каким-то

другим причинам. А я талантливых людей не боюсь, мне интересно с ними работать. В результате собрался великолепный сектор! В нем работали в разное время Соловьев Э.Ю., работала Мотрошилова Н.В., Плимак Е.Г., Бородай Ю.М., Ю.А. Левада, одно время у меня работал Б.А. Грушин. Они пришли из Института социологии, когда их оттуда выгнали. Кто еще? Юра Семенов, Коля Новиков, который потом эмигрировал... Все это были чрезвычайно способные люди. А я давал им возможность заниматься тем, чем они хотят, но, естественно, с учетом того, что они все-таки в секторе истмата. И мы начали выпускать продукцию.

Я буду говорить только о тех книгах, где я участвовал. Мы выпустили с Бородаем и Плимаком две книги — «Принцип историзма в познании социальных явлений» (1972) и «Наследие К. Маркса и проблема теории общественных формаций» (1974). Основная идея, за которую нас «долбали», заключалась в том, что мы придали базисные функции политике в докапиталистических формациях, и прежде всего в период феодализма. Базис — это экономика, так все считали. Мы же сочли, что реально действующей силой базисного порядка была именно политика, что в условиях феодализма экономика не играла такой роли, как при капитализме, и выполняла более фундаментальные функции в жизни общества. Сначала вышел «Принцип историзма в познании социальных явлений», и его сразу подвергли очень суровой критике. Я помню, тогда после смерти Копнина (с Копниным у меня были прекрасные отношения) нам устроили очень страшную разборку. Но и тогда это все прошло без оргвыводов. Потом вышла книга «Наследие К. Маркса», там эта идея тоже была проведена. Эта книга была интересна тем, что была предназначена вернуть в марксистское понимание истории понятие «формация», во-первых, а во-вторых, показать, что Маркс и Энгельс не дали окончательного решения вопроса о формациях, что здесь еще много нерешенных проблем. Дело в том, что в изложении исторического материализма у Сталина в его знаменитой работе «О диалектическом и историческом материализме» понятие «формация» вообще отсутствует. И из «константиновского» истмата понятие «формация» исчезло. Мы его вернули.

Мы полагали, что, поскольку у Маркса и Энгельса имеются различные трактовки формации, мы можем как ученые самостоятельно разбираться в этой тематике и вести себя не только как пропагандисты.

Здесь я немножко отступлю. Дело в том, что при Сталине, конечно, философам отводилась роль пропагандистов. Академик Ф.В. Константинов говорил: «Мы должны быть идеологами» и т. д. А нам хотелось заниматься творческой исследовательской работой. В 40-е годы это было вообще невозможно, пока жив был Сталин. После 56-го года какие-то проблески появились, и мы воспользовались, конечно, этим. Но старое поколение считало, что мы слишком далеко зашли, начали уже копать в самом марксизме — чего-то там разбираться, Наша книга вызвала неудовольствие руководства Академии общественных наук. М.Ф. Иовчук, в частности, там большую роль сыграл. Они устроили разгромное обсуждение нашей книги, считая, что мы ревизуем Маркса, и от авторов, от меня прежде всего, требовали признания своих ошибок. Надо было каяться. Между прочим, существует стенограмма этого обсуждения.

Потом некоторые люди после этого обсуждения подходили ко мне и извинялись за свое выступление. Говорили, что их заставили.

Б.И. Пружинин. Идеология, характерными для нее способами, «подламывала» под себя элемент научности, который вы пытались отстоять в истмате.

В.Ж. Келле. Да.

Б.И. Пружинин. И во что вылилось все это? Это обсуждение, эти претензии?

В.Ж. Келле. *Каких-то организационных выводов тогда опять сделано не было. Они хотели только меня припугнуть, прижать, чтобы я немножко умерил свой научный пыл. Но я не умерил этот пыл. Это первое, и второе, что имело значение, — на нас обратил внимание Московский горком партии, идеологическим отделом которого заведовал тогда Ягодкин.*

Ягодкин в начале 70-х годов решил сделать карьеру на разгроме слишком прытких гуманитариев, которые, как он говорил, нарушают идеологическую дисциплину. Он организовал проверку Института экономики, он хотел разгромить «Вопросы философии», и одним из его главных противников был Иван Тимофеевич Фролов. Ну, у Фролова были связи в ЦК, и он оказался орешком, который был Ягодкину не по зубам. А я был,

во-первых, членом редколлегии, работал с Фроловым, а во-вторых, я возглавлял сектор, который все чего-то там куролесил. Тогда во главе Института был Украинцев, Кедрова они все-таки смогли сбросить, Кедров сделал некоторые тактические ошибки. И я попал под прицел Ягодкина. Вот эти два фактора сработали. Мы выпустили к столетнему юбилею Ленина книгу «Ленинизм и диалектика общественного развития». Это Плимака целиком заслуга, я лишь подписался под этим, я был с этим согласен. Он разделил применительно к оппозиции гносеологические корни оппозиции и социальные. Эта идея была признана неприемлемой. Мне передавали, что в некоторых выступлениях в Институте философии называли эту книгу троцкистской. Она была запрещена. Она не вышла в продажу.

В главной книге, которую мы задумали, мы собирались поставить и разработать проблемы, которые ориентированы были на объективное рассмотрение исторического прогресса, и в перспективе — на развитие научной теории общественного развития. Одним из авторов плана этой книги был Ю.А. Левада. В это время из Института социологии уволили С. Виткина, и Б.М. Кедров (тогда еще директор Института философии) попросил меня, чтобы я взял его в свой отдел. Я читал книжку Виткина по теории азиатского способа производства. У меня не было никаких причин не брать Виткина, не выполнить просьбу директора. Я его сделал секретарем как раз этой книги. Ну и вообще, достаточно прегрешений у меня уже было к 74-му году.

Иногда Виткин в декабре 1974 года сказал, что он уезжает в Израиль, началась вся эта катавасия. Дело в том, что реакция на еврейскую эмиграцию была разной. Кое-где не обращали на это внимания, кое-где кого-то наказывали, кому-то давали выговор. А наш отдел наказали «по полной» — он был распущен. Конечно, Виткин оказался очень удобным предложением, чтобы избавиться от меня, чего дирекция Института философии очень желала.

Закончилось это партийным собранием, на котором большинство выступавших меня осудило. Но нашлись и защитники. Меня поставили в такую ситуацию, что я вынужден был уйти из Института. Я попросил С.Р. Микулинского, тогдашнего директора Института истории естествознания и техники (ИИЕТ), с которым мы находились в дружеских отношениях, чтобы он взял меня в свой институт. Он обратился

к П.Н. Федосееву и, по указанию вице-президента АН СССР, меня перевели в ИИЕТ.

Такая вот поучительная история из времени, когда идеология господствовала и пыталась поглотить все, всю сферу интеллектуальной и духовной жизни. Точнее, это история противостояния ее господству, демонстрирующая нам, помимо всего прочего, еще и способы, какими такое противостояние идеологией подавляется. Последнее, на мой взгляд, заслуживает особого внимания на фоне рассуждений о «властных претензиях» знания.

И в заключение. Известно, в том числе и из опыта продвинутых регионов, что без внимательнейшего отношения к своей собственной истории, в том числе истории недавней, движение вперед (т. е. не по кругу) невозможно ни в какой сфере жизни. Тем более в сфере интеллектуальной. Так что без осмысления своей, не только давней, но и недавней, истории отечественная философия и социально-гуманитарная наука в целом не смогут сказать ничего собственного внятного и значимого. Не сумеют актуализировать даже чужой опыт. Ведь только в преемственности опыта и формируется концептуальный аппарат, способный схватывать проблемы новой реальности.

Сравнительно недавно на страницах журнала «Альтернативы» разгорелась острая полемика между В.Ж. Келле и Л.К. Науменко. Поводом послужила статья В.Ж. Келле «Марксизм и постмодернизм» (Альтернативы. 2006. № 3), на которую Л.К. Науменко ответил критической статьей «“Наше” или “мое”»? Марксизм и постмодернизм» (Альтернативы. 2008. № 3). Ответом В.Ж. Келле стала его статья «Что же сказать в ответ?» (Альтернативы. 2009. № 1). Вся полемика была перепечатана в сборнике «Марксизм. Альтернативы XXI века. Дебаты постсоветской школы критического марксизма» (М., 2009). Я не стал бы вмешиваться в нее, если бы каким-то боком (каким именно, станет ясно дальше) она не задевала лично меня, не касалась вопросов, меня всегда интересовавших.

Сразу же скажу, что с уважением и симпатией отношусь к Л.К. Науменко, считаю его своим другом, высоко ценю как талантливого философа и продолжателя дела Э.В. Ильенкова. Но в данном случае не могу согласиться с ним ни в тоне, который он избрал в споре с не менее уважаемым мной В.Ж. Келле, ни с рядом высказанных им замечаний в его адрес. Спор между ними касается понимания соотношения идеологии и науки, природы общественного сознания, духовного производства, культуры и ряда других сюжетов. Мне и самому в силу моей философской специализации не раз приходилось писать на эти темы. Поэтому ряд критических замечаний, сделанных Л.К. Науменко по адресу В.Ж. Келле, я с не меньшим основанием отношу и к себе. В.Ж. Келле в защитниках не нуждается, но у меня возникло желание ответить Л.К. Науменко от своего имени, причем без всякой уверен-

ности в полном согласии со мной и самого В.Ж. Келле. Попытаюсь сделать это в той же свободной от излишнего академизма манере, в какой написана и статья Л.К. Науменко.

Начну с того, что меня прямо касается. Еще в 60-х гг. прошлого века я в ряде книжных и журнальных публикаций предложил рассматривать зарождавшуюся тогда философскую теорию культуры как теорию духовного производства. Затем этот термин, заимствованный, естественно, у Маркса, получил широкое распространение среди культурологов и социологов науки. Достаточно назвать имена того же В.Ж. Келле, Н.С. Злобина, Н.В. Мотрошиловой, В.С. Библера и ряда других известных авторов, которые так или иначе использовали этот термин в своих работах. Не могу сказать, что они одинаково трактовали его, но факт остается фактом — он прочно утвердился в социально-философском лексиконе того времени. Чуть позже в составе коллектива авторов я участвовал в написании монографий «Духовное производство» и «Производство как общественный процесс». В написанных мной главах я попытался изложить свое понимание смысла этой категории в работах Маркса. Поскольку Л.К. Науменко постоянно апеллирует к авторитету Маркса, я с удивлением обнаружил в его статье следующий пассаж: «Несколько слов о затронутой выше теме «духовное производство». Само это словосочетание вызывает у меня — как бы это сказать помягче? — изжогу. Сколько было в свое время на эту тему написано! — Клондайк, золотая лихорадка. А дело-то вот в чем»¹. Далее идет рассуждение о том, что разделение материального и духовного производства, признаваемое многими, основано на чистом недоразумении, а представление о том, что производство знания и производство ценностей — два разных вида производства, вообще лишено всякого смысла. Для тех, кто так думает, производство интеллекта, в котором нуждается материальное производство, не имеет, видимо, ничего общего с духовным производством, под которым понимается лишь производство «удовольствий для публики». «Вот и разделили знания и ценности, интеллект и удовольствия, материальное производство и духовное, материальные блага и блага духовные. Там пища, тут

¹ Цит. по кн.: Марксизм. Альтернативы XXI века. Дебаты постсоветской школы критического марксизма. С. 92.

пища, только особая, духовная»¹. Л.К. Науменко возмущен якобы вычитанным им у В.Ж. Келле и других исключением науки из духовного производства и соответственно принижением значения последнего: ведь в нем, в конечном счете, производится сам человек как «родовое существо», без чего никакое материальное производство существовать не может. А раз так, то нельзя противопоставлять друг другу ценности и знания, материальное производство и духовное, как и все остальное по списку: их следует мыслить не в раздельности, а в слитности и единстве. При некоторой невнятности всего этого рассуждения его можно было бы и стерпеть, но что послужило поводом для столь мощного взрыва негодования, с которым Л.К. Науменко обрушился на В.Ж. Келле?

Л.К. Науменко – известный поборник научного монизма. Только наука (разумеется, в союзе с диалектикой), как он считает, способна мыслить мир в единстве и целостности. И только такая наука достойна признания и высшей оценки. Все остальное – сплошной релятивизм и плюрализм, т. е. идеология. Мир, сведенный диалектически мыслящей наукой в единое целое, и наука, вобравшая в себя весь мир, – вот его мировоззренческое кредо. Ему претит всякое разделение, различие и разграничение, всякое «рассечение», как он говорит, которое уводит в сторону от доставляемой такой наукой целостной истины. Научная истина едина и всеобъемлюща, мнениям и заблуждениям несть числа.

Но, осмелюсь заметить, не только наука является формой духовного освоения мира. А куда деть искусство, мораль, право, философию, религию и пр.? Можно до бесконечности доказывать, что разделяющие их границы – всего лишь иллюзия, постмодернистское заблуждение, коему противостоит тотальность научного мышления, но это никак не отменяет фактическую сложность и разнородность духовного мира человека, которую не уложишь в прокрустово ложе одной науки. Отсылка к Марксу с целью оправдания претензии науки на духовную монополию в сфере сознания здесь никак не проходит.

Маркс, конечно, противник общественного разделения труда в сфере не только материального, но и духовного производства, но

¹ Там же.

и для него ясно, что нет такой науки, которая способна заменить собой все многообразие духовных форм. Интеллектом можно, конечно, все объять (как, кстати, и художественным воображением), но отсюда не следует, что им исчерпывается вся духовная культура. Потому и разделение духовной культуры на интеллектуальную и духовную (на науку и все остальное) – не прихоть Келле, не его блажь, вызванная якобы недооценкой им интеллекта, а объективная реальность. «Вот и В.Ж. Келле, – пишет Л.К. Науменко, – разграничил и разделил культуру на интеллектуальную и духовную...»¹ А без него и до него, надо понимать, она объективно не делилась, например, на веру и знание, религию и науку? И как тут не согласиться с Келле, когда он пишет: «Оно (это деление. – В.М.) не мной выдуманно. Их уловил и выразил язык, оно проходит через всю историю философии. Миф и логос в Античности, вера и знание в Средние века, наука и религия в эпоху Просвещения, знания и ценности в XIX и XX веках. Эти различия реально существуют»².

Добавим к этому, что различие между верой и знанием, религией и наукой не удалось пока преодолеть никакой науке. Ибо граница между ними – это не граница между истиной и ложью, как думает Л.К. Науменко, а граница между истиной и ценностью, как о том совершенно справедливо пишет В.Ж. Келле. О ценности бессмысленно судить с точки зрения ее истинности или ложности, ибо она – не *знание* человека об объекте, а его *значение* для него, что само по себе не является ни истиной, ни ложью. Истинным или ложным является наше знание о ценностях, но не они сами. Если один больше ценит русскую кухню, а другой – грузинскую, то кто из них ближе к истине?

Похоже, Л.К. Науменко всерьез думает, что все, что не является научной истиной, то от лукавого. Интеллект и дух, истина и ценность только в голове идеолога (он же – лукавый) отделены друг от друга, в действительности они суть одно и то же. Но почему мы обозначаем их разными словами, которые никак пока не могут слиться в одно общее понятие? Считая различие между истиной и ценностью надуманным и ложным, мы сильно упрощаем проблему соотношения сознания и бытия, сводя это соотношение лишь к тождеству бытия

¹ Там же. С. 90.

² Там же. С. 106.

и мышления. Все остальные формы духовности утрачивают при этом самостоятельное значение, являют собой лишь предварительные ступени движения духа на пути к объективной и всеобъемлющей (научной) истине. Такая постановка вопроса, как мне кажется, не выводит нас за пределы хорошо известной гегелевской схемы.

Начиная со Спинозы философы действительно были озабочены поиском того, что связывает между собой бытие и сознание, обладает значением общей и единой для них субстанции. Вопрос лишь в том, в каком направлении шел этот поиск. Его можно ограничить исключительно сферой познания, но можно распространить и на те формы духовной деятельности, целью которых не является просто познание. Сознание ведь — не только познание, но и нечто большее. В этом я и вижу исток разногласий между Л.К. Науменко и В.Ж. Келле. Для первого сознание тождественно познанию, целиком резюмируется в нем, для второго — оно не сводится к одной лишь познавательной деятельности, а значит, не может быть предметом исключительно логики и теории познания. Обоснование единства бытия и мышления Науменко ищет в логике (диалектической), Келле — в социологии. И в этом, на мой взгляд, он намного ближе к Марксу, чем Науменко.

То общее (субстанциальное), что объединяет сознание и бытие, Маркс, как известно, искал не в логике, а в общественном производстве. Уже в «Немецкой идеологии» термин «производство» служит для его авторов ключевым словом при объяснении не только общественного бытия, но и общественного сознания — «производство сознания, идей, представлений», «духовное производство» и пр. В этой работе еще ничего не говорится о духовном производстве в системе капиталистического производства (об этом у Маркса речь пойдет чуть позже — в «Теориях прибавочной стоимости»), но уже здесь ясно, в каком плане их интересует сознание — не теории познания (гносеологии), а социальной теории, т. е. того, что принято называть сегодня социологией знания. Сказать, что сознание связано с бытием в плане лишь его отражения (или познания) — значит, полностью перекрыть путь к постижению общественного сознания. Сознание связано с бытием, является осознанным бытием в силу не просто своей отражательной способности, но своего производства

людьми — вначале теми же, кто производит и общественное бытие, а затем (в результате общественного разделения труда) особыми группами людей, занятыми в духовном производстве. Если производство сознания «первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»¹, то в условиях разделения труда оно обретает особую форму духовного производства. Под последним Маркс понимал производство сознания, «как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа»². В условиях общественного разделения труда различие между материальным и духовным производством становится столь же социально значимым, как и их единство. И что тут можно оспорить?

Связь сознания с бытием не исчерпывается в этих условиях отражением бытия в сознании людей. Сводить общественное сознание к отражению им общественного бытия — значит, действительно придавать науке значение его высшей и заключительной формы, в которой постепенно растворяются все остальные. Желание «онаучить» все общественное сознание приписывают иногда и Марксу. Но даже если он и давал повод для такого мнения (в чем я сильно сомневаюсь), не надо вслед за ним повторять ту же ошибку. Никакая наука не может устранить ценности для человека иных форм сознания — искусства, морали, права, философии и даже религии, во всяком случае, в условиях реального отчуждения от него его общественной сущности. Их можно, конечно, также считать особыми формами познания (Гегель усматривал в них сменяющие друг друга формы самопознания духа), но нельзя не видеть всю условность подобного обобщения, никак не учитывающего их особой и самостоятельной роли в духовном производстве. Природа духовного (и сознания в целом) постигается в теории Маркса в терминах именно производства, а не отражения.

Всем перечисленным выше формам сознания Маркс и Энгельс действительно дали обобщенное название идеологии, введя, пожалуй,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С. 29.

² Там же.

первыми это понятие в широкий оборот. Хотя трактовка ими этого понятия не во всем совпадает с тем, что понимают под идеологией в настоящее время, она не столь однозначна, как это представляется Л.К. Науменко. Во всяком случае, идеологию нельзя рассматривать как простое заблуждение ума или следствие злокозненного умысла.

Идеология для Маркса — это область религиозных, философских, политических, моральных и прочих *идей*, отличающихся от научных понятий отнюдь не только своей истинностью или ложностью. Со времен Канта известно, что идеи в отличие от научных представлений и понятий (математических и физических) вообще не имеют предмета в опыте, не несут в себе (не конституируют) никакого позитивного знания о мире. Они лишь указывают на границы опыта, за пределы которого никакое научное знание выйти не может. В плане познания они имеют, следовательно, регулятивное, а не конститутивное значение. И только у Гегеля идея предстала в качестве высшей ступени самопознания духа. На этой ступени дух, получивший форму абсолютной научной системы, как бы возвысился над всеми формами сознания и частными видами знания. В трактовке же Маркса идеи (идеальное) — это не *знание* человека о мире, а его общественное *отношение* к другим людям и к самому себе, лишь переведенное на язык религиозный, философский и прочей мысли. Общественное отношение нуждается в таком переводе потому, что реально предстает как отношение не людей, а вещей, т.е. в отчужденной от них, овеществленной форме. Чтобы стать отношением самих людей, оно должно получить форму идеи, из чего и растет убеждение, что люди связаны между собой в обществе посредством разного рода идей, а не реальных производственных отношений. «*Отношение*, — писал Маркс, — *для философов равнозначно идее*. Они знают лишь отношение «Человека» к самому себе, и потому все реальные отношения становятся для них идеями». И еще: «...*отношение*, то, что философы называют идеей...»¹ Идеология приходит на смену мифологии по мере того, как отношения между людьми обретают характер не их непосредственно личных, а вещных, т.е. отчужденных от них отношений.

¹ Там же. С. 99.

Идеология не миф и не наука, но нечто среднее между ними — рационализированный миф. В таком виде она, как и миф, содержит в себе не просто знание о мире, но набор ценностей, позволяющий людям вступать между собой в определенные отношения. Наука производит знание, идеология — отношение, но не в образно-мифологической, а рациональной форме, в форме отношения идей, которое существует одновременно в отрыве от отношения вещей. Идеолог не познает общество, а в каком-то смысле творит его, хотя только в идеальной форме. В функции же знания об обществе идеология (как и миф) в любом случае является «ложным сознанием», поскольку выдает за сущность общества лишь ее временный, исторический переходящий образ. Истинных (в смысле научной истинности) идеологий, согласно Марксу, вообще не бывает. Вопрос о научной истинности или ложности идеологии — пустой вопрос, ничего не объясняющий в причине их появления на свет и их популярности в общественном сознании.

Все это, однако, не повод для отрицания ценности идеологии. Наука ценна истинностью своих выводов и обобщений, их практической полезностью, идеология — способностью быть формой, пусть иллюзорной, общественной связи между людьми в условиях, когда она реально отчуждена от них. Причиной возникновения и существования идеологий является не недостаток знания, а невозможность жить в обществе, будучи включенным лишь в материальную связь, в систему экономических отношений. В современном обществе наука, действительно, теснит идеологию, выдавливает ее даже из духовной жизни, но оборачивается это далеко не в пользу человеку. Тотальная рационализация жизни, в том числе духовной, приводит почему-то к ее деперсонализации и обездуховлению, к потере индивидом собственного лица и полному растворению в массе. Итогом такой рационализации оказывается не автономизация, а атомизация индивидов. Такая вот «диалектика Просвещения». В век науки и информации, как ни парадоксально, бывшее воздействие идей на общественное сознание воспринимается чуть ли не как эпоха расцвета духовности и культуры, навсегда ушедшая в прошлое. Лев Константинович может возразить, что наука, о которой он говорит, — не та, что внедряется сегодня в производство и управление, а та, о которой мечтал Маркс. Но как

получилось, что наука, способная придать жизни человеческий смысл, так и осталась благим пожеланием?

В свое время позиция авторов «Духовного производства», предложивших рассматривать формы общественного сознания в терминах не отражения, а производства, была встречена в штыки многими экономистами и философами. Для экономистов это было прямым покушением на их монопольное право в использовании термина «производство», для философов — отказом от материалистической теории отражения, считавшейся почему-то синонимом марксистского понимания общественного сознания. Я и тогда считал Маркса творцом не какой-то новой гносеологии, а социальной теории (онтологии), в которой сознание выводится из бытия в качестве одной из форм — духовной — его производства.

Открытие Маркса заключалось вовсе не в констатации того, что люди в процессе труда создают полезные для себя вещи — продукты питания, одежду, жилище, орудия труда и пр. Об этом знали задолго до Маркса, и в этом не было никакого открытия. Маркс открыл нечто другое: создавая вещи, люди одновременно создают в форме вещей свои отношения друг с другом, само общество, в котором живут, и, следовательно, себя как общественных существ. В письме к Анненкову от 1846 г., содержащем критику Прудона, Маркс писал: «Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять так мало! Но чего г-н Прудон не понял, так это того, что люди сообразно своим производительным силам производят также *общественные отношения*, при которых они производят сукно и холст»¹. К этому Маркс добавляет: «Еще меньше понял г-н Прудон, что люди, производящие свои общественные отношения, соответственно своему материальному производству, создают также *идеи и категории*, то есть отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений»².

Маркс открыл тем самым *общественную природу труда* (или общественный труд), заключающуюся в его способности создавать общественную связь. В той мере, в какой эта связь получает вещную форму,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 27. С. 410.

² Там же.

форму отношения вещей (товаров), она, как уже говорилось, в качестве уже человеческой связи принимает форму отношения идей – «отвлеченных, идеальных выражений» тех же отношений. Производство товаров (материальное производство) и производство идей (духовное производство) суть два разных вида производства одной и той же общественной связи, разошедшихся между собой в ситуации общественного разделения труда и вызванного им товарного обмена.

Тем самым решается и загадка происхождения идеологий. Они возникают в процессе не познания, а производства людьми своих общественных связей и отношений, но только в форме, свободной от их какой-либо вещественной оболочки. Мы не мыслим, а общаемся посредством идей, и в качестве таких посредников они значат для нас порой больше, чем любое знание.

Разумеется, общение посредством идей (как посредством денег и товаров) не является для Маркса нормой. Идеи лишь воспроизводят на уровне сознания господствующее в обществе отчуждение людей от своих собственных отношений. В идее отношение так же отчуждено от человека, как и в товаре, предстает как отношение не людей, а идей. Маркс – убежденный противник как товарного, так и идеологического фетишизма, как власти вещей над человеком, так и власти идей. Недаром логику он называл «деньгами духа». Он противник любой абстракции в качестве посредника в отношениях между людьми. Таким посредником должен стать сам человек во всей конкретности, целостности и непосредственности своего индивидуального бытия. В этом смысле Маркс, конечно, критик любой идеологии. Но альтернативу ей (в плане бытия, а не только познания) он ищет не в науке, а в таком типе человеческого общения, который не нуждается в посредничестве ни вещей, ни идей. С помощью одной науки идеологию не преодолеешь, а если и преодолеешь, то в условиях сохраняющегося отчуждения людей от своей общественной сущности, это обернется потерей ими вообще какого-либо человеческого лица. Утрата идеологии в таких обстоятельствах превращает индивида в объект прямой манипуляции со стороны власти и средств массовой информации, т.е. лишает его всякой субъективности.

Л.К. Науменко все это, конечно, хорошо знает и понимает. Но, живя, как и все мы, в обществе отчуждения, он, как мне кажется, тешит

себя иллюзией, что пропасть, разделяющую науку и идеологию, можно преодолеть чисто теоретически, в границах самого сознания, пусть и трактуемого материалистически, диалектически и монистически. Он и называет себя не «идеологом», а «отражателем», полагая, видимо, что посредством отражения — пусть и самого истинного — можно возвыситься над любой идеологией. Для него идеология — всего лишь ложное сознание, которое давно пора заменить знанием истинным, построенным по лекалам диалектической логики. Но, рассуждая подобным образом, он не замечает, что повторяет судьбу марксизма, претендовавшего при своем зарождении на преодоление всяческой идеологии, но превратившегося, по странной логике, в идеологию по преимуществу, причем не без старания соратников и прямых учеников Маркса. Что же предопределило неудачу этой главной претензии марксизма — быть не идеологией, а наукой?

Причину, несомненно, следует искать в самом марксизме, попытавшемся сочетать несочетаемое — науку и политику, объективность и классовость, истину и интерес, пусть и пролетарский. Создавая свое учение, Маркс претендовал как бы на двойной синтез — на его соединение с рабочим движением и на его соединение с наукой, т. е. на создание чего-то подобного «пролетарской науке». В подобной двойственности и заключалось внутреннее противоречие его учения. В качестве критики существующего общества оно, несомненно, содержало в себе элемент научности, но в качестве «пролетарского мировоззрения» так и осталось идеологией. Видимо, во времена Маркса мечтать о полном преодолении идеологии было все же несколько преждевременно.

Как пролетариат не стал «могильщиком капитализма», так и наука, созданная Марксом, не стала «могильщиком идеологии», не заменила ее собой, а сама превратилась в идеологию. Но из этого следует, что обвинение в защите идеологии, которое Л.К. Науменко предъявляет В.Ж. Келле, абсолютно беспочвенно и совершенно не по адресу. Скорее, В.Ж. Келле с его констатацией разделения науки и идеологии намного ближе к истине, чем его оппонент, больше ученый, чем идеолог, тогда как Л.К. Науменко с его требованием немедленно покончить со всякой идеологией, заменив ее только ему ведомой истинной наукой, больше идеолог, чем ученый. Утверждение о привер-

женности идеологии он должен отнести, скорее, к себе, к своему учителю Э.В. Ильенкову и даже к самому Марксу, хотя в таком утверждении я не вижу ничего, что может кого-то скомпрометировать и опорочить.

В позиции, защищаемой Л.К. Науменко (за исключением того, что он наговорил по поводу В.Ж. Келле), как и вообще в самом факте существования идеологии, нет, конечно, ничего порочного. Хотя наука, способная уже сегодня заменить собой идеологию, существует пока только в его воображении, попытка мыслить ее (пусть и в виде только логически сформулированной идеи) позволяет избежать абсолютизации нынешнего состояния научного знания с его дисциплинарными границами и не стыкующимися между собой сферами познания (например, естественнонаучного и гуманитарного). В этом смысле можно понять желание Л.К. Науменко придать науке характер единой системы, позволяющей преодолеть разрыв между интеллектом и духом, знанием и ценностью. Духовность без интеллекта, т. е. без ума, действительно исконное российское бедствие. В равной мере и интеллект без духовности – главное бедствие современной западной цивилизации с ее предельной рационализацией, технологизацией и утилитаризацией общественной жизни. Однако вполне оправданное желание как-то смягчить, ослабить или даже полностью преодолеть существующий между ними разрыв – еще не повод для уничтожительной критики тех, кто умеет отличать желаемое от действительного.

Нет слов, Россия в лице своих лучших представителей – действительно страна высокой духовности и культуры. Но духовность наша почему-то плохо сочетается с интеллектом, с рациональным типом поведения и мышления, попросту с умом. Ум с сердцем у нас, как известно, не в ладу и далеко не всегда сочетается с талантом. Талантом мы восхищаемся, а умом часто пренебрегаем. На роль «властителей дум» у нас претендуют, как правило, либо служители веры, либо люди искусства, а в наше время еще и журналисты, но не ученые и мыслители. Только в России могла появиться комедия «Горе от ума». Отсюда же «умом Россию не понять», «История города Глухова» и пр. Это ведь не случайно. Редко встречающийся в нашей литературе положительный герой, и тот – «идиот». Мы часто говорим о ком-то, что он «безумно талантлив», полагая, видимо, что талант в уме не нужда-

ется. Но талант и духовность без ума — это доведение собственного мнения и веры до крайности, до абсурда, отсутствие чувства меры. В своих суждениях мы более полагаемся на чувство, на эмоцию, на то, что подсказано сердцем, чем на мышление и строгое рассуждение. Мы более доверяем лозунгам и хлестким фразам, чем аргументам. Страсти у нас явно превалируют над разумом. Поэтому столь непримиримы наши споры, а в наших действиях и поступках больше экзальтации и слепой веры, чем трезвого расчета и разумной мысли. В этом смысле можно понять и даже поддержать Науменко в его неприятии духовности без интеллекта и интеллекта без духовности. Но что может их примирить друг с другом? В теории все сходится, но как быть с практикой?

В свое время спор о том, что считать приоритетом в культуре — разум или дух, — разделил между собой просветителей и романтиков. Просветители, как известно, настаивали, на приоритете разума (или науки), романтики — на приоритете духа (искусства и религии). В России этот спор был воспроизведен в лице наших западников и славянофилов. Гегель в своей философии попытался снять противоположность разума и духа посредством идеи разума как саморазвивающейся системы. Маркс искал решение той же проблемы в материалистически понятой истории как практическом изменении человеком мира и самого себя. Затянутый Л.К. Науменко спор с В.Ж. Келле как бы возвращает нас к той же проблеме. Но только то, что для Маркса было делом всей истории, еще далеко не закончившейся, для Науменко — давно решенное дело, отвергающее как анахронизм любую попытку различать науку и идеологию, знание и ценность, интеллект и дух.

То, что, по мнению Л.К. Науменко, следует из его идеи науки, делает для него неприемлемым даже то, что обычная наука, например социология, констатирует в качестве реально существующего факта. В этом смысле он идеолог почище Гегеля, который все-таки в большинстве случаев считался с действительностью. Если социолог под воздействием очевидного вынужден констатировать существующий в реальности разрыв между разумом и духом, знанием и верой, наукой и идеологией, истиной и ценностью, то Л.К. Науменко, похоже, склонен обвинять в существовании этого разрыва не действительность,

а самого социолога: он не так или не то видит. Но это и есть идеология – выдавать за факт то, что существует пока только в идее. И еще вопрос, станет ли эта идея вообще когда-нибудь фактом. Поэтому главное, что можно пожелать Л.К. Науменко, – это перенести свой гнев с ученого, объективно отражающего действительность, на саму действительность.

Б.Г. Юдин

*ЧЕЛОВЕК И НАУКА
В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ*

Среди множества исследовательских направлений, на протяжении многих десятилетий привлекающих внимание Владислава Жановича Келле, мне хотелось бы выделить два. Это, во-первых, социология науки – здесь следует отметить его интерес к таким проблемам, как возрастающая роль науки в современном обществе, предпосылки и принципы политики государства в области науки, меняющиеся взаимоотношения социального института науки с другими социальными институтами. Во-вторых, на протяжении многих лет мы сотрудничали с Владиславом Жановичем в разработке методологии комплексного изучения человека. В этой связи можно отметить, в частности, столь актуальную сегодня проблематику человеческого развития, человеческого потенциала.

Предметом обсуждения в данной статье станут проблемы, возникающие на пересечении двух названных исследовательских областей.

* * *

Утверждение о том, что в экономике знаний, в обществе знаний наука играет ключевую роль, представляется совершенно тривиальным. Действительно, все мы знаем, что именно наука порождает те высокие технологии, все более широкое распространение которых и является в наши дни основным фактором экономического роста в развитых странах. Поэтому и для России движение в направлении общества знаний выступает как единственно приемлемая альтернатива.

Однако тривиальность утверждения об определяющей роли науки в обществе знаний — не более чем видимость, в основе которой лежит довольно-таки поверхностное представление о том, что нынешние формы жизни общества отличаются от предыдущих лишь количественно, лишь в той мере, в какой сегодня мы имеем дело с беспрецедентным многообразием новых технологий. Если же говорить об обществе знаний серьезно, то следует прежде всего исходить из своеобразия *качественных* характеристик как современной науки, составляющей, если можно так выразиться, его базис, так и того социального мира, тех условий жизни людей, которые не только формируются этой наукой, но и во многом определяют ее собственное устройство. Без понимания этих особенностей словосочетания «экономика знаний» и «общество знаний» будут оставаться не более чем новомодными клише.

Действительно, говоря об экономике знаний и обществе знаний, необходимо иметь в виду, что это не просто усиление, повышение роли науки в обществе. Это глубокие изменения именно в самом обществе, для которого новые научные знания и технологии становятся не чем-то факультативным, а модусом его существования, его сутью как *современного* общества, средой, в которой оно обитает¹. При этом, как мы увидим, речь никоим образом не идет о технологическом детерминизме — все много сложнее и интересней.

Начнем с того, что в этом обществе радикально трансформируются сами механизмы потребления научных и технических знаний. И, что особенно важно, потребление знаний во все большей мере начинает воздействовать на способы и формы их производства, задавая определенные требования к характеристикам тех (новых) знаний, которые еще только предстоит получить. Один из прародителей самого термина «общество знаний» — американский социальный философ и социолог Питер Дракер — в 1994 г. говорил о предстоящих социальных транс-

¹ В этой связи необходимо одно терминологическое пояснение. Термин «общество знаний» представляется более общим, чем часто используемый термин «экономика знаний». Но дело не просто в степени общности. Намного важнее то, что экономика знаний может существовать и развиваться лишь в обществе знаний, т. е. в обществе, в котором получение и применение знаний, прежде всего — научных, определяется не только соображениями экономической эффективности, но и тем, что эти знания в самых разнообразных формах входят в повседневную жизнь «рядовых» людей.

формациях — становлении «общества знаний», которое изменит природу труда, высшего образования и способ функционирования всего общества как сложной взаимосвязанной системы¹.

П. Дракер исходил из того, что, вообще-то говоря, превращение научных знаний в главный источник новых технологий начало происходить, если судить по историческим меркам, сравнительно недавно. По его словам, еще в XVIII веке «никто даже не пытался рассуждать о применении *науки* для разработки орудий производства, технологий и изделий, т. е. об использовании научных знаний в области техники и технологии. Эта идея созрела лишь... в 1830 году, когда немецкий химик Юстус фон Либих (1803—1873) изобрел сначала искусственные удобрения, а затем — способ сохранения животного белка»². Именно в это время начинается, согласно Дракеру, промышленная революция как процесс глобального преобразования общества и цивилизации на основе развития техники. При этом научные знания начинают выступать в новой, не свойственной им прежде роли — в роли фактора, активно воздействующего на жизнь человека и общества и динамизирующего ее.

В контексте технологического применения науки исследование выступает не только как познание мира как он есть сам по себе, мира естественного, но и как преобразование этого мира естественного, т. е. как создание мира (а точнее, миров) искусственного. И в этой своей ипостаси исследование оказывается прообразом технологического способа освоения и, более того, видения мира.

Исследование, в частности экспериментальное исследование, есть, вообще говоря, создание для изучаемого объекта (или явления, или процесса) таких условий, которые позволяют контролировать оказываемые на него воздействия. При этом внешние воздействия на объект так или иначе ограничиваются, контролируются, благодаря чему можно бывает абстрагироваться от влияния одних факторов, чтобы определить, какие изменения вызывает действие других, непосредственно интересующих исследователя. Достижение этой цели становится

¹ См.: *Drucker P.* The Age of Social Transformation // *The Atlantic Monthly* 274 (November 1994): 53—80.

² *Дракер П.* От капитализма к обществу знания // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Academia, 1999.

возможным вследствие того, что экспериментатор создает специальный прибор, или аппарат, или устройство – обобщенно будем все это называть экспериментальной установкой, – обеспечивающий *воспроизводимый* и четко фиксируемый, измеримый характер оказываемых на объект воздействий.

Со временем, однако, выясняется, что тот контролируемый и воспроизводимый *эффект*, который обеспечивает работа экспериментальной установки, может представлять интерес и помимо решения задач, стоящих перед экспериментальным исследованием. Если, скажем, для решения этих задач требуется получение особо чистого вещества или выращивание колонии микроорганизмов, то такое вещество или такие микроорганизмы могут найти применение в производственных процессах, где они позволят получать уже не исследовательский, а потребительский и, следовательно, коммерческий эффект. Таким образом, сама экспериментальная установка и способы работы с ней – разумеется, после соответствующих трансформаций – преобразуются и, попадая в иной контекст, выступают уже в качестве новых производственных установок и *новых технологий*.

В исследовательском контексте экспериментальная установка проектируется и конструируется в соответствии с определенным замыслом – для проверки, обоснования или подтверждения той или иной научной гипотезы. С точки зрения этой гипотезы конкретные результаты проводимых на установке экспериментов могут быть как положительными, так и отрицательными; однако сама природа этих результатов задана вполне определенно. Установка изначально задумывается и проектируется как средство получения именно таких результатов, т.е. ответов на вопросы, интересующие исследователя. Иными словами, экспериментальная установка есть порождение рациональной и целенаправленной деятельности. И эти же *свойства рациональности и целенаправленности являются необходимыми признаками всякой технологии, как и в целом технологического отношения к миру*.

Необходимо, впрочем, отметить и глубокие различия между двумя рассматриваемыми способами использования экспериментальной установки. В первом случае, в контексте исследования, её созданием и применением движет мотив искания нового, и при том истинного, знания.

Конечно, перед лицом современной философии науки этот тезис требует существенных оговорок и уточнений. Учитывая, к примеру, неоднозначный характер взаимосвязей эмпирического и теоретического уровней познания, точнее было бы говорить не об истинности, а о большей или меньшей обоснованности, достоверности знаний, получаемых за счет использования экспериментальной установки. Те эмпирические данные, достижение которых она обеспечивает, могут, вообще говоря, получить не одну-единственную, а множество различных интерпретаций. Но, как бы то ни было, именно этот мотив достижения новых знаний с определенными качественными характеристиками стоит за её применением в контексте исследования.

Если же говорить о технологическом контексте, то здесь вопросы истинности, качества знания отходят на задний план. Можно утверждать, что в этом контексте интерес представляет не исследовательский результат как таковой и не та или иная интерпретация эффекта, производимого установкой, а сам по себе этот эффект – те преобразования и превращения, которые он обеспечивает. И по мере того, как осознаются скрытые в экспериментальной установке и, более широко, в исследовательской деятельности технологические возможности, функции лаборатории изменяются. Именно лаборатории становятся обителью прикладной науки как науки, ориентированной исключительно на создание и совершенствование технологий. Именно лаборатории выступают в качестве форпоста научно-технического прогресса. Вместе с тем принципы и схемы действия, первоначально отработанные в исследовательской лаборатории, применяются не только для получения новых знаний и разработки новых технологий, но и для рутинного обслуживания многих видов практики, таких, как промышленное или сельскохозяйственное производство, медицина и пр., постольку, поскольку они перестраиваются под воздействием новых технологий.

Таким образом, осознание технологических возможностей науки было процессом двухсторонним, в котором участвовали как те, кто занимается наукой, так и те, кто занимается предпринимательством и производством. В результате этого процесса люди не только становятся все более восприимчивыми в отношении тех или иных новых

технологий, но и, если можно так выразиться, проникаются технологическим мировосприятием. Любая серьезная проблема, с которой они сталкиваются, начинает осознаваться и мыслиться как проблема существенно технологическая: сначала она расчленяется по канонам, задаваемым технологией, а затем ищутся и используются технологические возможности ее решения.

* * *

Сегодня технологическая роль науки стала доминирующей, а многие даже видят в создании новых технологий единственную функцию науки. При этом путь практического воплощения научных знаний и основывающихся на них технологий представляется примерно таким. Сначала в голове теоретика и (или) в исследовательской лаборатории делается какое-либо открытие. Затем результат этого исследования в ходе того, что называют разработкой (или развитием), воплощается в новых технологиях. Следующие стадии процесса связаны с тем, что каждая такая новая технология находит — с большими или меньшими злключениями — практическую реализацию в производственной или какой-то иной сфере человеческой деятельности. Иными словами, для традиционного порядка вещей характерно следующее: сначала создается технология, а затем для нее ищутся рынки сбыта. Говоря о злключениях, мы имеем в виду, в частности, пресловутую проблему «внедрения», копия по поводу которой ломались в нашей стране на протяжении многих десятилетий и которая до сих пор так и не получила сколько-нибудь удовлетворительного решения. В связи с этим имеет смысл задуматься о том, что, быть может, некорректна сама постановка проблемы.

В наших устоявшихся воззрениях, таким образом, появление всякой новой технологии выступает как выход за пределы данного, уже освоенного нами, рутинного порядка вещей. Слово «внедрение» представляется здесь весьма характерным, поскольку оно несет, помимо всего прочего, и тот смысл, что происходит некое воздействие *извне*, вмешательство, нарушающее привычный ход событий, нечто экстраординарное.

Сегодня, однако, можно, если воспользоваться термином М. Вебера, говорить о рутинизации самого этого процесса технологических

обновлений, когда новые технологии уже не вторгаются в производственную деятельность, в жизнь людей, а занимают заранее определенные «ячейки». Иными словами, новые технологии изготавливаются «на заказ». Все чаще последовательность выстраивается прямо противоположным по сравнению с привычным образом: разработка новой технологии начинается тогда и постольку, когда и поскольку на нее уже имеется спрос.

Мы уже отмечали, что ныне, в начале XXI столетия, есть все основания говорить о начале качественно новой стадии развития не только науки и техники, но и их взаимодействия с обществом. Одним из выражений этого является становление нового типа взаимоотношений науки и технологии, который получил название *technoscience* – технонаука. Так, английский социолог науки Барри Барнс пишет: «Термин «технонаука» ныне широко применяется в академических кругах и относится к такой деятельности, в рамках которой наука и технология образуют своего рода смесь или же гибрид... технонауку следует понимать как специфически современное явление»¹. Наиболее очевидный признак технонауки – это существенно более глубокая, чем прежде, встроенность научного познания в деятельность по созданию и продвижению новых технологий. По словам немецкого социолога и политолога Вольфа Шефера, «технонаука – это гибрид онаученной технологии и технологизированной науки. Всемирная телефонная связь и генетически модифицированная пища – это технонаучные вещи: своим вторжением в наш мир они обязаны замысловатому переплетению определенных человеческих интересов с современным пониманием электричества, с одной стороны, и генетики, с другой»². Здесь, как мы видим, обращается внимание на тот факт, что технонаука – это не только теснейшая связь науки и технологии, но и симбиоз, включающий также человеческие устремления и интересы.

¹ *Barry Barnes*. Elusive Memories of Technoscience. – Perspectives on Science: Historical, Philosophical, Social. Vol. 13, Issue 2 – Technoscientific Productivity, Summer 2005. P. 142–165.

² *Wolf Schäfer*. Global Technoscience: The Dark Matter of Social Theory. – Presentation, University of Maryland Conference on Globalizations: Cultural, Economic, Democratic. April 2002, <http://www.bsos.umd.edu/socy/conference/index.html>

Взаимоотношения науки и техники в этом симбиозе, впрочем, внутренне противоречивы. С одной стороны, наука выступает как генератор новых технологий, и именно в силу устойчивого спроса на эти новые технологии наука пользуется определенной, и подчас весьма щедрой, поддержкой. С другой стороны, производство новых технологий определяет спрос на науку определенного, если угодно, ограниченного типа, так что многие потенции науки при таком её использовании остаются нереализованными. Грубо говоря, от науки не требуется ни объяснения, ни понимания вещей — достаточно того, что она позволяет эффективно их изменять. Помимо всего прочего, это предполагает понимание познавательной деятельности, включая и научную, как деятельности в некотором смысле вторичной, *подчиненной* по отношению к практическому преобразованию, изменению и окружающего мира, и самого человека. Тем самым, напомним, открывается возможность для переосмысления, точнее даже сказать — *оборачивания*, сложившегося ранее соотношения науки и технологии. Если традиционно это соотношение понималось как технологическое приложение, применение кем-то и когда-то выработанного научного знания, то теперь оказывается, что сама деятельность по *получению такого знания «встраивается» в процессы создания и совершенствования тех или иных технологий.*

Интересно не только то, как подобные трансформации происходят в реальности, но и то, как они осмысливаются. На поверхности все вроде бы остается по-старому: провозглашается, что наука — это ведущая сила технологического прогресса, который, в свою очередь, *использует достижения* науки. На этом фоне, впрочем, пробуждается осознание того, что так называемая прикладная наука занимается теми проблемами, которые диктуются именно развитием технологий, при этом и по количественным масштабам, и по финансовому и иному обеспечению, и по социальному признанию такая «обслуживающая» наука становится определяющей. Как мы уже отмечали, регулятивом научной деятельности становится не получение знания, так или иначе претендующего на истинность, а получение эффекта, который может быть воплощен в пользующуюся спросом технологию.

Следует отметить, что и в общественных ожиданиях, обращенных к науке, сегодня явно доминируют запросы на новые эффективные

технологии, а не на объяснение мира. Такого рода трансформации во взаимоотношениях между наукой, технологией и обществом, в частности реальный переход науки с авангардных на служебные роли, начинаются в сфере естественных наук, но затем захватывают и науки социально-гуманитарные.

Итак, и общество, и государство, включая даже органы, ответственные за формирование политики в области науки, все в большей мере склонны воспринимать и исследовательскую деятельность, и саму науку почти исключительно в облике машины, способной генерировать новые технологии. Пожалуй, наше государство в этом отношении готово пойти дальше других, стремясь едва ли не совсем избавиться от такой обузы, как финансирование науки. Имеется в виду, что наука — исключая ту, которая работает на «оборонку», — должна перейти на самообеспечение, зарабатывая прежде всего на создании и продвижении на рынок новых технологий. При этом практическое отсутствие в стране инфраструктуры, способной обеспечивать востребованность новых технологий, трактуется в том смысле, что «тем хуже для науки».

Возвращаясь теперь к технотехнике, отметим, что суть её вовсе не исчерпывается упрочением связей между наукой и технологиями. Само научно-техническое развитие выступает в качестве лишь одного из элементов объемлющего контура, в который входит еще несколько составляющих. Принципиальное значение в этом плане имеет происходящая на наших глазах переориентация научно-технического прогресса.

Один из главных векторов, которым можно охарактеризовать направленность развития науки и технологий в последние десятилетия — это ее неуклонное приближение к человеку, к его потребностям, устремлениям, чаяниям. В результате происходит, если можно так выразиться, все более плотное «обволакивание» человека, его погружение в мир, проектируемый и обустроиваемый для него наукой и технологиями. Конечно, дело при этом вовсе не ограничивается одним лишь «обслуживанием» человека — наука и технологии приближаются к нему не только извне, но и как бы изнутри, в известном смысле делая и его своим производением, проектируя не только для него, но и самого же его. В самом буквальном смысле это делается в некоторых современных

генетических, эмбриологических и т. п. биомедицинских исследованиях, например связанных с клонированием¹.

Истоки этих сдвигов, радикально меняющих ориентиры и установки научного поиска, можно, хотя бы отчасти, обнаружить в событиях, имевших место треть столетия назад. Тогда, в конце 60-х гг., молодежь, прежде всего студенты, многих западных стран развернули мощные движения протеста, которые вылились в серьезные социальные волнения. Мишенью атак «новых левых» стали ключевые социальные институты буржуазного общества и его культура; в этом контексте резкой критике подверглась и наука.

Прежде она воспринималась, как правило, в качестве силы, несущей свет разума, тесно связанной с идеалами свободного критического мышления и, следовательно, демократии. Одним из ярких выразителей такой позиции был известный социолог науки Р. Мертон². Распространенной, впрочем, была и другая позиция, опирающаяся на некоторые установки неопозитивизма и акцентирующая утилитарно-прагматические стороны научной деятельности; она выражалась в нейтральной оценке социальной роли науки. Теперь же критики науки трактовали ее как силу, тесно связанную с истеблишментом, безмерно далекую от жизненных интересов простых людей и, более того, даже враждебную им, способствующую вовсе не демократическим, а, напротив, тоталитарным тенденциям, дегуманизирующую мир, порождающую и усиливающую отчуждение и порабощение человека.

Нас в данном случае не интересует та или иная оценка этих контркультурных и контрнаучных движений. Но среди множества порожденных ими последствий следует отметить весьма основательную и мучительную переоценку многих ценностей. И характерно, что именно критика науки со стороны «новых левых» оказалась весьма эффективной, хотя, как это часто бывает не только в России, после-

¹ См. в этой связи, напр.: *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике. М., 2002; *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004; *Юдин Б.Г.* О человеке, его природе и его будущем // Вопросы философии. 2004. № 2; *Касс Л.* Нестареющие тела, счастливые души... // Человек. 2003. № 6.

² См.: *Merton R.K.* Sociology of science: Theoretical and empirical investigations. Chicago; L.: Wiley, 1973.

дующее развитие пошло вовсе не в том направлении, о котором они мечтали.

В результате сначала в США, а позже и в странах Западной Европы серьезно трансформировался спектр ожиданий, предъявляемых науке со стороны общества, а вместе с тем – и ориентиры научно-технической политики государства. Отныне от научных исследований все больше начинают требовать того, чтобы их результаты позволяли удовлетворять запросы общества и потребности человека. Происходит переориентация финансовых потоков, направляемых на поддержку науки и технологий – все больше средств выделяется на исследования в области охраны окружающей среды, и особенно, на биомедицинские исследования. Выдвигаются такие амбициозные цели, как победа к заранее заданному сроку над онкологическими или сердечно-сосудистыми заболеваниями. И хотя полностью победить эти недуги не удалось, успехи, достигнутые в этих направлениях, особенно в борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями, оказались в высшей мере впечатляющими. А по мере того, как люди на собственном житейском опыте ощущали те эффекты, которые порождены этими новейшими технологиями, все более разнообразными и настойчивыми становились и их запросы и вожеления, адресованные науке и технологиям. Растущая практическая эффективность науки и технологий в тех областях, которые ближе всего к повседневным нуждам и интересам рядового человека, таким образом, стала действовать как мощный стимул, ориентирующий и ускоряющий развитие науки и технологий.

Параллельно с этими изменениями приоритетов научно-технической политики сходная переориентация происходит и в сфере бизнеса, который весьма преуспел в перенаправлении исследовательских интересов на создание того, что будет привлекательным для массового потребителя. И характерно, что именно те отрасли индустрии, которые теснее других связаны с медициной – фармацевтическая промышленность, медицинское приборостроение, биотехнологические производства, – оказались в числе наиболее успешных. Таким образом, люди во все большей мере становятся потребителями знаний, технологий и продуктов, создаваемых в биомедицинских исследованиях и на соответствующих промышленных предприятиях.

Интересно сопоставить картину развития биотехнологий с тем, что происходило в те же годы в области информатики и компьютерных технологий. Здесь ключевым моментом стало создание персонального компьютера, который стремительно вытеснил громоздкие и плохо управляемые ЭВМ прошлого. И опять-таки мы видим ту же самую тенденцию – современные технологии подходят все ближе к человеку, радикально меняя стиль его жизни и то, как и что он видит в мире и как взаимодействует с миром. Как отмечает В.С. Степин, объектом изучения в современной науке все чаще оказываются «человекообразные» комплексы, примерами которых «могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы «человек-машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т.д.»¹.

* * *

Таким образом, научно-технический прогресс все более ориентируется на интересы и нужды отдельного человека, который выступает в качестве главного потребителя того, что дает этот прогресс. Новые технологии оказываются теперь таким товаром, который ориентирован на массовый спрос; без этой массовости было бы невозможно обеспечить эффективность лаборатории. В свою очередь, и сами интересы, и нужды потребителей становятся мощным стимулом, во многом определяющим направления и подстегивающим темпы научно-технического прогресса. В итоге устанавливается двусторонняя связь между лабораторией, производящей новые технологии, и индивидами, выступающими в качестве их потребителей. Лаборатория и массовый индивидуальный потребитель, иначе говоря, оказываются включенными в единый контур.

Следует отметить, что «лабораторию» в данном случае мы понимаем как то место, где не только разрабатывается, но и производится новая технологическая продукция. В том чрезвычайно динамичном контуре, о котором идет речь и в котором технологии должны непре-

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 631.

станно обновляться, производство технологической продукции оказывается не более чем подчиненным моментом, продолжением лаборатории. Оно строится и перестраивается в соответствии с требованиями, диктуемыми лабораторией.

Следующим составным элементом нашего контура является бизнес, предпринимательский капитал. Именно он финансирует лабораторию, обеспечивая тем самым возможности создания новых технологий. В свою очередь, массовый потребитель, оплачивая технологические новшества, позволяет бизнесу не только возмещать произведенные затраты, но и извлекать прибыль, которая часто инвестируется опять-таки в лабораторию, в создание все новых технологий. Важно подчеркнуть устойчивый характер связей между тремя рассмотренными элементами — бизнес вовлекается в этот контур не в разовом порядке, не от случая к случаю, а становится неотъемлемой частью постоянно действующего и неуклонно разрастающегося контура. В обществе, основанном на знаниях, вложения в лабораторию являются наиболее перспективными.

В качестве связующего звена между всеми названными элементами выступает еще один — средства массовой информации, СМИ. Они выполняют в этом контуре целый ряд функций.

Прежде всего они доводят до потенциального потребителя информацию о появлении на рынке технологических новшеств. Но роль СМИ в данном контуре отнюдь не ограничивается беспристрастным информированием. Напротив, очень часто они формируют потребности в тех или иных технологических продуктах — в этом плане будет достаточно напомнить о том, сколь изощренной, навязчивой и даже агрессивной может быть реклама. Заметим здесь, что рекламировать гидроэлектростанцию или, скажем, шагающий экскаватор было бы бессмыслицей — реклама уместна только там и тогда, где и когда она ориентирована на массового потребителя. Именно СМИ, выступая в этой функции, и позволяют включить в контур потребителя.

Термин «СМИ» используется нами в весьма широком и, быть может, не очень точном смысле. «СМИ» здесь — это, по сути дела, различные технологии работы с информацией, информационного обеспечения контура. Вообще говоря, этот элемент — информаци-

онные и коммуникационные технологии — многие авторы считают ключевым для общества знаний. «Информационные и коммуникационные технологии — одна из опор столь широко обсуждаемых общества знаний и экономики знаний; другие опоры — это растущая важность науки, научных знаний, как и знаний, происходящих из культурных источников»¹. Можно сказать и так: термин «СМИ» в данном случае относится ко всем тем социальным и гуманитарным технологиям, которые *важны, необходимы* для функционирования контура.

Так, особую сферу деятельности внутри контура составляет доведение до потребителя не только информации о вновь созданной технологии, но и самой этой технологии. Скажем, по некоторым оценкам, при производстве нового лекарственного препарата на собственно его создание (т. е. на лабораторию) приходится примерно десятая часть всех финансовых затрат, а все остальные расходы ложатся на продвижение препарата до стадии рыночного продукта. Разумеется, и деятельность по продвижению новой технологии тоже строится сегодня на технологической основе, причем на этих стадиях основную роль играют именно социальные и гуманитарные технологии. А это еще раз свидетельствует о том, что разработка некоторого продукта — в данном случае лекарственного препарата — в рамках технауки есть не более чем часть технологического процесса и что, стало быть, *технаука имеет дело прежде всего не с объектами* как таковыми, а с *обширными контурами*, включающими помимо этих объектов также совместную, согласованную деятельность самых разных людей и социальных структур.

Сколь бы эффективной ни была реклама, её не следует демонизировать и считать всемогущей. Потребитель, вообще говоря, далеко не всегда бывает марионеткой, легко поддающейся манипулированию. У него есть и свои собственные, а не только диктуемые извне потребности и предпочтения. Эффективность функционирования контура технауки во многом обеспечивается тем, что в него встроены механизмы выявления потребительских интересов и ожиданий. Благодаря применению социальных и гуманитарных технологий эти интересы

¹ *Joachim Spanberger et al.* The knowledge-based society: Measuring sustainability of the information society. — «Futura», 2002.

и ожидания, в свою очередь, доводятся до сведения бизнеса и лаборатории и становятся факторами, определяющими стратегию развития технологий.

В целом, таким образом, технонаучный контур включает четыре элемента, связанных между собой прямыми и обратными информационными, финансовыми и товарными потоками. Следует подчеркнуть, что обратные связи внутри этого контура являются положительными: сигнал, проходящий от одного элемента к другому, не ослабевает, как бывает при наличии отрицательной обратной связи, а, напротив, усиливается. Тем самым обеспечивается беспрецедентный динамизм в работе контура.

На практике это выглядит примерно так: лаборатория целенаправленно работает на удовлетворение запросов потребителя, которые становятся известными ей благодаря деятельности СМИ; потребитель готов нести расходы на продукцию, которая отвечает его запросам; благодаря этому предприниматель получает прибыль, которую он, в свою очередь, инвестирует в лабораторию, тем самым запуская новый цикл обновления технологии; СМИ формируют у массового потребителя все новые запросы, вызывая интерес к непрерывной замене уже имеющихся у него изделий и технологий на новые, которые становятся все более эффективными, все более полезными, все более привлекательными...

Между прочим, бизнес и лаборатория порой охотно инициируют исследования, призванные ответить на самые экзотические ожидания. Ведутся, в частности, исследования, направленные на обеспечение неограниченной продолжительности жизни, на создание ребенка с такими психофизическими характеристиками, которые хотели бы получить их родители, и т. п. СМИ же при этом возбуждают и поддерживают подобные ожидания, как было, например, с «таблетками бессмертия», над которыми якобы работает (что ему приходится постоянно отрицать) академик В.П. Скулачев.

Понятие технонауки — это лишь одна из многих попыток как-то зафиксировать то качественно новое состояние науки, в котором она оказывается в начале XXI столетия. Среди таких попыток представляет интерес, в частности, то различие двух стилей науки, которое проводит австрийский социолог науки, председатель Европейского

консультативного совета по исследованиям Хельга Новотны¹. По ее словам, эпистемология, характерная для науки стиля-1, основывается на четком разделении науки и общества. Что касается науки стиля-2, то для нее характерны такие черты:

во-первых, проблематика исследований определяется в контексте приложений, который выстраивается в ходе диалога – нередко очень непростого – различных сторон, которые так или иначе будут затронуты этими приложениями;

во-вторых, на смену характерным для университетов иерархическим структурам, жестко разграничивающим отдельные дисциплины, приходят существенно гетерогенные, нежесткие структуры организации исследований;

в-третьих, трансдисциплинарность науки стиля-2: направленность интеллектуальных усилий в ней определяется не столько интересами тех или иных научных дисциплин, сколько требованиями, задаваемыми контекстом приложений.

Привычное понимание коммуникаций между наукой и обществом заключается в том, что те, кто не является учеными, не знакомы с новейшими достижениями науки, и их необходимо информировать. Что касается науки стиля-2, то в ней наряду с этими существуют и направленные в противоположную сторону потоки информации: общество оказывается в состоянии сообщать науке о своих желаниях, потребностях и опасениях. Это включение человека в процессы производства знаний, необходимость определения его места в них Х. Новотны характеризует как контекстуализацию, затрагивающую и те области производства знаний, которые кажутся чрезвычайно далекими от сферы обитания людей.

Таким образом, наука стиля-2 развивается не только в контексте приложения (аппликации) новых знаний, но и в контексте их человеческих последствий (импликаций). Ученым в лабораториях постоянно приходится задаваться вопросом: каковы последствия того, что мы

¹ См.: *Gibbons Michael, Limoges Camille, Nowotny Helga, Schwartzman Simon, Scott Peter, Trow Martin*. The new production of knowledge. The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. London: Sage Publications, 1994; *Nowotny Helga, Scott Peter, Gibbons Michael*. Re-Thinking Science. Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty. London: Sage, and Cambridge: Polity Press, 2001.

делаем, и того, как мы формулируем проблемы? Речь в данном случае идет не только о том, чтобы предвидеть эти последствия, но и о чем-то более радикальном, а именно о необходимости задаваться этим вопросом в научных лабораториях, имея при этом в виду возможность различных ответов на него.

Другая характеристика специфических черт науки XXI века принадлежит французскому социологу науки Б. Латуру. Он проводит различие между наукой и исследованием и говорит о переходе от культуры науки к культуре исследований: «Наука — это определенность, исследование — неопределенность. Наука понимается как нечто холодное, безошибочное и беспристрастное; исследование — теплое, путаное и рискованное. Наука порождает объективность, изо всех сил избегая оков идеологии, страстей и эмоций; исследование питается всем этим, чтобы приблизиться к изучаемым объектам»¹.

Одной из наиболее значимых отличительных характеристик современной науки становится изменяющееся место в ней того, что относится к ценностной проблематике. На протяжении долгого времени наука отстаивала идеалы беспристрастности, свободы от ценностей как гаранта получения достоверных знаний. Сегодня ситуация существенно усложнилась: речь вовсе не идет об отказе от этих идеалов, тем не менее ценностное измерение начинает восприниматься как существенная характеристика и изучаемой наукой реальности, и самого научного познания. В.С. Степин, в частности, говорит о том, что «трансформируется идеал ценностно нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общественного характера»².

¹ *Latour, Bruno.* 1998. From the World of Science to the World of Research? *Science*, vol. 280, no. 5361, issue of 10 April. P. 208.

² *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 631.

* * *

Одной из наиболее интенсивно развивающихся сегодня областей научного знания является биомедицина. И именно в ней особенно отчетливо проявляются многие кардинальные изменения, которые претерпевает наука начала XXI века.

Конечно же, биомедицина вполне может восприниматься как один из локальных — а следовательно, ограниченных разделов научного познания. Однако происходящие в ней изменения интересны и значимы не только сами по себе: их можно понимать и как манифестацию глобальных перемен, значимых для науки в целом. Как уже отмечалось, эти перемены, во многом инициируемые самим же научно-техническим прогрессом, выходят далеко за рамки науки как таковой и захватывают самые разные пласты человеческого существования, которое подвергается глубоким и разнонаправленным воздействиям со стороны науки.

Приближение науки к нуждам человека — а эту тенденцию можно считать ведущей в развитии современной биомедицины — оказывается по своим последствиям процессом далеко не однозначным. В частности, возникает необходимость специально исследовать и то, в чем состоят потребности и нужды человека, и то, как именно их можно удовлетворить. А это значит, что сам *человек* во все большей степени *становится объектом* самых разнообразных научных исследований. И в той мере, в какой на нем начинает концентрироваться мощь научного познания, в какой наукой разрабатываются все новые, все более тонкие и эффективные средства воздействия на него, неизбежно возрастают элементы риска и опасности, которым он подвергается. Следовательно, актуализируется задача защиты человека, в непосредственных интересах которого теперь осуществляется прогресс науки и техники, от негативных последствий того же самого прогресса. В результате резко обостряется необходимость выявлять такие последствия и тем или иным образом реагировать на них.

Научное исследование, таким образом, во все больших масштабах направляется на познание, с одной стороны, самых разных способов воздействия на человека и, с другой стороны, возможностей самого человека. Наиболее характерным выражением и того и другого можно считать многочисленные эксперименты, в которых человек участвует

в качестве испытуемого. Каждый такой эксперимент, вообще говоря, призван расширить наши познания о свойствах того или иного препарата, устройства, метода воздействия на человека и т. п. Необходимость его проведения при этом бывает обусловлена потребностями развития какого-то конкретного раздела биологии, или медицины, или другой области знания. Если, однако, попытаться представить себе интегральную совокупность таких экспериментов (взятую безотносительно к дисциплинарной определенности каждого из них), то окажется, что она дает нам некое знание о человеке.

Мы можем констатировать: чем больше наука претендует на то, что она служит интересам и благу человека, тем более значительную роль в ней должны играть исследования, в которых человек участвует в качестве испытуемого. Но участие в таких исследованиях по самой своей сути сопряжено с бóльшим или меньшим риском для испытуемых. Таким образом, возникает ситуация конфликта интересов: с одной стороны, исследователь, стремящийся к получению нового знания; с другой стороны, испытуемый, для которого на первом месте – терапевтический эффект, скажем, излечение недуга, ради чего, собственно, он и соглашается стать испытуемым. И в той мере, в какой именно на человеке начинает концентрироваться мощь научного познания, в какой наукой разрабатываются все новые, все более тонкие и эффективные средства воздействия на него, неизбежно возрастают элементы риска и опасности, которым он подвергается. Следовательно, актуализируется задача защиты того же самого человека, ради которого и осуществляется прогресс науки и техники, от негативных последствий этого прогресса. В результате резко обостряется необходимость выявлять такие последствия и тем или иным образом реагировать на них.

Нынешние тенденции развития биомедицины делают необходимым непрерывное обновление и совершенствование технологий и препаратов, используемых в медицинской практике, вследствие этого и практика проведения исследований с участием человека в качестве испытуемого приобретает все более широкие масштабы. Сегодня проведение таких исследований поистине перешло на индустриальные рельсы.

В связи с этим встала проблема согласования требований, диктуемых, с одной стороны, необходимостью получения все новых биомедицинских знаний и, с другой стороны, необходимостью защищать

права, достоинство, здоровье и жизнь тех, кто выступает в качестве испытуемых. Путем решения этой проблемы стало формирование социальных институтов этического сопровождения биомедицинских исследований. Сегодня уже общепринятой нормой стал этический контроль *всех* такого рода исследований. Иными словами, в современной научной практике действуют достаточно разработанные механизмы этического контроля исследований.

В биомедицинских исследованиях существует три основных механизма такого регулирования. Это, во-первых, процедура *информированного согласия*, которое перед началом исследования дает каждый испытуемый. Во-вторых, биомедицинские научные журналы, в которых печатаются статьи с изложением результатов проведенных исследований, допускают к публикации только такие статьи, авторы которых удостоверяют, что представляемое ими исследование было проведено с соблюдением принятых этических норм. Эти нормы зафиксированы в Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации; одна из норм декларации как раз и гласит: «Сообщения об экспериментах, проведенных с нарушением принципов, изложенных в данной Декларации, не должны приниматься к публикации»¹. Таким образом, результаты исследования, проведенного с нарушением этических норм, попросту не будут иметь шансов дойти до сведения научного сообщества. В-третьих, сегодня *каждый* исследовательский проект может осуществляться только после того, как заявка будет одобрена независимым *этическим комитетом*. Такие структуры этического контроля, первоначально осуществлявшегося исключительно коллегами, впервые возникают в 50-х гг. XX века в США, а в 1966 г. официальные власти делают проведение такой этической экспертизы обязательным для всех биомедицинских исследований, которые финансируются из федерального бюджета. Впоследствии, впрочем, экспертиза распространяется также и на исследования, финансируемые из других источников. Характерно, что в США обязательной этической экспертизе подлежат не только биомедицинские исследования, но и психологические, антропологические и т. п., коль скоро они проводятся на человеке, а также исследования, прово-

¹ Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации // Кэмпбелл А., Джиллет Г., Джонс Г. Медицинская этика. М., 2004. С. 385.

димые на животных. В настоящее время подобная практика начинает распространяться и в странах Западной Европы.

Таким образом, тесное, непосредственное воздействие этических норм на научное познание является сегодня не прекраснотушным пожеланием, но повседневной реальностью, можно даже сказать – рутинной, с которой приходится иметь дело множеству людей. Эту ситуацию, конечно, никоим образом не стоит идеализировать. Сама непрерывная эволюция практики этического регулирования обусловлена тем, что эта практика порождает множество проблем, таких, как противоречие между независимостью и компетентностью членов этического комитета, нередкий формализм в проведении экспертизы и т. п. Вообще говоря, было бы странно, если бы деятельность, которая обрела вполне будничнй характер, осуществлялась как нечто вдохновенно-возвышенное.

Вместе с тем необходимо отметить, что само возникновение такой нормы, как обязательность этической экспертизы, влечет за собой принципиально важное для научно-познавательной деятельности следствие. Общеизвестно, что квинтэссенцией научного познания и научной деятельности является именно исследование. Обратим теперь внимание на то, что при проведении биомедицинского исследования, точнее, при его планировании, даже при выработке его замысла, общей идеи исследователю необходимо иметь в виду, что возможность практической реализации получит не всякий замысел, будь он даже безупречен в теоретическом, техническом и методологическом отношении. Необходимо еще, чтобы этот замысел вписывался в рамки, задаваемыми существующими представлениями о моральной допустимости тех или иных воздействий на испытуемого. Конечно, вовсе не обязательно, чтобы исследователь в явной форме осознавал эту этическую нагруженность своего замысла. В той мере, в какой практика этической экспертизы становится обыденной, эти представления о моральной допустимости тех или иных воздействий могут переходить на уровень априорных посылок.

Во всяком случае, шанс осуществиться будет только у такого проекта, который сможет получить одобрение этического комитета. Но это как раз таки и значит, что требования, задаваемые этикой, оказываются в числе действенных предпосылок научного познания,

что, иными словами, связь между этикой и наукой не только возможна, но и вполне реальна.

* * *

Мы описали некоторые из оформляющихся сегодня тенденций в развитии экономики и общественной жизни в целом. В центре этих динамичных процессов – новые механизмы взаимодействия науки и общества, включения науки в ткань общественного бытия. Современный мир быстрыми темпами эволюционирует в направлении общества знаний, что открывает широкий спектр новых возможностей для человека и общества, но вместе с тем порождает немало весьма серьезных проблем. Одной из составляющих этих процессов является возникновение новых, чрезвычайно эффективных форм организации и стимулирования научно-технической деятельности. Получение новых знаний и создание новых технологий сегодня институционализируется, благодаря чему проблема их внедрения во многих случаях попросту теряет актуальность.

Следует особо подчеркнуть многообразие возникающих и действующих форм организации науки, финансирования и стимулирования исследований. Само это многообразие представляет собой важнейший ресурс дальнейшего интенсивного развития и упрочения социальных позиций науки, а потому требует сохранения. Здесь можно провести аналогию со столь высоко ценимым сегодня биологическим разнообразием, сохранение которого определяет возможности выживания как отдельных биологических видов, так и биосферы в целом.

Естественно, каждая из уже существующих, как и вновь создаваемых, форм организации науки имеет свои возможности, но вместе с тем и свои ограничения. Поэтому в высшей степени контрпродуктивно и, более того, чрезвычайно опасно стремление выбрать какую-то одну форму в качестве шаблона, который будет навязан всей науке в целом. Прежде чем затевать коренное реформирование, скажем, академической науки, необходимо с особой тщательностью представить и оценить ее с самых разных сторон.

При этом речь идет не только о тех выдающихся результатах, которые были добыты в ее лоне, но и о том, что получение этих результатов, между прочим, в условиях достаточно скудного финанси-

вания, было возможно только благодаря сохранению творческой атмосферы в жизни академического сообщества. Результаты эти очень часто приносят значительный экономический эффект, хотя дело далеко не ограничивается только им. Такая творческая атмосфера может создаваться и поддерживаться прежде всего самим же академическим сообществом, существующими в нем механизмами самоорганизации, и только во вторую очередь — какими-либо воздействиями извне. Академическая наука — это не только источник новых знаний и опирающихся на них технологий, т. е. того, к чему нередко редуцируют эффективность науки. Это еще и среда, в которой только и возможны сохранение и передача новым поколениям ценностей науки, ее этоса, самих навыков исследовательской работы.

Вообще-то говоря, извне попросту невозможно оценить и измерить тот человеческий, интеллектуальный, организационный капитал, которым обладает академическое сообщество и который накапливался в течение многих столетий. Но, уж во всяком случае, эта невозможность дать оценку не должна служить основанием для непродуманных преобразований, осуществляемых по заимствуемым где-то на стороне лекалам. За последние десятилетия мы, увы, слишком часто сталкивались с попытками реформирования самых разных сфер жизни общества, когда обновление приводило к тому, что не только не удавалось избавиться от тех недостатков старого, на преодоление которых были направлены замыслы реформаторов, но и само-то новое несло с собой не менее серьезные недостатки. Очень не хотелось бы, чтобы эта история повторилась в связи с очередным реформированием академической науки.

Е.З. Мирская

НАУКОВЕДЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ¹

Целенаправленную научную политику в более или менее явной форме проводило и проводит большинство современных государств — от мировых лидеров промышленного развития до развивающихся стран. Должна ли она быть научно обоснованной? Вопрос не такой бессмысленный, как может показаться на первый взгляд. Ответ на него, по-видимому, все-таки должен быть положительным, ибо, если выбор приоритетов осуществляется в основном как политическое решение, то определение механизмов их реализации требует именно *научного знания объекта управления*. При этом надо заметить, что в последние годы в мировой практике научной политики всё чаще пытаются обеспечить научное обоснование и для принятия политических решений. Но целью данной статьи в основном является анализ отечественной традиции *игнорирования* знаний о специфике науки при решении проблем ее организации. К сожалению, ситуация более чем 30-летней давности, рассмотренная в нашем историческом экскурсе, мало отличается от сегодняшнего дня, да еще и не в лучшую сторону.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Как обстояли здесь дела в 70–80-х гг. прошлого столетия? Насколько было развито и в какой мере применялось знание о науке — этой необходимой и неотъемлемой части современного общества, которая связана с ним тысячами нитей и в то же время является относительно

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 09-03-00132а Традиции и новации в современной науке.

самостоятельным социальным институтом со своими специфическими закономерностями? Естественно предположить, что к этому времени о себе самой наука знала «все», однако это было отнюдь не так. Действительно, в западных странах с начала 60-х гг. появлялись дисциплины, изучающие ее функционирование и развитие (Science of Science, затем Social Studies of Science и др). В Советском Союзе науковедческие исследования были развиты гораздо меньше. Начатые в принципе намного раньше, чем на Западе, они затем затухли и возродились лишь в конце 60-х гг. уже как отражение зарубежного опыта. Основным центром отечественных исследований функционирования науки стал Институт истории естествознания и техники АН СССР, где был сформирован Отдел науковедения. Широкого распространения эта тематика в академической среде не получила, успешно развивались только методологические разработки.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что наука, нацеленная на постижение действительности, столь мало внимания уделяла самой себе. При этом не удивительно, что лица, осуществлявшие управление наукой, не понимали специфики ее функционирования. Это непонимание лишь отчасти связано с недостаточностью знаний, накопленных в прагматически ориентированных науковедческих дисциплинах (экономика, социология, психология науки), а в большей мере — с *нежеланием* эти знания использовать. К сожалению, обычно такое сознание в максимальной степени характерно для лиц, являющихся специалистами управления, в частности — наукой. В локальных ситуациях, которые требуют и концентрации управленческих усилий, и наличия адекватных представлений о глубинных механизмах функционирования науки, последние у них полностью отсутствуют. Поэтому организация и, соответственно, управление наукой трактуются чисто бюрократически, как для любой отрасли народного хозяйства: есть перечень заданий, набор подразделений и материальные средства; надо «расписать» — кто что должен сделать и как распределить средства.

Легче всего объяснить перманентную неудачность попыток интенсифицировать отечественную науку нерадивостью и необразованностью отдельных людей. Полезнее — разобраться в том неиспользованном ресурсе, который составили знания, возникшие

в результате изучения науки как весьма *специфической* части общественного производства, а также в наличии или отсутствии необходимости их использовать. Хотя науковедение изначально провозглашало свою прагматическую ориентацию, практическая значимость его результатов почти никогда не выходила за рамки узко профессиональных научных дискуссий по социологии, экономике и психологии науки. При этом априорно предполагалось, что преобразование результатов науковедческого исследования в информацию, содействующую выработке решений, является вполне тривиальной и заведомо осуществимой операцией, для которой достаточно лишь доброй воли политиков. Несомненное наличие такой установки или заменяющих ее внешних стимулов принималось за основу интеграции науковедческих исследований в систему научной политики. Однако реальное использование этого потенциала оставалось явно недостаточным, научная политика оказывалась крайне далекой от результатов науковедческих исследований, что ставило под вопрос их практическую значимость.

Тем не менее группа социологии науки, созданная в 1976 г. в рамках отдела науковедения ИИЕТ, в 1979 г. была преобразована в сектор социологии науки. В секторе, руководимом В.Ж. Келле, были собраны видные специалисты данного профиля. В это время все сотрудники сектора верили, что правительству, постоянно муссировавшему проблему повышения эффективности науки, очень нужны результаты социологических исследований науки. Ведь именно в 1970-х гг. возникла та ситуация, при которой для выработки адекватной научной политики источником информации необходимо использовать результаты специальных исследований. Неудивительно, что новый сектор обратил особое внимание на социологические проблемы организации и самоорганизации науки.

*КОМУ НУЖНЫ
НАУКОВЕДЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ?*

Действительно, подавляющее большинство решений, касающихся отечественной научной политики, реально основывалось (и основывается) на политических решениях и на информации служебного

характера, получение которой обеспечивается административными механизмами. Безусловно, в основной массе проблемных ситуаций именно такого рода информация оказывается наиболее релевантной и отвечающей нуждам своих потребителей. В принципе, реальная необходимость в нетривиальной информации, требующей проведения специальных исследований, появляется лишь при возникновении необычной ситуации и радикально новых целей.

Такое предположение становится очевидным при конкретизации общей стандартной модели выработки решений в различных системах. Согласно этой модели, для выработки рациональных решений необходима информация троякого рода: о «входе», то есть о действиях, которыми предполагается осуществлять управление; об ожидаемых или действительных последствиях этих действий, то есть о «выходе» системы; и наконец, о функциональном механизме, обеспечивающем связь управляющих действий с их конечными результатами. Все это легко проецируется и на научную политику: ее «входом» оказываются экономические и правовые санкции, налагаемые на участников коллективного производства знания, «выходом» — получаемые ими научные или технические результаты, а между ними в качестве функционального механизма — организация, координирующая различные формы сотрудничества работников науки.

Сведя к этой простейшей схеме все многообразные проблемные ситуации, сопряженные с ориентацией на увеличение производства знания, нетрудно понять, что их решение можно осуществить двумя способами. Первый состоит в том, чтобы решать эту задачу за счет усиления «вещных» факторов (увеличения объема или репертуара управляющих воздействий) при сохранении сложившихся форм кооперации между членами научного сообщества. Такая научная политика называется *экстенсивной*, поскольку увеличение производства знания достигается за счет увеличения связанных с этим затрат при неизменной продуктивности труда. Второй способ состоит в том, чтобы увеличивать производство знания за счет активизации «человеческих факторов», то есть изменений в формах сотрудничества между его участниками. Подобную политику естественно назвать *интенсивной*, поскольку увеличение производства знания достигается за счет увеличения продуктивности труда при сохранении неизменными затрат, которые с ним сопря-

жены. В реальных проблемных ситуациях эти альтернативные виды научной политики нередко совмещаются, однако ясно, что каждый из них предполагает использование различных типов информации.

Экстенсивная политика сопряжена с использованием сугубо инструментальной информации о действиях, которые преобразуют соответствующую социальную систему в желаемом направлении, а сведения иного рода оказываются заведомо избыточными. Если намерения лиц или групп, осуществляющих управление, устойчивы, а результаты управляющих действиями полностью согласуются с намеренным, то для выработки решений достаточно информации служебного плана, получаемой по административным каналам. Если появляются рассогласования, недостаточную служебную информацию всегда можно восполнить данными экономического и правового анализа, расширяющего репертуар действий, которые могут рассматриваться в качестве управляющих. Как стало со временем ясно, экстенсивная научная политика вообще не нуждается в информации, характеризующей собственные внутренние механизмы преобразуемой социальной системы. Отсюда естественно сделать вывод, что результаты науковедческих (конкретно — социологических) исследований могут иметь практическую значимость лишь при необходимости проведения интенсивной научной политики, когда репертуар управляющих действий, основанных на служебной информации, оказывается полностью исчерпанным. Нарращивание ресурсов или административных механизмов в подобной ситуации уже не может оказывать решающего воздействия. Потребность ограничить инвестиции в производство знания при одновременном сохранении его роста явно ставила задачу перехода к интенсивной научной политике и, следовательно, обращения к ее информационной базе — результатам, получаемым в рамках науковедения и отражающим знание о социальных структурах, которые исторически сложились в науке и определяют реальную поведенческую реакцию ее работников на управляющие действия.

ТРАДИЦИОННЫЙ СТИЛЬ

Анализ отечественной научной политики показывает, что она всегда целиком и полностью опиралась на традиционную модель выработки

решений: если надо было добавить на «выходе» — добавляли «на входе». Что добавляли? Материальные ресурсы и управляющие воздействия. Пока была возможность сохранять высокие темпы наращивания ресурсов, меньше внимания уделяли «воздействиям», уменьшались ресурсы — росли воздействия. Однако при любом соотношении первого и второго научная политика всегда оставалась *экстенсивной*. Когда добавлять ресурсы прежними темпами стало уже неоткуда, была сделана попытка «интенсифицировать» науку за счет усиления только воздействий, которые выразились вначале в нарастании требований «усилить, углубить, расширить», а затем — в ряде мероприятий, предпринятых по решению управленческого аппарата Академии наук в ответ на Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 1983 г.

Здесь обращает на себя внимание такое характерное явление, как повторяемость правительственных решений о науке. Постановления, фиксирующие состояние науки и ставящие задачи по ее совершенствованию, имели крайне тревожный и по сути одинаковый характер начиная с 1962 г. Все эти документы повторяли друг друга почти текстуально: прежними оставались и проблемы, и подход к их решению. Ясно, что в них фиксировалась одна и та же «болезнь», но степень ее «запущенности» все нарастала. О чем свидетельствовала эта повторяемость правительственных решений? Ведь каждое последующее постановление обязательно констатировало, что та ситуация в науке, которую должно было улучшить предыдущее постановление, не изменилась, а иногда и ухудшилась. Очевидно, что между указанием и исполнением имелся серьезнейший разрыв: на пути к реализации основные идеи преобразований теряли свой первоначальный облик и начинали выступать в искаженном виде.

Происходило это из-за несовпадения государственных интересов, представленных в постановлениях, с интересами групп и лиц, осуществлявших научную политику и управление наукой, а также — со стимулами, движущими развитие самой науки. Получалось, что «государство» знает о неблагоприятном положении в отечественной науке и указывает на необходимость преобразований. Работники науки (во всяком случае, в лице наиболее широко, социально мыслящих ученых) также довольно отчетливо представляют себе, что нужно радикально изменить в их профессиональной жизни. Однако те структуры управ-

ления, которые должны были создать и реализовать программы, совершенствующие функционирование науки, этого не делали и, более того, сделать не могли. Почему?

Первая (и главная!) причина была та же, что и во всех других отраслях советского народного хозяйства: управленческие слои имели и имеют свои, не совпадающие с государственными, интересы. Специфичность интересов управляющей прослойки формирует ее «сверхзадачу» — «улучшать, ничего не меняя», поскольку необходимые принципиальные изменения будут обращены против нее, против бюрократизированного аппарата.

Вторая причина состояла в том, что самые верхние уровни советского управленческого аппарата не признавали и не понимали ни специфической сущности науки по сравнению с другими сферами общественного производства, ни своеобразного характера ее полезности, ни внутренних механизмов ее функционирования. А это означает, что когда крайняя необходимость вынуждала управленцев что-то предпринять, то предпринимаемое почти обязательно в итоге ухудшало положение. Неудивительно, что попытки интенсифицировать науку бюрократическим путем успеха иметь не могли (и не могут!).

Проведенный выше анализ альтернатив научной политики показал, что переход к другой, более эффективной форме развития науки может быть осуществлен только на основе перехода к преимущественно интенсивной научной политике, то есть с существенными изменениями в основах управления наукой, которые, к сожалению, осуществлены не были. Предпринимались лишь ситуационные меры, предлагавшиеся по административной линии, однако без проработки цельной концепции. Без этого непредвиденные последствия конкретных мероприятий нередко не только сводили на нет их запланированную полезность, но в итоге даже наносили вред функционированию науки.

ПОПЫТКИ ПЕРЕСТРОЙКИ

К концу 80-х гг. стало достаточно очевидно, что неудовлетворительное функционирование науки обусловлено теми же глубинными причинами, которые исказили нормальное развитие всего советского обще-

ства. В основе всего лежали нарушения фундаментальных принципов, обеспечивающих активную позицию человека: демократизм управления и распределение по труду. Без возвращения к этим принципам все попытки улучшения и совершенствования чего бы то ни было — в том числе и науки — были обречены на неудачу. Однако в каждой отдельной сфере социального организма эти принципы должны осуществляться своеобразно — адекватно реальным формам производственного сотрудничества, характерным именно для данной сферы. А для этого необходимо знать и эти реальные формы, и подлинные трудовые отношения в них, и неоднородности внутри соответствующей профессиональной группы (в нашем случае — работников науки).

Радикальная перестройка нашего общества, начавшаяся в середине 80-х гг., требовала коренного преобразования всех его составных частей, включая науку, хотя государство продолжало финансировать ее в прежних масштабах вплоть до 1992 г. Специфическая опасность надвигавшихся преобразований состояла в том, что в социальном институте науки за все предыдущие годы накопилось огромное количество явных, вопиющих недостатков. Это создавало впечатление, что научный анализ ситуации не нужен. Зачем анализировать, когда невооруженным глазом видно, что наука поглощает очень много средств, неимоверно разрослась по численности занятых в ней людей, значительная часть которых утратила всякую мобильность и творческую активность, что академическая наука, которая должна быть передним краем фундаментальных исследований, организационно представлена в значительной части окаменевшими институтами с «вечной» проблематикой и правящей геронтократией, подчас вершащей судьбы отдельных ученых и целых направлений и т. д. и т. п.

Такие очевидные недостатки всегда провоцируют административные круги на «прямые» акции, которые представляются естественными, а потому — разумными. Наука дорога — уменьшим бюджетные ассигнования на нее; раздуты штаты — проведем сокращение; низок уровень научной деятельности — переаттестуем кадры и пообещаем лучшим денежные надбавки, «заела» геронтократия — введем возрастной ценз.

Во второй половине 1980-х гг. институты Академии наук СССР имели возможность убедиться, что соответствующие мероприятия не

принесли положительного результата, хотя и прервали нормальную работу ученых почти на два года. Сократили, но не тех — не бездельников и неучей, а людей «неудобных», бескомпромиссных; аттестация вообще не может улучшить ход научной работы (что будет пояснено далее), а в той форме, в какой проводилась, она лишь дала возможность расправиться с неугодными лицами или, наоборот, обвинить начальство в неблагоприятных действиях. Возрастной ценз сдвинул кое-кого с давно занимаемых мест, но не изменил принципа решения кадровых вопросов. Материальное поощрение за научные достижения, отданное на усмотрение дирекции, которая не располагает никакими научно обоснованными критериями оценки этих достижений, — не могло стимулировать развитие исследований. Неуспешность всего этого комплекса мероприятий была обусловлена их «административно-управленческим» характером: это была попытка предпринять какие-то меры «на входе» в систему научного производства, не вникая в механизмы его функционирования, не пытаясь заглянуть в «черный ящик» научной деятельности.

Будем исходить из того, что задача интенсификации науки и, следовательно, перехода к интенсивной научной политике не просто провозглашалась, но и ставилась всерьез. Как уже было сказано, это требовало от управленческих структур учитывать в принимаемых решениях науковедческую (в основном — социологическую) информацию. В таких случаях всегда возникают два вопроса: первый — готовы ли социологи что-то предложить? — и второй — способны ли управленцы это принять? Как ни странно, на эти два вопроса нельзя ответить по отдельности, они связаны друг с другом и в своей взаимосвязи порождают непростую проблему. Для ее понимания придется вкратце ознакомиться с процессом развития взаимоотношений между исследователями науки и людьми, управляющими наукой.

Широкие исследования науки как объекта начались в 60-х гг. прошлого века, почти одновременно в разных странах, как только стало очевидно, что наука превратилась в одну из ведущих социальных сил. Надо подчеркнуть, что, хотя исследования науки возникли в ответ на латентный социальный заказ, на самом начальном этапе интерес исследователей был «чистым»: все они пытались понять, «как устроена наука». Однако очень скоро и самим исследователям науки,

и людям, ответственным за ее организацию, стала ясна прагматическая ценность знаний о науке. Если изложить схему представлений того времени, то она сведется к следующему. Наука — «организм», имеющий собственные законы функционирования (свои механизмы, а соответственно, и связанные с ними закономерности). В то же время современная наука — не самостоятельный институт, а объект управления и организации. Чтобы внешне налагаемые формы организации не приходили в противоречие с собственными закономерностями функционирования самой науки, то есть чтобы управление было эффективным и оптимизировало научную деятельность, надо познавать эти «собственные» механизмы науки и закономерности ее развития. Все эти знания могут и должны стать основой рациональной научной политики, исходными представлениями в управлении наукой.

Такие представления были характерны и для исследователей науки (науковедение развивалось как прагматически ориентированная дисциплина), и для потенциальных потребителей — людей, ведающих организацией и управлением. Но сходство представлений по данным вопросам не могло объединить позиции этих групп, поскольку каждая продолжала заниматься своим делом: одни исследовали, другие — управляли. При этом первые полагали, что вторые ждут не дождутся их результатов, расширяющих понимание социального института науки, что все обнаруженное будет подхвачено, преломлено в соответствующем направлении и заложено в практические решения. Вторые имели собственные традиционные источники служебной информации о функционировании науки и свои представления о принципах управления. Они хотели бы, вернее — не возражали бы против подсказки по совершенствованию управляющих воздействий, но эта подсказка и это совершенствование были бы приняты, если их предложить в формах, привычных для сферы управляющих воздействий. Исследователи науки таких рекомендаций дать не могли, ибо их результаты были выражены «на другом языке».

Здесь, кстати, было заложено основание того разочарования и потери энтузиазма, которые возникли во второй половине 70-х гг. и внутри самих науковедческих дисциплин, и по отношению к этим дисциплинам — извне. С точки зрения исследователей науки, у них

«не взяли» полезные, наработанные ими результаты, что всегда существенно подрывает мотивацию ученого к работе. С точки зрения лиц и органов, занимавшихся организацией и управлением в науке, им «не дали» то, что нужно, и, следовательно, ученые «не оправдали доверия» и вообще в принципе не могут быть полезными по этим вопросам. Таким образом, история взаимоотношений выработала у обеих групп взаимное неудовольствие и негативную предубежденность. Важно отметить, что свою лепту в эту ситуацию внесла каждая сторона: одни слишком много пообещали, другие слишком много ожидали. На самом же деле здесь имела место самая обычная ситуация, делающая несвоевременными как энтузиазм, так и разочарование.

Новая научная дисциплина, изучающая какую-либо часть социальных проблем, возникает тогда, когда не заниматься ими уже нельзя. То есть необходимость в ней и, соответственно, связанные с нею социальные ожидания крайне велики. Хорошо известно также, что всякая новая дисциплина очень амбициозна в заявлениях о своих возможностях. Однако ее становление, развитие, совершенствование протекают естественным путем, и только постепенно она начинает накапливать результаты, которые могут быть полезны обществу. Ее обещания не могут быть выполнены быстро и полностью – это требовало бы чуда, но те, кто на это чудо надеялся, разочарованы и не хотят принимать полезные «мелочи», которые выдает дисциплина. Надежды, связанные с новой областью знания, не могут оправдаться, если не будут подкреплены трезвостью оценок и терпением.

Следует заметить, что подобный период неудовлетворенности науковедческими результатами был во всех странах, но в Советском Союзе он оказался усугублен неразвитостью социологических исследований вообще. У нас не существовало того множества социологов-прикладников, полезность исследований которых понятна организаторам науки, что создает у последних положительную реакцию на всех социологов науки. Кстати, в Европе, где подразделения по социальным исследованиям науки создавались, во-первых, позднее (в 70-х гг.), а во-вторых, по инициативе (или, во всяком случае, при поддержке) органов научной политики, продуктивный диалог между «организаторами» и «исследователями» был достигнут достаточно быстро и без взаимных обид.

Каков же итог нашего исторического экскурса? Он пояснил подоплеку появления негативной предрасположенности в отношении науковедческих исследований. Но это субъективная сторона дела, а каково объективное положение? Могут ли органы научной политики и управления наукой реально применять знания, полученные науковедением? Безусловно могут. Об этом свидетельствует опыт регулярных консультаций, за которыми правительственные органы ряда стран Евросоюза регулярно обращаются к своим Центрам исследований науки. Итак, могут, но кроме *способности* необходима еще и *готовность* работать с непривычной информацией, а такая готовность может быть вызвана только жестокой необходимостью или мощным интересом. Это касается «организаторов науки». А что же противоположная сторона – «исследователи науки», имеют ли они знания, необходимые организаторам? Опыт западных стран, весьма широко использующих науковедческие данные для повышения эффективности организации научной деятельности, подтверждает наличие в их арсенале безусловно полезных результатов (достаточно их или нет – отдельный вопрос). Но ответ на поставленный вопрос зависит не только от самого накопленного запаса знаний, а также и от того, одинаково ли оценивают существенность выработанных представлений «исследователи» и «организаторы», понимают ли вторые первых, на одном ли языке они говорят. К сожалению, факт наличия «разноязычных» групп, имеющих совершенно разные представления о науке, бросается в глаза каждому, кому приходилось и приходится принимать участие в конференциях, симпозиумах, совещаниях и тому подобных мероприятиях по вопросам повышения эффективности науки. Это разделение идет не по возрасту («отцы» и «дети»), не по статусам («элита» и «средняк»), не по приверженности к различным научным концепциям. На разных языках говорят (и мыслят!) представители тех, кто *делает* науку, и тех, кто *управляет* наукой.

Основание разноязычности здесь очень глубокое, связанное с различным «бытием» этих групп – положением по отношению к науке и характером деятельности. Одни находятся в науке, которая является системой производства знания; через различные формы сотрудничества, профессионального взаимодействия они включены в функциональные механизмы этой системы; продукт их деятель-

ности — знание, и естественно, что их интересы (и «язык») связаны с существом и спецификой процессов порождения нового знания. Другие не участвуют в процессе производства знания, для них содержание науки роли не играет, для них — как и для всех, не занятых самим этим производством, — наука предстает системой показателей. Одни делают «вещи» (научные результаты, сравним — телевизоры, туфли и т. д.), другие делают «показатели» (проценты плана, экономические эффекты и т. п.). Дело не в том, что последние «плохие люди» — у них такая работа. Если бы показатели адекватно отражали функционирование науки и постоянно в соответствии с ним корректировались, ничего страшного в этом разделении не было бы: одни работают, другие ведут учет и планирование. Но однажды выбранные, показатели начинают жить своей жизнью с помощью тех людей, которые «делают» показатели, говорят и мыслят на языке показателей. А это уже не просто плохо, а очень плохо, ибо реальная жизнь науки контролируется (и тем самым деформируется!) по этим показателям.

Следует отметить, что специфика организации науки затрудняет резкое различие лиц, «делающих» науку и управляющих ею. Резкое различие этих двух групп видно именно при умышленном заострении вопроса и в каких-то предельных случаях (так, например, ясно, что рядовой научный сотрудник наукой не управляет, а сотрудники Минобрнауки ее не делают). В большинстве же случаев процесс управления настолько всепроникающе накладывается на процесс «делания» науки, что они зачастую не дифференцируются. Ведь уже руководитель первичного научного коллектива — заведующий лабораторией или сектором — занят не только научной деятельностью, но и управлением ею. В еще большей степени это относится к директору любого академического института, который, являясь ученым (в настоящем или прошлом), должен обеспечивать благополучные показатели своего института. Но если эти два вида деятельности реально сосуществуют и как бы составляют единство, то, может быть, их и не надо различать? К сожалению, делать это нужно, очень нужно и даже необходимо: иначе возникает видимость общности бытия, общности сознания, *непонимание непонимания* и, следовательно, невозможность его преодоления.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Выявить принципиальные различия между учеными и управленцами в их отношении к науке, имевшие место в 80-х гг. прошлого века (не только сохраняющиеся, но и усугубившиеся в настоящее время), – и было целью анализа, проведенного в статье. Выявить – дабы, прояснив позиции обеих групп, осмысленно размежевавшись, найти пути выработки общего языка. «Разноязычность» непосредственных деятелей науки и работников ее управленческих структур снижала и снижает эффективность науки. Не преодолев этот разрыв в те годы, когда условия функционирования науки были в десятки раз лучше, чем в последующие десятилетия, следует приложить максимальные усилия, чтобы ввести в действие этот серьезный ресурс в современное совершенствование организации науки.

Т.В. Артемьева, И.М. Микешин

*ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ И ПОЛЯ
ФИЛОСОФСКОЙ НАУКИ¹*

Как можно предположить, социологическое изучение коммуникации могло начаться не ранее появления самой социологии, которая традиционно начинает свой отсчет от работ О. Конта в первой половине XIX века. Однако существует мнение, что изучение социальной коммуникации началось еще в Античности с работ Аристотеля, рассматривающего политические отношения, и продолжалось в дальнейшем через изучение логики и лингвистики до появления, собственно, социологических подходов к ее изучению². Такое мнение предполагает отождествление коммуникации и общения, но позволяет увидеть истоки изучения социальной коммуникации и за пределами дисциплинарных рамок социологии.

Изучение социальной коммуникации имеет философские, лингвистические и психологические корни. Поэтому следует упомянуть Ч.С. Пирса и Ф. де Соссюра. Пирс является родоначальником семиотики, которую он сам понимал как раздел логики, изучающий знаки. Понятие знака у Пирса выходит за пределы лингвистического или искусственного обозначения, затрагивая любого рода отношения между объектами³. Наиболее ценным вкладом в изучение социальных коммуникаций со стороны семиотики (или, в данном случае, семиологии) принято считать труды Ф. де Соссюра. Де Соссюр не только

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ 07-03-00601а.

² См., например: *Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.

³ *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000.

развил семиотический подход в изучении устной и письменной коммуникации, но и рассмотрел язык как социальный институт. Знаки не только передают информацию, подобно различным комбинациям букв письменного алфавита, но и сами являются частью социальной жизни, являясь инструментом взаимодействия людей¹. Взаимодействие людей, в свою очередь, — необходимое условие для характеристики любой ситуации или факта как социального.

Влияние К. Маркса на социальную мысль вообще и на социологические дисциплины в частности трудно переоценить. Маркс указывает на труд как на главное отличие человека от животного. В отличие от животного, просто потребляющего то, что дает ему природа, человек занимается «производством жизни» посредством труда (и деторождения). Такое производство выступает в качестве естественного и общественного отношения. Общественного — в том смысле, что оно является совместной деятельностью многих людей². Общественные отношения, по Марксу, являются производственными, то есть определяются отношениями к труду и к средствам производства. Из этого отношения возникает классовый антагонизм, перерастающий в классовую борьбу. Таким образом, отношения между индивидами основаны на особом рода интересах. Материалистский детерминизм социальных отношений — основной элемент Марксовой теории, унаследованный большинством социальных теорий, так или иначе рассматривающих социальную коммуникацию. Соответственно, большая конкретизация этого детерминизма — как то: классовый антагонизм, экономический детерминизм, революционная ситуация — осуществляется в трудах последователей марксизма: критической теории общества (Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, Т. Адорно), теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, структурализме Л. Альтюссера.

Наиболее влиятельная социологическая теория XX века, структурный функционализм как теория универалистского толка³, не

¹ *De Saussure F.* Course in General Linguistics. ed. C. Bally and A. Sechehayе, trans. W. Baskin. Peter Owen, 1960.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966. С. 38–39.

³ Под «универалистскими» подразумеваются теории, стремящиеся объяснить все аспекты социальной жизни при помощи универсальных законов. Антагонистами

обошла стороной и социальную коммуникацию. Структурный функционализм рассматривает общество как систему, элементы которой можно также рассматривать как системы; при этом любое социальное явление функционально, т. е. влияет на систему, способствуя утверждению ее основных свойств¹. Р. Мертон указал в качестве постулатов структурно-функционального анализа следующие: «во-первых, что стандартизированные социальные действительности или же элементы культуры являются функциональными для *всей* социальной или культурной системы; во-вторых, что *все* эти социальные и культурные элементы выполняют социальные функции; и в-третьих, что они тем самым являются *необходимыми*»². Таким образом, коммуникация играет в первую очередь функциональную роль. Парсонс рассматривает коммуникацию на основании теории социального действия М. Вебера, откуда он позаимствовал определение социального действия, «которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него»³. Для успешной коммуникации необходимо иметь общую систему символов, в рамках которой акторы смогут расшифровать сообщения друг друга. Для возникновения такой системы необходима генерализация смыслов от конкретных ситуаций, в результате чего они становятся общеупотребительными⁴.

Положение структурного функционализма как ведущей социологической теории в США и одной из ведущих, наряду с марксизмом, в мире сменилось в 60-х гг. XX века периодом его острой критики и даже свержения с пьедестала «парадигмальной теории». В социологии возникла ситуация «парадигмального кризиса», когда ни одна

им выступают «партикуляристские» теории – подразумевающие относительность социальных законов, их обусловленность различными историческими, политическими и даже психологическими факторами.

¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 14.

² Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 400.

³ Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 603. Курсив автора.

⁴ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.

из теорий не занимала доминирующего положения. Многочисленные теории, к которым возрос интерес, большее внимание уделяли социальным изменениям, различного рода нестабильности, конфликтам, и, соответственно, коммуникация как важная составляющая социальной динамики стала объектом более пристального изучения социологов. Теория конфликта, целью создания которой было создание альтернативы структурному функционализму с его утверждением о стабильности системы и аномальности конфликтов и изменений¹, рассматривала конфликт как функцию общества, ведущую не к разрушению, а к позитивным изменениям, учитывающим существующие обстоятельства². Конфликтность, как напряженность в коммуникации, порожденная различными интересами (влияние Маркса), но отнюдь не всегда непониманием, вызванным различиями в системе знаков или символов (как предположил бы Парсонс), является побуждающей силой к позитивным изменениям в обществе или группе.

Еще одним ответом структурному функционализму явилась теория обмена Дж. Хоманса и П. Блау. Заимствованный у психолога Б. Скиннера психологический бихевиоризм был переработан Хомансом в социологическую теорию, сместившую акцент с общества на малые группы. Взаимодействие между людьми представляет собой обмен материальными и нематериальными ценностями. Давая многое другим, люди рассчитывают получить многое в ответ и оказывают для этого ощутимое влияние. Эта модель обмена построена с применением экономических категорий «стоимости» и «вознаграждения», являясь синтезом экономики, социальной психологии и социологии, и рассматривала коммуникацию лишь с функциональной стороны – как способ передачи ценностей³.

Символический интеракционизм – еще одна альтернатива структурному функционализму – также выводит свои положения, перера-

¹ См.: Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. С. 401–402.

² Козер Л.А. Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 542–556.

³ Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 82–91.

ботаннные Дж.Г. Мидом, а затем Г. Блумером в самостоятельное социологическое направление, из социальной психологии. Основной объект символического интеракционизма – интеракция, как социальное взаимодействие между людьми. Символический интеракционизм, также как и структурный функционализм, основывается на положении Вебера о соотношении и ориентировании социального действия на других. Люди не просто реагируют на действия друг друга, а интерпретируют и определяют их при помощи системы символов. Их реакция на действия другого основывается не на самом этом действии, а на том значении, которое они ему придают. Люди не окружены объектами, служащими стимулами для их действий, а сами конструируют эти объекты на основе интерпретаций действий другого и опыта прошлых интеракций. Любое сознательное действие человека конструируется им, исходя из интерпретации стимулов, побуждающих его к этому действию, учитывая свое отношение к объектам действия. Групповое или коллективное действие состоит из выравнивания индивидуальных действий, при помощи интерпретации и принятия во внимание действий друг друга¹.

Главное отличие символического интеракционизма от ранее рассматривающих интеракцию и коммуникацию теорий заключается в том, что последние рассматривают действия индивидов как продукт факторов, влияющих на них, но не как сконструированные на основе интерпретации сознательные действия. Для того чтобы выделить именно «действующие единицы», Мид и Блумер используют понятие *self* («личностное я»), которое, в отличие от понятия «эго», подразумевает то, что человек может служить объектом для собственных действий так же, как и другие люди. То, что человек обладает этим *self* и позволяет раскрыть механизм конструирования сознательного действия через интерпретацию ситуации².

И. Гофман, продолжив развитие символического интеракционизма в рамках «драматургического подхода», получил известность главным образом благодаря метафоре повседневной жизни как сцены, где индивиды как актеры стремятся, как бы играя роли, сконструировать

¹ Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 173–179.

² Там же.

ровать у других нужное представление о своем поведении. Целью «представления себя» является влияние на интерпретацию себя другими. Такое влияние нужно для создания себе нужного образа, который отличается от того, как индивид сам представляет себя. В процессе интеракции индивиды постоянно создают себе образы и пытаются понять образы других, сравнивая сознательно представляемые образы с их интерпретацией¹.

Феноменологическая социология А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана предложила качественно иной взгляд на интеракцию и коммуникацию в обществе. А. Шюц выработал новый подход к рассмотрению реальности. Под реальностью следует понимать все то, что воспринимается как реальность в обществе. Реально то, что постижимо, и до тех пор, пока непротиворечиво. Индивид может переживать множество реальностей: реальность сновидения, религиозную реальность. Специфическим видом реальности, на котором делает акцент социология знания Шюца, является реальность повседневной жизни. Повседневная жизнь представляет собой интересубъективный мир, существующий до рождения индивида и после его смерти, пережитый и проинтерпретированный другими как организованный мир. Этот мир дан интерпретации субъекта на основе запаса предыдущих интерпретаций, как его собственных, так и интерпретаций референтов: родителей, учителей. Накопленный таким образом запас «наличного знания» (*knowledge at hand*) позволяет воспринимать ранее незнакомые объекты через типичные для своего рода черты. Любая ситуация в повседневной жизни биографически детерминирована — определение ситуации имеет историю, связанную с более ранними переживаниями самого индивида и его референтов.

Интерсубъективность мира повседневной жизни означает то, что, несмотря на различные точки зрения на объект и различные биографические обстоятельства его интерпретации, реальность повседневной жизни воспринимается таковой всеми членами «мы-группы» — группы одинаково интерпретирующих реальность. В идеальной ситуации подразумевается, что любой индивид, ставший на определенную точку зрения, получит практически одинаковое представление об объекте.

¹ Гоффман Э. Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 188–196.

Биографические же обстоятельства предполагаются незначительными для серьезных расхождений в интерпретации объекта. Получившаяся картина мира повседневной жизни является для «мы-группы» само собой разумеющейся: она имеет общую систему релевантностей, набор рецептов действий в типичных ситуациях, набор представлений о «нормальном», «естественном» поведении.

Лишь очень малая часть запаса повседневного знания приобретается личным опытом. Большая его часть передается референтами посредством языка. Язык служит основой для типизации мира повседневной жизни и для придания анонимности этим типизациям. Анонимные типизации и являются основой интерсубъективности повседневности. Анонимные и типизированные интерпретации являются общими для всей «мы-группы». Знание социально распределено. Каждый индивид может являться «экспертом» в какой-то определенной, возможно крайне узкой и ненужной, области и «дилетантом» в другой. Это обстоятельство позволяет, в случае возникновения сложностей в какой-то области, обращаться к «эксперту» именно в этой области. Экспертное знание отделяется от повседневного, путем отказа от «само собой разумеющихся» представлений, и осмысления, рефлексии конкретной области знания, которая и становится экспертной¹.

Бергер и Лукман продолжают развитие социологии знания на основе идей Шюца. Реальность повседневной жизни имеет интерсубъективный характер. Это означает, что реальность не переживается как таковая лишь одним индивидом. Она как бы делится между всеми членами общества, границы которого и определяются отношением к той или иной объективной реальности. Безусловно, различные индивиды могут иметь различное представление о конкретных деталях этой реальности, но они разделяют ее в целом. В ходе общения, идеальная форма которого – лицом к лицу, а остальные являются лишь вариациями, индивиды объективируют смыслы, делая их общедоступными. Важнейший вид объективации – это сигнификация, в первую очередь при помощи языка. Язык рутинизирует и тривиализирует объективи-

¹ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования, 1988. № 2. С. 129–137; Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение, 2003. Т. 3. № 2.

рованные смыслы, делая реальность повседневной жизни само собой разумеющейся, типизирует опыт конкретного индивида, делая его анонимным, объединяет различные области реальности повседневной жизни в единое целое. Он является основным способом передачи знания, делая знание intersubъективным и формируя на его основе объективную реальность данного общества в символических универсумах¹.

М. Мак-Люэн — один из наиболее известных теоретиков коммуникации. Объектом его исследований стали так называемые «массовые коммуникации» и влияние их развития на восприятие окружающего мира людьми. Мак-Люэн рассматривает то, как с появлением революционно новых способов передачи информации столь же революционно меняются знания людей об объективной реальности. С появлением в XVI веке книгопечатания книжному рынку стало тесно в рамках продажи книг только на латыни. Выпуск книг на множестве национальных языков повлек за собой огромный всплеск интереса к ним. Реформация, в свою очередь, способствовала этому процессу отказом от латыни в пользу перевода Библии на языки, понятные широким массам, в первую очередь на немецкий. В связи с этим возникает национализм — новый, качественно иной способ конструирования сообществ².

Новый этап «расширения человека» или его нервной системы — эпоха электронного сигнала — опять влечет за собой серьезные изменения в восприятии объективной реальности. Мак-Люэн отвергает мнение о том, что способ передачи информации не имеет значения, важно лишь то, как он используется. В наше время (написано в 1964 г.³ — Т.А., И.М.), когда технологии заставляют ранее последовательные и ограниченные операции передачи информации происходить одновременно и в тысячи раз интенсивнее и многообразнее, само средство коммуникации является сообщением (*the medium is the message*).

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

² Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004. С. 320–323, 334–335.

³ McLuhan M. *Understanding Media. The Extensions of Man*. McGraw Hill, NY, 1964.

Теряет смысл когда-то актуальный вопрос «о чем этот фильм?», «что изображено на этой картине?», «что символизирует эта мелодия?». Сам фильм, сама картина и мелодия являются сообщениями, которые автор хочет передать. Мак-Люэн рассматривает средства коммуникации по степени участия в них аудитории. В таких «горячих» средствах, как радио, кино, фонетический алфавит, участие аудитории незначительно, тогда как в «холодных»: телефон, телевидение, иероглифическое письмо — аудитория «доставляет» недостающую информацию сама. Непонимание того, что средство коммуникации есть само сообщение, может привести к серьезным ошибкам в попытке установления диалога между представителями различных культур, если пренебрегать при этом самими средствами коммуникации и уделять внимание лишь тексту сообщения¹.

Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса представляет собой новое критическое прочтение Маркса. Если Маркс выводит социальное взаимодействие напрямую из отношения к труду, то Хабермас предлагает развести два основополагающих компонента социальных отношений: целерациональное действие (труд) и коммуникативное действие (взаимодействие). По утверждению Хабермаса, именно второе и является уникальным для человека видом деятельности. Целью коммуникативного действия является достижение понимания, что перекликается с социальным действием в определении Вебера. По аналогии с различным отношением к средствам производства, формирующим различные общественно-экономические формации, Хабермас говорит о различных искажениях коммуникации, препятствующих полному взаимопониманию. Чистая, неискаженная коммуникация у Хабермаса есть некое подобие коммунистического общества Маркса².

В своем описании коммуникативного процесса Хабермас опирается на семиотическую и феноменологическую традицию. Он говорит

¹ Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Зacl. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский, 2003.

² См.: Маркс К. Капитал. Т. II. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 24. С. 43–44; Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 19. С. 18; Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1, Reason and the Rationalism of Society. Boston: Beacon Press, 1984. P. 286.

о том, что для возможности коммуникации необходима общая система сигнификации, выраженная в языке, который составляет основу интересубъективности объективной реальности¹. Рассматривая виды действия, Хабермас разделяет стратегическое и коммуникативное действия. Стратегическое нацелено на прагматическое достижение поставленных целей, а коммуникативное — на достижение взаимопонимания, которое понимается как процесс единения (*Einigung*) между говорящими и действующими субъектами, то есть объективация знания для того, чтобы оно стало общим. Достижение взаимопонимания происходит благодаря рационализации коммуникативного действия, что и ведет, в свою очередь, к упомянутой выше чистой, неискаженной коммуникации².

Антагонист Хабермаса Н. Луман предлагает совершенно иной подход к рассмотрению коммуникации и даже к самому ее определению. Продолжая системный подход на основе структурного функционализма, Луман разрабатывает теорию самореферентных систем. Коммуникация является полностью закрытой системой, которая сама воспроизводит все компоненты, из которых она состоит. Это значит, что только сама коммуникация может осуществлять коммуникацию и только она сама специфицирует свои собственные элементы и структуры. Коммуникация состоит из трех компонентов: информации, сообщения и понимания. Каждый из этих компонентов не существует вне коммуникации и существует только в зависимости от остальных двух. Аутопоэзис коммуникации говорит о том, что она не имеет никакой цели. Конечно, люди преследуют определенные цели, вступая в коммуникацию, но сама она может лишь происходить или не происходить³. Определение общества Лумана также строится на понятии коммуникации. Понятие действия не подходит для определения общества как аутопоэти-

¹ *Habermas J.* On the Pragmatics of Social Interaction. Preliminary Studies in the Theory of Communicative Action. / translated by Barbara Fultner. Cambridge: Mass., MIT Press, 2001. P. 45–65.

² *Habermas J.* On the Pragmatics of Communication. / ed. by Maeve Cooke. Cambridge, Mass., MIT Press, 1998. P. 21, 119–120.

³ *Луман Н.* Что такое коммуникация? / Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета <http://www.soc.spu.ru/publications/pts/luman_3.shtml>.

ческой системы, в связи с тем, что действие соотносится с несоциальными объектами из физического мира. Поэтому Луман предлагает рассматривать общество как аутопоэтическую систему коммуникаций, элементы которой – коммуникации – воспроизводят себя при помощи сети этих элементов – сети коммуникаций. Таким образом, конкретные люди не являются частью общества, а являются частью окружающей среды. Само определение общества через коммуникацию снимает с него груз многочисленных ошибочных определений – через территориальные границы, биологические объекты и т. п.¹

Подводя итог краткому обзору социологического изучения коммуникаций, можно обнаружить некую тенденцию во все увеличивающейся роли коммуникации в социологических теориях: от чисто функциональной роли в структурном функционализме, до смысловой основы понятия «общество» в теории самореферентных систем Н. Лумана. В возрастающем интересе к коммуникации и все возрастающей степени ее значимости в социологических теориях методологической основой рассмотрения коммуникационных процессов является феноменологический подход, рассматривающий интересубъективное знание об объективной реальности в его выражении и сигнификации в языке. Информация, передаваемая по каналам коммуникации, зачастую не имеет вербального выражения, поэтому средство передачи сообщения также не использует слова, что характеризуется легендарным выражением М. Мак-Люэна «*The medium is the message*».

Это знаменательное высказывание могло бы стать эпиграфом к новому этапу исследований коммуникации, делающим акцент не столько на способ ее реализации, сколько на содержание пересылаемого послания.

В работе «Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения» американский ученый Р. Коллинз применяет социологический метод к анализу истории идей. Коллинз обнаруживает, что система отношений между интеллектуалами, продуцирующими и воспринимающими те или иные идеи, оказывает влияние на

¹ Луман Н. Понятие общества / Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета <http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/luhmann/r_luhmann1.html>.

сами идеи. Это касается как их популяризации и распространения в обществе, так и ценностного статуса. Общество «замечает» ту или иную идею, а тем более высоко ее оценивает прежде всего потому, что так считает некое профессиональное сообщество – «интеллектуальная сеть». Однако внутри такого сообщества статус идей или их авторов определяет система критериев, в том числе и достаточно субъективных. Идеи могут как пропагандироваться, так и «замалчиваться». Коллинз подробно анализирует структуру таких сетей, особо выделяя роль интеллектуального и организационного лидеров, обеспечивающих, соответственно, производство идей и их тиражирование. Он также пишет о «горизонтальных» (сообщество современников) и «вертикальных» (поколения последователей) структурах, превращающих, по словам Коллинза, культурный капитал в новую культуру¹.

По сути, Коллинз разрабатывает новый подход к истории философии, предлагая обратить внимание не только на сами философские идеи, но и на то, как они завоевывают мир или же остаются неизвестными.

Интерпретация процесса движения идей в терминах теории коммуникации можно назвать *интеллектуальной коммуникацией*². Ее содержанием будет исследование того, как идеи путешествуют по времени, преодолевают лингвистические пороги, мировоззренческие барьеры, классовые и социальные стереотипы, эпистемологические препятствия («*obstacles épistémologiques*» – Г. Башляр).

Как справедливо отметил Луман, говоря об «имманентной невероятности» коммуникации, непонятно, как вообще можно говорить о коммуникации, раз каждый из ее компонентов (информация, сообщение, понимание) является случайным, необязательным и неоднозначным³. Тем менее понятно, как можно говорить об «интеллектуальной коммуникации» как трансляции и распространении философских идей. Но ведь мы точно знаем, что идеи не только возникают, но и искажаются и(ли) усваиваются учениками, опровергаются недругами,

¹ Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 33.

² См. подробнее: *Артемьева Т.В.* Проблемы интеллектуальной коммуникации // Wiener Slavwistischer Almanach/ Band 59, München, 2007. С. 113–128.

³ Луман Н. Медиа-коммуникации. М: Логос, 2005. С. 7–8.

воплощаются в жизнь последователями. Как же это происходит? Как же вообще движутся идеи? И возможно ли это в принципе?

Изучение текста предполагает его интерпретацию. За каждым из читателей стоит сформировавшая его культура. Можно предположить, что Аристотель и Поппер читали Платона по-разному. И не только в силу критического отношения последнего, но и потому, что сам *тип коммуникации* между текстом и читателем изменился. Ведь любой текст существует в системе *идейных контекстов*, сумма которых возрастает, по мере временной отстраненности. Вряд ли это происходит по ньютоновской формуле, описывающей тяготение, но очевидно, что платоновский текст порождает и неоплатонический и антиплатоновский контекст, не говоря уже о различных вариациях и интерпретациях платоновских идей в сочинениях, так или иначе пребывающих вне этих направлений. Таким образом, для каждого из последующих поколений читателей будет умножаться (или сокращаться, по мере утраты актуальности) опыт предшествующих поколений, сопровождаемый традициями понимания и(ли) непонимания, принятия и(ли) отторжения, преклонения и(ли) осмеяния.

Коммуникация читателя с автором происходит обычно через текст. И то, насколько адекватно, полно, актуально будет прочитан текст, зависит не только от автора, но и от читателя. Читатель может уничтожить текст, не удостоив его своего внимания, может вычитать из него гораздо больше, нежели туда было вложено автором, может не понять, или исказить. Невозможно только одно — адекватное восприятие и точная передача, то есть полная идентификация с автором. Отождествление себя с автором не только нерационально, как интеллектуальное клонирование, но и невозможно теоретически, ибо в отличие от физического двойника, двойник-идея тотчас же соединится с основной идеей.

Текст может послужить также не *источником информации*, а своеобразным *катализатором* новых идей, его чтение быть *медитативной техникой*, побуждающей читателя к размышлениям, *провокативным стимулом*, заставляющим опровергать «неверные» положения и формулировать «истинные». В данном случае речь идет о *самоценности* интеллектуальной коммуникации, порождающей нечто отличное от обмена информацией, а именно — *новое знание*.

Читая Платона, Аристотеля или Спинозу, мы совершаем акт *темпоральной коммуникации*, так как воспринимаем идеи прошлого, но в то же самое время это и *актуальное коммуницирование*, ибо именно обстоятельства настоящей нашей жизни (даже если мы просто готовимся к лекции) заставляют нас искать чего-то в Спинозе или Платоне. Можно читать Платона по-гречески, можно в переводе. Можно вычитывать Платона из текстов и комментариев, скажем, А.Ф. Лосева, не обращаясь к текстам самого Платона вовсе. Все это *опосредованная интеллектуальная коммуникация*, и некорректно было бы заявлять, что какая-либо из перечисленных более или менее адекватна.

Актуальной коммуникации может быть противопоставлена также *потенциальная*; как несостоявшаяся, но возможная, она направлена в будущее и может пережить автора. Непрочитанные рукописи находят своего читателя и через много лет и становятся достоянием общества. Не всякая потенциальная коммуникация может осуществиться. *Тупиковая коммуникация* представляет собой не могущее быть прочитанным послание и исчезает в пламени небытия вместе с рукописью второго тома «Мертвых душ».

Коммуникация может носить *условный* характер. Так сближение или сравнение концептуальных моделей разных мыслителей исследователем или потребителем их творчества предполагает *гипотетический диалог* текстов, не могущий реализоваться в *социальной практике* коммуникации, но вполне возможный в ее *интеллектуальном* измерении.

Коммуникация может быть *симметричной* или *асимметричной*, предполагая равнозначный или неравнозначный обмен идеями. Интеллектуальная коммуникация совсем не обязательно носит *иерархический* или *поучающий* характер. Есть тысяча причин читать те или иные книги, каждая из которых может быть весьма далекой от желания чему-то из них научиться или научиться совсем не тому или не совсем тому, что в них написано.

Один из способов такого прочтения — усвоение не идейного содержания, а культурного кода, или языка, на котором совершается коммуникация, чтобы в дальнейшем использовать его в коммуникационных целях. Подозреваем, что многие книги читаются именно таким образом — для того чтобы усвоить *ключевые слова* и говорить с опреде-

ленным типом сообщества на одном языке, то есть исключительно в целях *коммуникации*. В зависимости от того, в какой круг общения обирается вступить читатель, тексты могут носить идеологический, литературный или философский характер. Таким образом, *интеллектуальная коммуникация* не только передает информацию, но и формирует (или поддерживает) некое *интеллектуальное сообщество*. В определенном смысле все типы сообществ основаны на разных типах коммуникаций, однако в данном случае нас интересуют лишь *интеллектуальные коммуникативные сообщества*.

Такие сообщества обычно имеют сетевую структуру, существующую независимо от привязок их членов к определенной системе государства, общества, их национальной, половой и возрастной принадлежности. *Содержание* коммуникации в данном случае играет второстепенную роль, более того, слишком высокий уровень *оригинальности* текстов, пусть это будет даже *исключительность* и *гениальность*, используемых в качестве *коммуникационных посланий*, лишь затрудняет коммуникацию, так как делает ее нестандартной.

Таким образом, *интеллектуальная коммуникация* необходима прежде всего для формирования и поддержания *интеллектуального сообщества*. Именно этому способствуют циркулирующие внутри нее тексты, имеющие форму переписки, книг и статей, публичных выступлений или же частных разговоров. Этот тип коммуникации формирует общепринятый для данного сообщества язык, тип поведения, систему ценностей, организуя *сетевую структуру*.

Коммуникационный подход предполагает выявление как групп идей («философских систем»), так и продуцирующих их сетей («философских сообществ»). Это позволяет осмыслить стратегии движения идей, которые порой напоминают броуновское движение, и увидеть некоторую логику их формирования.

Подход с точки зрения анализа интеллектуальной коммуникации становится особенно важным, когда речь идет о неакадемических типах философствования, предполагающих отсутствие принятых в этом сообществе понятийных норм и трактатных традиций оформления текстов, тем более когда объектом анализа становится общество с нестандартными академическими коммуникационными структурами, например Россия эпохи Просвещения.

Согласно классической модели Г.Д. Лассуэлла, коммуникационный подход предполагает выявление объекта и субъекта коммуникации, ее содержания, способа общения (или коммуникационного канала) и, разумеется, конечного эффекта¹. Если мы посмотрим на российские сообщества, породившие и потребляющие философские идеи, то увидим, что они отнюдь не представляют собой однородную и гомогенную социальную структуру. Более того, в России эпохи Просвещения мы имеем дело не менее чем с тремя интеллектуальными сообществами, практически не коммуницирующими друг с другом. Одно из них представляет собой систему академических институтов, включающую как *видимый*, так и *невидимый колледж*. Прежде всего можно назвать Санкт-Петербургскую академию наук с Академическим университетом (1724) и Московский университет (1755), а также Российскую академию (1783), Академию художеств (1757), Дерптский (1802), Харьковский (1804), Казанский (1804) университеты и др. Это сообщество было представлено университетской профессурой, академиками и академической администрацией. Оно было интернационально по своему составу и, в свою очередь, включено в международный академический обмен идеями через публикации, переписку, приглашения на службу в другие страны.

Другое сообщество составляли преподаватели церковных школ, прежде всего духовных академий в Киеве и Москве, образованное духовенство, ученое монашество.

Третье сообщество составляла дворянская элита, представителем которой являлся высокообразованный интеллигент, «дворянин-философ». Такой исключительно знаковый псевдоним был избран Ф.И. Дмитриевым-Мамоновым (1727–1805). В эпоху Просвещения потребление знания приобрело престижный и статусный характер.

Члены этих сообществ были достаточно тесно связаны друг с другом – происхождением, образованием, системой общих взглядов, которая воспроизводилась и развивалась с помощью различных медиальных средств, но связи между сообществами были нерегулярны, случайны и не обеспечивали формирования общей системы интеллектуальных ценностей. Сформировавшись в начале XVIII в., они посте-

¹ *Lasswell H.D.* «The structure and function of communication in society». The Communication of Ideas. N.Y., 1948.

пенно все больше отдалялись друг от друга и маргинализировались, пока не были сменены в 60 гг. XIX в. другим типом интеллектуальной элиты, в частности интеллигенцией. Смена элит — закономерное явление общественного развития. Можно вспомнить теорию круговорота (циркуляции) элит В. Парето¹, пытающегося объяснить и понять этот механизм. Парето полагал, что история представляет собой «кладбище элит»: одна элита сменяется другой, кооптируя новых членов из низших классов. В данном случае нас интересуют не психологические объяснения социальных процессов, использованные Парето, а, скорее, отмеченный им закономерный характер их смены.

Новые элиты изучали прошлое уже с позиций социума, к которому принадлежали сами. Поэтому история эпохи Просвещения, которую писала интеллигенция, отличается от истории, написанной дворянскими и церковными мыслителями или учеными. Так, например, если дворянские историки становились авторами «славных историй», повествующих о становлении государственности и деятельности правителей, то исследователи-интеллигенты делали акцент на интеллектуальной истории, повествующей о том, как социальные процессы отражались в идеях и понятиях.

Понятие интеллектуальной элиты интуитивно ясно, но неопределенно. Именно в таком качестве оно используется в исследованиях, непосредственно не связанных с социологией. Такие понятия М. Вебер называл «идеальными типами». В современной литературе представителей интеллектуальной элиты иногда называют интеллектуалами, а интеллектуалов, в свою очередь, противопоставляют интеллигенции или отождествляют с ней. Эта терминологическая неопределенность фиксирует условный характер самого феномена интеллектуальной элиты и демонстрирует неинституциональный характер этого сообщества.

Важной особенностью каждого из сообществ, составлявших интеллектуальную элиту, была система коммуникаций или определенная медиальная структура, состоящая из коммуникационных каналов как внутренних, обеспечивающих структурную однородность сообщества, так и внешних, служащих для связи с внешними сообществами.

¹ *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М.: ГУ-ВШЭ, 2008.

Внешние сообщества могли принадлежать другим культурам или другому времени. Роль коммуникационных каналов выполняли средства массовой информации, книги, газеты, журналы, рукописные издания, переписка, непосредственные личные контакты, система образования, воспитания и академических институтов, использование иностранных языков, путешествия, книготорговля и пр. При этом система коммуникационных каналов могла быть различной в каждом социуме. Каждое из интеллектуальных сообществ формировало свою систему интеллектуальных предпочтений, связанную с сословными, религиозными или научными ценностями, испытывало влияние внешних факторов, к которым относились системы интеллектуальных и духовных авторитетов, как современных, так и других эпох и культур. Следует отметить, что указанные сообщества — церковное, академическое и дворянское на протяжении XVIII века не только не сближались, но дистанцировались друг от друга, стремясь не столько к выработке общего интеллектуального поля, сколько к независимости друг от друга. Причины этих тенденций лежали за пределами теоретических построений участников сообществ и были связаны с их социальными ролями и сословным положением.

Обращаясь к известной метафоре П. Бурдьё, можно говорить о соседствующих, но раздельных *полях*, на которых произрастают разные плоды.

Бурдьё критикует постмодернистский и марксистский подходы к анализу знания. По его мнению, постмодернистов интересует только текст, описывающий знание, а марксистов только социальный контекст этого знания. Сам Бурдьё предлагает модель, включающую в себя оба эти объекта. Поле науки — это специфический вид поля символического производства. Поле, по своей сути, — социальный мир, подчиняющийся специфическим социальным законам. Оно включает в себя не только идеи и различные эмпирические практики, но и социальное окружение, непосредственно влияющее на научную деятельность. Научное поле — это пространство конкурентной борьбы за монополию на научный авторитет как специфическую форму символического капитала. Поле науки задает проблемы и способы их решений. Важность и актуальность проблем определяется агентами с высокой степенью легитимности — то есть с большим научным капиталом.

Последний аргумент в научных спорах — апелляция к некоей «объективной реальности». Сама по себе эта реальность — продукт согласия ученых. Она проявляет себя посредством представлений. Поле науки есть поле борьбы этих представлений¹. Таким образом, Бурдьё рассматривает специфические функции коммуникации в поле науки — не только как способ передачи актуальной информации, но прежде всего как средство конкурентной борьбы за научный авторитет как монополию на право выступать от имени науки.

Однако в отличие от теории Бурдьё, рассматривающей научное сообщество как особый вид профессионального сообщества, подход к рассмотрению знания как интеллектуальной коммуникации делает акцент, скорее, на способах распространения знания, в первую очередь на интерпретации знания. История философии как сфера интеллектуального самовыражения требует особой квалификации. Она требует исторической достоверности и умозрительного отстранения. Возможно, исследование ее как *системы интеллектуальных коммуникаций* позволит несколько уравновесить эти крайности.

¹ Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. СПб: Алетейя, 2001; Бурдьё П. Поле науки // Социология под вопросом. М: Практис, 2005.

Прогнозы специалистов, различного рода экспертов относительно «технологического будущего» России, оставляют грустное впечатление. Группа исследователей из Института проблем глобализации под руководством М.Г. Делягина на основе проделанного анализа пришла к выводу, что Россия в годы реформ оказалась отброшенной на «четвертый–пятый уровень мировой технологической пирамиды» и ее «отставание от развитых стран, занимающих второй «этаж», можно с полным основанием считать окончательным и необратимым»¹. Позицию С.Ю. Глазьева нельзя назвать оптимистической, но все-таки она не столь безнадежна. Согласно его прогнозу, Россия все-таки останется в группе развитых стран, но по крайней мере до 2040 г. ей не удастся попасть в число технологических лидеров. СССР в течение полувека находился в лидирующей группе, но затем начал отставать от нее. Особенно сильный удар нанесли реформы, от которых наибольший ущерб понесло именно наукоемкое производство – самый сложный и потому уязвимый технологический уклад. А развитие кризиса в России лишь усугубило положение. Капиталистические страны традиционно выходили из экономического кризиса за счет преимущественного развития технологически передовых отраслей.

В России, напротив, кризис не только не вызвал активизации высокотехнологичных отраслей производства, но сопровождался их дальнейшей деградацией². Печально, но факт, и он многое объясняет.

¹ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000. С. 104.

² Глазьев С.Ю. Стратегия экономического роста на пороге XXI века и экономическая безопасность России // Наука и безопасность России. М., 2000. С. 61, 74–75.

А вот результат исследования общественного мнения. В 1999 г. на вопрос: «Через какое время Россия сможет достичь технологического уровня развитых стран?» — 38 % опрошенных вообще затруднились ответить. Лишь 7 % считают, что для этого понадобится менее 10 лет, 36 % называют более длительные сроки, а 19 % убеждены, что Россия никогда не догонит развитые страны¹. В итоге все-таки 43 % населения (если считать опрос репрезентативным) не оставляют надежды, что Россия сумеет найти достойный выход из затянувшегося кризиса.

Но какие бы ожидания или прогнозы ни оказались ближе к истине — пессимистические или оптимистические, — стране нужна и инновационная система, и разумная инновационная политика. От качества экономической, научно-технической и инновационной политики Российского государства во многом будет зависеть реальная динамика российского общества.

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Инновационная политика — явление недавнее, и само это понятие в нашем обществе лишь обретает, и довольно робко, права гражданства. Обычным было употребление терминов «научная политика», т. е. политика государства в области науки (соответствует английскому science policy), и «научно-техническая политика». Очевидно, что последняя близка инновационной политике. Ведь инновация завершает процесс НИОКР и на использование его результатов государство могло влиять в рамках научно-технической политики. Поэтому инновационная политика либо вовсе не выделялась из научно-технической, либо рассматривалась как ее ответвление. С другой стороны, поскольку результат научно-технических разработок, обретая статус инновации, включается в рыночные отношения в качестве товара, то проблемы нововведений входят в компетенцию и экономической политики. В советской экономике предприятие обязательно имело план по модернизации, но с «внедрением» созданных наукой инноваций дело обстояло туго. А в 90-е гг. положение стало еще хуже. Захлестнули другие заботы. В принятом в 1996 г. законе «О науке и государственной

¹ Наука России в цифрах: Статистический сборник. М., ЦИСН, 2000. С. 99.

научно-технической политике» инновационная политика как самостоятельное направление политики государства не выделяется, а стимулирование инновационной деятельности на федеральном и региональном уровне, создание организационных структур для развития этой деятельности отнесено к ведению научно-технической политики¹. Но записанное в законе исполняется у нас далеко не всегда. Во всяком случае, стимулированием инновационной деятельности исполнительная власть не занималась, о чем свидетельствуют, например, следующие цифры. В том же 1996 г. предполагалось вложить в развитие инновационных структур 30 млрд руб., а профинансировано 2,6 млрд, т. е. 8,8% от запланированного². Сокращалось и количество использованных изобретений с 6033 в 1994 г. до 2710 в 1997 г.³

Зачем же потребовалось выделение инновационной политики в самостоятельное направление целенаправленной деятельности государства и его институтов по регулированию инновационных процессов, наряду с научно-технической, экономической, культурной политикой? Видимо, ответ на этот вопрос следует искать как в основаниях современной цивилизации в целом, так и в конкретных обстоятельствах истории последних десятилетий. Действительно, когда в послевоенный период для экономически развитых стран обозначились перспективы перехода к постиндустриальному обществу, опирающемуся на наукоемкое производство, на «экономику знания», являющиеся первыми потребителями генерируемых наукой новых высоких технологий, государственная поддержка инновационного процесса стала одним из направлений политики всех экономически развитых стран. Оно и нашло свое воплощение в *инновационной политике* государства, выполняющей *интегративную* функцию объединения в единое целое научно-технической и производственной сфер в той мере, в какой они ориентированы на новые технологии.

Инновационная политика внутренне связана с научно-технической (или -технологической) и провести между ними жесткую грань не всегда

¹ Федеральный закон «О науке и научно-технической политике», статьи 11 и 12 // Российская газета 1996. 3 сент.

² См.: *Лахтин Г.А., Миндели Л.Э.* Контуры научно-технической политики. М.: ЦИСН, 2000. С. 51–52.

³ Там же. С. 58.

возможно. Существо последней как раз и состоит в обеспечении условий для создания продукта, *способного* стать инновацией. И в принципе инновационная и научно-техническая политика могут вторгаться в компетенцию друг друга, одна может брать на себя выполнение некоторых функций другой. Но в нынешних условиях их разграничение оправдано практическими потребностями инновационного развития.

Непосредственным потребителем продукции научно-технической сферы является наукоемкое производство, и нормальное протекание инновационного процесса зависит от установления между ними прямых и обратных связей, что и является предметом инновационной политики. Для российских условий наличие этого интегрирующего начала особенно важно, ибо появляется действенный фактор преодоления традиционной нестыковки науки и производства, установления между ними прочных и устойчивых взаимосвязей. При этом затрагивается широкий спектр видов деятельности, субъектами которой являются ученые, инженеры, конструкторы, квалифицированные рабочие, бизнесмены, менеджеры.

Перетекание инновационного продукта из научно-технической сферы в производство, а оттуда в сферу потребления — опять производственного или непроизводственного — опосредствовано *рынком*. Перед любыми производителями всегда стоит проблема сбыта. Инновационный продукт также должен находить платежеспособный спрос и рынок — показатель его наличия или отсутствия. Успешная инновационная деятельность не только удовлетворяет запросы рынка, но отчасти их и формирует. Регулирование рынка инновационной продукции является одним из важных аспектов интегративной функции инновационной политики.

Потребность в формировании и осуществлении инновационной политики вытекала и из военно-технической революции, которая произошла в условиях противостояния двух социальных систем. Политика холодной войны породили гонку вооружений, в которой нельзя было отставать от потенциального противника не только по количеству, но и по качеству военной техники. И государство стремилось задействовать науку в ее разработку и производство. Примером может служить формирование аэрокосмического комплекса США. Со второй половины 50-х гг. при всемерной поддержке администрации вдоль

знаменитой Дороги 128 около Бостона как грибы стали расти фирмы, занимавшиеся разработкой и производством новых, преимущественно электронных, технологий. Их вызвал к жизни аэрокосмический бум в США того времени. А место расположения фирм определялось близостью Массачусетского технологического института, ученый мир которого был источником перспективных идей. Так возник мощный научно-технический центр. Государство, не вмешиваясь в содержание научно-технологической и инновационной деятельности, создало тепличные условия для бизнеса, для установлении связи между наукой, разработкой новых технологий и производством, обеспечило сбыт готовой продукции. Бизнесу же успешная инновационная деятельность давала значительные преимущества в конкурентной борьбе.

Итак, политика государства в любой области определяется интересами, обстоятельствами и возможностями. Соответственно, оно может способствовать развитию какого-то явления, например науки, тормозить или корректировать процесс в том или ином направлении и т. д. Ныне во всех экономически развитых странах поддержка инновационной деятельности, создание благоприятных условий для ее протекания стали приоритетом государственной политики.

Запад сумел преобразовать технологический базис общественного производства именно потому, что создал механизмы, стимулирующие модернизацию производства, сделал востребованным научно-технические достижения, т. е. открыл дорогу инновационной деятельности.

У нас в советский период не было ни инновационной политики, ни такого понятия. Проводилась определенная научно-техническая политика, слабо стыковавшаяся с экономической. Производство очень неохотно воспринимало инновации. Для России было характерно отторжение пионерских идей и научно-технических разработок отечественных ученых, инженеров, конструкторов. В итоге они иногда попадали за рубеж, а оттуда уже приходили в Россию. Правда, поощрялось движение рационализаторов производства. Оно давало выход инициативе «снизу», но абсолютное большинство рационализаторских предложений касалось улучшения уже существующей техники, а не создания принципиально новой. Внешне дела обстояли сравнительно благополучно: производственная техника совершенствовалась. На самом деле

это была лишь иллюзия, ибо не решалась (или плохо решалась) главная проблема: переоснащение производства на базе новых технологий.

В сфере ВПК дела обстояли лучше, ибо был реальный «конкурент» – противная сторона (потенциальный противник) и действовала необходимость поддержания на должном качественном уровне военной техники. Это стимулировало инновационную активность, но режим секретности приводил к тому, что технологические достижения ВПК практически не сказывались на общем состоянии производства. Кроме того, инновационная деятельность здесь регулировалась с помощью приказа, административных методов, военной дисциплины, которые определяли все. Конечно, это не исключало материального и морального поощрения, увлеченности, самоотверженной работы и чувства ответственности.

Инновационная политика в современных условиях глобализации экономических, финансовых, научных связей неизбежно выходит за внутренние рамки в область международных научно-технологических и экономических отношений. Она представляет в межгосударственных отношениях инновационную систему страны. Являясь частью общей политики государства, она защищает в инновационной сфере национальные интересы, регулирует и контролирует отношения, складывающиеся между субъектами инновационной деятельности.

После развала СССР во властных структурах стало преобладающим мнение об «избыточности» российской науки¹. Была финансово обескровлена фундаментальная наука. Промышленность из-за недостатка средств и по другим причинам не проявляла интереса к научно-технической сфере. Отраслевая наука лишилась заказов и стала деградировать. Связи между наукой и производством были разрушены. Научно-техническая политика оставалась невнятной. Создавалось впечатление, что власть негласно решила подождать и посмотреть, как наука сама распорядится своей судьбой – выживет или нет.

Однако события в Югославии показали со всей ясностью, что, оставшись без науки, Россия может потерять и свою независимость и что с наукой так безответственно обращаться нельзя. Опять, как неоднократно бывало в прошлом, проблема обеспечения национальной

¹ См.: Интервью Б.Г. Салтыкова «Вишневый сад российской науки» // Независимая газета, 2001. 16 февр.

безопасности заставила задуматься над выработкой разумной научно-технической и инновационной политики. Правы оказались новосибирские ученые, которые еще до этих событий осудили дальнейшее урезание мизерных бюджетных ассигнований на науку и назвали соответствующую правительственную «политику» в отношении науки преступной. Подобное отношение к науке проявилось в условиях, когда страна все глубже погружалась в пучину общего кризиса и когда для всех здравомыслящих людей было очевидно, что, лишь опираясь на науку как основу образования и источник современных высоких технологий, Россия сможет вырваться из этого состояния.

Отличительной особенностью инновационной политики является органичная связь с долговременной, рассчитанной на перспективу стратегией государства. Экономически инновационный продукт ценен тем, что приносит прибыль, создает преимущества в конкурентной борьбе. Но перед политикой его появление поднимает вопрос, зачем он нужен и куда это новшество ведет. То есть инновация всегда открывает какие-то возможности, и политика требует их оценить. Там, где правительство занимается лишь повседневными проблемами, живет сегодняшним днем и не задумывается о будущем, нужда в инновационной политике не возникает. В 90-е гг. Россия это ощутила на себе в полной мере. Это вообще было время исторических парадоксов. Казалось бы, реформы сами по себе отражают устремленность в будущее и в политике сегодняшнего дня должны учитываться перспективные цели. На самом деле было все наоборот. В обществе одни старались выжить, другие транжирили дикие деньги — даровые легко доставшиеся «баксы». А правительству под тяжестью повседневных проблем было не до «стратегии»: как бы справиться с текучкой, заплатить зарплату и пенсии и т. п. Если не ошибаюсь, лишь в 1998 г. впервые в правительственных документах появилось упоминание об инновационной политике. Имеется в виду постановление Правительства «О концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998—2000 гг.» Этот факт следует отметить особо: впервые у нас поставлена задача определения основных параметров инновационной политики государства.

Ее непосредственной целью является обеспечение нормального функционирования национальной инновационной системы, стиму-

лирование инновационной деятельности. Инновационная политика касается социальных, финансово-экономических, правовых, организационных, информационных, научно-технических аспектов инновационной деятельности, влияющих на ее протекание, и потому носит комплексный характер.

Кроме государства определенную инновационную политику проводят фирмы и компании, крупные транснациональные корпорации, которые ориентируются на производство инновационной продукции как основного средства завоевания рынка и получения прибыли.

Перед инновационной политикой российского государства стоит трудная задача формирования инновационной системы, адаптированной к условиям рыночной экономики. Показателем успеха влияния этой политики на протекание инновационных процессов будет оснащение производства новыми высокими технологиями в сравнительно короткие сроки, что напрямую зависит от точного определения стратегии и ее последовательного проведения в жизнь.

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Формирование и отлаживание процесса функционирования инновационной системы, действующей на принципах рыночной экономики, — сложная проблема, к решению которой можно идти разными путями. Возникает вопрос, как двигаться к достижению цели. Дело в том, что в научно-технической и инновационной сфере происходят процессы самоорганизации. Поэтому в принципе можно допустить, что система сформируется спонтанно и никакой особой политики здесь не потребуется. Однако только на них в современном мире никто не полагается. А в нынешних российских условиях распада прежней системы, когда преобладают негативные процессы, позиция невмешательства способна нанести серьезный ущерб развитию страны и в лучшем случае надолго затянуть этот процесс. Непременным условием решения проблемы становится активная научно-техническая и инновационная политика государства. Такова первая «инновационная» альтернатива.

В стратегическом плане инновационная политика России сталкивается с рядом серьезных альтернатив, и ее общая направленность определится политическим выбором той или иной возможности дальнейшего развития.

Я бы назвал по крайней мере три такие альтернативы.

Во-первых, особенностью России является наличие в ее недрах запасов различных видов минерального сырья, а также ее развитый интеллектуальный потенциал. На это достояние страна может и должна опираться при решении своих проблем. Но обладание этими видами богатства открывает и реальную возможность выработки двух принципиально различных стратегий дальнейшего развития, одна из которых основывается на преимущественном использовании сырьевых ресурсов, другая связывает перспективы страны с акцентом на реализацию ее интеллектуального потенциала.

В течение последних трех десятилетий вывоз сырья, в частности энергоресурсов, был у нас важнейшим источником внешних доходов, а в последнее десятилетие, когда промышленность и сельское хозяйство были развалены, — практически единственным. Немного добавлял лишь экспорт оружия. Но в отличие от некоторых арабских стран, высоко поднявших уровень благосостояния на нефтедолларах, Россия не может чем-либо похвастаться. За последние 40 лет она продала много нефти и газа, а уровня Кувейта не достигла. Доходы от экспорта сырья ушли на текущие нужды, а на уровне жизни большинства отразились мало. Однако некоторые российские экономисты из «аналитических центров» все же предлагают этот путь, исходя из того, что страна по нему уже движется, ибо вывоз минеральных ресурсов дает львиную долю доходов государства, поддерживающих его слабое финансовое дыхание.

Сырьевой путь означает, что в первую очередь будут развиваться отрасли добывающей промышленности, что и определит российскую нишу в глобальной экономике. Полученные средства она сможет использовать для общего подъема как производства, так и благосостояния населения. Этот стратегический выбор станет доминантой и для научно-технической и инновационной политики. В системе образования будет стимулироваться подготовка кадров для добывающих отраслей. Совершенствованию их технологической базы будет отдан приоритет и в области научных исследований и разработок.

Думается, что это весьма облегченное решение вопроса. Конечно, добыча и экспорт полезных ископаемых приносит и будет приносить значительный доход. Но сырьевой экспорт характерен для бывших колоний. Для оценки же современного состояния и будущего России эта сырьевая направленность экспорта является показателем чрезвычайно тревожным, ибо означает, что товары, производимые другими ее отраслями, за исключением оружия, не попадают на мировой рынок и что продолжение этой тенденции угрожает ей превращением в сырьевой придаток развитых стран.

Таким сырьевым придатком являются, например, страны – экспортеры нефти, объединенные в ОПЕК. Хотя эта организация и претендует на то, что от нее зависит, «куда пойдет дальше мир», но фактически страны ОПЕК в большей степени зависят от Запада, его финансовой и промышленной мощи. Достаточно сказать, что их внешний долг в 2000 г. составил 360 млрд долларов. В Венесуэле 65 % населения живет ниже черты бедности. Нищими остаются и некоторые другие страны ОПЕК. Так что наличие сырьевых ресурсов в стране и доходы от их экспорта сами по себе еще не обеспечивают высокий уровень жизни ее населения.

Принципиально иной является стратегия, ориентированная на приоритетное использование интеллектуального потенциала. В России он достаточно высок и способен обеспечить развитие страны не по сырьевому, а по *инновационному* пути. Акцент здесь делается на интеграцию науки и производства, оснащение последнего новыми современными технологиями, резкое повышение производительности труда и качества продукции, делающее ее конкурентоспособной на мировом рынке.

Этот путь развития предполагает значительное (минимум в 3–4 раза) увеличение вложений в науку, повышение качества образования, укрепление связей науки, образования, производства. Образование – наука – технология представляют то средоточие интеллектуального потенциала страны, опираясь на который и используя рыночные механизмы, в принципе возможно осуществить рывок, подняться на качественно новый уровень технологического развития и экономического роста. У нас имеются подготовленные кадры инженеров, конструкторов, квалифицированных рабочих – кадры,

способные решать эту задачу. Не хватает знаний и опыта в области рыночной экономики. Но этот недостаток может быть преодолен в процессе создания рыночной инфраструктуры инновационной системы.

При наличии развитого интеллектуального потенциала концентрация усилий инновационной политики на создании правового пространства и социально-экономической инфраструктуры инновационной деятельности имеют фундаментальное значение для формирования инновационной системы, ибо от них зависят мотивация и стимулирование этой деятельности, коммерциализация и передача инновационного продукта из научно-технической сферы в производство, обратная связь технологического рынка со сферой НИОКР. Как показывают социологические исследования, среди факторов, определяющих эффективность инновационной деятельности, отлаженность рыночной инфраструктуры играет первостепенную роль.

Инновационный путь развития для России не является утопией. Более того, этот путь для нее можно считать оптимальным, ибо он отвечает и ее возможностям, и ее коренным национальным интересам, и императивам современной техногенной цивилизации. Опираясь на продуманную целенаправленную последовательную и твердую политику, сделавшую соответствующий стратегический выбор, Россия сумеет преодолеть спад производства, с честью выйти из кризиса, обеспечить должное качество жизни народа, достичь показателей развитых стран современного мира.

Во-вторых, возникает вопрос, когда активизировать инновационный процесс — сейчас или когда для этого созреют благоприятные условия. Исходить либо из того, что широкомасштабное развитие инновационной деятельности в стране начнется после того, как заработает экономика и, соответственно, появятся и потребности в инновациях, и средства для инвестиций, либо из того, что инновационный процесс следует всемерно стимулировать уже в настоящее время, используя для этого все имеющиеся возможности, ибо инновации сами являются средством подъема экономики, от их использования зависит выпуск конкурентоспособной продукции, выход ее на мировые рынки, приток капитала и т. д. Надо учитывать и то, что спрос может инициироваться и самим инновационным процессом. Пока не было персо-

нальных компьютеров, не было и спроса на них. Принцип «одно за другим» здесь не подходит, ибо сулит России длительное технологическое отставание от развитых стран. Создание современного технологического базиса, развитие наукоемкого производства – задача уже сегодняшнего дня, а не отдаленного будущего. Если такой подход становится стратегическим ориентиром, активизируются поиск средств для инвестиций, поддержка инновационной деятельности и процесс создания инновационной системы.

В-третьих, стратегическое значение имеет выбор модели инновационной системы. Или она должна быть способной генерировать новые технологические идеи и доводить их до состояния инновационного продукта, или в ее функцию будет входить в основном восприятие и оценка иностранных технологий, может быть с некоторой их доработкой. Так поступала в свое время Япония, когда формировала технологический базис своего послевоенного производства, и достигла на этом пути огромных успехов. Данная дилемма для России не является надуманной, поскольку многих привлекает пример Японии. Так, определив первую модель как «пионерскую», а вторую назвав «догоняющей», Г.А. Лахтин и Л.Э. Миндели сочли вторую более дешевой и приемлемой для России: «В существующих ныне в нашей стране условиях можно ожидать преобладания догоняющего типа инновационных процессов»¹.

Но для России он не подходит. У Японии не было развитой фундаментальной науки, а у России нет такого объема финансов, которые имела Япония. Поэтому для России более приемлема инновационная система с ориентацией на создание собственного инновационного продукта, а покупка патентов, лицензии должны служить дополнением и доминировать лишь в тех областях, где имеется пробел. То есть фактически речь идет о сочетании зарубежных и отечественных разработок. Крайние случаи взяты, чтобы более четко обозначить альтернативу, но реально всегда будет и то и другое. Поэтому постоянная задача инновационной политики в том, чтобы обеспечить соблюдение субъектами инновационной деятельности оптимальных пропорций в этом деле.

¹ Лахтин Г.А., Миндели Л.Э. Контуры научно-технической политики. М., 2000. С. 40.

Но это не снимает обозначенной дилеммы. Имеется принципиальное различие между научно-технической системой страны, готовой создавать новые технологии, и страны, которая отказалась от претензий на технологическую самостоятельность, ибо у нее для этого нет необходимых ресурсов. Надо сказать, что некоторые эксперты ОЭСД еще в 1993 г. предлагали России отказаться от претензий на «технологический авангардизм» и занять место во втором эшелоне. Так что Запад уже давно определил свою позицию в этом вопросе.

Представляется, что тот или иной выбор в каждой из трех обозначенных альтернатив определяет основную направленность инновационной политики. Опираясь на этот фундаментальный выбор, руководствуясь принятыми принципами, инновационная политика решает все конкретные вопросы формирования инновационной системы и регулирования инновационного процесса.

Инновационная система страны имеет как бы две взаимосвязанные стороны – научно-техническую и социально-экономическую. Первая характеризует содержание инновационного процесса, вторая – его форму или является его социально-экономической *инфраструктурой*. В России, как во всех других бывших социалистических странах, ее надо создавать заново, строя инфраструктуру инновационного процесса на принципах рыночной экономики. В этом и должно заключаться реформирование научно-технической сферы. Коммерциализация научно-технических разработок, цены, спрос и предложение, прибыль, технологический рынок, интеллектуальная собственность, конкуренция и тому подобные понятия рыночной экономики должны здесь заработать в полной мере. Именно эти экономические рычаги стимулируют и активизируют инновационную деятельность.

Таким образом, если политическое руководство осуществляет стратегический выбор в пользу инновационного пути развития, это предъявляет достаточно жесткие требования к инновационной политике, ибо от нее в большой, если не решающей степени зависит успех в деле создания и в налаживании функционирования инновационной системы.

*ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ:
НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ*

Политика всегда конкретна. Но хорошо, если она еще и последовательна, а ее решения и действия соотносятся с общими стратегическими установками или целями государства. С другой стороны, ее эффективность зависит от способности гибко реагировать на происходящие в обществе изменения.

На рубеже столетий формируется не только национальная инновационная система России, но и ее инновационная политика. Россия пока нащупывает и свою стратегию и свою политику в области инноваций. Определяются ее основные цели, главные направления, ключевые проблемы, сегодняшние задачи. Предполагается принять закон об инновационной политике.

Хотя официально инновационный путь развития в конце 90-х гг. не был заложен в правительственную экономическую программу на ближайшие годы, но все-таки имелись и некоторые обнадеживающие факты. В словаре высших руководителей страны появились такие понятия, как инновация, модернизация, новые технологии, хотя они используются не очень часто. Много говорится о поддержке образования. Кажется, власти поняли, что чисто словесные призывы к иностранным бизнесменам вкладывать капитал в российскую экономику недостаточны, что надо создавать благоприятные условия для инвестиций.

Вместе с тем, в самом конце столетия с разных сторон стали появляться признаки активизации инновационной деятельности. В этом отношении надо отдать должное вузам. Уже к 1998 г. в научно-технических программах Министерства образования участвовало более 150 вузов. Количество технопарков, созданных при некоторых университетах и технических вузах перевалило за полсотни¹. Не все они полноценные, но ведь и сам инновационный процесс находится в начальной стадии.

Кое-что делается в развитых регионах и в столице. Так, в 1996 г. в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Екатеринбурге при поддержке

¹ Поиск. 1998. № 22. С. 3.

местной власти были созданы инновационно-технологические центры (ИТЦ). Каждый ИТЦ объединил на конкурсной основе несколько малых предприятий, имеющих перспективные идеи и разработки, предоставил им различные льготы, способствуя быстрейшему доведению их разработок до коммерческого результата. Для финансирования этой деятельности были использованы как бюджетные, так и внебюджетные средства. Эксперимент оказался успешным и был поддержан Миннаукой. На основе накопленного опыта разработана и принята межведомственная программа активизации инновационной деятельности на 1998–2000 гг. Эта программа включала создание в различных регионах 20 ИТЦ, объединяющих до 500 отобранных по конкурсу малых инновационных фирм. Кроме льгот по налогам, по плате за услуги, оборудование и т. д., предполагалось их информационное обслуживание с помощью системы, соединяющей центры друг с другом и имеющей необходимый банк данных, подготовка кадров по менеджменту и маркетингу, что позволит фирмам самим выходить на рынок со своей продукцией и получать доход. Привлекая внебюджетные средства, ИТЦ устанавливают связи с крупными фирмами, банками, фондами. Тем самым последние вовлекаются в финансирование инновационной деятельности, формирование рынка новых технологий. Эта программа в основных чертах была выполнена.

Но в целом инновационный процесс разворачивается довольно вяло, если исходить из того, что он должен быть рассчитан на прорыв России в постиндустриальную эру. Не случайно, видимо, затягивается принятие закона об инновационной политике. Наверху еще не решили, каково должно быть ее место в общей политике государства.

Однако наступило время всерьез заняться выявлением контуров инновационной политики России, ориентированной на стимулирование и всемерную поддержку инновационной деятельности. Здесь может помочь иностранный опыт. Инновационная политика отработана во всех развитых странах. Но нельзя использовать зарубежный опыт, не адаптируя его к российской действительности.

Одним из основных направлений инновационной политики является решение комплекса проблем, сконцентрированных вокруг *выбора приоритетов*. Сам этот выбор свидетельствует о заинтересованности государства в получении инновационного продукта, а следовательно,

в развитии тех направлений науки и наукоемкого производства, которым и отдается приоритет. Последний служит основанием для концентрации ресурсов и распределения государственных средств. Сила и действенность инновационной политики государства напрямую зависит от финансовых возможностей, которыми оно располагает для поддержки приоритетных направлений, для реализации своих целей. Это бывает не всегда. В России 90-х гг. довольно много занимались определением приоритетов в научно-технологической сфере. Министерство науки и технической политики РФ занималось этим вопросом с 1992 г. Несколько позже к этой работе присоединились и другие организации. В 1996 г. правительство утвердило список приоритетных направлений и критических технологий федерального уровня. Итоговый перечень последних содержал 70 пунктов по 7 приоритетным направлениям. Но серьезного влияния на принятие решений в научно-технологической сфере эта работа не оказала. О приоритетах стали забывать. И это понятно: еще не было создано реально функционирующей инновационной системы¹.

На финансовую поддержку приоритетных направлений государство тратит не только свои средства. Оно стремится привлечь и ресурсы частного бизнеса, без которого инновационная деятельность в условиях рыночной экономики вообще невозможна, ибо именно от них поступает основная масса средств для инновационной сферы.

Во всех развитых странах крупные фирмы, корпорации и т. п. финансируют избранные ими приоритетные направления инновационной деятельности. Вместе с тем, они участвуют в государственных инновационных проектах, выполняя соответствующие заказы и зарабатывая на этом большие деньги. Установление партнерских отношений с частным бизнесом также является одним из важнейших направлений государственной инновационной политики.

Масштабы инновационной сферы в современных условиях во многом зависят от непосредственного государственного заказа. Отечественный опыт вообще свидетельствует о доминирующей роли государства в сфере создания новых технологий. В советский период

¹ См.: *Николаев И.А.* Организационное обеспечение выбора приоритетов: зарубежный и новейший российский опыт // Наука и государственная научная политика. М., 1998. С. 217–228.

государство было единственным заказчиком и потребителем научно-технической продукции. Сейчас условия качественно изменились, но Российское государство продолжает быть основным источником ассигнований на научно-технические исследования и разработки по приоритетным направлениям. Для обеспечения их финансирования формируются специальные целевые программы, проекты на участие в которых отбираются на конкурсной основе. В 1992–1996 гг. из бюджета финансировалась 41 такая программа. В 1996 г. была принята федеральная целевая программа до 2000 г. В 1997 г. на ее финансирование было истрачено 12,4 % выделенных на науку средств из государственного бюджета. Однако все-таки дела здесь обстоят, мягко говоря, не лучшим образом. Сейчас в России работает 12 % ученых мира. По 17 направлениям из 100 российская наука опережает мировой уровень, а еще по 22 приближается к нему. Но на мировом технологическом рынке продукция России составляет 1 %, в то время как США – 39 %, ФРГ – 16 % и т.д.¹

Инновационная стратегия требует огромных инвестиций. Наукоемкое производство в России развивается слабо. Лишь 5 % предприятий в стране можно считать высокотехнологичными. Удельный вес затрат на технологические инновации на предприятиях, проявляющих инновационную активность, в среднем находится на уровне 4,5–5 % от стоимости выпускаемой ими продукции. Где же брать средства в условиях того глубокого социально-экономического тупика, куда она была загнана ельцинско-гайдаровскими реформами. Ей – огромной и мощной державе – по статусу положено выбираться, опираясь в первую очередь на свои собственные силы и средства, что, конечно, не равнозначно изоляционизму. В современную эпоху политика изоляционизма архаична. Речь о том, что варианта «плана Маршалла» для России не предвидится. Да и недостойно возлагать надежды на богатого дядюшку.

Поскольку эта проблема чисто экономическая, то в данном случае сошлемся на компетентное мнение специалистов, что деньги Россия найти сможет. Внутренними источниками накоплений являются и экспорт сырья, и продажа имеющей спрос на мировом рынке

¹ См.: Федеральное собрание, 1998. № 40.

промышленной и сельскохозяйственной продукции, и доход от продажи интеллектуальной собственности, и внутренний рынок, и возвращение в Россию вывезенных новым русскими капиталов.

Если государство создаст приемлемые условия для зарубежных инвесторов, то появится и внешний источник, ибо иностранный капитал с охотой пойдет в Россию, учитывая наличие здесь огромных возможностей для развертывания самых разнообразных видов производства.

Особым направлением инновационной политики государства можно считать поддержку малого инновационного бизнеса. Опыт США и других стран свидетельствует об эффективности этой формы организации инновационной деятельности. Ее особенности – динамичность, возможность быстро менять тематику, адаптироваться к меняющимся условиям рынка, отсутствие громоздкой системы управления, минимум накладных расходов и т. п. оборачиваются преимуществами перед большими фирмами и корпорациями при разработке новых идей и доведении этого процесса до получения нужного результата. Отставание России в области малого инновационного бизнеса проявилось, в частности, в том, что в стране отсутствует такая форма его финансирования, как венчурный капитал, получивший весьма широкое применение на Западе. Венчурный (рисковый) капитал вкладывается в малые предприятия в надежде получить прибыль большую, чем с помощью обычных кредитов. В случае успеха финансируемого проекта эта цель достигается. Но имеется значительная вероятность и того, что проект окажется неудачным. Тогда деньги пропадают, ибо руководителю проекта расплатиться с кредитором будет нечем. Использование венчурной формы кредитования предприятий малого инновационного бизнеса сыграло решающую роль в их развитии и широком распространении. Политика активной поддержки малого бизнеса характерна для экономически развитых стран. В России эта форма укореняется довольно медленно. Правда, появились первые признаки, что государство начинает обращать на него внимание. Кроме финансирования инновационная политика может сыграть роль в оценке и развитии различных организационных структур поддержки малого инновационного бизнеса, получивших в мире широкое распространение,

таких, как ИТЦ, а также технопарки и технополисы, представляющие собой территории, на которых созданы специальные льготные условия для разработки и реализации нововведений, для соединения научно-технической и производственной сферы. Создание и совершенствование такого рода структур имеет важное значение для формирования в стране эффективно действующей инновационной системы. Сюда же входит приспособление к условиям рынка существующих в стране наукоградов.

Процессы глобализации исключают возможность решать проблемы развития производства на базе новых технологий изолированно. Но весь вопрос в том, что от глобализации страна должна получать выгоду, а не убытки. Конечно, для этого она прежде всего должна иметь сильную и развивающуюся экономику. Но велика здесь и роль государства в обеспечении участия инновационного потенциала страны в глобальных процессах, привлечении иностранного капитала для инвестирования наукоемкого производства на территории России. К сожалению, российский капитал до последнего времени не проявлял большого желания вкладывать средства в отечественную экономику.

Международные аспекты инновационной политики тесно связаны с решением проблем интеллектуальной собственности. Здесь речь идет о покупке патентов, приобретении лицензий, охране государственной и индивидуальной интеллектуальной собственности граждан страны.

В этой области, как и везде, внутренняя политика является доминирующей, ибо она определяет ориентации государства. Так, при внутренней сырьевой или инновационной ориентации государства и его внешняя инновационная политика будет различаться принципиально и по многим параметрам. Надо сказать, что ныне иностранные компании наиболее охотно вкладывают средства в горнодобывающие отрасли промышленности. Поэтому государство и во внешнеполитической сфере должно определить свои ориентиры. Если оно будет способствовать этой тенденции, то оно будет объективно работать на движение России по сырьевому пути. Гораздо труднее будет получить иностранные инвестиции, если Россия изберет инновационный путь. Здесь государство должно будет сказать свое слово.

Успех инновационной политики государства во многом будет зависеть от ее общественной поддержки. Однако до последнего времени политики и СМИ обращали на науку и новые технологии мало внимания. И хотя в России быстро растет слой людей из разных социальных структур (ученых, инженеров, менеджеров, бизнесменов, некоторых политиков и т.д.), для которых очевидно значение инновационного пути, но в то же время, как свидетельствуют социологические опросы, общественное мнение пока не воспринимает науку и новые технологии в качестве важнейших факторов экономического роста.

Создание благоприятного духовного климата для интеллектуального творческого труда, для развития научно-технической и инновационной деятельности, для позитивного восприятия обществом отвечающих его интересам технологических нововведений, новых изделий и т.д. требует перенастройки социокультурных ценностных ориентаций общества, которое еще не полностью осознает перспективность именно этого пути развития. Иначе нормальное протекание инновационного процесса будет чрезвычайно затруднено. Это также проблема инновационной политики.

Инновация, коммерциализация, технологический рынок – все эти понятия иногда настраивают на прагматичный подход к науке: государство, производство нуждаются в практической отдаче науки и этому надо подчинить все. А те разделы науки, которые не дают полезных практических результатов, являются для нас излишней роскошью. Такого рода рассуждения означают, что фундаментальная наука России не нужна. Во всяком случае, она не может позволить себе ее содержать, у нее нет для этого необходимых средств. Примерно такую идею высказал в уже упоминавшемся интервью Б.Г. Салтыков: «Наука не может жить сама по себе, она должна стать органической частью национальной инновационной системы»¹. Я полагаю, что идея эта не просто вредная, но и опасная, тем более что ее озвучил компетентный человек, известный как крупный специалист по социально-экономическим проблемам науки, человек, тесно связанный с властными структурами. Она как раз ориентирует на принятие «японской модели». Но если

¹ Салтыков Б.Г. Интервью // Независимая газета, 2001. 16 февр. С. 8.

японцы, используя ее, всё приобрели, но ничего не потеряли, то Россия должна пожертвовать своей фундаментальной наукой. Это близорукая позиция, по крайней мере по двум причинам. Во-первых, без «науки самой по себе» в стране невозможно поддерживать современный уровень образования. Во-вторых, фундаментальная наука – тоже ресурс, но ресурс для нашего будущего. Все это абсолютно элементарно. Почему же эти положения не принимаются в расчет? Разве нужно разъяснять, что современные поколения ответственны перед будущими. Или мы вправе жить лишь сегодняшними заботами? *Carpe diem* – бери день! – как говорили древние.

Создание национальной инновационной системы – это важнейшая, ключевая проблема современной России. Ее надо решать с учетом мирового опыта, но не по подсказкам западных экспертов. По этим подсказкам наши реформаторы во имя создания рынка уже разрушили производство, вывели Россию по многим показателям из числа лидирующих государств. Теперь во имя достижения благородной цели создания инновационной системы хотят лишить Россию ее фундаментальной науки. Может быть, это тоже кому-то нужно на Западе?

Наука в целом является органической частью не инновационной системы, а интеллектуального потенциала страны в органической связи с технологией и образованием. И для того, чтобы двигаться по инновационному пути, надо вовлекать весь интеллектуальный ресурс российского общества. Поэтому успешная инновационная политика не может быть узко прагматичной. Она должна учитывать и социокультурные аспекты инновационного процесса, его интеллектуальную составляющую.

12.03.2001

И.И. Ашмарин

*ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ
И УЧАСТНИКИ ИННОВАЦИОННОГО
ПРОЦЕССА*

Инновационный процесс, инновационная деятельность, инновационная экономика — эти понятия стали в последнее время весьма привычными практически для всех слоев населения. Без ссылок на них не обходится ни одно публичное выступление или обсуждение, так или иначе связанное с экономикой, маркетингом, менеджментом и т.д. — во властных структурах, в сферах научно-прикладных разработок, конкретного производства и бизнеса. Инновационный продукт и инновационные потоки стали базой экономики. Здесь можно провести образно-историческую параллель: в той же мере, в какой великие географические открытия стали отправной точкой колонизации географического пространства, великие научно-технические открытия инициировали колонизацию научно-технического пространства, ставшего инновационным. Именно в инновационном пространстве по нарастающей концентрируются крупные капиталовложения и разворачивается — тоже по нарастающей — борьба за прибыли, за господство, за главенствующую роль и т.п. И эта тенденция глобализуется — опять-таки по нарастающей.

Вообще, современная нам постиндустриальная эпоха с неизбежностью имеет инновационный характер. Это, конечно, следствие взрывного развития фундаментальных направлений в естественных науках (таких, как квантовая и релятивистская физика, генетика, нейробиология) и такого же взрывного практического применения достижений этих наук с последующей компьютеризацией всех видов человеческой деятельности. Пожалуй, никогда еще за всю историю человечества «продукция» науки и техники не была так близка к повсе-

дневной жизни мирового сообщества в целом и каждого человека в отдельности, а процессы ее реализации и потребления не захватывали такие широкие слои населения.

Одной из первых крупных работ, посвященных анализу инновационного процесса в контексте общецивилизационных тенденций, была книга В.Ж. Келле «Инновационная система России: формирование и функционирование»¹. В ней, в частности, отчетливо была поставлена проблема соотнесенности комплекса нравственных ценностей современного человека с пониманием участниками инновационного процесса социальных последствий их деятельности². В поле этой проблематики отчетливо просматривается по-новому — «по-инновационному» — прочитанная проблема гуманитарной компетентности инноваторов (так для краткости мы будем в дальнейшем называть участников инновационного процесса) — проблема их владения гуманитарными знаниями.

Сразу оговоримся, что гуманитаризация инновационного процесса как проблема уже разрабатывается — и в общефилософском контексте, и в связи с гуманитаризацией университетского образования, и во многих других проекциях³. Но есть еще одна проблема, не менее важная и имеющая, можно сказать, общецивилизационную значимость, — уровень востребованности гуманитарной культуры самими инноваторами. А у этой проблемы есть, в свою очередь, две составляющие. Первая — оппозиция «двух культур», еще полвека назад заме-

¹ Келле В.Ж. Инновационная система России: формирование и функционирование. М.: Едиториал УРСС, 2003.

² Там же. С. 119.

³ См., напр.: Гусейнов А.А. Выражение кризиса и симптомы обновления // Вопросы философии. 1999. № 3. С. 7–12; Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2004. № 7; Алфёров Ж.И., Садовничий В.А. Образование для России XXI века // Образование, которое мы можем потерять: Сб. М.: МГУ, 2002. С. 18; Юдин Б.Г. Интеллектуальный потенциал личности и инновационное развитие страны // Инновационное развитие России и человеческий потенциал молодежи. М.: Изд-во МосГУ, 2008. С. 3; Келле В.Ж. Формирование инновационной структуры и молодежь // Там же. С. 34; Ашмарин И.И., Клементьев Е.Д. Гуманитарная составляющая университетского научно-технического образования // Высшее образование в России. 2009. № 1. С. 3.

ченая Ч.П. Сноу¹, уже изрядно изученная, но вновь зазвучавшая сейчас в новой – инновационной – аранжировке. Вторая – не столь заметна, но не менее опасна. Дело в том, что сейчас об инновационной деятельности говорят и пишут как «посвященные», так и «непосвященные». Под непосвященными в рамках этой статьи будем понимать не столько тех, кто просто не обладает соответствующим образованием в инновационных областях науки и инженерии, сколько лиц, активно подвизающихся в этих областях, только потому, что это «модно и доходно». Социальная активность и невежество этих лиц вполне сопоставимы, а конструкты типа *инновационная деятельность*, *инновационная экономика* выполняют у них функцию расхожих речевых оборотов, вроде *так сказать* или *как говорится* (заметим, что все это типично как для нашей страны, вплоть до самых высоких коридоров власти, так и для развитых западных стран). В сферу их особо активного интереса входят социальные и психологические аспекты инновационного менеджмента. По всему миру они создают всяческие колледжи, школы, курсы и т. п., а соответствующие учебные программы и тексты их многочисленных интервью заполнены либо наукообразно изложенными банальностями, либо наукообразной чушью (ниже мы покажем это на конкретных примерах). Над всем этим можно было бы просто поиронизировать, если бы это не было так опасно – инноваторы, на которых ориентирована такая «просветительская» деятельность, воспринимают наукообразие как научный стиль, а банальности и чушь – как вести с передового фронта науки. И опасность не в активности невеж (невежи были и будут всегда, а невежество всегда активно), но в гуманитарной некомпетентности самих инноваторов – неясно, что им нужно от гуманитарных наук и нужно ли что-либо вообще (огрубляя формулировки – «в коня ли корм?»).

К таким грустным размышлениям приходишь после посещения бесчисленных сайтов, так или иначе посвященных инновационным проблемам. Похоже, что гуманитаризация инновационной деятельности занимает только самих гуманитариев. Инноваторы же заняты исключительно своими «внутренними» проблемами – маркетинг, менеджмент, качество, сервис и т. п. Но здесь сразу заметим, что

¹ Сноу Ч.П. Портреты и размышления // Две культуры и научная революция. М., 1985.

и гуманитарии, в свою очередь, не всегда в курсе этих «внутренних проблем». И это повод для других грустных размышлений — иногда отношение гуманитариев к инноваторам напоминает отношение миссионеров к туземцам, которые «в силу своей отсталости не желают принять истинную веру»¹. В любом случае налицо — взаимное непонимание. Попытаемся хотя бы слегка разобраться в этой оппозиции — «миссионеры—туземцы».

* * *

Начнем с общих мест, приведа пара определений инновации.

Инновация — это деятельность, направленная на разработку, создание и распространение новых видов изделий, технологий, организационных форм. Побудительным механизмом развития инноваций в первую очередь является рыночная конкуренция. Предпринимательские фирмы, первыми освоившие эффективные инновации, имеют возможность снижать издержки производства и, соответственно, стоимость реализуемых товаров (продукции, услуг). Таким образом, выживаемости фирм в конкурентной борьбе способствует инновационная деятельность. Инновация — это результат научной деятельности индивида или коллектива, реализованный на рынке в виде нового продукта. При этом под продуктом понимается либо овеществленный товар, либо технология (как научно-техническая, так и социально-гуманитарная), либо услуга.

Приведенные цитаты настолько типичны и привычны, что мы не будем даже ссылаться на их источник — подобные или очень близкие определения можно встретить в очень многих работах. А главное, на сегодня это уже банальность, которая мало что дает для понимания «духа и буквы» законов инновационной деятельности, поскольку феномен инновации уже давно вышел за пределы узко технологической и экономической сфер. Здесь, может быть, к месту будет рассмотреть конкретные примеры. Фактический материал мы взяли из сайтов украинских деловых журналов «Бизнес»² и «Эксперт»³. Это — интервью,

¹ Коль уж мы заговорили о колонизации инновационного пространства, терминология и лексика колонизационной эпохи здесь вполне уместна.

² <http://www.business.ua/i533/>

³ <http://www.expert.ua/articles/>

взятые у американских экспертов в области инновационного менеджмента, приглашенных для преподавания в Киево-Могилянской бизнес-школе¹.

Вот, например, — один из авторов «стратегии голубого океана» Чан Ким — сотрудник Boston Consulting Group, преподаватель международного менеджмента на кафедре Брюса Хендерсона INSEAD (Франция), одной из лучших в мире бизнес-школ; советник Европейского союза и почетный гость Мирового экономического форума в Давосе. Чан Ким вошел в глобальный рейтинг Thinkers 50 (пятьдесят всемирных мыслителей). Газета The Sunday Times назвала его «наиболее ярким мыслителем в менеджменте». Стратегия голубого океана стала результатом исследования более тридцати индустрий за последние сто лет. Анализируя данные, он обнаружили некую закономерность проявления стратегического мышления, которое предшествовало созданию нового рынка или индустрии, открыватель которой — первопроходец, изобретатель или создатель чего-то принципиально нового, а потому еще не имеющий конкурентов. Это и было названо *стратегией голубого океана*. Логика этой стратегии отличается от традиционных моделей, которые сосредоточивают внимание на борьбе с конкурентами в существующем рыночном пространстве, названном автором «алым океаном»².

В истории делового мира можно найти такой пример: в конце XIX столетия автомобильная индустрия была развита незначительно. Машины собирались вручную и стоили дорого. Многие люди выступали против производства автомобилей. Основным видом транспорта были конные экипажи, у которых перед автомобилем было несколько преимуществ: они заметно легче преодолевали бездорожье и были доступны большинству. Вместо того чтобы завоевывать свою долю рынка у конкурентов, Генри Форд убрал границу между автомобилем и конным экипажем и таким образом создал *голубой океан*. Он создал «автомобиль для всех». Раньше все автопроизводители делали фешенебельные автомобили, которые подчеркивали статус их владельцев.

¹ Автор решительно обозначает случайность выбора г. Киева. При других условиях поиска в Интернете на месте Киева могли бы оказаться Минск или Тбилиси, Москва или Урюпинск.

² <http://www.expert.ua/articles/16/0/1761/>

А Форд создал автомобиль, который, как и конный экипаж, мог себе позволить почти каждый. Это было почти сто лет назад. Но вот современный пример: лет тридцать назад мы не знали Интернета, мобильных телефонов и т. п. А сейчас без них трудно представить себе свою жизнь. В ближайшее десятилетие появятся и другие товары, услуги, то есть новые голубые океаны. По мнению Чан Кима, именно голубые океаны остаются двигателем прогресса. Компания, открывшая голубой океан, может много лет работать на рынке без конкурентов и получать огромные прибыли. Однако, несмотря на привлекательность голубых океанов, лишь немногие компании могут в них попасть – старый способ мышления упорно заставляет бороться с огромным количеством конкурентов. Заслуга Чан Кима в том, что он описал, как сделать бизнес, у которого нет конкурентов, процветающим.

Далее в интервью он сказал следующее: «Мир развивается очень быстро. Благодаря новым технологиям повысилась продуктивность производства, это привело к небывалым объемам продуктов и услуг. В результате в некоторых отраслях предложение все чаще превышает спрос. Еще больше ситуацию усугубляет глобализация. Все это означает, что бизнес-среда, породившая в XX веке основную часть стратегических и менеджерских подходов, постепенно исчезает. В алых океанах границы отрасли определены и согласованы, а правила игры в конкуренцию всем известны. Здесь компании стараются превзойти своих соперников, чтобы перетянуть на себя большую часть существующего спроса. Продукция превращается в океан, а безжалостные конкуренты режут друг другу глотки, заливая алый океан кровью. Голубые океаны, напротив, обозначают нетронутые участки рынка, требуют творческого подхода, дают возможность расти и приносить прибыль. Не нужно быть лучшим в мире, нужно быть непревзойденным хотя бы в чем-то одном. В голубых океанах конкуренция никому не грозит. В алых океанах всегда самое важное – это умение плыть, обгоняя своих конкурентов. В голубых океанах спрос создается, а не отвоевывается».

В приведенном интервью на первый взгляд не содержится ничего нового – очередной заокеанский гуру привез ленивым славянам очередную аранжировку изрядно уже всем поднадоевшей «американской мечты». И на самом деле отблески этой «миссии» здесь действи-

тельно проглядываются, но вот аранжировка все-таки современная и берет свои истоки в новой эпохе, в инновационном подходе к бизнесу, а точнее к менеджменту. И здесь очень к месту будет процитировать одну из глав известной книги П. Дракера «Постэкономическое общество»: «Сегодня знание уже применяется к сфере самого знания, и это можно назвать революцией в сфере управления. Знание быстро превращается в определяющий фактор производства, отодвигая на задний план и капитал, и рабочую силу. Пожалуй, нынешнее общество еще преждевременно рассматривать как “общество знания”; сейчас мы можем говорить лишь о создании экономической системы на основе знания. Однако общество, в котором мы живем, определенно следует характеризовать как “посткапиталистическое”»¹. Стратегия *голубого океана* — конечно, одна из многих, взятых на вооружение в современном деловом мире — интересна, прежде всего своей «посткапиталистической» тенденцией преодоления *алого океана* традиционного капитализма с его неизбежно жестокой конкуренцией. Причем основными признаками происходящего сдвига в основе этой стратегии считается переход от индустриального хозяйства к экономической системе, основанной на знаниях и информации. Чан Ким в цитируемом интервью даже утверждает, что голубые океаны — это не только технологические инновации; часто создание голубого океана — это продукт стратегии и во многом продукт управленческих действий. И дальше: «Компании, застрявшие в алом океане, следовали традиционному подходу. Стремясь победить конкурентов, они старались занять удобную позицию для защиты или продумывали атакующие действия. А создатели голубых океанов не равнялись на конкурентов, они подчиняли свои действия иной стратегической логике — инновации ценности. Мы ее (*логику*. — *И.А.*) назвали так потому, что вместо того, чтобы сосредоточивать все свои усилия на борьбе с конкурентами, вы делаете конкуренцию ненужной, создаете скачок в ценности для покупателей и компании и тем самым открываете новое, не охваченное конкуренцией пространство рынка. Инновация ценности предполагает, что одинаковый упор делается как на ценность, так и на инновацию. (...) Стратегию голубого океана нужно выстраивать в такой

¹ Дракер П. «От капитализма к обществу знания». Цит. по: <http://ifuture.narod.ru/001/drucker001.htm>

последовательности: полезность для покупателя — цена — издержки — внедрение. Пятьдесят процентов успеха зависит от хорошей идеи, остальное — от людей»¹.

Отсюда видно, насколько далеко инновационный бизнес ушел от привычного для гуманитариев клише типа «Инновация — это деятельность, направленная на разработку, создание и распространение новых видов изделий, технологий, организационных форм. Побудительным механизмом развития инноваций в первую очередь является рыночная конкуренция» (см. начало статьи). Конкуренция действительно является побудительным механизмом развития инноваций, но действие ее сегодня весьма и весьма опосредовано. Дикая конкуренция в духе романов Драйзера уступает место иному соперничеству — мозгами сегодня работать продуктивнее, чем локтями. Похоже, меняется структура понятия «конкуренция». Традиционное толкование конкуренции предполагает, что между производителями возникает соперничество, в котором более мощные и более дорогие средства производства дают им возможность продавать больше товаров, завоевывая для них больший рынок. Сегодня в конкуренции начинают выигрывать не более мощные и более дорогие средства производства, а более инновационные идеи. Складывается «суперсимволическая система создания общественного богатства» (по Э. Тоффлеру), основанная на использовании информационных технологий, то есть прежде всего умственных способностей человека. А новизна разработок в таком бизнесе считается настолько само собой разумеющейся (для технологически развитых стран), что ключевым — исходным — понятием для него является уже не *новизна*, а *знание*.

Приведем еще одну мысль из процитированной выше книги П. Дракера: «И на Западе, и на Востоке знание всегда соотносилось со сферой бытия, существования. И вдруг почти мгновенно знание начали рассматривать как сферу действия. Оно стало одним из видов ресурсов, одной из потребительских услуг. Во все времена знание было частным товаром. Теперь практически в одночасье оно превратилось в товар общественный (...) Это изменение отражает подход к знанию как важнейшему из ресурсов. Земля, рабочая сила

¹ <http://www.expert.ua/articles/16/0/1761/>

и капитал являются сегодня главным образом сдерживающими, ограничивающими факторами. Без них даже знание не сможет приносить плодов, а управление не будет эффективным. Но если обеспечено эффективное управление, в смысле применения знания к знанию, другие ресурсы всегда можно изыскать. То обстоятельство, что знание стало *главным*, а не просто *одним из* видов ресурсов, и превратило наше общество в посткапиталистическое. Данное обстоятельство изменяет структуру общества, и при этом коренным образом. Оно создает новые движущие силы социального и экономического развития»¹.

* * *

Итак — знание (!). Какое знание нужно инноваторам и как оно преломляется в их сознании (?). Приведем еще несколько выдержек из интервью с американскими экспертами, приглашенными в упомянутую выше бизнес-школу:

Раджеш Тьяга — профессор кафедры экономики управления и принятия решений Kellogg School of Management (Northwestern University). С ним корреспондент журнала «Эксперт» беседует о проблеме качества в сфере услуг². Р. Тьяга рассказывает, с какими трудностями сталкиваются руководители сервисных компаний: «Они пытаются управлять сферой услуг с помощью инструментов, предназначенных для производства. Поэтому их компании буксуют. Разница в том, что в производстве мы должны думать о клиенте, а в сервисе — о сотрудниках. Потому что сотрудник — это часть услуги, которую получает клиент. И чтобы продать услугу, работник должен быть счастливым. Наше исследование показывает, что при одинаковом уровне сервиса у счастливых сотрудников более удовлетворенные клиенты». Пока все это — интересные, но достаточно незатейливые утверждения, высказанные к тому же в излишне публицистичной для университетского профессора форме. Но беседа продолжается, и Р. Тьяга рассказывает, как ведущие компании мира создали качественный сервис: «Обратите внимание, они все документируют, начиная с того, *когда*

¹ Драйкер П. «От капитализма к обществу знания». Цит. по: <http://ifuture.narod.ru/001/drucker001.htm>

² <http://www.expert.ua/articles/23/0/2012/>

сотрудник должен улыбаться. Например, у сингапурских авиакомпаний есть стандарт, со сколькими пассажирами во время рейса стюард должен поздороваться, скольких пассажиров рейса он должен знать по имени. Это все задокументировано. И называется управлением качеством (выделено мною. — И.А.)»¹.

Помимо того что подсчет количества улыбок стюарда и нормирование его коммуникабельности — уже само по себе какое-то не-серьезное занятие, здесь налицо просто откровенная неосведомленность (автор выбирает наиболее мягкую формулировку). Уже более сорока лет в мире существует и развивается концепция образования, ориентированного на компетентность (СВЕ — competence-based education). Компетентность при этом трактуется как «основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно-обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека»². В 1996 г. в материалах ЮНЕСКО очерчивался круг компетентностей, которые уже должны рассматриваться всеми как желаемый результат образования. В докладе международной комиссии по образованию для XXI века «Образование: сокрытое сокровище» бывший председатель Еврокомиссии (в 1985–1995 гг.) Жак Делор сформулировал четыре столпа, на которых основывается образование: научиться *познавать*, научиться *делать*, научиться *жить вместе*, научиться *жить*, — и этим фактически выделил базовые виды компетентности³. В частности, одна из них гласит: «научиться делать, с тем чтобы приобрести не только профессиональную квалификацию, но и в более широком смысле *компетентность*, которая дает возможность справляться с различными многочисленными ситуациями и работать в группе»⁴. Примитивно дежурная, хоть и вовремя исполненная улыбка стюарда отнюдь не является признаком «возможности справляться с различными многочисленными ситуациями». Главным здесь может быть только полученный с образованием один из видов компетентности — «умение устанавливать адекватные межличностные

¹ Там же.

² Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования. <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>

³ Делор Ж. Образование: сокрытое сокровище. UNESCO, 1996.

⁴ Там же.

и конвенциональные отношения в различных ситуациях общения»¹. И вот это умение в бизнес-среде (неважно даже, в инновационной или нет) найти, похоже, трудно – трудно именно из-за недостатка в ней гуманитарной *компетентности*. На это, конечно, можно возразить, сказав, что примера с «улыбками стюарда» явно недостаточно для такого серьезного вывода. Но анализ интервью с американскими экспертами еще не кончен.

На этот раз корреспондент киевского журнала «Бизнес» интервьюирует доктора психологии (так она названа в интервью) Мэрилин Аткинсон. Далее цитируем корреспондента: «М. Аткинсон получила международное признание в качестве тренера, консультанта, коуча. Она – один из разработчиков коучинга. В 1985 году г-жа Аткинсон основала Эриксонский колледж (Канада, 12 филиалов в разных странах мира), где люди обучаются искусству консультирования, навыкам тренерства и коучинга. Она работает в качестве тренера и коуча с менеджерами крупнейших компаний мира, помогая этим людям становиться еще более успешными. В Канаде, США, Европе, Австралии и Сингапуре она обучила тысячи людей способам, позволяющим пробуждать творческие способности, таланты, энергию, которая «спит» в них и в окружающих»². Коучинг в США очень распространен, по данным 2008 г., там было уже около 100 тыс. коучей. Поясним: коучинг – это инновация в сфере обучения – вид тренинга, предназначенный для раскрытия потенциала человека, развития его способностей и талантов в разных сферах жизни, в данном случае в области менеджмента. Посмотрим, кто развивает наши способности и таланты. Приведем следующий отрывок интервью:

«– *Вы исследовали мастерство наиболее успешных менеджеров мира. Скажите, что делает их таковыми?*

– Это очень интересный вопрос о таланте. Наши исследования подтвердили – талант существует. Действительно, некоторые люди имеют творческие задатки от рождения.

Проанализировав способности, с помощью которых эти люди достигают успеха, мы выяснили, что и другие могут овладеть такими

¹ Зимняя И.А. Социальная работа как профессиональная деятельность // Социальная работа / Отв. ред. И.А. Зимняя. М., 1992. Вып. 2.

² <http://www.business.ua/i533/a16920>

навыками, притом очень быстро. Ведь талант — это набор определенных навыков (*подчеркнуто мною. — И.А.*)».

Не будем комментировать результат исследований г-жи Аткинсон, подтверждающий факт существования таланта у людей (человечество, стало быть, несколько тысячелетий, затаив дыхание, ждало подтверждения того, что такой феномен, как талант, и вправду существует — поздравим друг друга). Самый обескураживающий вывод: талант — это просто «набор определенных навыков», причем этими навыками может овладеть любой и очень быстро. Перед нами, конечно, образец махрового невежества. Необязательно быть психологом, чтобы знать, что структура и природа таланта и способностей, явно нелинейное соотношение в них приобретенных социокультурных и врожденных нейробиологических векторов — все это до сих пор не изученный до конца комплекс вопросов, хотя вот уже много десятилетий это предмет исследований ученых и целых научных коллективов. Мы не будем останавливаться на этом вопросе, поскольку он выходит за рамки этой статьи, но предложим читателю ссылки, где имеется некоторая библиография касательно, в частности, креативных способностей (в приложении к инновационной деятельности)¹.

Приведем отрывок еще из одного интервью: «Марша Рейнолдс, президент компании Covisioning (США), прежде всего всемирно известна как коуч. Возглавляла международную федерацию коучинга. Магистр гуманитарных и педагогических наук, занимается изучением новых подходов к использованию эмоций. В течение 20 лет сотрудничает с различными компаниями, федеральными агентствами и банками, обучая их, кроме прочего, тому, как достичь эмоциональной компетентности»². Вот отрывок из интервью:

«— *Какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать успешный лидер?*

— Во-первых, лидер должен хорошо знать себя, т. е. он должен знать свои сильные и слабые стороны. Но, даже осознавая свою слабость,

¹ *Ашмарин И.И.* Человек в пространстве инноваций. Личность. Культура, Общество. 2008. Т. X. Вып. 3–4. С. 209; *Ашмарин И.И., Новохатько И.М., Степанова Г.Б.* Человеческий потенциал студентов и их подготовленность к участию в инновационной деятельности // Инновационное развитие России и человеческий потенциал молодежи. М.: Изд-во МосГУ, 2008. С. 80.

² www.business.ua/i553/a18928

лидер должен быть уверенным в себе, а также иметь желание и готовность постоянно работать над своим собственным развитием. Во-вторых, у лидера должны быть хорошие навыки межличностного общения. Он должен быть не только коммуникабельным человеком, но и обладать сильно развитой интуицией. В-третьих, у лидера должно быть упорство. И он должен уметь хорошо справляться со стрессом. В-четвертых, у лидера обязательно должно быть чувство социальной ответственности. И последнее, самое интересное. Во время исследований выяснилось, что у самых лучших лидеров очень высокий уровень оптимизма и счастья. Обычно мы об этом не сильно задумываемся. Но исследования вновь и вновь доказывают, что эти качества очень важны для лидера.

– *А почему так важно ощущение счастья?*

– Мы можем творить и быть по-настоящему продуктивными, только когда счастливы. Ученые обнаружили, что счастье «направляет» кровь к мозгу, для того чтобы подавить негативные чувства и успокоить тревожные мысли. В результате мускулы отдыхают, а энергия и хорошие чувства выходят на свободу. Мозг теперь свободен и может работать с предельной ясностью. И чем счастливее лидер, тем он здоровее. В трудных ситуациях оптимист будет видеть намного больше способов решения проблемы, чем пессимист, у которого есть только один способ. Кроме того, оптимисты харизматичны и привлекают к себе других.

– *А каковы физиологические реакции на горе, грусть?*

– Грусть и горе уменьшают скорость обмена веществ для того, чтобы у человека было время смириться с потерей, пока продолжается траур.

Злость направляет кровь к рукам, чтобы подготовить человека к нанесению удара. Страх направляет кровь к группам больших мускулов, в основном к ногам, для того чтобы человек мог спастись бегством.

Когда человек удивлен, его брови поднимаются, чтобы глаза видели больше. Поток крови зависит от того, какая эмоция – злость, страх или счастье – смешана с удивлением. Позитивное ожидание повышает уровень творческих процессов.

– *А стресс? Как с ним справляться?*

– Когда перед вами появляется трудность, которая действительно

является вызовом, то очень эффективна техника, которую я называю «расслабиться — отсоединиться — сконцентрироваться — сфокусироваться». Расслабиться — значит начать спокойно дышать. Отсоединение означает «отключение» всех «разговоров», которые происходят в мозгу. Сконцентрироваться — «стать на землю» и обратить внимание на то, что происходит в теле. Сфокусировать внимание — значит понять, что ты хочешь ощущать в этот момент. И, только достигнув такого состояния, вы можете задать себе вопрос: «А какова лучшая стратегия для меня?» И тогда к вам вернется способность видеть много разных путей. Очень важно отдыхать, хорошо питаться, заниматься спортом и получать удовольствия. Многие лидеры считают, что их жизнь — это работа. И тогда жизнь становится очень трудной, потому что нет резерва энергии».

В этом интервью нет такого откровенного невежества, как в предыдущем, но есть не менее опасные признаки: сочетание научно-образных банальностей (типа перечисления качеств успешного лидера или призыва хорошо питаться и заниматься спортом) с научнообразной чувшью (вроде описания физиологических реакций на счастье, горе и грусть). И опасность именно в научнообразии изложения и доступности результата. Уже цитированная выше г-жа Аткинсон на эту тему высказалась так: «Коучинг существенно отличается от психологии. Это набор конкретных навыков, которые позволяют думать на перспективу, вдохновляться и творчески работать. В США многие отказываются от услуг психотерапевта и все больше обращаются к коучам. Ведь когда человек приходит к психотерапевту, он — человек с проблемой. А за 30–45 минут работы с коучем он может организовать себя».

35–45 минут — и никакой психологии не надо; со временем можно будет, наверное, заодно и философию отменить — очень уж много времени на нее уходит.

Создается впечатление, что параллельно с традиционным научно-гуманитарным пространством возникает некое околонуучное «мутант-пространство», где за 35–40 минут можно сделать то, на что в традиционной науке уходят иногда и десятилетия. В этом мутант-пространстве все до предела ускорено, и упрощено. Это привлекает широкие массы, дает им иллюзию собственного обновления, участия в творческом процессе, а главное, рекрутирует «обКОУЧенных» в инновационный

бизнес, гуманитаризацию которого мы обсуждаем в этой статье. Такое ощущение, что этим широким массам гуманитарное образование не нужно, оно их просто отвлекает от конкретных дел.

* * *

После этих строк повествование вполне можно было бы перевести в жанр «монолога миссионера», направленного против невежества «этих туземцев» (см. начало статьи) и повторять общие места о «необходимости развития гармоничной личности». Но основной интерес здесь представляет все-таки не гуманитарное невежество некоторых инноваторов (хотя оно с очевидностью обнаружено), а отношение и туземцев, и миссионеров к инновациям. Пр процитируем теперь «миссионеров». Приведем пять различных авторских формулировок задач гуманитаризации высшего научно-технического образования в стране. Не конкретизируя ссылки для каждого отдельного случая, скажем только, что все формулировки приводятся без каких бы то ни было искажений и исходят из социогуманитарных кафедр государственных (в том числе технических) университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани и Томска:

1. В такой стране, как Россия, где исторически сложилась модель традиционного общества, ценностная гуманитарная парадигма инновационной образовательной стратегии должна оставаться предметом особенно бережного внимания со стороны всех субъектов образовательного процесса как на федеральном, так и на региональном уровне. По нашему мнению, образовательно-воспитательная стратегия российской высшей школы на этапе инновационных трансформаций должна сочетать в себе следующие ценностные ориентации и установки:

— целенаправленное формирование российской идентичности в сознании современного молодого поколения как создателя государства и хранителя его великого научного и культурного достояния, стремления к преумножению интеллектуального и духовного потенциала нации;

— воспитание гражданско-патриотических и духовно-нравственных качеств личности молодого специалиста;

— уважение к ценностям гражданского общества и адекватное восприятие реалий современного глобального мира и т. д.

2. Задачами гуманитаризации образования можно считать:

– обеспечение обучающихся необходимой системой знаний по гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам из практики (опыта) жизни по данной профессии и достаточной для последующего непрерывного образования личности;

– создание межпредметных связей дисциплин гуманитарного цикла по предметно-содержательному, предметно-деятельному смыслу профессиональной компетентности выпускника.

3. Гуманитаризация образования означает:

– рассмотрение на занятиях по разным видам дисциплин проблем взаимоотношения человека и природы, места человека во Вселенной и на планете, смысла жизни и т. д.;

– подготовку обучающихся к осознанию этих проблем и участию в их решении.

(...) Смысл процессов гуманизации и гуманитаризации технического образования состоит в том, что в результате действия этих процессов происходит формирование и дальнейшее развитие гармоничной личности будущего профессионала.

4. Правомерность гуманитаристики (в научно-техническом университетском образовании. – *И.А.*) подкрепляется, в общем и целом, тремя взаимосвязанными аргументами:

– во-первых, статус *высшего* учебного заведения заставляет заботиться о достаточно широком образовании, которое способствует не только профессиональной подготовке, но наращиванию духовного потенциала личности;

– во-вторых, подготовка кадров, ориентированных на исследования и разработки, предполагает достаточно гармоничное развитие будущего специалиста, формирование не только аналитических, но и синтетических способностей. Речь идет, образно говоря, о взаимообогащающем «сопряжении» левого и правого полушарий – посредством параллельного овладения физико-математическим и гуманитарным знаниями;

– в-третьих, профессиональная деятельность инженера осуществляется в определенном социальном (институциональном, рыночном, правовом, межличностном и т. д.) контексте, значимость которого в технологии этой деятельности неуклонно возрастает, благодаря –

в первую очередь — происходящему в наши дни переходу к инновационной экономике.

5. Приблизить нас к блаженству познания, присутствующему как в собственно гуманитарной области, так и в естественнонаучной и технической областях, и есть, по существу, сверхзадача гуманитаризации, гуманитарного образования и образования вообще.

В этих пяти в общем очень неплохих формулировках много различий — подходы и расстановки акцентов, целевые ориентации, да где-то и ценностные обоснования. Каждая из пяти формулировок толкует «о своем»: первая — о воспитании гражданско-патриотических качеств студента, вторая — о предметно-профессиональной полноте подготовки специалистов, третья и четвертая, правда, переключаются своими ориентациями на гармоничное развитие личности, но уровень конкретизации и базовые обоснования этих ориентаций заметно различаются. Ну а пятая формулировка навеяна, конечно, исключительно просветительской романтикой эпохи Нового времени.

Такую разногласию уже самое по себе воспринимать трудно, и коренится она, по-моему, в наших «особенностях национальной гуманитаристики», которая еще просто не сформирована. Вакуум, оставшийся после исчезновения обществоведческих дисциплин в системе университетского научно-технического образования советских времен, оказался слишком глубоким, и процесс его (вакуума) заполнения оказался, по-видимому, более длительным, чем это предполагалось поначалу. А это, в свою очередь, имеет более общую и более печальную причину — в стране и в ее властных структурах отсутствует какое бы то ни было представление о стратегии гуманитарного развития общества. И, что еще печальнее, мало кто (власть уж по крайней мере) озабочен формированием такой стратегии. Во всех спускаемых сверху доктринах, планах и стратегиях развития чего угодно по-прежнему доминирует экономически фундируемые ценностные обоснования и целеполагания. Правда, последние лет десять с высоких трибун уже произносятся слова о человеческом потенциале, его сохранении, развитии и реализации, но слова эти остаются словами, и человеческий потенциал в нашей стране так и не стал еще основной ценностью.

Но вернемся к процитированным выше формулировкам задач гуманитаризации высшего научно-технического образования.

В них все-таки есть нечто их объединяющее. И это, к сожалению, — отсутствие ощущения сегодняшнего дня. Все пять образцов годятся и для индустриальной, и для постиндустриальной эпохи. В конечном итоге здесь по-прежнему высвечивается пусть до сих пор не решенная, но давно и хорошо известная проблема «двух культур», о чем мы говорили в самом начале этой статьи. В одной из предыдущих своих работ мы уже пытались прочесть эту проблему в контексте инновационного процесса¹, поэтому перейдем к следующему проблемному рубежу.

Природа новой проблемы, обещанной в предыдущем абзаце, также имеет социокультурную природу (что неудивительно, поскольку инновационный процесс — это в большей степени социокультурный, нежели техно-экономический феномен), так как на проблему двух культур (по Ч. Сноу) здесь накладывается проблема современной — префигуративной — культуры (по М. Мид). Известная американская исследовательница — антрополог, этнограф и социолог — Маргарет Мид выделила три типа культуры межпоколенных отношений: 1) постфигуративный тип культуры, где дети учатся прежде всего у своих предшественников, — он преобладал в патриархальном, традиционном обществе, ориентированном во многом на опыт предыдущих поколений (постфигуративная культура главным образом характеризует примитивные общества и небольшие религиозные или идеологические анклав); 2) кофигуративный (или конфигуративный) тип культуры, где дети и взрослые учатся по преимуществу у сверстников (современников) и которая выступает как своего рода исторически промежуточный тип культуры; она свойственна для времени, характеризующегося ускоренным развитием общества и технических средств, что делает опыт предыдущих поколений недостаточным — люди в процессе познания, обучения ориентируются не только на старших, но и на современников, равных по возрасту и опыту; 3) префигуративный тип культуры, где взрослые учатся также и у детей и который характеризует

¹ *Ашмарин И.И.* Инновации в пространстве «двух культур» // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. М.: Институт философии РАН, 2008. С. 153.

наш современный мир¹. Концепция М. Мид имеет в своей основе зависимость межпоколенных отношений от темпов научно-технического и социального развития и подчеркивает, что горизонтальная трансляция культуры включает в себя не только информационный поток от родителей к детям, но и молодежную интерпретацию современной ситуации, влияющую на старшее поколение. Префигуративная культура, «где взрослые учатся также у своих детей», отражает то время, в котором мы живем, отмечает М. Мид. Это культура постиндустриальной эпохи, когда ведущей становится технология производства знания.

Префигуративный тип культуры определяет новый тип социальной связи между поколениями, когда образ жизни старшего поколения не тяготеет над младшим². Темп обновления знаний при этом настолько высок, что молодежь оказывается более сведущей, чем старики. То есть носители гуманитарного знания могут существенно отставать от инноваторов. И когда мы говорим о темпе обновления знания, мы имеем в виду как гуманитарное, так и инновационное знание. Уже только новый тип социальной связи между поколениями порождает новый пласт гуманитарного знания.

Вот, на наш взгляд, основная причина той оппозиции «миссионеры—туземцы», которую мы наметили в начале этой статьи. Гуманитаризация должна быть направлена не только на инновационный процесс, но и на все общество в целом, поскольку инновационный процесс не только потребитель «старого»³, но и источник нового гуманитарного знания. Новое время всегда формировало такие знания, и поэтому сегодня, когда нынешнее — безусловно новое — время уже необратимо начало свой цивилизационный отсчет успехов и неудач в их освоении, наше общество и наука стоит перед

¹ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988; Культурология XX век: Энциклопедия. Т. 2. СПб, 1998.

² Заметим вскользь, что, применяя концепцию М. Мид к анализу инновационного климата в обществе, дифференциацию общества имеет смысл проводить не только по возрастным когортам (поколениям), но и по социальным группам (профессиональным, экономическим, конфессиональным и т.д.), имея в виду степень их вовлеченности в инновационный процесс.

³ Кавычки употреблены, потому что язык не поворачивается назвать гуманитарное (а значит, фундаментальное) знание *старым*.

настоятельной необходимостью осознания появления этих знаний и обновления подходов ко всем новым и старым гуманитарным проблемам. Каковы контуры этого обновления – тема наших последующих исследований.

Г.Б. Степанова

*ТВОРЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАЗРАБОТКЕ
ИННОВАЦИОННОГО ПРОДУКТА*

Инновационный путь развития России декларируется в настоящее время властными и бизнес-кругами как единственно возможный. Подчеркивается, что в современных условиях инновационная политика как отдельных предприятий, так и страны в целом является определяющим инструментом в конкурентной борьбе, тем самым создавая предпосылки для экономического роста. Причем наибольшего успеха добиваются те предприятия, в которых инновации создаются не от случая к случаю, а идет постоянный процесс совершенствования технологического базиса и выпускаемой продукции. В России, по данным статистического наблюдения¹, за инновационной деятельностью организаций в 2007 г. более половины организаций (52,9%), имевших технологические инновации, разрабатывали их самостоятельно, треть — кооперировались с другими организациями, для 15,5% организаций инновации разрабатывались только другими организациями. Примерно в таком же соотношении разрабатывались маркетинговые и организационные инновации.

Приведенные выше цифры показывают, что многие предприятия и организации осуществляют самостоятельную инновационную деятельность, функцией которой является изменение продукта, технологии, услуги и т. п. Причем изменения затрагивают не только технологию производства, продукт, но и структуру организации. Для разработки инноваций создаются специальные подразделения, подбираются группы разработчиков, привлекаются специалисты, организуется совместная деятельность.

¹ http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_04/IssWWW.exe/Stg/10/1-innovac.htm

Однако вначале обозначим основные представления об инновациях и инновационной деятельности, которые содержатся в литературе¹. Под инновацией понимается новый порядок, новый метод, новая продукция или технология, новое явление. Инновация интерпретируется также как превращение потенциального научно-технического прогресса в реальный, воплощающийся в новых продуктах и технологиях. Под инновационной деятельностью в процессе разработки, освоения и реализации научно-технических нововведений подразумеваются виды деятельности, непосредственно связанные с получением, воспроизводством новых научных, научно-технических знаний и их реализацией в материальной сфере экономики. Подчеркивается важность доведения научных, технических идей, разработок до конкретной продукции и технологии, пользующейся спросом на рынке.

Существует достаточно много исследований, в которых дается анализ инновационных процессов на макроэкономическом уровне. В.Ж. Келле обосновывает необходимость создания национальной *инновационной системы (ИС)* для обеспечения инновационной деятельности в масштабах страны, которая создает условия для генерирования инноваций и полноценного комплексного подхода к решению проблем технологического развития². Им предложены основные свойства инфраструктуры, которую можно разделить на *исследовательскую* и *социально-экономическую*. Первая является частью технологического процесса создания инноваций. *Социально-экономическая инфраструктура* обслуживает процесс создания инноваций, связывая ИС с обществом, его потребностями, делая возможным ее функционирование в условиях рыночной экономики, определенной организации общественной жизни и социокультурной среды с ее традициями, законами, нормами, факторами, побуждающими людей заниматься инновационной деятельностью. Создание инноваций является процессом преимущественно научно-технологическим, однако в него вовлечены специалисты в области естественных и технических наук, математики,

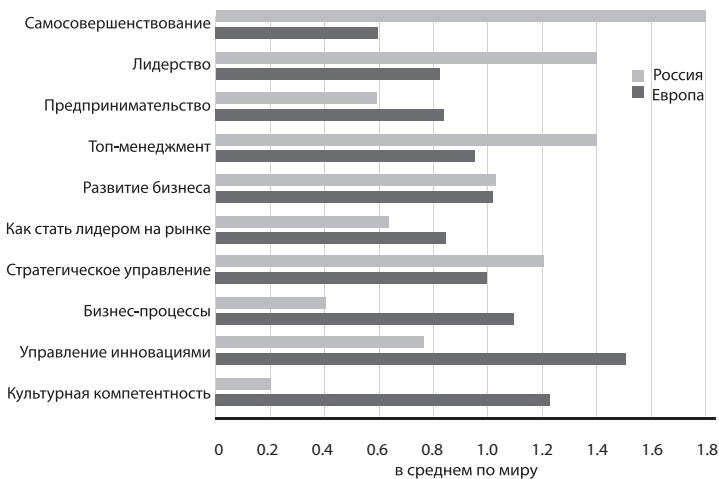
¹ http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RIttuig.outtg9!kl9y!r;tuxy; <http://www.dist-cons.ru/modules/innova/section5.html#5.1>

² Келле В.Ж. Формирование инновационной инфраструктуры и молодежь // Инновационное развитие России и человеческий потенциал молодежи. М.: ИФРАН, 2008.

инженеры и техники, конструкторы и менеджеры – организаторы коллективов разработчиков инновационного продукта. Таким образом, эффективность функционирования инновационной системы во многом определяется готовностью и подготовленностью общества к инновационной деятельности – социокультурными, культурно-образовательными, характеристиками общества в целом и соответствующими индивидуальными (в т.ч. психологическими) характеристиками его членов, особенно создателей инновационной продукции. В некоторой степени уровень этой готовности и подготовленности могут характеризовать данные о том, чему стремятся учиться на разнообразных курсах бизнес-лидеры России и Европы (см. диаграмму¹).

На диаграмме видно, что для российских бизнесменов в числе приоритетов – стремление к самосовершенствованию и лидерству, которые в большей степени характеризуют личностные, а не профессионально важные качества. Желание освоить топ-менеджмент также, скорее, указывает на карьерный, а не профессиональный интерес. Управление инновациями и бизнес-процессы, т.е. профессионально содержательные курсы имеют для них небольшое значение, так же как и повышение культурной компетенции.

Диаграмма. Чему стремятся учиться бизнес-лидеры России и Европы

¹ http://www.cecsi.ru/coach/developing_yourself.htm

Таким образом, наша бизнес-элита не вполне отчетливо ориентируется в управлении инновационными процессами и мало стремится к обучению в этой области. С моей точки зрения, подготовленность к инновационной деятельности характеризуется взаимосвязью формирования ценностно-смысловой организации личности и профессионального развития.

Результаты обследования студентов МИФИ, проведенные совместно с И.И. Ашмариным¹, показывают, что формирование представлений об инновациях и отношения к различным сторонам инновационного процесса включено в процесс личностного развития. Чем в большей степени сформирована мотивационная структура личности, ее направленность, тем более осознанны у таких студентов представления об инновациях, тем более отчетливо формируется целостная совокупность отношений к различным сторонам инновационной деятельности. Причем в наибольшей степени это относится к студентам с деловой направленностью. Корреляционный анализ показывает наличие более обширной и структурированной совокупности взаимосвязей личностных показателей с представлениями о различных сторонах инновационных процессов. Это и понятно — инновационные разработки так или иначе могут быть включены в будущую профессиональную деятельность сегодняшних студентов, поэтому для людей с деловой направленностью отношение к ним является атрибутом профессиональной компетенции. Студенты, в большей степени ориентированные на «себя» и на «общение», в меньшей степени озабочены ролью инноваций как в своей будущей профессиональной деятельности, так и в более широкой системе отношений к себе, миру, другим людям.

Готовность к инновационной деятельности также обусловлена некоторыми социально-психологическими и культурными факторами, которые могут как препятствовать, так и способствовать ее реализации. В первом случае это сопротивление переменам, которые могут вызвать такие последствия, как изменение статуса, необходимость поиска новой работы, перестройка устоявшихся способов деятельности, нару-

¹ Ашмарин И.И., Новохатько И.М., Степанова Г.Б. Человеческий потенциал студентов и их подготовленность к участию в инновационной деятельности // Инновационное развитие России и человеческий потенциал молодежи. М.: Изд-во МосГУ, 2008.

шение стереотипов поведения, сложившихся традиций; боязнь неопределенности, опасение наказаний за неудачу; сопротивление всему новому, что поступает извне. Во втором – моральное поощрение, общественное признание; обеспечение возможностей самореализации, освобождение творческого труда, нормальный психологический климат в трудовом коллективе

Важно отметить, что инновационная деятельность может осуществляться не только на «глобальном» уровне, например компьютеры, мобильная связь, Интернет и т.п., но и на «локальном» – на уровне небольшого предприятия, фирмы – это оптимизация управления, создание имиджа, нестандартные способы реализации продукции и т.п. Кроме того, инновации могут разрабатываться и реализовываться не только в сфере технологий, промышленного производства, но и в области социально-гуманитарной (образование, медицина, психологические технологии). Могут разрабатываться они и на стыке этих областей, например информационные технологии в образовании. Имеет значение также направленность инновации. Разработка массового, т.е. дешевого и простого в управлении, автомобиля Генри Фордом несомненно, является инновационной разработкой, однако при этом ничего принципиально нового изобретено не было. Еще одно обстоятельство имеет значение – неопределенность и масштабы последующей «жизни» инновационного продукта. Создатели первых компьютеров и не предполагали, что они станут в прямом смысле персональными. В то же время наверняка найдется огромное количество забытых разработок, которым прочили долгосрочную перспективу. В литературе приводятся разнообразные типологии и классификации инноваций¹. Что же общего может быть между, например, разработкой нового фармацевтического препарата и созданием развивающей методики обучения детей дошкольного возраста? На мой взгляд, этим объединяющим фактором является наличие творческого компонента в такого рода деятельности, в любой сфере ее приложения и на любом уровне реализации.

В психологических работах инновационная деятельность представляется как процесс решения творческих задач, в котором развивается творческий потенциал субъекта деятельности, в результате

¹ <http://www.invest-sale.ru/index.php?action=articles&id=42>

чего вырабатываются собственные интегративные схемы разных типов (синтез знаний, получаемых из разных источников, приведения их в систему в целях применения на практике, в процессе решения теоретических и практических задач, осуществления обратной связи)¹.

Анализируя определения инновационной и творческой деятельности, целесообразно обратить внимание на их взаимосвязь и наличие общих характеристик. Так, «инновация — это нововведение, комплексный процесс создания, распространения и использования новшеств (нового практического средства) для удовлетворения человеческих потребностей, меняющихся под воздействием развития общества»². Творчество также рассматривается как форма созидания нового. Данная трактовка определяет творчество как создание качественно нового в различных планах и масштабах, закрепленного материально или духовно (культурно). Творчество — это процесс создания субъективно нового, основанный на способности порождать оригинальные идеи и использовать нестандартные способы деятельности³. Ключевой смысл в понятиях «творчество» и «инновация» — создание нового. Однако, эти понятия синонимами не являются. Под творчеством подразумевается генерация новых идей, инновация же есть их успешное воплощение. Творчество — это открытие принципа, инновация — перевод этого принципа в полезные товары и услуги. В процессе инновации идеи материализуются в реальные товары и услуги, способные принести организации дополнительный доход. Причем «доход» не обязательно материальный — новые образовательные, психологические, биомедицинские технологии не всегда приводят к прямой экономической выгоде. Вложения в здоровье и развитие человека часто дают социально и культурно опосредованный эффект. Однако в любом случае инновационная деятельность предполагает разработку общественнозначимого нового продукта или технологии. Творчество по сути своей субъективно, создание такого нового может оказаться побочным продуктом этого процесса. Психоло-

¹ <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/25800/>

² <http://www.invest-sale.ru/index.php?action=articles&id=42>

³ http://planetadisser.com/see/dis_53515.html

логически понятие «творчество» более широко, оно может включаться в инновационную деятельность и может реализоваться в чем-то другом, не имеющем практического значения. Творчество — это не столько деятельность вообще, сколько специфическая деятельность в самой деятельности, увеличивающая созидательный потенциал последней. Социально более широкий характер имеет понятие инновации, поскольку она ориентирована на практику, на потребительские свойства, на определенных этапах может включать творческий компонент, на других — более «традиционные» формы деятельности. Соответственно, и качества инновационного и творческого типа личности имеют ряд общих и различных характеристик. В исследованиях, посвященных инновационной деятельности, анализируются качества личности, необходимые для ее успешной реализации, приводятся их различные классификации. Специфика инновации как деятельности порождает определённый тип личности¹. В целях поиска характерных качественных черт инновационного типа личности многие авторы строят их типологию на аналитическом совмещении имеющихся в литературе представлений о «современной», «творческой», «самоактуализирующейся» личности и различных подходов к уяснению «инновационной» личности. Такой исследовательский подход представляется перспективным, так как модель современной личности отражает черты, востребованные прогностическими тенденциями развития общества, в то время как творчество является атрибутивным качеством современной личности и инновации одновременно, а инновационность находит выражение в особом сочетании специфических черт личности. Рассматривая инновацию как особым образом организованную деятельность, Г.И. Герасимов и Л.В. Илюхина приходят к выводу о том, что она востребует совершенно определённую совокупность характерологических черт личности, среди которых:

- «— потребность в переменах, умение уйти от власти традиций, определяя точки развития и адекватные им социальные механизмы;
- наличие креативности как личностного качества и творческого (креативного) мышления;

¹ См., например: *Громов Г.Р.* Кадровая политика инновационной фирмы. http://www.wdigest.ru/innovation_mechanizm_hr.htm

- способность находить идеи и использовать возможности их оптимальной реализации;
- системный, прогностический подход к отбору и организации нововведений;
- способность ориентироваться в состоянии неопределённости и определять допустимую степень риска;
- готовность к преодолению постоянно возникающих препятствий;
- развитая способность к рефлексии, самоанализу»¹.

Творческая личность характеризуется²:

- гибкостью в идеях и мыслях, находчивостью;
- высокой толерантностью к неопределённым и неразрешимым ситуациям, конструктивной активностью в этих ситуациях;
- независимостью, уверенностью в себе, управлением собственным поведением на основе внутренних ценностей и критериев;
- восприимчивостью к новому и необычному, интересом к непонятному;
- восприятием себя самого как человека творческого, способного создать нечто новое;
- поглощенностью действиями, предприимчивостью;
- развитым эстетическим чувством;
- широтой интересов, любознательностью, склонностью к экспериментированию;
- чувством юмора;
- рефлексивностью;
- интуитивностью.

Таким образом, мы видим, что общими чертами инновационной и творческой личности являются восприимчивость к новому, способность ориентироваться в состоянии неопределённости и генерировать идеи, рефлексия. Не всякая креативность приводит к тому, что человек создает творческие продукты деятельности, обладающие

¹ Герасимов Г.И., Илюхина Л.В. Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы. <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/84211>

² Davis C.A. Portrait of the Creative Person. The Education Forum Volume. 1995. Vol. 59–4.

потребительскими качествами. Разделяют «наивную» и «культурную» креативность. В первом случае это некая «сырая» способность создавать что-то новое, имеющаяся у большинства детей, но чаще всего ослабевающая по мере взросления. Во втором случае это способность к продуктивному творчеству, основанная как на опыте, так и на интеллектуальных способностях. Отличие инновационного типа личности от творческого, как видно из сравнительного анализа определений, характеризуется наличием у первого психологических механизмов реализации задуманного. То есть, не всякий изобретатель – генератор идей – обязательно обладает деловой хваткой бизнесмена. Тем не менее всё чаще само понятие «творчество» рассматривается в более широком смысле: как способность человека гибко относиться к самой своей жизни, как способность находить альтернативные варианты решений проблем, как способность добиваться успеха в реализации своих идей. Р. Штернберг полагает, что успешное творчество в жизни не сводится только к способности генерировать новые идеи. Он предлагает вырабатывать у людей три различные составляющие успешной самореализации¹:

1. Собственно творческую: умение находить новые интересные идеи, выходить за рамки принятых норм, видеть скрытые для других возможности.

2. Аналитическую: способность анализировать и оценивать идеи, предвидеть последствия новых идей, решать проблемы и принимать решения.

3. Практическую: умение реализовывать идеи. Даже самая великолепная идея бесполезна, пока её не воплотят в реальном мире в виде эффективного решения, пока она не принесёт своих плодов.

Такое понимание творчества уже ближе к инновационной деятельности. Оно предполагает возможность создания условий для актуализации творческих способностей, их анализ в контексте целенаправленной реализации. По мнению В.Н. Дружинина, «креативность является свойством, которое актуализируется лишь тогда, когда это позволяет окружающая среда»². Он считает, что такая среда обладает

¹ Штернберг Р. Интеллект, приносящий успех / Пер. с англ. С.И. Ананина. М.: ПОПУРРИ, 2000.

² Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб.: ПИТЕР, 2000. С. 219.

высокой степенью неопределенности и потенциальной многовариантностью (богатством возможностей). Неопределенность стимулирует поиск собственных ориентиров, а не принятие готовых; многовариантность обеспечивает возможность их нахождения. Автор выделяет две фазы развития креативности, как общей неспециализированной творческой способности в 3–5 лет и как «специализированной», связанной с определенной сферой человеческой деятельности, — в подростковом возрасте. Как показывают исследования А.Г. Грецова, в повседневной жизни уровень креативности у российских школьников падает (см. таблицу¹).

Таблица. Показатели вербальной креативности у российских школьников

Возраст/ Показатель	Беглость	Гибкость	Оригинальность
6–8 лет	100	100	100
11–12 лет	93	83	87
15–17 лет	71	78	103

В.Н. Дружинин объясняет это тем, что креативность предполагает независимое поведение, в то время как социум заинтересован во внутренней стабильности и непрерывном воспроизведении существующих норм, продуктов и т.д. Он делает вывод, что формирование креативности возможно лишь в специально организованной среде. Однако в его исследованиях речь идет о формировании креативности у детей.

Для целей исследования формирования готовности и подготовленности людей к инновационной деятельности более значимым представляется анализ возможностей развития творческого компонента деятельности у разработчиков инновационного продукта. В настоящее время рекламируются разного рода тренинги, обучающие программы по развитию творческого потенциала. Имеют ли они под собой научное основание? Можно ли за несколько часов, дней или месяцев повысить уровень креативности? Подавляющее большинство такого рода методик основаны на концепции креатив-

¹ Грецов А.Г. Тренинг креативности для старшеклассников и студентов. Спб.: ПИТЕР, 2007. С. 23.

ности Дж. Гилфорда и Э.П. Торренса. В основе этой концепции лежит представление о различии между двумя типами мыслительных операций: конвергенцией и дивергенцией. Конвергентное мышление актуализируется в том случае, когда человеку, решающему задачу, надо найти единственно верное решение. Дивергентность, определяемая как «способность мыслить в разных направлениях», отвечает потребности выхода в более широкое «пространство». Популярности концепции Гилфорда также способствовали разработанные на ее основе тесты «на креативность». Д.Б. Богоявленская¹ признает, что «наряду с попыткой снятия ограничений в исследовании творческого потенциала личности, присущих методу проблемных ситуаций и тестам «на IQ», их достоинство заключается также в простоте проведения и возможности группового тестирования». Дж. Гилфорд² выделяет шесть параметров креативности:

- 1) способность к обнаружению и постановке проблемы;
- 2) способность к генерированию большого числа идей;
- 3) гибкость – способность продуцировать разнообразные идеи;
- 4) оригинальность – способность отвечать на раздражители нестандартно;
- 5) способность усовершенствовать объект, добавляя детали;
- 6) способность решать проблемы, т.е. способность к анализу и синтезу.

Приверженцы этой концепции считают, что тесты, направленные на измерение беглости, оригинальности, гибкости мышления в невербальных, символических, семантических и поведенческих задачах, выявляют дивергентное мышление. Задачи типа «перечислите как можно больше способов использования предмета» (кирпича, консервной банки и т.п.) наиболее характерны для тестов, определяющих дивергентные семантические категории. На развитие дивергентного мышления направлены и тренинги креативности, слушателям курсов и читателям пособий предлагается решать подобные задачи, тренируя беглость, оригинальность и гибкость мышления. Отече-

¹ Богоявленская Д.Б. Что выявляют тесты интеллекта и креативности? // Психология / Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 2. С. 56.

² Цит. по: Дружинину В.Н. Психология общих способностей. Спб.: ПИТЕР, 2000. С. 184.

ственные психологи (Д.Б. Богоявленская, В.Н. Дружинин), рассматривают творчество как свойство целостной личности, отражающее взаимодействие когнитивной и аффективной сфер в их единстве, где исключение одной из сторон невозможно. Разнообразные методики развития креативности, предполагающие локальные воздействия, обычно стимулируют усвоение субъектом некоторой новой технологии решения. В этом случае креативность, по мнению В.Н. Дружинина, «является чисто ситуативной характеристикой – реакцией на внешние по отношению к субъекту требования и привнесенные извне проблемы»¹. Такое креативное поведение имеет недостаточную мотивационную базу. Д.Б. Богоявленская подвергает сомнению сами выделенные Дж. Гилфордом параметры креативности. Так, по ее мнению, «тестовая инструкция, требующая выдачи максимально большого количества неординарных ответов, стимулирует не столько продуктивный процесс, а использование ряда обходных искусственных приемов, повышающих количество неординарных ответов, но никак не связанных с механизмами творчества»². Беглость также не является специфическим показателем креативности, так как фактически отражает способность к актуализации знаний, т.е. мнемическую способность. Это же относится и к критерию гибкости – характерному признаку интеллекта. Для развития творческих способностей недостаточно разрабатывать курсы обучения и программы тренингов (т.е. ускорения, усложнения и т.д.). Необходимо создавать условия для формирования внутренней мотивации деятельности, направленности личности и системы ценностей. Д.Б. Богоявленская считает, что «стремление найти мистическую творческую способность, золотой ключик, которым можно просто и легко открыть потайную дверь за очагом и войти в царство творчества, – всего лишь уход от архитрудной задачи развития способностей и формирования личности. Только выполнение этих задач ведет к развитию творческих способностей, и никакой тренинг этого не может заменить. Самый совершенный тренинг может позволить лишь отработать ряд операций и повысить балл теста, где эти операции актуальны»³. Таким образом, цитиро-

¹ Там же. С. 219.

² Богоявленская Д.Б. Указ. соч. С. 56.

³ Там же. С. 62.

ванные выше авторы считают, что процесс развития творческих способностей начинается в детстве, является составной частью общего развития и формирования личности. Ими были предложены оригинальные методики формирования и оценки креативности у детей дошкольного и школьного возраста.

Зададимся вопросом, возможно ли создать условия если не для формирования творческих способностей, то, во всяком случае, для их наиболее полной актуализации. К таким условиям можно отнести, например, благоприятную обстановку в коллективе (детском, взрослом) и доброжелательность руководителя, атмосферу сотворчества и отсутствие образца регламентированного поведения, поощрение любознательности, высказываний оригинальных идей и отсутствие критики по этому поводу, наличие позитивного образца творческого поведения и его социальное подкрепление. Важно отметить, что творчество проявляется в свободной ситуации. Соревнование, дефицит времени, мотивация достижения, четкая формулировка цели препятствуют проявлению творческой деятельности. Как же организовать деятельность по разработке инновационного продукта таким образом, чтобы в ней присутствовал и наиболее полно раскрывался творческий потенциал ее субъектов?

Важной особенностью инновационной деятельности является то, что она является деятельностью трудовой и осуществляется коллективно. Если до начала XX в. инновации возникали, как правило, благодаря усилиям отдельных лиц, которые соединяли в себе черты изобретателя и предпринимателя-одиночки, то в настоящее время инновационный процесс может осуществляться лишь в рамках организаций. Его успешное протекание зависит от множества людей, которые обладают самыми разными профессиональными знаниями и навыками (ученых, конструкторов, инженеров, финансистов, специалистов по сбыту и т.д.) и интегрированы в инновационный процесс на основе разделения труда. Таким образом, в психологическом смысле эта деятельность по разработке инновации является совместной.

Г.М. Андреева считает, что участие одновременно многих людей в этой деятельности означает, что каждый должен внести свой особый вклад в нее, что и позволяет интерпретировать *взаимодействие* этих людей как организацию их совместной деятельности. В ходе ее для участников чрезвычайно важно не только обменяться информацией,

но и организовать «обмен действиями», спланировать общую деятельность. В ходе совместной деятельности, «по поводу» ее организуется коммуникация, и именно в этом процессе людям необходимо обмениваться и информацией, и самой деятельностью, т. е. вырабатывать формы и нормы совместных действий¹.

Специфика совместной *интеллектуальной* деятельности, по мнению А.Н. Воронина, «определяется более конкретной общей целью совместной деятельности (решение познавательной задачи или проблемы), наличием феномена «преодоления интеллектуальной несостоятельности», ситуативным характером распределения этапов деятельности (или ролей) между ее участниками и разворачивающимся по этому поводу взаимодействием, ситуативно обусловленным изменением уровня интеллекта и креативности участников совместной интеллектуальной деятельности»². Проявление интеллекта и креативности зависит от конкретных межличностных отношений, личностных особенностей и параметров социальной ситуации, в которой разворачивается совместная интеллектуальная деятельность. В цитируемой работе экспериментально доказано, что оптимальность проявления интеллекта и креативности обратно пропорциональна степени социального контроля. Позитивное отношение к сложившимся межличностным отношениям, их принятие и адекватное их восприятие делают более оптимальными условия проявления интеллекта и креативности.

Таким образом, можно сделать вывод о значимости психологической совместимости в группе разработчиков инновации. Понятие психологической совместимости учитывает:

- взаимное приятие партнеров по общению и совместной деятельности;
- развитие межличностных эмоциональных и информационных связей;
- развитие взаимопонимания и взаимодействия;
- личную и общую подготовленность членов группы к совместной деятельности;

¹ Андреева Г.М. Социальная психология. <http://www.psylib.ukrweb.net/books/andrg01/index.htm>

² Воронин А.Н. Интеллект и креативность в совместной деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13 : М., 2004. 376 с. <http://www.lib.ua-ru.net/diss/vved/121238.html>

- сочетание (сходство или взаимодополнительность) ценностных ориентаций, социальных установок, интересов, мотивов и т. п.;
- взаимное дополнение членами группы физических, психических и психофизиологических возможностей друг друга, необходимое для успешной коллективной деятельности;
- согласованность представлений членов группы о том, что именно, с кем и в какой последовательности должен делать каждый для достижения общей цели;
- сведение к минимуму антипатий, качеств, которые раздражают других, заставляют избегать контактов.

Отсутствие психологической совместимости в профессиональной группе – это не просто различие ценностных установок, отсутствие дружеских связей, неуважение или неприязнь людей друг к другу. Это неспособность в критических ситуациях понять друг друга, различия во внимании, мышлении, мотивации и других свойствах личности, которые препятствуют совместной деятельности.

Вообще говоря, существует два основных подхода к повышению эффективности трудовой деятельности. Первый (это по сути теория Ф. Тейлора) предполагает, что людей нужно принуждать к труду; они избегают ответственности и перемен; им нельзя доверять – люди хотят, чтобы ими руководили. Акцент делается на тактике контроля, на процедурах и методах, дающих возможность предписывать людям, что им надлежит делать, определять, выполняют ли они это, и применять поощрения и наказания. Другой подход повышенное внимание уделяет природе взаимоотношений, созданию среды, благоприятствующей возникновению преданности, организационным целям, предоставляющим возможность максимального проявления инициативы, изобретательности и самостоятельности при достижении их. Выше было показано, что такой подход создает больше возможностей для проявления интеллекта и креативности в совместной деятельности, которые являются профессионально важными качествами для разработчиков инноваций. Такой подход может оказаться более эффективным и для реализации других качеств инновационного типа личности.

Рассматривая различные формы организации совместной профессиональной (трудовой) деятельности (например, рабочие группы,

бригады, экипажи, команды), важно отметить, что они существенно разнятся типом руководства, координации, мотивации персонала, обмена информацией, контроля, оценки результатов и т. п. На вопрос о том, каковы основные формы организации инновационного процесса, в работе, посвященной инновационному предпринимательству, приводится следующий ответ: «Бригадное новаторство и временные творческие коллективы представляют собой необходимый элемент организации инновационного процесса. Возросший темп нововведений привел к сокращению как времени проектирования, так и жизненного цикла продукции. Поэтому, чтобы создать новые изделия для удовлетворения будущих потребностей, разработчики должны развивать инновационную систему, которая превратит новаторство из случайных озарений в повседневную практику. На успех может надеяться лишь новаторская и умелая бригада, каждый член которой знаком с основами смежных дисциплин»¹.

В нашем контексте интерес представляет анализ командной формы организации трудовой деятельности и возможностей его реализации в группах разработчиков инновационной продукции. Эффективность командной формы организации такого рода трудовой деятельности основывается, в частности, на повышении инновационных возможностей исследовательской группы за счет способности быстро реагировать на изменения и перестраивать в связи с этим свои стратегические и тактические программы, атмосферы творческого поиска, обучения через деятельность, совместную работу и решение проблем, а также принятия на себя как индивидуальной, так и коллективной ответственности за перспективы развития и реализации той или иной инновационной разработки. Участники команды хорошо справляются в выполнении многофункциональных, пересекающих границы конкретного подразделения задач, требующих координации использования ресурсов из многих функциональных областей. Разделение труда принимает иные формы, чем в обычной организации. Свои профессиональные обязанности члены коллектива распределяют между собой сами в зависимости от складывающихся условий деятельности. В каждой проблемной ситуации выполнять рабочие операции поручается тому,

¹ <http://www.dist-cons.ru/modules/innova/section5.html>

кто способен сделать это наилучшим образом. Неумение одного совершать какие-либо работы или операции компенсируется знаниями и навыками другого.

Команда состоит из группы специалистов, принадлежащих к различным сферам организационной деятельности и работающих совместно над решением тех или иных проблем. Подразделения такого рода характеризуются повышенной подвижностью организационных структур – им свойственна, по утверждению А.И. Пригожина, «меняющаяся геометрия»¹, зависящая от смены задач (переход сотрудников от проекта к проекту, приглашение внешних экспертов и исполнителей, создание временных отделов и т.п.). В командной структуре различные функциональные представители работают совместно. Через групповое обсуждение идет взаимное познание функций других членов группы и развитие навыков совместной работы. С.А. Никонова считает, что к основным процессам, происходящим в командах, относятся взаимовлияние группы и личности в процессе общения, а также процессы идентификации, коммуникации, комфортности межличностных отношений, формирования норм и правил поведения, разрешения конфликтов, сплоченности, психологического климата и др.²

Критическим фактором, определяющим эффективность работы команды, является распределение функций между ее членами, т.е. распределение ролей внутри команды. В литературе³ приводятся различные составы команд, при этом подчеркивается, что он определяется типом команды, ее миссией и конкретными целями деятельности. Наличие людей, играющих целевые роли, пишет С. Резник, необходимо для обеспечения достижения командой своих целей. Каждая из целевых ролей несет огромную функциональную нагрузку, поэтому нежелательно исполнение одним человеком нескольких ролей одновременно. Учитывая специфику деятельности подразделения или

¹ Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995.

² Никонова С.А. Формирование и развитие управленческих команд на предприятиях. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 123 с.

³ <http://www.intuit.ru/department/itmngt/isimman/9/>; http://www.iteam.ru/publications/human/section_70/article_2215/; <http://www.referatbar.ru/referats/40A1A-1.html>; http://www.elitarium.ru/2006/10/28/kak_raspredelenie_rolejj_v_komande_vlijaet_na_uspekh_obshhego_dela.html

организации, целевые роли могут изменяться, их список может дополняться новыми и, наоборот, избавляться от ненужных. Т. Хохлова¹ считает, что в процессе командного строительства обеспечивается наиболее эффективное использование человеческих ресурсов организации за счет следующих факторов:

– возникновение групповой компетенции на основе синергетического эффекта, когда физические, интеллектуальные, деловые и профессиональные усилия одного работника умножаются на усилия других и сплоченная команда оказывается в состоянии решать задачи, непосильные для обычной рабочей группы специалистов;

– появление конгруэнтности структур группы, т. е. совпадение формального организационного устройства с неформальной структурой межличностных отношений, сочетание роли формального и неформального лидера, что позволяет сократить число непродуктивных конфликтов;

– мобилизация внутренних ресурсов и раскрытие потенциала каждого работника, когда, по словам П. Дракера, обычные люди становятся способными совершать экстраординарные поступки;

– включение механизмов групповой самоорганизации, социального контроля и саморегуляции поведения, способствующих развитию приемов самоуправления;

– уникальная гибкость и адаптивность команд, обеспечивающие их высокую инновационную готовность, открытость передовым технологиям и достижениям.

В заключение можно кратко сформулировать следующие выводы.

Условия неопределенности, характеризующие процесс разработки инновационного продукта, требуют максимально полного включения творческого компонента в деятельность на разных этапах ее реализации.

Формирование творческих способностей включено в процесс личностного развития, поэтому не может осуществляться посредством ситуативных кратковременных тренингов. Для развития креативности необходимо создание определенной социокультурной среды, специ-

¹ Хохлова Т. Team-building как основа современных персонал-технологий. <http://www.top-personal.ru/issue.html?389>

альных программ обучения на всех этапах образования для возрастных категорий учащихся.

Актуализация творческого компонента деятельности по разработке инновационного продукта происходит успешнее в условиях совместной деятельности, организованной по типу командной. Для сплоченной команды характерен особый социально-психологический климат, который делает возможным наиболее полную реализацию профессионально важных качеств инновационной личности, в частности интеллекта и креативности.

Мобильная организационная структура команды позволяет эффективно работать в условиях «неопределенности», т.е. с открытыми задачами, при решении которых неизвестна вся совокупность действующих факторов и существует необходимость в выработке множества гипотез.

В инновационной команде создаются условия для формирования внутренней познавательной мотивации, возникают позитивные образцы творческого поведения. Деятельность менее формализованна и ориентирована на получение информации из разных сфер профессиональной деятельности, имеющей отношение к проблеме, тем самым увеличивается разнообразие и повышается качество выдвигаемых инновационных гипотез.

М.С. Киселева

НАУЧНЫЙ ФАКТ
В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ:
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

Обсуждение обозначенной проблемы мне представляется полезным перенести из эпистемологической области категориального аппарата, логики и семантики гуманитарных исследований в дискурс прагматики «ремесла историка» и «труда филолога». Основанием к такому дисциплинарному ограничению области гуманитарных наук может служить генезис знания в Античности и те значения, которые связывались с этимологией «история» как знание и филология как «любовь к логосу». Словесная природа этих знаний, связь с человеком действующим, создающим события и слова, — очевидна. Современный аргумент «от организации науки»: в структуре РАН гуманитарные науки объединены в Отделении историко-филологических наук. А вот аргумент профессора РГГУ, филолога С.Ю. Неклюдова, специалиста, изучающего фольклор, в том числе и современный городской: «Когда я говорю о гуманитарных науках, я говорю, по преимуществу, об истории, литературе, философии, до некоторой степени о языкознании, этнографии и о целом ряде других дисциплин <...> Сколько я себя помню, в нашем обществе существует устойчивое мнение, что науками эти дисциплины не являются, — прежде всего потому, что они не перспективны, а ретроспективны, повернуты вспять, не включают в себя эксперимента и ничего не прогнозируют, изучая лишь то, что уже миновало или то, что есть сегодня»¹. Однако, изучая прошлое, исследователь остается заинтересованным в том, что в науке называется *фактом*. Как же добыть факт и в каком виде он нужен гуманитарии?

¹ Неклюдов С.Ю. Предмет и методы современной фольклористики: Лекция в клубе POLIT.RU www.polit.ru/culture/2010/.../lecturespolitex.html

Итак, обозначим задачу анализа. Нас будут интересовать имеющиеся *способы* добывания научных фактов, рефлексия над тем, *как и что делает* историк и филолог, чтобы удостовериться затем научное сообщество в наличии того или иного научного факта. Совершенно очевидно, что эта задача имеет методологический характер. Вместе с тем, анализ научных фактов в гуманитарных науках неотделим от проблемы, как может «вести себя» научный факт, выходя за пределы научного сообщества и попадая в поле идеологических практик. Другие вопросы: что происходит с научным фактом в образовательном процессе, как выстраиваются образовательные концепции и всегда ли факт «можно узнать» при попадании из монографии/научной статьи в учебник — с каждым годом звучат все актуальнее. Отмечая эти темы, мы в дальнейшем сосредоточимся лишь на первой из указанных проблем.

Основание, на котором сходятся исторические и филологические науки, — текст, понимаемый чрезвычайно широко. Латинское слово *textum*¹ лингвисты связывают с индоевропейским глаголом *takṣati*, которым определяли действия плотника (ср. русск.: «тесать»); в греческом — «тектоника», «архитектура», которые, в свою очередь, опираются на слово «техне» (τεχνη) — «знание», связанное с действием, а потому «умение», и «искусство». Таким образом, текст можно понимать как структурированное произведение, искусно сделанное умелым человеком.

Существенно с самого начала различить. Для историка текст — *средство для получения исторического знания*, в основе которого создание факта в процессе его интерпретации (и многое другое, о чем не здесь и не сейчас). Для филолога (историка литературы) *текст сам по себе есть цель*, которая порождает две задачи. Первая — оценочная, сводящаяся к диагностике текста в отношении его литературных достоинств. Ее еще можно определить как критическую². Смысл этой работы —

¹ Перевод этого слова из современного электронного словаря АБВУД Lingvo: **texo, texui, textum** 1) ткать; плести; сплести; вить; 2) строить; сооружать, изготавливать; 3) составлять, слагать, сочинять; 4) вплести; переплести, сочетать; **textum** 1) [texo] 1) ткань, одежда; 2) связь, соединение, строение; 3) слог, стиль.

² С.Н. Zenkin считает, что критика — это не наука, а «искусство, знаточеская деятельность; тем не менее корни филологической науки, конечно же, лежат в критике». Говоря о трехэтапном развитии критики, он ссылается на работу Ж. Старобинского. См.: *Зенкин С.Н. Итоги филологического проекта / Круглый стол «Классическое*

поставить произведение в литературный ряд других произведений, оценить его как *факт литературы* (в этом случае предполагается, что литература и графомания не одно и то же, оригинальность, плагиат или подражание тоже должны быть, по возможности, разведены; отдельно стоит вопрос об авторском и фольклорных текстах¹). Вторая задача неотделима от первой, она требует прояснения процедуры решения первой, чтобы не утонуть в соблазнах субъективного вкуса и найти способ сделать суждения о тексте аподиктическими. Ее решение может быть по-разному организовано: 1) включать разнообразие *реконструкций* (на языке постструктурализма «деконструкций/конструкций»), которые строятся на прояснении замыслов автора, смыслов содержания (для эпических, летописных и т.п. неавторских текстов эти две задачи соединяются в одну), форм осуществления текстов, а также источников того, другого и третьего; 2) исследование поэтики произведения, которая заключена в текстах *самих по себе*. Здесь *средство – само чтение текста* (всегда многократное!!!) и сопоставление его с другими текстами (литературный контекст), социокультурной реальностью (биографией автора, событиями, к которым имеет отношение сюжет или идейная оснастка произведения), вхождение в язык произведения; выработка инструментария для его анализа и другие процедуры.

Серьезная филологическая работа связана с переводом текстов с родного языка на другие языки и обратно. Здесь возникает проблема перевода как установления *фактической адекватности* переведенного слова и авторского смысла-текста². В самом широком смысле слова любая филологическая работа требует опоры на такого рода деятельность. Перевод опирается на знание «чужих языков», которое квали-

гуманитарное знание – история и филология – в начале XXI века» // Гуманитарные чтения РГГУ. Теория и методология гуманитарного знания. Гуманитарное знание и образование: Сб. материалов. М., 2010. С.107.

¹ См.: Литература vs фольклор: специфика материала и исследовательские позиции (беседа С.Ю. Неклюдова, С.Н. Зенкина, С.Д. Серебряного, А.М. Перлова) // Гуманитарные чтения РГГУ... Приложение. С. 174–192. См., например, соображение С.Ю. Неклюдова: «Похоже, что все те задачи, которые стоят перед современным исследователем устных традиций, не будут релевантны для литературоведения» (С. 180–181).

² См. подробно работы Н.С. Автономовой, особенно: *Автономова Н.С. Познание и перевод: Опыт философии языка*. М.: РОССПЭН, 2008.

фицируется как «культурная суть» ремесла филолога, именно в ней и концентрируется *фактическая база* филологии «как строгой науки» (Автономова), отсюда появляются возможности построения «точного литературоведения» (Б.И. Ярхо)¹.

Другой аспект «культурной сути ремесла филолога» – работа по реконструкции рукописных текстов (древних рукописей, средневековых летописей, сборников и пр.). Она привела к созданию специальной филологической дисциплины – текстологии, требующей чрезвычайно скрупулезной работы по выяснению истории изменений, которые претерпевают тексты при переносе из одних рукописных сборников в другие, особенно в связи с задачами их современной публикации и комментирования². Та же проблема возникает при издании авторских текстов Нового времени и современной культуры по рукописям, когда исследователями открываются многовариантные авторские правки. Проблема принятия «канонического текста» и определение того, что есть «воля автора», породили обширную дискуссию среди историков литературы в 50-е гг. прошлого века в советском литературоведении. В ИМЛИ в 1962 г. вышел коллективный труд тексто-

¹ Такие возможности реализовывались в процессе разработки структуралистского метода исследования текстов. «Точная филология для Ярхо и Гаспарова – та, которая опирается на систему литературного анализа, “основанную на количественном учете объективных признаков текста”». Эти количественные характеристики быстрее всего найти в метрике как единице изучения стиха (см. работу М.Л. Гаспарова «Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти» – М., 1999) (Автономова Н. Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. С. 288).

² Д.С. Лихачев полагал, что текстология по мере развития расширяет свои предметные задачи: «...текстология зародилась как узко подсобная дисциплина, как сумма филологических приемов к изданию текстов. Первоначально казалось, что перед ней не стоит сложных задач, что вопросы взаимоотношения текстов могут быть решены несложными и единообразными приемами. Она развивалась обособленно, и казалось, что текстолог замкнут в решении своих узких задач. По мере углубления в задачи издания текста текстология <...> все более и более вынуждена была заниматься изучением истории текста произведений. Она становилась наукой об истории текста произведений, а задача издания текста становилась только одним из ее практических применений» (Лихачев Д.С. Текстология. СПб.: Наука, 2001. С. 35). См. также: Эйхенбаум Б.М. Основы текстологии // Редактор и книга. М., 1962. Вып. 3. С. 41–86; Прохоров Е.И. Текстология. Принципы издания классической литературы XVIII–XX вв. М.: Высшая школа, 1966.

логов под руководством В.С. Нечаевой «Основы текстологии», где определялся «подлинно авторский текст в его последней редакции», который был обязателен для всех изданий, соответствующих данной ступени изучения источников текста¹. Таким образом, «подлинность» (установленный факт авторской руки) ставилась в зависимость от успешности текстологических исследований. Всякий следующий этап текстологических работ предполагал, очевидно, создание новых «подлинно авторских текстов», и так эта работа могла привести к целому ряду расставленных во времени «подлинно авторских текстов» — «фактологической прогрессии» к авторству. Этот подход оппонировали Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум. С.А. Рейсер предлагал уйти от понятия «канонический текст» («подлинно авторский»), вводя термины «исходный текст» и «основной». Основным текстом становился коммуляцией всех установленных текстологом фактов относительно трансформации исходного текста². В современной текстологии работают три базовых понятия, в совокупности, насколько я понимаю, способных породить научный факт: история бытования текста, творческой воли писателя и научной критики текста. Иными словами, между читателем и даже будущим исследователем текста встает фигура текстолога, строго стоящего на страже фактической стороны делания текста, воплощающего волю автора. В текстологии рождается и особая процедура литературоведческой науки — комментирование текста, — которая своим результатом имеет установление контекстных фактов, повлиявших на создание текста, его источники и многие иные вопросы, которые можно адресовать тексту.

На протяжении XX в. текст был объектом пристальной методологической рефлексии не только в «фактически нагруженном» литературоведении, опирающемся на текстологическое исследование. Философствующие теоретики и историки литературы также не обошли своим вниманием методологические стратегии, в которых выявлялись разные эпистемологические возможности анализа текста. Крайние полюса этих методологических ориентаций в философии — аналитические процедуры в лингвистическом неопозитивизме, с одной

¹ Основы текстологии / Под ред. В.С. Нечаевой. М.: Наука, 1962. С. 282.

² См.: Рейсер С.А. Основы текстологии. Л., 1978. С. 13–14.

стороны, и герменевтико-аксиологические реконструкции (В. Дильтей, неокантианцы, М. Хайдеггер, его последователи) — с другой. Ученые, работающие в конкретных гуманитарных науках, за предметным разнообразием своих исследований имеют в виду живой, реальный объект — человека в его прошлых и настоящих состояниях, отношениях, связях, действиях, артефактах как результатах этих действий. Эту жесткую связь текста и человека артикулировал М.М. Бахтин: «Гуманитарные науки — науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки...»¹ Столь категоричное утверждение М.М. Бахтина можно рассматривать как манифест ученого-гуманитария XX века, который, однако, в работах французских структуралистов, рецепцирующих Бахтина, сменился соображением, что человек теряется и, наконец, умирает, а текст продолжает существовать в своей знаковой и структурной интертекстуальности (Ю. Кристева).

Итак, текст как «первичная данность» (М.М. Бахтин) — это и лаборатория исследования, и территория мысленного эксперимента, и место раскопок («археология знания» М. Фуко), и точка роста для нового текста, и источник смыслов, и еще многое другое. Как же историк и филолог «извлекает» из текста научный факт?² Сразу отметим, что текст/документ *сам по себе* является научным фактом, в том смысле, что

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 285.

² Касаться большой литературы вопроса о том, что такое исторический факт, а тем более факт науки, мы здесь не имеем возможности. Об историческом факте см., например: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. СПб.: Наука, 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. Гл. 6; Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С. 200–201. Обратим внимание, что в работах отечественных источниковедов, формирующих междисциплинарность своего предмета в связи с разработкой «феноменологии исторического метода» Лаппо-Данилевского и структурного подхода, понятие «исторический факт» практически не используется, вместо него активно применяется понятие «интеллектуальный продукт» (Медушевская). Вообще же «исторический факт» как утверждение о произошедшем историческом событии — понятие из словаря историков-позитивистов. В XX в. исторический факт поставлен в зависимость от интерпретации историком источника (Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. Гл. 2)

он существует, написан, сохранен, доступен читателю и исследователю. Для его установления может быть востребована дополнительная работа: материальные свидетельства, которые помогают при атрибутировании, расшифровке, датировке и прочих необходимых процедурах первичной работы с текстом. Такого рода работа нуждается в обращении к вспомогательным историческим дисциплинам (археографии, палеографии, дипломатике, эпиграфике, геральдике, нумизматике, хронологии, биографике и др.). В последнее время историки говорят о новой науке «просопографии» (терминологически: описание личности; имеется в виду социокультурный контекст ее осуществления)¹.

На протяжении XIX в. в университетах Германии в семинарах историков, основанных Леопольдом фон Ранке (Берлинский университет) и его учениками (Г. фон Зибель, Г. Вайц и др.), сформировались и получили особый научный статус процедуры чтения, анализа, комментирования, а затем издания текстов. Такая работа историка, основанная на позитивистских методах, но не без нарративного искусства, особенно в изложении воссозданной истории, стала называться «критикой источника». Ее результатом явились как публикации многотомных собраний исторических документов в разных странах Европы, что создало мощную эмпирическую базу исторической науки, так и многотомные истории этих европейских стран, основанные на эмпирических обобщениях. Подобная работа началась и в России во 2-й пол. XIX в. Однако «вынуть» источник из архива и атрибутировать его не значит получить историческое знание о времени, к которому источник принадлежит, даже в том случае, если в нем подробно описывается конкретное событие. Здесь и возникает проблема того, что есть исторический факт.

Историками разных столетий по-разному решался вопрос о том, что можно, а что нельзя включать в круг источников. Так, для позитивистов XIX в. источник — это документ, имеющий официальный статус (законодательный акт, правовой или дипломатический документ), французские историки школы Анналов XX в. считали, что источником является и переписка частных лиц, и мемуары, и вообще все, на что хватит «изобретательности» историка. Л. Февр писал: «Это

¹ *Петрова М.С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней Античности. М.: Кругъ, 2007. С. 9.

могут быть слова и знаки, пейзажи и полотна, конфигурация полей и сорных трав, затмения Луны и формы хомутов, геологическая экспертиза камней и химический анализ металла, из которого сделаны шпаги...»¹ Но и столь безграничное расширение источниковой базы само по себе еще не дает рождение историческому факту.

История — всегда *связь* событий, представленная в нарративе. Однако прежде, чем ее представить таким образом, она должна родиться в головах историков, работающих с источником (*текст 1*) и создающих (*текст 2*), собственно историю как *нарратив*, в которой факт является его имманентным результатом, востребованным здесь и сейчас самим историком и превратившим его в несущую конструкцию собственного исторического построения. На этот процесс обращает внимание Р.Дж. Коллингвуд, считая, что приращение исторического знания идет за счет «отыскания способов того, как использовать в качестве свидетельства для исторического доказательства тот или иной воспринимаемый факт, который историки до сего времени считали бесполезным»². Иными словами, исторический факт становится таковым в системе исторических доказательств создаваемого историком нарратива. А успех дела зависит как от удачи в открытии новых источников, так и от виртуозности владения логикой, а также от того, насколько развита «интуиция» в умении ставить вопросы открытому историком источнику.

Однако совсем иной ракурс обретает эта тема, когда историк (или гуманитарий «с историческим уклоном») работает с уже добытыми источниками. В этом случае можно не ходить в архив, тратя колоссальное время на поиск новых документов, а пользоваться опубликованными документами, ставя их в контекст разнообразных исторических, социологических, культурно-исторических, антропологических и прочих дискурсов. Кажется, что текст, созданный в результате такой работы, не должен сильно отличаться по своему эпистемологическому статусу от *текста 2*. Ну действительно, какая разница для общего развития науки, кому принадлежит приоритет открытия источников?! Но этот вопрос становится ключевым. Вопрос о том, какому исследо-

¹ Февр Л. Бои за историю. М: Наука, 1991. С. 22.

² Коллингвуд Р. Идея истории: Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 235.

вателю дальше, а какому ближе до теоретических построений в изучаемой области, в этом случае приобретает характер не только биографический (кто желает, способен, интересуется такой работой), но и методологический. Готовая эмпирическая база способна стимулировать создание более общих теоретических построений, а не только продуцируемых историком эмпирических обобщений. Но задает архиву вопросы именно тот историк, который туда приходит и задает те вопросы, которые ему интересны. И можно вообразить, сколько невосребованного материала остается «без вопросов». Конечно, в идеале нужно стремиться к разбору и максимальной публикации (на сегодня – оцифровке в электронных библиотеках) архивных документов, но это, видимо, дело не очень близкого будущего. *Разрыв между архивом и нарративом* остается, и это надо принять как неизбежный «факт» сегодняшнего состояния гуманитарной науки или как эмпирический стимул для ее развития.

Кто же конструирует теоретические схемы и кто их прилагает к истории для построения «объяснительных» исторических теорий? История науки показывает, что «объяснительные» *схемы* для тех или иных теоретических построений в истории *импортируются*¹ или из социальной философии (к примеру, историко-теоретические работы К. Маркса и Ф. Энгельса на основе ими созданных схем классовой борьбы и теории общественно-экономических формаций стали образцом для советской историографии), или из социологии (работы от Э. Дюркгейма и М. Вебера до П. Бурдьё, в которых содержатся многочисленные теоретические схемы для объяснения тех ли иных исторических событий, институций и т. п.), структурной антропологии (К. Леви-Строс, его последователи в интерпретации традиционных обществ) и др. И если для Дюркгейма история может и должна играть «на уровне социальной реальности роль, подобную той, какую играет микроскоп на уровне реальности физической», то, как считает Вакан,

¹ Об этом пишут Савельева и Полетаев: «...основное отличие истории от других общественных наук состоит не в том, что история менее теоретична, а в том, что она в меньшей степени занимается выработкой собственной теории и в большей степени использует теоретический аппарат (включая теоретические понятия, концепции и способы объяснения) из других общественных наук» (Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. СПб.: Наука, 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. С. 332).

будет справедливо назвать концепцию Бурдьё «историцистской»: «Не будет преувеличением считать, что для последнего социальное — это не что иное, как история — сделанная, делающаяся или которая будет сделана»¹. Очевидно, что «объяснительные истории» пишутся, как правило, не историками или, сказать мягче, не только историками, но самыми разнообразными гуманитариями, и даже иногда математиками, как, например, небезызвестным академиком А.Т. Фоменко. Другой вопрос, какая история будет принята сообществом (и каким?) за «истинную концепцию». И вообще, корректно ли ставить так этот вопрос? Ответ на него, к сожалению, не всегда спрашивается у профессионалов-историков.

* * *

Какого рода работу проделывает филолог, желающий извлечь из литературных текстов обобщения и делая их фактом истории литературы? Позволю себе пример. В своей статье, помещенной в этом сборнике, В.К. Кантор, читая шекспировского «Гамлета», имеющего многочисленные интерпретации в литературоведении, обращает внимание на контекст шекспировской трагедии. В тексте пьесы в намерениях героя и его поступках, как показывает исследователь, можно увидеть почти буквальное воплощение тех идей, которые разрабатывает Эразм Роттердамский в трактатах «Воспитание христианского государя» и «Оружие христианского воина». Пьесу обычно понимали как пьесу о мстителе. Предложенный автором контекст меняет и понимание. Гамлет «ставит себе задачу не мести, а исправления мира, <...> и бой принц собирается вести не за трон, а за справедливость»², проходя через искушения мести за отца, на которую его толкает Призрак, и любовной интриги, которую разворачивает Полоний, подставляя Гамлету Офелию. Гамлет не мститель, но «христианский воин». Однако контекст, который позволяет делать такие предположения и приводить доказательства, много шире трудов Эразма. Это, как ни покажется странным, и контекст русской литературы, в которой творчество Шекспира было глубоко

¹ *Вакан Л.* Дюркгейм и Бурдьё: общее основание и трещины в нем // Sociologos / Сб. 06/06 2009 (интернет-ресурс: sociologos.net/textes/waquant.htm 15.07.09).

² *Кантор В.К.* Гамлет как «христианский воин» // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 35.

востребованным. Исследователь видит у Достоевского в «Братьях Карамазовых» в образе Алеши также осуществление задач «христианского воина», а с Тургеневым, который прочитал образ Гамлета как отъявленного эгоиста, с необходимостью спорит.

Итак, понимание образа Гамлета как «христианского воина» есть факт литературоведческой науки или факт интерпретации? Вообще, применимо ли понятие факта к сфере литературоведческого анализа? Исследователь применяет несколько процедур: 1) внимательное чтение текста; 2) помещение его в исторический, интеллектуальный и религиозный контекст культурной эпохи; 3) проблематизация авторского замысла; 4) анализ других интерпретаций и отношение к произведению в контексте мировой литературы. Автор ищет смыслы, которые, как он полагает, Шекспир вложил в художественные образы, в развитие сюжета, композиционные построения. Вот авторское кредо: «...надо верить тому, что пишет Шекспир, и спокойно идти по его следам, просто внимательно читая то, что он написал, без домыслов, без пост-модерна, ибо искусственность и жеманство сам Шекспир высмеивал не раз»¹. Исследователь внимателен к «мелочам», хотя известно, что в тексте мелочей не бывает, все несет авторскую смысловую нагрузку. Существенно, например, что Гамлет — «книжный мальчик», которого Шекспир отправляет в университет в Виттенберг, центр протестантской мысли XVI в. Такой анализ сочетает методы классического литературоведения и широкого культурно-исторического и контекстуального анализа. Разумеется, это не единственный способ литературоведческого открытия как создания факта-интерпретации (позволю себе такой термин) в истории литературы. Однако возможны и другие методы, и они широко применяются в литературоведении.

Применяется ли в рассмотренном нами примере то, что в методологии науки называют теоретическими схемами? Полагаю, что они латентно содержатся в тексте, так сказать, в «свернутом виде», являясь при этом методологическими опорами для решения исследовательских задач филолога. Это понятия и культурно-исторические концепты (Ренессанс, протестантская этика, христианский государь, языческая месть и др.), это словарь христианской веры (рай, ад,

¹ Там же.

спасение души, молитва, искушение, наказание, монастырь и др.), это, наконец, теоретические концепты (теория литературы) в ее классическом, идущем от «Поэтики» Аристотеля виде (сюжет, завязка, композиция, герой, конфликт и др.). Очевидно, что «классические историки» (в противоположность, к примеру, американским «новым историкам»), создавая нарративы, точно так же опираются на теоретические схемы в их «свернутом виде», в работающих понятиях, концептах и даже исторических моделях, к которым могут привести эмпирические обобщения¹.

Специфика этого понятийного аппарата состоит в ее «неполной строгости». Зенкин, оценивая попытки создания «полностью строго» аппарата науки о литературе, указывает снова на критику – как посредствующее звено между литературным текстом и «наукой о литературе». Интересно замечание автора о собственном категориальном аппарате этих наук («неологизмы с греческими корнями»): «Многие современные постструктуралистские и антиструктуралистские течения тоже стараются создать свою независимую от литературной критики систему категорий. Но такие попытки отторгаются самой литературой, так как ее самосознание нуждается не в однозначной системе терминов, а в терминах зыбких, многозначных, которые можно было бы по-разному применять, оспаривать, обновлять, переворачивать наоборот и т. д.»² – и снова возникает вопрос. Можно ли на «зыбких и многозначных» терминах выстраивать строгие научные факты литературоведческой науки или она обречена на герменевтические прочтения и не более того?

В теории литературы, так же как и в собственно исторических теоретических концепциях, происходит заимствование теоретических схем из философии, а затем с XVIII в. эстетики как специального фило-

¹ Об этом современные авторы пишут следующее: «...исторический дискурс <...> содержит в явном или неявном виде огромное количество теоретических концепций, на которые имплицитно опирается историк, начиная хотя бы с датировки описываемого события (идет ли речь об эпохе или просто указании года в некоей системе летоисчисления)» (*Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. СПб.: Наука, 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. С. 314).

² Литература vs фольклор: специфика материала и исследовательские позиции (беседа С.Ю. Неклюдова, С.Н. Зенкина, С.Д. Серебряного, А.М. Перлова) // Гуманитарные чтения РГГУ... Приложение. С. 185.

софского знания, лингвистических, культурологических и собственно исторических концепций. Классические теории литературы были написаны Аристотелем, Лессингом, Кантом, Гегелем, немецкими романтиками... Важно отметить, что в этих теоретических построениях кроме теоретических схем и концептуализации искусства (литературы) присутствует рефлексия того этапа культурной истории, к которой принадлежит автор. Поэтому сложившиеся культурно-исторические эпохи («пространство» и «время», к которому принадлежит исследуемый литературный текст) становятся «априорными» условиями для теоретических реконструкций филологами текстов, относящихся к Античности, Средневековью, Ренессансу, протестантизму, барокко, романтизму, классицизму, модернизму, постмодернизму. Однако каждая из эпох имеет свою ветвящуюся корневую систему, определяемую точкой схождения к автору текста. Ее (системы) ответвления определяются хронологией, языком, биографией автора, выбранным им жанром произведения и собственно тем, что привыкли теперь называть культурным контекстом. При этом исследователь текста сам рефлектирует свою принадлежность к современной ему культуре, что обеспечивает вопросительно-созидательный характер его исследовательской работы.

Отношения же между теоретиком литературы и философом и даже конвергенция, которую мы наблюдаем особенно со 2-й пол. XX в., — это тема особого исследования. Укажем хотя бы на теоретические исследования М.М. Бахтина, Д.И. Чижевского, французской школы структурализма, Ю.М. Лотмана, когда философ и теоретик литературы подчас присутствуют в одном лице. В этом случае становится проблемной ситуация собственного дисциплинарного определения и в повестку дня встает вопрос о междисциплинарном дискурсе как новом способе осуществления гуманитарного знания.

Т.В. Чумакова

*ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК В XVIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.*

Изучение истории Академии наук началось уже в первые десятилетия ее существования. В феврале 1735 года конференц-секретарем Академии наук Х. Гольдбахом было составлено «Начертание правил для составления истории Санкт-Петербургской академии наук»¹. А уже через месяц президент Академии наук барон И.А. Корф приказал «отыскать все имеющиеся в архиве сведения об основании, возрастании и нынешнем состоянии Санкт-Петербургской академии наук и сообщить их его превосходительству и господину советнику юстиции Гольдбаху»². Собранные материалы послужили основой для написания первого очерка истории Академии наук: «Палаты Санкт-Петербургской Императорской академии наук библиотеки и Кунсткамеры которых представлены планы, фасады и профили, приписанные ей Императорскому высочеству государыне великой княгине и правительнице всея России» (СПб., 1741)³. Вскоре после «Палат» должно было выйти в свет более подробное описание истории Академии⁴, но в связи

¹ Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1897. Т. I. С. 154.

² *Куник А.А.* Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии // Ученые записки Императорской академии наук. Введение. СПб., 1852. Т. 2. Вып. 1. С. 137.

³ См. подробнее: *Илизаров С.С.* Первый очерк истории Академии наук и его автор И.Д. Шумахер // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 755–759.

⁴ См. Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1897. Т. I. С. 693; Ученые записки Императорской академии наук. СПб., 1852. Т. 1. Вып. 1. С. 553.

с отставкой в 1742 г. подготовившего к изданию «Палаты» И.Д. Шумахера мероприятие это не было осуществлено. В XVII в. было создано несколько рукописных очерков по истории Академии наук¹. В частности, М.В. Ломоносовым в 1764 г. была составлена «Краткая история о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени»². Попытка систематического описания истории Академии была предпринята по поручению Академии Г.Ф. Миллером (1705–1783) и помогавшим ему с 1781 г. И.Г. Штритгером (1740–1801). Но и это описание не было закончено.

В 1835 г. в связи с подготовкой нового устава АН к президенту АН министру народного просвещения графу С.С. Уварову обратился с письмом историк Модест Андреевич Корф. В записке говорилось о необходимости учесть при подготовке нового устава «главнейшие события существования Академии»³. Такая записка была подготовлена академиком П.Н. Фусом и содержит обзор деятельности Академии с начала ее работы до 1835 г.⁴

Новый этап в развитии исследований по истории Академии наук связан с деятельностью П.С. Билярского, А.А. Куника, П.П. Пекарского, М.И. Сухомлинова и др. Эти работы появились в последней четверти века, когда и сама Академия и русское общество ощутили необходимость в изучении ее истории. Систематическое исследование истории Академии наук началось только тогда, когда и сама Академия, и русское общество ощутили необходимость в этом. И это время наступило во второй половине XIX века. Начало было положено работами академика А.А. Куника. Именно по его инициативе в «Ученых записках Императорской академии наук»⁵ стала публиковаться «Историко-

¹ Куник А.А. Указ. соч. С. 138–139.

² Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 411.

³ Хартанович М.Ф. Сто лет служения отечеству // Вестник Российской академии наук. Т. 64. № 11. С. 1044.

⁴ Фус П.Н. Императорская Санкт-Петербургская Академия наук. Докладная записка / Публ. М.Ф. Хартанович // Вестник Российской Академии наук. Т. 64. № 11. С. 1045–1051.

⁵ Об ученых сборниках и периодических изданиях Имп. академии наук, с 1726 по 1852 год, и об издании «Ученых записок» // Введение к I тому Уч. записок ИАН

литературная летопись Академии с 1726 по 1851 год». Он же первым в статье «Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии»¹ рассмотрел историографию академической истории, а также обосновал основные принципы ее написания. Уделяя большое значение методологии исторического исследования, Куник применял то, что мы сейчас называем междисциплинарным подходом. Критикуя современных ему историков, он отмечал, что «вместо того, чтобы обратить внимание на всецелость истории, ученые односторонне устремляются к тому или другому народу, к той или другой стране, к тому или другому времени, стараются изобразить то или другое направление, не думая о том, что история, как произведение духа, составляется из всего того, в чем проявляется этот дух»². А.А. Куника интересовали не просто факты, а генезис истории. Он считал необходимым исследовать истоки явлений, силы, приводящие в движение исторический процесс. Интерес к истории Академии наук А.А. Куник проявлял еще в 1844-м, для чего исследовал бумаги Я. Штелина, поскольку предполагал, что в них может содержаться интересная для академической истории информация. А.А. Куник сделал очень много для изучения истории Академии. Он не только издал бумаги Хр. Вольфа, документы, связанные с В.К. Третьяковским и М.В. Ломоносовым, составил обзоры, но и составил программу работы для будущих исследователей истории Академии наук. В статье «Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии» он писал, что существуют три главные группы вопросов, затрудняющих создание истории Академии: огромный объем неизученных материалов, «ученая односторонность историков», которые будут вынуждены изучать историю различных наук, и самое главное: необходимость изображения истории Академии как части отечественной истории³. Думается, что этот призыв остается актуальным и в наше время.

по I и III отделениям. СПб., 1852. Т. I. Вып. I. С. СXXX. С подп. «-къ».

¹ Куник А.А. Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии // Ученые записки ИАН по I и III отделениям. СПб., 1853. Т. II. Вып. I. С. 137–144.

² Куник Э. Литература истории в Германии, за два последние года // Москвитянин. 1841. Ч. II. С. 406–407.

³ Куник А.А. Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии.

В 1857 году непререваемым секретарем Академии наук стал Константин Степанович Веселовский. С первых дней своего секретарства академик К.С. Веселовский начал собирать материалы по истории Академии, «но вскоре убедился, что при тех занятиях, кои лежат на нем по званию непререваемого секретаря, он мог бы уделять работе не столько времени, сколько было бы нужно для того, чтобы работа успешно двигалась вперед и чтобы он мог надеяться в свою жизнь довести дело до конца»¹. Однако Веселовский смог подготовить и опубликовать ряд статей по истории Академии наук, а его речь на годовичном торжественном собрании Императорской академии наук 29 декабря 1864 года «Историческое обозрение трудов Академии наук на пользу России в прошлом и текущем»² справедливо может считаться первым историческим обзором деятельности Академии с XVIII по вторую треть XIX столетия включительно. В своих выступлениях К.С. Веселовский не скрывал и причин упадка академической жизни в те или иные периоды ее существования. Так, выступая на юбилее Академии 29 декабря 1876 г. в присутствии императора Александра II и членов императорской семьи с речью о развитии деятельности Академии в последнее пятидесятилетие К.С. Веселовский, подробно рассмотрев историю АН со времен Петра I, отметил, что период ее существования, совпавший с царствованием Александра I, был достаточно сложным: «Влияние политических обстоятельств отразилось между прочим и на судьбе Академии в первой четверти текущего столетия. Расстройство ее хозяйственных средств было причиной того, что многие места академиков оставались долгое время незанятыми, ее кабинеты, лаборатории и музеи пришли в жалкое положение, самые здания ее близились к упадку, и она не могла помышлять не только о расширении своей деятельности, соответственно возрастающим требованиям науки, но и о поддержании того значения, какое приобрела она в прежнее время»³.

¹ Записки ИАН. СПб., 1864. Т. 4 Кн. 1. С. 206.

² Историческое обозрение трудов Академии наук на пользу России в прошлом и текущем столетиях (читано 29 декабря 1864 г.) // Торжественное собрание Академии наук 29 декабря 1864 года. СПб., 1865. С. 27–64.

³ *Веселовский К.С.* О развитии деятельности Академии в последнее пятидесятилетие // Торжественное собрание Императорской академии наук 29 декабря 1876 г. Для празднования ее 150-летнего юбилея. СПб., 1877. С. 16.

В 1863 году адъюнктом Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности (ОРЯС) стал известный историк П.П. Пекарский. Общим собранием изучение истории Академии было возложено на ОРЯС, поэтому вскоре Пекарский был представлен 13 декабря 1863 г. на Общем собрании Академии наук в качестве официального академического летописца. Представляя его кандидатуру, непрменный секретарь Академии наук К.С. Веселовский отметил, что «по месту, занимаемому нашей Академией среди учреждений, содействовавших успехам наук, а равно и тому влиянию, которое имела она вообще на просвещение в России, издавна ощущалась потребность в сочинении, которое представляло бы главнейшие черты истории академии и оценку как трудов отдельных ее членов, так и важных ученых предприятий, совершенных ею на пользу отечества. Обширность этой задачи была, по всей вероятности, причиной того, что, со времен попытки Миллера по сие время задача сия не могла быть осуществлена. <...> Между тем, имея в виду, что адъюнкт АН, по ОРЯС, П.П. Пекарский своими прежними историко-литературными трудами и в особенности сочинением «О науке и литературе при Петре Великом» вполне приготовлен к такому труду, как составление истории Академии, непрменный секретарь представил конференции о том, не признает ли она своевременным и полезным поручить г. Пекарскому, согласно его собственным желанием, составление такой истории, причем выразил уверенность, что академики не откажутся, в случае надобности, оказывать составителю свое содействие советами и указаниями. Собрание одобрило и положило «поручить адъюнкту Пекарскому.. составление истории ИАН»¹. Наибольшую помощь П.П. Пекарскому в его трудах оказывал академик А.А. Куник. Немалое содействие Пекарскому оказывал и академик Я.К. Грот, с которым Пекарский состоял в дружеских отношениях (об этом говорит их переписка, частично сохранившаяся в фонде Грота²). П.П. Пекарский приступил к работе чрезвычайно энергично, несмотря на сложности, возникавшие при работе с архивом Канцелярии. П.П. Пекарский писал: «В этом архиве нет описей, а потому, чтобы ознакомиться с содержанием

¹ Записки ИАН. СПб., 1864. Т. 4. Кн. 1. С. 206–207.

² ПФА РАН. Ф. 137. Оп. 3. Д. 723.

хранящихся здесь материалов или найти какие-либо нужные известия, необходимо долгое и кропотливое рассмотрение значительного количества фолиантов, писанных по большей части дурною скорописью XVIII века»¹. Уже менее чем через месяц, 29 декабря 1863 г., П.П. Пекарский прочитал на торжественном заседании Академии наук речь «Очерк деятельности Академии наук по отношению к России в первой половине XVIII столетия». Несмотря на свои блестящие способности и недюжинное трудолюбие, в последующие годы Пекарский успел разработать только первый период истории АН, до начала царствования Екатерины II. Основных причин тому можно назвать две. Во-первых, чрезвычайная скрупулезность академика, который считал, что «историческое о чем-либо исследование можно писать только тогда, когда собрано для того довольно материалов»². Думается, что здесь был совершенно прав Я.К. Грот, который, отвечая Пекарскому, писал: «...не надобно идти слишком далеко в опасении приниматься за разработку материалов, пока они не совершенно полны. Ведь насчет спорности выводов можно оговориться, что не ручаешься за них в случае открытия новых данных. Иначе всем историкам придется ограничиться собиранием материалов, и скольких приобретений лишилась бы тогда наука, если бы все так рассуждали»³. Второй причиной стала болезнь П.П. Пекарского, в конце 60-х гг. его сперва разбил левосторонний, а позже, уже после выздоровления, правосторонний паралич. После смерти П.П. Пекарского, умершего летом 1872 г. в Павловске от холеры, работами по истории Академии занялся М.И. Сухомлинов. Он был избран в экстраординарные академики в 1872 г., и вскоре предпринял обширный труд, исполнение которого лежало на обязанности Отделения русского языка и словесности: «История Российской академии». До того он стал известен как блестящий исследователь русской истории периода царствования Александра I («Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I», «Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I»,

¹ СОРЯС. СПб., 1884. Т. 33. С. 4.

² ПФА РАН. Ф. 137. Оп. 3. Д. 723. Л. 41 об.

³ ОР РНБ. Фонд П.П. Пекарского. Д. 209. Л. 45 об.

«Фридрих-Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I»). Первой работой М.И. Сухомлинова в качестве действительного члена АН стала восьмитомная «История Российской академии» (СПб., 1874–1887). В ней он проанализировал историю Академии Российской, которая в 1841 г. вошла в состав Академии наук. М.И. Сухомлинов в этой и других работах отмечал несколько парадоксальный тип российского просвещения. Если в других странах создание академий и университетов было результатом длительной просветительской деятельности, то в России, напротив, именно с них и началась история российского просвещения. Для историографии АН большое значение имеют речи, прочитанные М.И. Сухомлиновым на торжественных заседаниях Академии наук в 1877 г.: «Пятидесятилетний и столетний юбилей С.-Петербургской Академии наук» и «Речь в торжественном собрании Академии наук по случаю столетнего юбилея Александра I». В этой речи М.И. Сухомлинов рассмотрел основные этапы развития АН, уделив особое внимание эпохе Александра I. Первая половина этого периода предстает временем расцвета науки и образования, когда были учреждены и преобразованы уже существовавшие университеты, открыты гимназии, уездные училища и приходские школы, устроены учебные округа и т.д. Наибольшее внимание в речи неперменного секретаря уделено взаимодействию Академии наук и университетов. Преобразование Академии при Александре I М.И. Сухомлинов рассматривал в связи с ее предшествующим развитием и с общим состоянием российской науки и образования. Анализируя процесс разработки академического устава 1803 г., он пришел к выводу, что «при преобразовании Академии наук во времена Александра I полагали возможным согласить чисто ученые стремления Академии с участием ее в распространении знаний в России. От Академии наук ожидали двоякого рода повременных изданий, из которых одно имело бы в виду строгую науку, а другое – ее общепользное применение»¹. Однако развитие Академии в государстве немислимо без фундамента – системы народного образования, которая, в свою очередь, не может быть построена без университетов, «которые одни в состоянии организовать последовательный

¹ Сухомлинов М.И. Речь на торжественном собрании Императорской академии наук по случаю столетнего юбилея Александра I / Приложение к XXXI т. Записок ИАН. СПб., 1877. С. 23.

ряд училищ, удовлетворяющих как научным требованиям, постоянно возрастающим, так и разнообразным местным условиям»¹. Университеты, по мнению М.И. Сухомлинова, должны были изменить всю жизнь России. Привлекая в свои стены представителей всех сословий, они ослабили сословную рознь и сделали занятия наукой привлекательными для дворянства, которое до того предпочитало военную службу. Следующей работой М.И. Сухомлинова по истории Академии стала большая статья, посвященная трудам поэта, критика, ординарного академика по Отделению русского языка и словесности П.А. Вяземского «Князь Петр Андреевич Вяземский» (СПб., 1879). Появление этого исследования связано с академической традицией некрологов и посмертных прагматических биографий действительных членов Академии наук. Многие из таких некрологов, по сути, являются блестящими исследованиями жизни и деятельности академиков, тут можно вспомнить работу П.С. Билярского «Очерк биографии академика Круга» (СПб., 1849) или блестящее исследование А.С. Лаппо-Данилевского «Арист Аристович Куник. Очерк его жизни и трудов».

В 1888 г. АН по инициативе президента графа Д.А. Толстого (1823—1889) началась подготовка «Материалов для истории Академии наук». Дмитрий Андреевич Толстой, одаренный исследователь и автор множества разнообразных исследований по истории религии в России (за работу «Римский католицизм в России» Лейпцигский университет удостоил Д.А. Толстого звания доктора философии), а также труда «История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II», за который он получил Демидовскую премию, и работ по истории Академии наук, был человеком несомненно неоднозначным, и его деятельность на посту министра народного просвещения не может быть оценена как полностью положительная, однако его вклад в развитие российской гуманитарной науки несомненен. Д.А. Толстой при вступлении на пост президента Академии наук заявил, что употребит все силы на поддержание и дальнейшее распространение деятельности высшего в государстве ученого учреждения, высокая задача коего состоит в поднятии уровня образованности страны. На посту президента он сделал доста-

¹ Там же. С. 37.

точно много: улучшил материальное положение академических учреждений, содействовал научным поездкам ученых за рубеж как для занятий наукой, так и для поправки здоровья, оказывал помощь в публикации рукописных памятников по русской истории и культуре. Он инициировал создание комиссии А.Ф. Бычкова, которая подготовила и издала «Письма и бумаги императора Петра Великого». Способствовал развитию академической историографии и сам занимался разработкой истории Академии наук и образования в XVIII в. («Академическая гимназия в XVIII столетии», «Академический университет в XVIII столетии»¹). Эти исследования явились первой попыткой в нашей историографии серьезного научного исследования данных вопросов, поскольку были написаны на основании архива Канцелярии Академии наук.

Д.А. Толстой считал, «что при настоящем состоянии исторической науки представляется неотложною потребностью обнародование материалов, в обилии хранящихся в различных архивах»². По его ходатайству Академии наук на издание материалов по истории было назначено по 5000 рублей ежегодно, в течение трех лет. Однако, как отмечал в «Очерке деятельности отделения русского языка и словесности за пятидесятилетие от 1841 по 1891 год» Я.К. Грот, «между академиками не нашлось никого, кто бы после Пекарского принял на себя продолжение истории АН... покойный президент гр. Толстой возымел мысль печатать вместо этого хранящееся в академическом архиве материалы для такой истории»³. Этот многолетний и тяжелый труд был возложен на М.И. Сухомлинова, который подготовил и опубликовал десять томов «Материалов для истории Императорской академии наук» (СПб., 1885–1901). Впрочем, и этим не исчерпывалась работа академика М.И. Сухомлинова по изучению истории АН. Составляя в течение ряда лет отчеты о деятельности Отделения русского языка и словесности

¹ Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам Архива АН // Сборник Отделения русского языка и словесности (СОРЯС). 1885. Т. 38. № 5; Академический университет в XVIII столетии. По рукописным документам Архива АН // СОРЯС. 1885. Т. 38. № 6.

² Материалы для истории Императорской АН. СПб., 1885. Т. I. С. I.

³ Записки ИАН. СПб., 1892. Т. 68. С. 129.

Российской академии наук, он занимался и современной историей Академии, поскольку именно отчеты наряду с протоколами заседаний являются и по сей день важнейшим источником по истории Российской академии наук.

Говоря об академической историографии, нельзя обойти вниманием и исследования жизни и творчества М.В. Ломоносова. Современная *Lomonosoviana* почти необозрима. Первая академическая Комиссия по увековечению памяти М.В. Ломоносова была создана в 1865 г. по предложению президента Академии наук Ф.П. Литке. Комиссию одобрило Общее собрание АН, затем она получила «Высочайшее утверждение», после чего была окончательно утверждена на торжественном собрании АН 6 апреля 1865 г. В связи с юбилеем М.В. Ломоносова была выбита медаль и учреждена Ломоносовская премия (по ходатайству министра народного просвещения было получено согласие императора на выделение 1000 рублей). К юбилею вышла в свет работа академика П.С. Билярского «Материалы для биографии Ломоносова» (СПб., 1865). За два года того, в 1863 г., П.С. Билярский, возглавлявший в то время редакцию «Записок Академии», предложил пересмотреть акты академического архива, чтобы извлечь оттуда материалы, касающиеся жизни и ученых заслуг Ломоносова, поскольку в то время сведения о нем ограничивались сведениями, почерпнутыми из его сочинений, и немногочисленных обнародованных источников¹. П.С. Билярский чрезвычайно много сделал для исследования биографии Ломоносова. но преждевременная смерть в 1867 г. помешала ему довести работу до конца. «Материалы» П.С. Билярского были дополнены двумя томами, изданными при историко-филологическом отделении: «Сборником материалов для истории Академии наук» А.А. Куника, а также трудом преподавателя русской словесности в Петровском кадетском корпусе (Полтава) С.И. Пономарева, который представил в АН рукопись, содержащую собрание библиографических указаний к сочинениям Ломоносова. На торжественном собрании были произнесены речи Я.К. Грота «Очерк академической деятельности М.В. Ломоносова» и А.В. Никитенко «Речь о значении М.В. Ломоносова в отношении

¹ Отчет по ОРЯС при ИАН за 1863 г. СПб., 1864. С. 83.

к изящной словесности». Следующей научной биографией М.В. Ломоносова стала вышедшая в 1896 г. работа М.И. Сухомлинова «К биографии Ломоносова» (СПб., 1896). В 1868 г. было принято решение «О премии за ученое жизнеописание Ломоносова». В 1868 г. была назначена премия в 2000 руб., к 1.12.1889 г. капитал с процентами составил 4433 руб. 89 коп. Лишь в 1907 г. премия была присуждена Б.Н. Меншуткину за работу «Ломоносов как физикохимик» (СПб., 1905 г.). Следующая Ломоносовская комиссия была организована в 1909 г. для подготовки празднования 8 ноября 1911 г. 200-летия со дня рождения М.В. Ломоносова. В состав комиссии вошли Н.Н. Бекетов, Б.Б. Голицын, В.И. Вернадский, А.А. Шахматов, В.И. Ламанский и А.И. Соболевский. Они постановили открыть при БАН или в проектируемом Комиссией Ломоносовском институте особый отдел *Lomonosoviana*, в котором были бы сосредоточены все сочинения Ломоносова. Кроме того, было решено в 1911 г. назначить конкурс на соискание премии имени М.Н. Ахматова по всем трем отделениями АН по темам, имеющим отношение к деятельности ученого. Тогда же комиссия постановила поставить памятник Ломоносову на линии между АН и Университетом (современная Менделеевская линия, на которой теперь стоит памятник М.В. Ломоносову). К юбилею вышла первая научная биография ученого «Жизнеописание М.В. Ломоносова» Б.Н. Меншуткина, а также ряд других изданий. В январе 1888 г. по инициативе академика М.И. Сухомлинова в Отделении русского языка и словесности АН была начата подготовка к изданию полного собрания сочинений М.В. Ломоносова. Первые 5 томов собрания сочинений М.В. Ломоносова академик М.И. Сухомлинов успел подготовить к печати (1891–1902). После смерти М.И. Сухомлинова издание сочинений Ломоносова приостановилось, но подготовка текстов продолжалась силами академика В.И. Ламанского и Г.А. Князева. Комментированием и переводом латинских текстов с 1907 г. занимался проф. Б.Н. Меншуткин. Осенью 1907 г. он составил подробный план издания VI и VII томов. К 1909 г. тексты этих томов, подготовленные Б.Н. Меншуткиным и Г.А. Князевым, были подготовлены к печати, а в 1911 г. отпечатаны тиражом 600 экз. Все работы по изданию собрания сочинений Ломоносова приостановились в начале Первой мировой войны. Это

оказался самый длинный академический проект. В феврале 1927 г. при академической Комиссии по истории знания с целью издания собрания сочинений была организована Ломоносовская подкомиссия, которая обследовала архивы России в поиске неопубликованных трудов М.В. Ломоносова. Работа производилась Б.Н. Меншуткиным и С.Н. Черновым, которым не было суждено видеть окончание своих трудов. Выпуск девятого собрания сочинений М.В. Ломоносова закончился лишь в 1948 г.

Говоря об историографии Академии наук, нельзя обойти вниманием историю академических музеев. Решение о создании исторических очерков «ученых учреждений при Академии, а именно библиотек и музеев» было принято на Общем собрании Академии наук 1 ноября 1863 г. Материалы, написанные Ф.Ф. Брандтом, А. Гебелем, Б.А. Дорном, А.И. Гриммом и Ф.И. Рупрехтом¹, были представлены к 1 января 1864 г., зачитаны и опубликованы в виде сборника очерков по истории академических музеев. Нисколько не умаляя значимости других очерков, особо хотелось бы отметить работы академика Ф.И. Рупрехта по истории ботанических исследований в Академии наук. Одна статья Ф.И. Рупрехта, «Ботанический музей», была опубликована в сборнике очерков по истории академических музеев, а другая «Материалы для истории Императорской академии наук по части ботаники», была представлена на заседании Физико-математического отделения АН 12 января 1865 г. и опубликована в «Записках Имп. Академии наук»². Если в первой освящалась только история Ботанического музея АН, то вторая была более общей. Фактически это был первый рассказ об истории институционализации ботанических исследований в России: от разрозненных коллекций до создания Ботанического музея. Ф.И. Рупрехт писал: «Академия, бесспорно, сделала большую услугу науке, в особенности по части изучения растительного мира России. Итак, весьма было бы жаль, если бы впредь ей не были предоставлены необходимые средства к тому, чтобы при всяком представляющемся случае достойным образом разрешать эти и другие подобные ей задачи. Мне неизвестно, что представляет история

¹ Брандт Ф.Ф., Рупрехт Ф.И., Гебель А., Дорн Б.А., Гримм А.И. Очерк истории музеев Имп. Академии наук. СПб., 1865.

² Записки ИАН. СПб., 1865. Т. 7. Приложение.

академии по другим отраслям наук, но в той части, по которой я состою в Академии представителем, летопись этого учреждения показывает, что все трудом добытые ею плоды составляют результаты двух неравных факторов: внешней обстановки и личности деятелей. С этой точки зрения и составлена настоящая статья»¹. Надо также отметить, что в 1868 г. Ф.И. Рупрехт «обратил внимание на необходимость приведения в порядок накопившегося материала ботанического архива, в котором имеется большое число записей П.С. Палласа, И.А. Гильденштета, С.Г. Гмелина, не имеющих систематического характера и относящихся к различным экспедициям»². Помимо общих описаний музеев для историографии большое значение имеют путешественники, которые издавались всеми музеями.

За вторую половину девятнадцатого столетия по истории Академии было издано и разработано немало материалов: довольно вспомнить о трудах по этой части Д.А. Толстого, П.С. Билярского, П.П. Пекарского, А.А. Куника, М.И. Сухомлинова. И хотя, как отмечал в 1898 г. К.С. Веселовский, «этими трудами, за немногими лишь исключениями, извлечены из архивов данные главным образом только для истории академии за первые сорок лет ее существования»³, в этот период сложились основные черты академического летописания: междисциплинарный подход и рассмотрение истории Академии в неразрывной связи с историей страны и историей образования в России.

В начале XX века Академия наук предпринимает попытки организационного оформления исследований по истории науки. Огромное значение для дальнейших историко-научных исследований имело появление в академической Комиссии по изданию сборника «Русская наука»⁴. Комиссия была создана для «установления более тесного

¹ Рупрехт Ф.И. Материалы для истории Императорской академии наук по части ботаники // Записки Императорской академии наук. СПб., 1865. Т. 7. С. 35.

² Записки ИАН. СПб., 1868. Т. 13. Кн. 1. С. 313–315.

³ Веселовский К.С. Несколько материалов для истории Академии наук в биографических очерках ее деятелей былого времени. I. Никита Попов, профессор астрономии, и Мартин Плацман, адъюнкт по математике // Записки императорской академии наук. СПб., 1893. Т. 73. С. 1.

⁴ Подробнее см.: Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных иссле-

научного общения с Англией, Францией и другими странами»¹. По предложению А.С. Лаппо-Данилевского комиссия приступила к созданию сборника «Русская наука». Предполагалось, что сборник должен знакомить научное сообщество всего мира с историей и современным состоянием отечественной науки. Планировалось, что он будет состоять из богословского, гуманитарного и естественнонаучного разделов. Но политические и экономические потрясения революционных лет не позволили в полной мере реализовать замыслы организаторов комиссии, и работы по изучению истории и науки были продолжены уже после смерти Лаппо-Данилевского в рамках организованной в 1921 г. под председательством В.И. Вернадского Комиссии по истории знаний² при Академии наук. Работой КИЗ руководило Бюро в составе В.И. Вернадского (председатель), Э.Л. Радлова (товарищ председателя) и М.А. Блоха (ученый секретарь). Вернадский возглавлял КИЗ до 1930 г., 3 октября 1930 г. он отказался быть председателем Комиссии по истории знаний, и им был избран Н.И. Бухарин. В качестве ближайших задач КИЗа Вернадский рассматривал создание специального научного журнала, посвященного истории знаний и организации первого Музея по истории знаний — Музея истории науки и техники. 20 мая 1930 г. положение о музее было включено в «Проект Положения о КИЗ»³. Длительные хлопоты, казалось бы, увенчались успехом, и в отчете о деятельности Комиссии по истории знаний за 1930 г. было заявлено о создании Музея⁴. Однако, несмотря на то что музею в 1931–1932 гг. было передано множество экспонатов из Петровской галереи Музея антропологии и этнографии, из Эрмитажа, из дворца-музея г. Гатчины, из Музея железнодорожного транспорта, из Русского музея, а также

дований в Академии наук: Сборник документов. Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина, 2003. С. 637–659.

¹ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а–1916. Д. 163. Л. 270.

² Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сборник документов / Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб., 2003.

³ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 162. Л. 73–74.

⁴ ПФА РАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 35. Л. 10–12.

с заводов¹, музей так и не был открыт. Не увенчались успехом и идеи об организации особого картографического архива², и о создании московского отделения Комиссии по истории знаний³, в состав которого должны были входить академики и члены-корреспонденты АН, проживающие в Москве, а также члены научных обществ. Несмотря на все трудности, комиссия успела сделать многое. В составе Комиссии действовали подкомиссия «по чествованию памяти академика К.М. Бэра» (сокращенно — Бэровская подкомиссия)⁴ и Ломоносовская подкомиссия. Бэровской подкомиссией был выпущен I выпуск Бэровского сборника. II выпуск был подготовлен к печати, но опубликован не был. Из запланированных материалов, предполагаемых для включения во второй сборник, была издана только работа Е.Н. Павловского «Академик К.М. Бэр и Медико-хирургическая академия» (М.; Л., 1948). Ломоносовская подкомиссия продолжала начатую в XIX веке академиком М.И. Сухомлиновым работу по подготовке научного издания собрания сочинений М.В. Ломоносова. Результаты деятельности КИЗ нашли воплощение в десяти выпусках ее изданий в «Трудах» и «Очерках по истории знаний», в докладах на ее научных заседаниях, в проведении подготовительных мероприятий по созданию Музея истории науки и техники, в организации ряда выставок. Пусть не все издания КИЗ выдержали испытание временем, но многие из них не утратили своего значения и в наши дни. Продолжают сохранять актуальность идеи Вернадского, Ольденбурга и других ученых о необходимости развития историко-научных исследований, о содержании и организационных принципах работы КИЗ, ее роли и месте в Академии наук, высказанные в период существования Комиссии. 28 февраля 1932 г. Общее собрание приняло постановление об организации на базе КИЗ Института истории науки и техники АН СССР⁵.

¹ См. *Большакова К.Г.* Из истории создания Музея истории науки и техники при ИИИТ АН СССР (1932–1941) // Памятники науки и техники. 1984. М., 1986. С. 262–268.

² ПФА РАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 270–272.

³ ПФА РАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 12. Л. 3; Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 159. Л. 75–78; Ф. 154. Оп. 1.

⁴ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 70. Л. 4–4 об., 9, 14–14 об.

⁵ *Смагина Г.И., Орел В.М.* Новые документы о деятельности Комиссии по истории знаний // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 2. С. 54–66.

В 1938 г. при архиве АН СССР в Ленинграде была создана Комиссия по истории Академии наук (1938–1953). Документы, связанные с работой комиссии, хранятся в фонде 702 Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, а также в фондах академиков. Так, в фонде С.И. Вавилова в Архиве РАН хранится переписка С.И. Вавилова с сотрудниками комиссии. Идея создания комиссии возникла вскоре после ликвидации Института истории науки и техники АН СССР в 1938 г. Первоначально предполагалось, что в состав комиссии войдут: председатель комиссии А.М. Деборин, заместители председателя В.И. Вернадский и Б.Д. Греков, ученый секретарь А.А. Елисеев. Согласно плану, изложенному в письме директора Архива АН Г.А. Князева в отделение Общественных наук АН СССР А.М. Деборину, в задачи комиссии входило создание истории Академии наук. Работа должна была «развернуться в двух планах: а) по написанию краткого исторического очерка Академии наук за все время ее существования; б) по созданию монографий по истории кафедр и учреждений Академии наук»¹. Для написания «обзорной научно-популярной»² истории АН объемом 20–25 листов в качестве основных исполнителей предполагалось привлечь по авторским договорам по XVIII в. И.И. Любименко, а по XIX–XX С.Н. Чернова и Б.Г. Кузнецова. Работы должны были быть закончены в конце 1939 – начале 1940 г. Для написания очерков по истории отдельных кафедр Князев предлагал привлечь специалистов из соответствующих отраслей знания: по истории химии Б.Н. Меншуткина, по истории физики А.А. Елисеева (под руководством акад. С.И. Вавилова), а также Б.Г. Кузнецова. Кроме того, комиссия должна была заниматься изданием сборников по темам, связанным с историей Академии (Ломоносовский сборник и др.).

Несмотря на актуальность работы комиссии, организационный период ее создания длился почти год. Президиум АН СССР уже 17 марта 1938 г. принял решение о необходимости организовать при Архиве АН СССР комиссию по изучению истории АН и русской науки, и коллектив был готов начать работу, о чем говорит тот факт, что 17 июля ученый совет архива постановил: просить Президиум

¹ ПФА РАН. Ф. 702. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

² ПФА РАН. Ф. 702. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

ускорить организацию комиссии, и 9 сентября Князев вновь обратился с письмом к Деборину (копии – в президиум и С.И. Вавилову) с сообщением, что по принятому ученым советом архива решению комиссию «необходимо организовать при Архиве АН СССР под ведением ученого совета архива с 1 октября 1938 г. В составе: председатель комиссии академик С.И. Вавилов, заместитель председателя директор Архива АН СССР Г.А. Князев, старший научный сотрудник С.Н. Чернов, и.о. старшего научного сотрудника (одновременно исполняющий обязанности ученого секретаря А.А. Елисеев)»¹. Кандидатуры Чернова и Елисеева не были случайны, Князев писал Деборину в 1938 г.: «Наиболее подходящими кандидатурами для занятия этих должностей являются доктор истории С.Н. Чернов и научный сотрудник А.А. Елисеев. Первый давно занимается вопросами истории Академии наук в связи с историей русской науки и хорошо известен своими трудами в этой области, второй работает по вопросам истории физики под руководством С.И. Вавилова»².

Постановление Президиума АН СССР об организации Комиссии по истории Академии наук СССР было принято 15 ноября 1938 г. Председателем был назначен акад. С.И. Вавилов, старшим научным сотрудником – И.И. Любименко, ученым секретарем А.А. Елисеев. С.Н. Чернов в это время преподавал в Горьковском педагогическом институте и не мог согласиться на полную ставку. Поэтому на должность старшего научного сотрудника с 1 января 1939 г. была принята И.И. Любименко³, а после ее ухода по состоянию здоровья⁴ с 5 мая 1939 г. – С.Н. Чернов⁵. Состояние здоровья самого Чернова также было не очень хорошим, и через год Инна Ивановна Любименко вновь вернулась в КИАИ, сперва временно, а с мая 1941 г. она и д.и.н. А.И. Андреев стали штатными старшими научными сотрудниками комиссии⁶.

¹ ПФА РАН. Ф. 702. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.

² ПФА РАН Ф. 702. Оп. 2. Д. 4. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 12.

⁴ ПФА РАН. Ф. 702. Оп. 2. Д. 5. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ ПФА РАН. Ф. 702. Оп. 2. Д. 13. Л. 10–16, 21; Д. 24. Л. 5.

За первое полугодие 1939 г. Князевым и Любименко был составлен план работ. В качестве первоочередных задач предполагалось подготовить к изданию и сдаче в печать Ломоносовский сборник и сборник «П.Н. Лебедев и русская физика в начале XX в.», а также начать работу над написанием «Очерка по истории АН СССР»¹. Работа над ним была распределена следующим образом: главу 1 «Основание Академии наук» и главу 4 «Расцвет экспедиционного дела и математических работ (1766–1782)» писала И.И. Любименко, главу 2 «Открытие Академии и первое время ее деятельности (1725–1742)» и главу 3 «Ломоносов и его время в Академии (1742–1765)» – С.Н. Чернов, главу 5 «Академия наук в период 1783–1803 гг.» – А.И. Андреев. Всего очерки должны были содержать 27 глав по истории Академии наук и академических учреждений².

Первый вариант «Очерка истории Академии наук» был готов к июню 1941 г.³ и должен был быть сдан в печать к концу года⁴. Но помешала война, и подготовка тома к печати растянулась еще на пять лет. В 1951 году скончался председатель КИАНА С.И. Вавилов, а через год появилось постановление Президиума АН СССР «О крупных недостатках в работе Комиссии по истории Академии наук СССР и о мерах по их устранению»⁵. Согласно этому постановлению был утвержден новый состав Комиссии под председательством вице-президент АН СССР академика В.П. Волгина. В качестве главной задачи Комиссии было обозначено издание «Истории Академии наук СССР». При этом Комиссии предписывалось оказывать всяческое содействие со стороны академических институтов и Архива АН СССР. В сентябре 1953 года Комиссия вошла в состав Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР.

Результатом работы КИАНА стало издание «Очерков по истории Академии наук, 1725–1945», вышедших в семи выпусках в 1945 году. В 1950 году под редакцией С.И. Вавилова вышли в свет «Материалы

¹ ПФА РАН. Ф. 702. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–4.

² ПФА РАН. Ф. 702. Оп. 2. Д. 4. Л. 28–29.

³ См.: ПФА РАН. Ф. 702. Опись 1а. История АН СССР 1724–1917. Т. 1.

⁴ Кольцов А.В. Как писалась «История Академии наук СССР» // ВИЕТ. 1999. № 3. С. 148.

⁵ Кольцов А.В. Указ. соч. С. 148, 152–155.

к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947)», которые представляли, по сути, первый опыт хронологической летописи Академии наук СССР, а также содержали справочно-библиографические сведения об ученых – академиках, членах-корреспондентах, а также о лауреатах академических премий. Материалы, подготовленные сотрудниками КИАН: А.И. Андреевым, А.А. Елисеевым, Г.А. Князевым, И.И. Любименко, В.Р. Лейкиной-Свирской, С.Н. Черновым – были использованы в трехтомном издании (том 3 не был издан) «История Академии наук СССР» (М.; Л., 1958–1964), подготовленном ИИЕТ РАН¹.

Изучение истории Российской академии наук идет и сейчас, и малоисследованными пока остаются многие страницы ее истории, и в первую очередь – история Академии в Новейшее время.

¹ История Академии наук СССР. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 10.

*ЧЕЛОВЕК
И ЕГО ВРЕМЯ*

Ю.М. Резник

О СЕБЕ, ВРЕМЕНИ И СТРАНЕ

*Интервью с В.Ж. Келле,
17 июля 2009 г.*

С Владиславом Жановичем я познакомился в самом конце 80-х годов. Вспоминаю свою первую (как одного из организаторов) конференцию в МГУ им. М.В. Ломоносова («Социальная философия в конце XX века», декабрь 1990 г.), в которой принимали участие многие известные отечественные философы, в т.ч. и В.Ж. Келле. Для меня стало настоящим открытием то обстоятельство, что этот авторитетный ученый, которого я знал по книгам еще со студенческих времен, оказался прост и доступен в общении с молодыми коллегами. Меня поразили не только четкость его научной позиции, которую он не устает отстаивать на протяжении последних десятилетий, но скромность в манере поведения. При том за спиной этого человека стояли Великая Отечественная война, участником которой он был практически с первых дней, огромный опыт научной и преподавательской работы, многочисленные монографии и учебники. Для большинства из нас он является олицетворением целой эпохи в отечественной науке, примером служения ее идеалам.

Так получилось, что ровно через десять лет мы продолжили наше общение на очередной конференции («Человек, культура и общество в контексте глобализации», 2000 г.), которая стала поворотным пунктом в развитии наших отношений. Я пригласил Владислава Жановича сделать доклад на пленарном заседании, и он любезно согласился. Так завязалось наше сотрудничество, которое принесло мне (не буду говорить о мнении Владислава Жановича) много интересного и полезного.

Потом, спустя несколько лет, мы стали работать вместе, вначале в Институте человека РАН, куда он рекомендовал меня на работу

главным научным сотрудником, а затем в одном отделе Института философии РАН. Владислав Жанович поддерживал наш журнал практически с момента его создания, являясь неизменным членом редсовета. Наши встречи и беседы с ним стали регулярными. Ко всему, что связано с его любимым делом – философией, он относится чрезвычайно серьезно. Об этом свидетельствуют его публикации, выступления, интервью. Предлагаю вашему вниманию новое интервью с Владиславом Жановичем Келле, которое мне удалось взять у него летом 2009 г.

Ю.М. Резник. Уважаемый Владислав Жанович!

Свыше восьми лет назад у нас состоялось с Вами первое интервью, которое опубликовано в нашем журнале в самом начале 2002 г.¹ С тех пор, как говорится, много воды утекло. Изменилась ситуация в стране и науке. Мы перешли с Вами работать в Институт философии РАН, хотя и остались, как прежде, сотрудничать в одном секторе. Хочу задать Вам несколько вопросов в связи с Вашим нынешним мироощущением.

В.Ж. Келле. Спасибо за ваш интерес к моей персоне. Постараюсь, насколько смогу, ответить на ваши вопросы.

О МИРООЩУЩЕНИИ

Ю.М. Резник. Владислав Жанович! Вы относитесь к числу долгожителей в философии. Свое философское образование Вы закончили еще в годы войны. И с 1945 г., т.е. уже в аспирантуре философского факультета МГУ, Вы начали свою научную и преподавательскую карьеру. Прошло около 65 лет, как Вы работаете на философском поприще. По нынешним меркам это средний жизненный путь человека. Как Вы оцениваете эволюцию своих философских взглядов на протяжении всего этого периода? Были ли у Вас принципиальные идейные разногласия с существовавшим режимом или с конкретными людьми, олицетворявшими тогдашнее «философское начальство»?

¹ См.: Философия как призвание и профессия (интервью с проф. В.Ж. Келле) // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4. Вып. 1–2 (11–12). С. 352–379.

В.Ж. Келле. *Моя жизнь в философии далека от модели последовательного и постепенного восхождения к вершинам профессии. Была она неспокойной, противоречивой, иногда прерывалась на годы, и я был вынужден уходить в смежные области. Были и взлеты и падения, и творческие достижения и досадные ошибки и проколы. Но о добровольной смене рода занятий я не помышлял. Философия открывала для меня поле интереснейших проблем.*

Что касается идейных разногласий с режимом, то они, конечно, были. Я не буду перечислять все то, что мне не нравилось в нашем общественном бытии, ибо это заняло бы слишком много места. Для меня критический подход к реальности был, помимо всего прочего, элементом профессии. Критическое мышление присуще философии с античных времен. Однако против советской власти я никогда не выступал. Заложенное в ней социалистическое начало по идее является разумным, справедливым и гуманным. Я полагал, что по мере развития оно все в большей степени будет определять жизнь общества, высшим идеалом которого является записанный в «Коммунистическом манифесте» принцип: «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» — и «только в коллективе возможна личная свобода».

Основанием для такого подхода служила сама история России. Страна вырывалась из нищеты, бескультурья масс, экономической отсталости. Страшным кровавым пятном на ее истории был сталинский террор. Но «культ личности» был осужден, масса невинно пострадавших людей реабилитирована. С политикой государственного террора было покончено... При всех недостатках брежневский режим предпочтительнее сталинского. Значит, страна извлекала уроки и двигалась вперед. Так я думал тогда.

Ю.М. Резник. *Чем был обусловлен Ваш выбор тем и проблем в философии? Ведь Вы начинали свою научную деятельность как специалист по философии Гегеля, затем долгие годы занимались в сотрудничестве с М.Я. Ковальзоном проблемами исторического материализма, потом были годы работы в области социологии науки в Институте истории естествознания и техники РАН, а после перехода в Институт человека РАН Вы обратились к проблемам человека, личности, культуры, не теряя по-прежнему интерес к другим проблемам.*

В.Ж. Келле. Действительно, мне неоднократно приходилось круто менять тематику работы, но она в основном укладывается в три главные области моих научных интересов: исторический материализм (социальная философия), социология науки и философия культуры. Переход от одной к другой никогда не был случайным.

Интерес к эмпирической социологии возник у меня еще в середине 1960-х гг. из стремления оценивать советскую действительность, опираясь на реальное знание, а не идеологические клише или абстрактные схемы, которые преподносились от имени исторического материализма. Его научный авторитет стремительно падал. И я занялся проблемой связи теоретического и эмпирического уровней в социологии, организовал группу для проведения конкретных исследований в области социологии науки.

А когда меня вынудили уйти из Института философии, где я руководил сектором исторического материализма, социология науки оказалась моей резервной площадкой. Я был переведен в Институт истории естествознания и техники РАН. Перейти туда без проблем мне помог директор ИИЕТ чл.-корр. АН СССР Семен Романович Микулинский, с которым у меня были тогда дружеские отношения. Там я проработал почти 20 лет.

Если вначале в моих научных занятиях акцент был сделан на анализе социальных проблем науки, то к 1980-м гг. я все больше склонялся к необходимости всерьез заняться наукой как явлением культуры. На выбор этого направления повлиял приход в наш сектор Наля Степановича Злобина — известного культуролога, одного из разработчиков марксистской гуманистической концепции культуры. При его активном участии сектор выпустил несколько сборников на тему соотношения науки и культуры.

С другой стороны, в начале 1980-х гг. мы с Матвеем Яковлевичем Ковальзоном завершили работу над книгой «Теория и история», где тема культуры была представлена уже отдельной главой. Все это и пробудило во мне интерес к философии культуры, изучению которой в настоящее время я посвящаю большую часть своего рабочего времени. Свою роль сыграло, конечно, и приглашение Ивана Тимофеевича Фролова перейти к нему в Институт человека. Как известно, проблема человека является одной из центральных в философии культуры.

Ю.М. Резник. Что Вас волнует в философском плане сегодня? Изменились ли Ваши взгляды и идейные предпочтения на протяжении последних восьми-десяти лет? Насколько можно предположить, что сегодняшний Келле продвинулся дальше или глубже, чем Келле 70-х – середины 80-х гг. прошлого века? Можете ли Вы сказать, что, став «патриархом философии», Вы постигли глубин философского знания, проникнув в запредельную сущность мира?

В.Ж. Келле. *Представление меня в благостном образе патриарха, постигшего запредельную сущность мира, могу воспринять лишь иронически.*

Конечно, в оценке конкретной социальной действительности и советской власти в целом многое пришлось переосмыслить, но основные идейные позиции я старался сохранять, к изменениям политической конъюнктуры не приспособлялся, своих философских взглядов не менял. Я исходил из того, что теория, методология, категориальный аппарат философии марксизма вовсе не устарели и открывают возможность выработки позиции объективного подхода к изучению тех изменений, которые происходят в жизни современного общества. Поэтому весь теоретико-методологический инструментарий марксизма надо использовать для анализа и оценки действительности, а не рабского следования за ней... Чтобы теория и дальше была способна выполнять свои функции, надлежит изучать пройденный путь, учитывая и победы и поражения, и положительный и отрицательный опыт прошлого и извлекать уроки на будущее. В последние годы актуальными для меня стали проблемы, касающиеся современной интерпретации марксизма, разработки теории исторического процесса, глубинных причин падения советской власти, а также перехода России на путь инновационного развития.

Ю.М. Резник. Владислав Жанович! Что для Вас означает мудрость человека? Глубина познания, взвешенный подход в отношении к жизни и людям, умеренность во всем, скупость эмоциональных проявлений или еще что-то? Считаете ли Вы себя мудрым человеком?

В.Ж. Келле. *Вы все время подталкиваете меня к публичной самооценке. Но это не в моих правилах. Мудрость, я полагаю, есть органическое единство ума, знаний и большого жизненного опыта с высокими нравственными качествами и твердым характером человека. К Вашей*

характеристике мудрости следует добавить идею понимания, глубокого проникновения в мир другого. А это дается лишь с опытом.

Ю.М. Резник. Как известно, дух человека не стареет и при систематической работе сохраняет свою молодость многие и многие годы. В чем проявляется молодость Вашего духа? В непрекращающемся поиске истины, дерзновении, беспокойстве, непрерывном движении к новым вершинам философского познания? В чем еще?

В.Ж. Келле. *Мне остается только поблагодарить вас за эти лестные эпитеты. Мне кажется, в пожилом возрасте не дает духу стареть сохранение интереса к жизни, к окружающим, увлеченность своей работой, а также умственная и физическая активность.*

Ю.М. Резник. Владислав Жанович! У многих людей старшего поколения можно наблюдать консервативность, проявляющуюся в отношении собственного жизненного уклада, неприятия образа жизни других людей, особенно молодых. Ну а главное — отсутствие рефлексивной позиции, т. е. утрата способности видеть себя со стороны, в т. ч. глазами других людей. Что Вы можете сказать о себе? Насколько Вы консервативны в жизни, человеческих отношениях? В какой мере Вы соизмеряете свои мысли и поступки с поведением других людей, считаетесь с их отношением к Вам?

В.Ж. Келле. *Конечно, известная консервативность в моих образе жизни, в поведении, во взглядах имеет место. Отчасти она естественна. Но я не согласен с теми, кто взгляды людей ставит в прямую зависимость только от их возраста. Старики тоже бывают разные. Я не хочу подробнее вдаваться в эту тему. Скажу лишь, что кондовым обывательским консерватизмом по отношению к молодежи, мне кажется, не страдаю. Молодежь заботит меня с другой стороны. От ее нынешнего состояния, активности и инициативы зависит будущее России. Наша смена должна быть здоровой, образованной и хорошо воспитанной. К сожалению, со всем этим у нас пока большие проблемы, в т. ч. социальные. Их надо решать, не теряя времени.*

Отношения с родными, друзьями, коллегами, просто знакомыми, я, как это вообще принято, строю на началах взаимности. Я ценю эти отношения и стараюсь их поддерживать. Давным-давно, прочитав

«Три товарища» Ремарка, я принял для себя принцип, что человеческие отношения — это самое главное в моей жизни. И этого принципа я придерживаюсь и сейчас.

Ю.М. Резник. У каждого человека имеются недостатки, проявляющиеся в манере поведения и общения. Некоторые из них вызывают раздражение окружающих людей, порождая ненужные напряжения и конфликты. Вы человек толерантный во всех отношениях. И редко допускаете напряжение и конфликты в отношениях с другими людьми. Но ведь и у Вас есть свои проблемы в стиле общения, манере преподнесения себя. В чем они выражаются? Где находится предел Вашего терпения? Что именно в людях Вы не принимаете ни при каких обстоятельствах?

В.Ж. Келле. *Мой стиль поведения складывался стихийно, под влиянием семьи, школы, улицы, особенностей моего характера и жизненного пути. Так что все достоинства и недостатки моей манеры поведения мне органичны и не являются продуктом систематического целенаправленного воспитания. А над своей манерой поведения я не задумывался. Мне импонирует естественность поведения. Чем меньше масок человек надевает на себя, тем лучше. Подлость и предательство я не прощаю, фанатизм, ксенофобию не приемлю, подхалимов и хамов не терплю.*

*О ВРЕМЕНИ,
В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ*

Ю.М. Резник. Владислав Жанович! От людей старшего поколения иногда приходится слышать подобные высказывания: «В наше время все было по-другому» или «Мое время прошло». Какое время для себя Вы считаете для себя наиболее продуктивным с точки зрения возможностей реализации творческого потенциала: 1960–1970-е гг., 1980-е гг., время «перестройки», 1990-е гг. и «постперестроечный» период или сегодняшние 2000-е?

В.Ж. Келле. *К себе я не отношу подобные рассуждения. Напротив, я считаю, что годы войны и все этапы нашей послевоенной истории прошли через меня. Я бы выделил шесть таких периодов, удивительно совпадающих с периодами пребывания у власти первых лиц государства:*

сталинский с его победами и противоречиями, жестокостью и дикими репрессиями, разгромными идеологическими кампаниями и засильем догматизма; хрущевская «оттепель», породившая шестидесятников; брежневская эпоха «обострения идеологической борьбы», период стабильности, перерастающей в стагнацию; горбачевская перестройка — глоток свободы и обманутые надежды; ельцинский период и его неизбежные следствия — падение советской власти и развал СССР, экономический кризис, деградация науки, ослабление государства, угроза распада страны; приход Путина, курс на возрождение России как социального государства и великой державы, на смену сырьевого вектора развития страны на инновационный.

Мое время как одного из авторов популярного когда-то учебника по историческому материализму, вероятно, прошло. Люди старшего и среднего поколений вспоминают наши с М.Я. Ковальзоном работы, по которым они учились, но молодому поколению все это неизвестно. Сейчас действительно все другое. Но я сам тоже другой, и коллеги, с которыми я работаю, конечно, делают скидку на мой возраст, но вовсе не относят меня лишь к прошлому. Я занимаюсь современными проблемами философии и науки.

Перечисляя пережитые времена, я бы выделил «оттепель». Для меня это было весьма продуктивное время. В эти годы началось наше творческое содружество с М.Я. Ковальзоном, длившееся почти 30 лет. Вышли наши первые книги. Мы с Ковальзоном защитили докторские диссертации. Я вошел в состав редколлегии «Вопросов философии», стал сотрудником Института философии и возглавил сектор исторического материализма. В период «оттепели» мы много публиковались.

Довольно продуктивными были для меня и 1980-е гг. Тогда я работал в области науковедения и социологии науки, но одновременно продолжал сотрудничать с Ковальзоном. В 1981 г. увидела свет наша книга «Теория и история». В связи с ее подготовкой мы с Матвеем Яковлевичем начали работать над проблемами философии культуры. В 1980-е гг. появились наши публикации и по этой проблематике. В 1984 г. под моей редакцией был опубликован сборник «Проблемы философии культуры», в котором собраны статьи наших известных авторов. В 1988 г. я опубликовал книгу «Наука как компонент социальной системы», в которой подвел теоретический итог своим разработкам в области социологии науки.

В 1990-е гг. главным для меня был вопрос об осмыслении того, что произошло в стране и со страной. Особо меня интересовала судьба российской науки. Власти бросили ее на произвол судьбы и, исходя из того, что у нас слишком много науки и ученых, спокойно наблюдали за тем, как талантливые ученые и молодежь утекают за рубеж искать не счастья, а нормальных условий для работы, для приложения своих знаний и способностей.

Страна двигалась по пути развития сырьевой экономики и не нуждалась ни в науке, ни в новых технологиях. Я начал заниматься проблемами инновационного развития. В 1995 г. была опубликована моя первая статья на эту тему. Тогда же я перешел в Институт человека РАН, где продолжал исследования в области философии культуры. В 1999 г. увидела свет подготовленная нами коллективная монография «Цивилизация, культура, личность».

Новое столетие ознаменовалось для меня началом систематической разработки проблем разграничения и соотношения духовной и интеллектуальной ветвей культуры. В 2005 г. в «Вопросах философии» опубликована статья на эту тему, которую можно считать программной. Так что во все прожитые мной времена, трудные они были или благоприятные, работа шла с большей или меньшей отдачей.

Ю.М. Резник. Считаете ли Вы себя современным человеком, современным в том смысле, что Вы себя чувствуете человеком данной эпохи, выражаете сопричастность к ней и к тому, что происходит с Вами и всеми нами?

В.Ж. Келле. Конечно, считаю.

Ю.М. Резник. Как считают многие исследователи, мы живем с Вами в эпоху глобализации. Разделяете ли Вы убеждение в неизбежности глобализационных изменений, в т.ч. их отрицательных последствий для нашей страны?

В.Ж. Келле. Полагаю, что мы уже переживаем отрицательные последствия нашей включенности в процессы глобализации. Свидетельством тому является финансовый и экономический кризис, серьезно затронувший нашу страну.

Ю.М. Резник. Сегодня Россия изменилась даже по сравнению с тем периодом, который Вы называете «ельцинским». Что вызывает у Вас неприятие в социальных переменах нынешней России? Что или как могло бы быть по-другому?

В.Ж. Келле. *Непонятно, почему вы ставите сразу вопрос о «неприятии». Прежде всего, я многое принимаю. Я поддерживаю курс на инновационное развитие страны. Россия – огромная страна с великой культурой, высоким интеллектуальными потенциалом, талантливым народом, большими природными богатствами. Она вообще может существовать лишь как сильная и великая держава. Если она будет слабой, второразрядной, ее сомнут. Переход с сырьевого на инновационный путь развития – цивилизационный императив, обеспечивающий суверенитет России, способность самостоятельно решать свои социально-экономические проблемы и занимать достойное место в мировом сообществе.*

Поэтому у меня вызывает активное неприятие слишком длительная задержка на сырьевом векторе развития экономики, низкие темпы технологического обновления производства. Я полагаю, что кризис воочию показал абсурдность бытующей у нас либеральной установки на полный уход государства из сферы экономики. Не принимаю я алчность и отсутствие социальной ответственности у российской буржуазии, социальные болезни российского общества (коррупцию, преступность, пьянство, наркоманию и т. д.) и многое другое.

Ю.М. Резник. Как Вы оцениваете политику правящих кругов по отношению к науке и ученым? Достаточно ли государство делает для того, чтобы использовать научный потенциал для обеспечения устойчивого роста, научно-технического прогресса и инновационного развития страны?

В.Ж. Келле. *Из ответа на предыдущий вопрос очевидно, что государство многого не сделало в этой области. Его научная политика была противоречивой. Поэтому мои оценки неоднозначны. Сейчас на президентском уровне, где определяются цели и ставятся стратегические задачи, подтверждено значение инновационного вектора развития страны, признана необходимость создания обеспечивающей его специальной системы высшего образования (федеральные университеты)*

и развития наукоемкого производства. Государство усиливает свое присутствие в области фундаментальной науки, заботится о создании технопарков и мощных научно-технологических центров.

Но когда эти стратегические установки трансформируются в цели и задачи конкретной научной политики на уровне министерств и ведомств, то появляются различные планы, либо искажающие первоначальные цели, либо ставящие под сомнение и даже исключают вообще возможность их реализации. Так, до сих пор нет ясности в вопросе о том, является ли фундаментальная наука высшим приоритетом для политики государства.

Так, в течение многих лет министерские чиновники сводили все реформы РАН к сокращению численности научных работников. А некоторые вообще настаивают на том, что для создания в России эффективной «компактной» науки следует ликвидировать РАН как остаток громоздкого советского учреждения, и систематически организуют атаки на РАН, ограничивая ассигнования на новое научное оборудование и недоиспользуя ее научный потенциал в полной мере. Кроме того, вяло решаются проблемы создания правового поля для развития инновационной деятельности, коммерциализации научных разработок, очень медленно развивается малый инновационный бизнес и т. д. Итог: Россия по-прежнему сидит на нефтяной игле. Поэтому кризис оказался для нее весьма трудным испытанием.

Ю.М. Резник. Что бы Вы предложили для эффективной реализации национальной программы инновационного развития России?

В.Ж. Келле. Такой программы на уровне научной политики у России пока нет. Имеются лишь ее некоторые элементы. Надо выработать программу, адекватную сформулированным стратегическими целям, и последовательно ее реализовывать.

Ю.М. Резник. Разделяете ли Вы убеждение в том, что у каждой страны, города есть своя метафизика, которую невозможно постичь только средствами науки? Что для Вас означает выражение «метафизика России»?

В.Ж. Келле. Бессмысленное словосочетание. Но за ним кроется ощущение реально большой проблемы. Общество знания, к которому стремятся развитые страны, не может быть основано только на науке

и технологии. Что бы это было за общество, почитайте у Рэя Брэдбери «457 по Фаренгейту». Это страшное общество. В создании «общества знания» огромная роль принадлежит духовной культуре. Оно должно иметь полноценную культуру — интеллектуальную и духовную. Под духовной культурой я имею в виду не только религию, но и мораль, искусство, гуманистическое мировоззрение, словом, все то, что относится к смысложизненным проблемам человека как субъекта, индивидуальности, личности, формам его общения, отношению к коллективу, обществу. При этом нельзя забывать, что кроме религиозной духовности имеется еще и светская духовность.

Ю.М. Резник. Ваш прогноз ближайшего будущего России? Каким Вы видите современный мир и место в нем России через 5—10 лет? Удастся ли России сохранить свою социокультурную и территориальную целостность в отдаленной перспективе?

В.Ж. Келле. *Частично я уже на эти вопросы отвечал. Оптимальным для нее является инновационный путь развития. Я бы назвал его современным вариантом модернизации России. Начиная с Петра модернизация (а ее первые ростки появились даже несколько раньше) была для страны проблемой, которая время от времени выдвигалась на первый план. Последняя успешная модернизация, за которую народ заплатил огромную социальную цену, была сталинская индустриализация. Она стала материальной базой победы советского народа в войне с фашизмом и довольно быстрого восстановления народного хозяйства в послевоенный период.*

Затем бывшие военные союзники развязали против СССР холодную войну, навязав гонку вооружений. Государство было вынуждено создавать мощный научно-военно-промышленный комплекс, втянувший в свою орбиту огромные интеллектуальные и материальные ресурсы страны. Достаточно сказать, что три четверти ассигнований на науку шли в сферу обороны. Холодная война в области производства означала жесткую конкуренцию с реальным соперником. Задача состояла в том, чтобы количество и (что особенно важно) качество нашего вооружения позволяло поддерживать баланс сил и сдерживало потенциального противника от возможных военных авантур. И эта задача была тогда решена.

Но в мире развертывалась научно-техническая революция, и политическое руководство страны понимало необходимость технологического обновления всей экономики — промышленности, транспорта, сельского хозяйства, т. е. осуществление новой модернизации. Однако предпринятые в этом направлении попытки оказались недостаточными и модернизация не состоялась. Ее провал заставил страну перейти на сырьевой путь развития. Удельный вес нефти, газа и другого сырья в экспорте стал быстро возрастать, и уже при советской власти перевалил за половину.

Объявленное М.С. Горбачевым ускорение научно-технического прогресса в СССР также не удалось осуществить. Смена форм собственности на основные средства производства привела не к развитию, а спаду производства, системному кризису. Появившиеся при Ельцине «новые русские» оказались плохими хозяевами, причем весьма жадными. В своем большинстве они заботились не о совершенствовании производства, а о сиюминутных выгодах и прибылях. Собственность им досталась за бесценок, без больших усилий, как неожиданный подарок. Поэтому они ее не ценили, а воспользовались, чтобы набить свои карманы. Богатства страны перестали работать на ее развитие.

Наши футурологи показали, что возможно несколько сценариев развития страны, в т. ч. ведущих к застою и деградации.

Вопрос о необходимости перехода на инновационный путь развития на государственном уровне поставил в начале нового тысячелетия В.В. Путин, уже будучи президентом, а затем активно поддержал новый президент Д.А. Медведев. Из сказанного ясно, что эта задача досталась в наследство от советских времен. Сможет ли ее осилить современная Россия? До сих пор страна продолжает шествовать по сырьевой дорожке. Надо переломить эту тенденцию и выйти на новый уровень. Интеллектуальный и экономический потенциал для инновационного развития у нашего общества имеется. Надо его усиливать, преодолевая сопротивление сил, не заинтересованных в этом переходе. Для страны это коренной вопрос. Его решение зависит от многих обстоятельств, и прежде всего от поддержки народа, активного участия молодежи и политики государства. Будем надеяться, что Россия найдет в себе силы и ей удастся реализовать оптимальный вариант и она сможет заложить основы экономики знания.

Ю.М. Резник. Что Вы могли бы пожелать молодым людям, вступающим в науку?

В.Ж. Келле. Каждая эпоха решает свои задачи, сталкивается со своими проблемами. Когда началась война, мне было 20 лет. На долю нашего поколения выпала тяжелейшая задача — отстоять в боях с жестоким врагом, с силами зла, которые мы именовали фашистской сворой, свободу Отчизны, независимость Родины. То поколение выполнило задачу, поставленную перед ним историей.

Очевидно, что главной задачей поколений, вступающих во взрослую жизнь, особенно тех, кто сферой приложения своих сил и способностей избрал науку, технологию, управление, общественную деятельность, является перевод России на инновационный путь развития, т.е. путь, основанный на всестороннем использовании интеллектуального потенциала общества, путь, открывающий перед страной перспективу прогресса и процветания. Я желаю нынешним молодым поколениям успешного решения этой задачи и достижения поставленных целей.

Ю.М. Резник. Большое Вам спасибо за интересный и откровенный разговор.

В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ¹

ТРИ АСПЕКТА
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ

Наиболее эффективному использованию исторического материализма в качестве методологии познания исторического процесса в его многообразии и сложности и вместе с тем в единстве и целостности может способствовать, по нашему мнению, выделение трех методологических аспектов изучения истории, трех ее измерений. Мы говорим именно об аспектах, потому что характеризуем не отдельные сферы общественной жизни, но ориентируемся на целостный подход к обществу в его развитии, избирая лишь различный угол зрения на него, определенный его срез.

В качестве *первой* основной задачи материализма, поднявшегося над уровнем примитивных натуралистических концепций, явилось выявление *законов истории*. Ясно, что материализм обязывает искать их не в сознании общества (или индивида), но и не в природе. Он ориентирует на то, чтобы в обществе выявить и найти такую сферу, которая формируется людьми, но не зависит от их воли и сознания, специфические качества которой не только не определяются сознанием, но сами определяют его, ибо только на базе такой объективной реальности возможно существование объективных и в то же время специфических для общества законов его развития. Выявление такой реальности есть логическая предпосылка познания объективных

¹ Фрагменты из статьи, открывшей дискуссию среди социальных философов, перепечатываются из журнала «Вопросы философии» (1980. № 7. С.116–129).

законов истории. Обнаружение даже первых признаков, что в обществе действуют некие объективные закономерности, с материалистической точки зрения уже было показателем того, что такая объективная реальность в обществе существует.

Итак, в обществе, где все делают люди, руководствуясь сознательными мотивами и целями, надо было найти материальную базу для существования объективных законов, независимых от воли и сознания людей. При этом речь не шла об отрыве общества от природы, ибо вне отношения к материальной природе ни о какой материальности в общественной жизни, конечно, речи быть не может.

Человек есть живой организм и как таковой составляет часть биосферы Земли, подчинен действию естественных законов природы. Его существование предполагает постоянный обмен веществ с природой. Потребность в пище есть у всех живых существ, но только человек перешел к производству средств, необходимых для его существования, и тем самым вступил в новую систему материального взаимодействия с природой.

Маркс писал: «Веществу природы он (человек. — В.К., М.К.) сам противостоит, как сила природы»¹. Человек как материальное существо с помощью материальных средств и орудий труда воздействует на материальный предмет и преобразует его в соответствии со своими материальными потребностями. Значит, здесь имеет место материальная система взаимодействия, но в то же время принципиально отличная от биологического обмена веществ. Ее специфика состоит прежде всего в том, что отношение человека к природе является активным, преобразующим. Оно опосредствовано применением орудий труда и внутренне сопряжено со специфически человеческой формой отражения — с сознанием. Труд носит сознательный характер, является целесообразной деятельностью. «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. С. 188.

² Там же. С. 189.

Следовательно, практическая деятельность, труд есть и материальное взаимодействие с природой и одновременно единство объективного и субъективного. В труде всегда присутствует субъект, и от него, от его целенаправленной активности, а не только от объективных условий зависят характер и результаты трудовой деятельности. Но отсюда следует очень важный для теории вывод: сознательную целесообразную деятельность наука не может сделать исходным основанием социальной теории, ибо этим основанием должно быть нечто независимое от субъекта и его сознания. В то же время это основание нельзя искать вне деятельности, то есть вне человеческой действительности.

К. Маркс сделал действительно великое открытие, доказав, что люди сознательно производят материальные блага, но социальный результат их производственной деятельности – а именно те производственные отношения, которые складываются между ними, – от них не зависит. Этот результат определяется другой стороной труда – системой их объективных связей с природой, носителем которых выступают производительные силы. Поистине «идея материализма в социологии была гениальная идея»¹. Ее реализация позволила марксизму найти «золотой ключик», открывающий вход в обитель социальной науки – систему отношений людей к природе и друг к другу, формирующихся независимо от их воли и сознания в процессе материального производства жизни, и тем самым перейти от материальности природы к материальности социальной. Это открытие послужило своеобразным теоретическим мостиком для перехода от описания деятельности людей (люди делают историю) к интерпретации развития общества, общественных формаций как объективного материального, закономерного, естественноисторического процесса, то есть явилось основой научного, удовлетворяющего всем необходимым критериям научности подхода к обществу. При таком подходе не человек сам по себе, не деятельность человека, а система материальных производственных отношений становится исходным пунктом построения социальной теории. Это не «бихевиориальная наука об индивидуальном поведении», не «социальная антропология», а именно социология –

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 136.

наука об обществе, исходными для которой являются материальные общественные отношения. Последние можно считать найденной в самой общественной жизни основой существования и действия специфических объективных законов — законов общественного развития.

Итак, материально-производственная деятельность является той силой, которая поднимает человека над природой. Эта деятельность осуществляется в рамках отношений, которые выражают и воплощают ее общественный характер, закрепляют выделение человека из природы как социального существа. Таков исходный момент научной теории общественного развития и научной методологии социального познания. Лишь приняв этот исходный пункт, мы можем двигаться дальше по пути социальной науки.

Взаимосвязь практического, материального отношения к действительности и системы материальных общественных отношений, которые независимо от сознания и воли людей ставят их в необходимые отношения друг к другу, реализуется в действительности каждодневно и непрерывно всюду, где имеет место труд, связанный с производством материальных ценностей. Социальные отношения, воспроизводимые в деятельности людей, могут быть разные, в зависимости от материальных условий труда, от имеющихся производительных сил, но само это воспроизводство, сама эта связь есть общая закономерность всей истории, начиная с первобытности и до сегодняшнего дня.

Открытие социальных отношений, формирующихся в деятельности и одновременно независимых от деятельности, позволило отбросить идеализм в трактовке истории и одновременно преодолеть натуралистический редукционизм старого материализма, сохранив и реализовав вместе с тем идею объективной детерминированности сознания и деятельности человека, причем сделать это на новой, более высокой основе выявления собственной диалектики исторического процесса, познания специфических закономерностей ее развития.

Выявив наличие некоторых объективных детерминант, существующих в деятельности и независимых от нее, исторический материализм дал тем самым общую модель существования объективных структур в общественной жизни и ее различных сферах, на базе которых

могут, в свою очередь, действовать объективные законы. Анализ показывает, что эта модель реализуется в различных проявлениях жизни человека и общества. И потому нет ничего исключительного и удивительного в том, что в сознательной деятельности людей формируются и существуют отношения, не только независимые от сознания и деятельности, но и выступающие в качестве их социальных детерминант.

Действительно, никого не удивляет то, что законы логики существуют в мышлении, и оно им подчиняется, но законы эти не зависят от воли и сознания индивида. Он обязан их принять как данное и подчиниться им, сознательно или неосознанно. То же самое можно сказать о правилах грамматики, которые существуют в языке, но независимы от индивида, вынужденного их принять, если он хочет сделать свою мысль доступной восприятию других. Объективным, независимым от субъекта является содержание научных знаний. Есть такого рода независимые от субъекта объективные детерминанты и во всех других сферах человеческой деятельности, которыми человек сознательно или бессознательно руководствуется и нарушить которые он не может, не делая бессмысленной саму деятельность.

Но отношения нельзя и отрывать от деятельности, придавать им самостоятельное значение, ибо тогда они теряют почву, повисают в пустом пространстве. Поэтому в обществе не может существовать система материальных отношений между людьми, не отвечающая реальным условиям их общественной жизни, характеру деятельности. Характеризуя общество как продукт взаимодействия людей, Маркс говорит: «Общество, то есть сам человек в его общественных отношениях»¹. В этом смысле общественные отношения естественны для каждого данного общества, то есть они не построены искусственно, а складываются «помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования»². Таким образом и выделяется тот аспект анализа общества, без которого материалистическое понимание истории, ее научное исследование вообще невозможны и немислимы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. II. С. 222.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 149.

И в то же время данный аспект анализа общества все-таки ограничен. Когда история рассматривается только как объективный естественноисторический процесс, то субъект не выявляется особо. Но целостный подход к истории немислим без анализа активности и самого субъекта исторического действия. И этот субъект с необходимостью обнаруживается, когда мы рассматриваем историю как результат деятельности: здесь уже нельзя абстрагироваться от субъекта, его активности.

Анализ истории как процесса и результата деятельности людей есть *второй аспект* методологии исторического материализма. В чем же заключается необходимость выделения этого аспекта? Разве недостаточно знания общих законов, определяющих ход истории, для создания теории общественного развития, для разработки методологии социального познания? Ясно, что отрицательный ответ на второй вопрос одновременно должен быть решением проблемы, сформулированной в первом. Задачей социального познания в широком смысле слова является познание и объяснение деятельности людей. Но просто исходить из деятельности еще недостаточно для того, чтобы провести материализм в истории. Ведь деятельность не может быть объяснена из самой себя. Она может объясняться либо материалистически, то есть научным способом, опирающимся на познание объективных законов исторического процесса, выявление материальных детерминант человеческой деятельности, либо идеалистически: апеллируя к сознанию, эмоциям или настроениям людей. И надо сказать, что буржуазная социология и социальная психология, рассматривающие себя в качестве «поведенческих» наук, изучающих действия людей, идут именно по пути идеалистического объяснения истории¹.

Трактовка развития общества как естественноисторического процесса со всем относящимся сюда кругом проблем является исходной для материалистического понимания и объяснения истории. Анализ исторического процесса на этом уровне абстракции выявляет структуру общественно-экономической формации, в рамках которой

¹ См.: Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. М., 1960; *Кон И.С.* Позитивизм в социологии. М., 1964. Гл. 3; *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979 и др.

осуществляется социальная деятельность людей, позволяет объяснить единство и общее направление исторического процесса, определяемое его законами, выявить основные этапы общественного развития и историческую необходимость перехода от одной формации к другой, более высокой и прогрессивной, предвидеть будущее в той мере, в какой оно определяется объективными условиями и законами.

Выделение данного аспекта анализа исторического процесса дает возможность поставить человеческую деятельность в связь с ее материальными условиями, вскрыть ее зависимость от этих условий и тем самым распространить на нее принцип детерминизма, а следовательно, и объективные научные методы познания. Это обстоятельство бесконечно важно, ибо наука не может объяснять деятельность из идеальных факторов («нельзя судить... о эпохе переворота по ее сознанию». — *К. Маркс*), так как этим закрывался бы путь к познанию объективного содержания деятельности. Например, марксизм всегда указывал, что борьба крестьян за землю, если она даже ведется под социалистическими лозунгами, сама по себе не может привести к социализму в силу того, что объективное содержание этой борьбы является буржуазно-демократическим, а не социалистическим. Но наука не может и просто отбросить эти идеальные цели, мотивы и т. п., ибо тогда исчезает субъект деятельности и вместо объяснения феномен деятельности просто ликвидируется, а история сводится к «чистым» законам, причинам и т. д.

В.И. Ленин писал: «Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹.

Новый аспект исследования общества продолжает и дополняет предыдущий. Здесь предметом анализа становятся сам субъект исторического творчества, пути и способы его влияния на ход событий.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 23.

Рассмотрение исторического процесса под этим углом зрения выявляет совокупность методологических проблем, объединяемых задачей исследования исторического взаимодействия объекта и субъекта, конкретной роли последнего как творца нового, возможностей и путей его воздействия на общественную жизнь, соотношения объективной закономерности и сознательной деятельности. Центр внимания перемещается на анализ механизмов действия и механизмов сознательного использования объективных законов, мотивов и целей человеческой деятельности, возможных путей ее воздействия на общественную жизнь и т. д.

В истории марксизма разработку проблем, относящихся к этому плану исследования истории, можно разбить на две части: содержательную, конкретную, с одной стороны, и методологическую — с другой. В содержательном плане роль субъекта учитывалась основоположниками марксизма при анализе конкретных проблем и исторических событий. Марксизм был к этому готов, ибо, как мы уже говорили, он провозгласил принцип деятельности, активности субъекта с самого начала. В методологическом же плане разработка данных проблем стала предметом историко-материалистического анализа в ответ на практическую потребность, которая возникла вместе с распространением марксизма в рабочем движении и осознанием задач формирования самого субъекта революционного процесса. Впервые эту проблему начал разрабатывать Ф. Энгельс в своих известных письмах 90-х годов. Но особая заслуга здесь принадлежит В.И. Ленину, который поставил и теоретически обосновал задачу соединения социализма с рабочим движением, глубоко разработал проблему активности социального субъекта. В условиях социализма, где стоит задача формирования механизмов сознательного исторического творчества масс в масштабах всего общества, этот круг методологических проблем имеет весьма актуальное значение. Не случайно количество работ о роли субъективного фактора возрастает. Но мы здесь ставим вопрос не просто о роли субъективного фактора, а об особом методологическом аспекте анализа исторического процесса в рамках исторического материализма. Такой общий подход имеет то преимущество, что он позволяет с более широкой точки зрения и более концептуально поставить и рассмотреть всю проблему.

Далее, когда приступают к познанию общественной жизни с учетом деятельности исторического субъекта, возникает задача анализа уже не только специфических законов развития формаций, но и конкретно-исторических условий деятельности, или же, говоря словами В.И. Ленина, конкретного анализа конкретной ситуации действия. Здесь получает дальнейшее развитие и принцип историзма, последовательное проведение которого в реальном процессе познания невозможно без конкретного анализа. А без этого посредствующего звена невозможен переход от законов истории и материальных предпосылок деятельности к описанию и оценке реального исторического процесса.

Наконец, когда начинают рассматривать законы истории не «в чистом виде», не в абстракции, а в формах их реального проявления в деятельности людей, в противоборстве различных исторических тенденций, в столкновении интересов, борьбе классов и т. д., то нельзя отвлекаться от соотношения случайности и необходимости в истории. Игнорирование роли случая может также обернуться большими методологическими просчетами. Недаром еще К. Маркс писал, что история выглядела бы весьма мистически, если бы случайности не играли в ней никакой роли. Эта проблема естественно попадает в поле зрения, когда история рассматривается как результат деятельности людей.

Таким образом, выделение «деятельностного» аспекта подводит к разработке методологических проблем соотношения объективного и субъективного, включая анализ активности субъекта исторического действия, определение конкретных условий деятельности и роли случайности в истории, что позволяет исследовать законы общественного развития не только в чистом виде, но и в формах их проявления в конкретной деятельности людей. Отмечая наличие этого более конкретного методологического уровня, В.И. Ленин специально подчеркивал, что без понятий «классы» и «классовое общество» понятие общественной формации недостаточно конкретно¹, что именно теория классов и классовой борьбы дает руководящую нить в познании противоречивых стремлений и интересов различных общественных классов, слоев, народов, обществ и т. д.²

¹ См.: Ленинский сборник. Т. XI. М., 1931. С. 383.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 58.

Этот «деятельностный» аспект методологии исторического материализма выступает в качестве посредствующего звена между самыми абстрактными уровнями методологии и теории общественного развития – уровнями формации, общих законов истории и т. п. и конкретным познанием социальных явлений и процессов различными специальными общественными науками. Но в то же время следует подчеркнуть, что это еще не само конкретное социальное и историческое знание, а определенный уровень методологии познания, необходимый компонент научного подхода к объяснению деятельности людей в истории.

Эта проблема является одной из центральных для марксистской методологии еще и потому, что отношение к ней выражает основную ориентацию и направленность всего марксистско-ленинского учения: быть руководством к действию, руководством в практической борьбе за революционное преобразование общества на коммунистических началах. Для реализации этой активной установки теории, для органического сочетания научности и революционности в самой теории данная проблема является в определенной мере ключевой, так как ее решение дает методологическое обоснование значения научной теории революционного действия. Признание существования объективных законов и положение об активности субъекта органически связаны в марксизме, и их отрыва друг от друга методология марксизма не допускает. В этой связи уместно вспомнить критическое замечание Маркса, что «так называемая объективная историография заключалась именно в том, чтобы рассматривать исторические отношения в отрыве от деятельности»¹.

Казалось бы, выявлением законов истории и форм их реализации в деятельности людей необходимые методологические срезы научного анализа исторического процесса исчерпываются. Однако заметим, что при анализе истории как результата деятельности людей задача состояла – как и в любой науке – в сведении единичного к общему, случайного к необходимому, а в общественных науках – индивидуального к социальному. Поэтому сама деятельность людей рассматривалась в таких общих категориях, как классы, массы, исторические

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 39.

общности и т. д., то есть категориях, позволяющих вскрыть закономерный характер человеческой деятельности в истории. В обоих срезах анализа истории человек, конечно, присутствует, но лишь как компонент более общей системы — производительных сил, производственных отношений, класса и т. д. Между тем задачей гуманитарного знания — и в этом его отличие от типа знания естественнонаучного — является познание не только общих, необходимых, существенных связей и отношений, но и познание их проявления в индивидуальном. Поэтому, например, в истории как науке индивидуальное событие, исторический факт служат не только основой обобщения, но имеют и самостоятельную ценность¹. Историю творят люди, накладывающие на ее ход печать своей деятельности, индивидуальности.

Теория общественного развития сталкивается здесь с одной весьма существенной проблемой. Развитие истории предполагает появление нового во всех сферах жизни: и в производстве, и в социальных отношениях, и в науке, и т. д. Но новое в обществе является только результатом деятельности общественного человека. Иначе говоря, только люди — классы, массы, отдельные личности, только их творческая деятельность — служат источником нового в общественной жизни. Теория должна учитывать и то, что признание творческого начала, идущего от человека, неоднократно являлось поводом для отрицания объективных закономерностей общественного развития. Ибо то, что из созданного человеком действительно становится фактором исторического процесса, включается в объективный ход истории, а также социальные последствия, которые это новое вызывает, зависят от объективных условий и законов общественного развития. Поэтому, конечно, здесь имеется противоречие, но противоречие диалектическое, которое постоянно разрешается в ходе реального исторического процесса и постоянно возникает вновь.

Но не только люди делают историю, а и история делает людей. Более того, история приобретает смысл, если она раскрывается как история собственного развития человека. И эта идея, составляющая *третий аспект* социально-философского анализа, заложена в самой сущности материалистического понимания истории. Поэтому все

¹ Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 21.

разговоры и предложения о дополнении диалектического и исторического материализма особым учением о человеке основаны на недоразумении, на понимании подлинной сущности исторического материализма, его гуманистической природы.

«Общественная история людей, — писал Маркс, — есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают они это или нет»¹. Этим важнейшим положением Маркс, по существу, выделяет в методологии исторического анализа особый срез, который позволяет рассмотреть историю под новым углом зрения и уловить те проблемы, которые раньше оставались в тени.

Рассмотрение истории как истории индивидуального развития людей вводит в методологию философско-социологического исследования общества проблему человека, индивида, личности не просто в виде отдельной темы (общество и личность и т.п.), а как один из аспектов подхода к истории, имеющий особенно важное значение для методологии гуманитарного знания. Такой подход позволяет разработать методологические принципы обратного перехода от социального к индивидуальному в различных общественных условиях. И это имеет не только теоретическое значение. В настоящее время в процесс активного исторического творчества включаются многие миллионы в недалеком прошлом живших под пятой колонизаторов людей, сформировавшихся в различных, в том числе архаических социальных структурах. Чтобы понять, как будут развиваться события в этих странах, важно учитывать не только внутренние и международные условия, но и характер того «человеческого материала, который ныне выступает на историческую арену в Азии, Африке, Латинской Америке. А это можно узнать, лишь проанализировав, какими сделала их предшествующая история.

Сложные вопросы во взаимоотношениях общества и личности происходят и в развитых капиталистических странах. Общий кризис капитализма угнетающе сказывается на личности, ведет к росту ее «социальных болезней» в мире всеобщего отчуждения. Анализ проблем личности, порождаемых буржуазным образом жизни, является существенным аспектом критики современного капитализма, ибо каждая

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 402–403.

социальная система оценивается ныне в конечном счете по тому, что она дает для человека.

Перед обществом развитого социализма стоят грандиозные задачи формирования нового человека — личности коммунистического общества. Анализ нового типа взаимоотношений личности и общества в условиях социализма и выявление складывающихся здесь тенденций, возникающих проблем существенно важны для успеха коммунистического воспитания.

И наконец, только введение в методологию исторического материализма данного среза анализа исторического процесса дает возможность понять коммунизм как «разрешение загадки мировой истории» (Маркс).

Развитие капитализма позволило основоположникам марксизма выявить экономическую основу исторического процесса и выработать тем самым принципы научного познания. Становление социализма как первой ступени новой коммунистической общественной формации, в центре которой находится развитие человека, открывает возможность проникнуть в человеческий смысл истории, понять ее как развитие человека в истории. Эта идея уже была высказана Марксом именно потому, что он увидел преходящий характер капитализма и взглянул на историю с позиций будущего. Сейчас же это актуальная тема, и марксистская теория исторического процесса обязана уделять особое внимание человеческой личностной проблематике при анализе социально-исторической реальности.

Коммунизм раскрывается в теории марксизма и как закономерный продукт истории и как результат активной творческой деятельности масс людей. А понимание того, что история общества есть в конечном счете развитие самого человека, позволяет нам раскрыть подлинно гуманистический смысл коммунизма. Коммунизм — это общество, выявившее эту человеческую сущность истории и сделавшее свободное и всесторонне развитие каждой отдельной человеческой личности как творческой индивидуальности самоцелью. Чтобы понять, как это становится возможным, надо рассмотреть типы взаимоотношений личности и общества в прежних формациях, процесс становления человека как личности, то есть рассмотреть развитие общества как процесс индивидуального развития. В более конкретном плане приме-

нительно к нашему обществу это означает, что весь смысл сознательной деятельности Коммунистической партии, направленной на развитие экономики и других сфер общественной жизни, состоит в том, чтобы все служило подъему народного благосостояния и культуры, созданию условий для развития человека.

Таким образом, чтобы научно подойти к познанию истории, необходим сложный инструментарий, который и разрабатывается в рамках материалистического понимания истории. Без этого инструментария познание общества обречено либо на бесплодное эмпирическое описание многообразия социальных фактов, либо на блуждание в дебрях различного рода спекулятивных концепций.

*ЕДИНСТВО ТРЕХ АСПЕКТОВ
МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Вычленив три аспекта изучения истории, которые для краткости можно бы обозначить как *естественноисторический*, *деятельностный* и *гуманистический*, мы получаем возможность раскрыть особую природу исторического материализма, выступающего одновременно и наукой об обществе, занимающей свое особое место в системе обществознания, и органической частью философского мировоззрения, раскрывающего гносеологическую природу исследуемого объекта и гносеологическую природу понятий, в которых этот объект отражается.

Объективно-системный подход позволяет понять развитие общества как закономерный, естественноисторический процесс, субъективно-деятельностный — как процесс и результат человеческой активности и гуманистический — как выявление человеческого смысла истории. При любом из этих подходов общество рассматривается как целостное образование. Расчленение и установление взаимосвязи этих аспектов имеют, следовательно, то значение, что они, во-первых, обеспечивают не однолинейный, а комплексный подход к изучению реального исторического процесса, в котором вычлениваются и сочетаются в единстве различные по характеру группы методологических проблем; во-вторых, утверждают материалистический монизм не только при анализе общества как объективно функционирующей

и развивающейся системы и анализе сознательной деятельности людей, но и при выявлении гуманистического смысла истории; в-третьих, дают ту концептуальную основу, которая позволяет рассматривать категориальный аппарат исторического материализма как охватывающий общество в тех реальных ипостасях, в которых оно выступает перед познающим субъектом. При этом, конечно, надо помнить, что абсолютизация этих аспектов недопустима, что все они характеризуют, хотя и с разных сторон, одно и то же общество и его историю. Картина общества будет неполной, если его исследовать в одном каком-либо аспекте, изолированном и оторванном от других. И только в совокупности они открывают возможность всестороннего анализа исторического процесса.

История социального познания убедительно показывает, что абсолютизация первого аспекта, будь то путем сведения социальных закономерностей к природным или путем отрицания значения активности и роли социального субъекта, ведет к фаталистическому взгляду на историю, превращая человека в марионетку некоей природной или неприродной силы, к вульгарному социологизму и т. п. Если же абсолютизируется второй подход, исторический процесс начинает рассматриваться волюнтаристически, независимо от того, апеллирует ли теоретик, как это обычно было в прошлом, к творческой мощи великой личности или, как это трагично проявляется в политике маоистов, к деятельности масс, которым за несколько лет труда обещается десять тысяч лет счастья. Попытки же абсолютизировать третий аспект неизбежно навязывают истории провиденциализм, представление о том, будто она с самого начала работала на реализацию некоей цели.

Но вычленение трех аспектов анализа общества имеет еще одно существенно важное значение — оно позволяет поставить вопрос об их иерархии и взаимном соподчинении. Дело в том, что поскольку при любом аспекте общество рассматривается как некая целостность, то может сложиться иллюзия, будто последовательность исследовательских подходов не имеет значения. На самом деле это не так, о чем свидетельствуют хотя бы те многочисленные морализирующие доктрины, которые пытаются заменить научное экономическое обоснование социализма апелляцией к гуманистическому смыслу истории. Установление иерархии исследовательских аспектов позво-

ляет дать четкое и недвусмысленное обоснование той мысли, что только на основе выявления объективных законов истории, придающих ей характер процесса, подобного природному и столь же независимого от воли и сознания людей, могут затем быть раскрыты и качественное отличие процесса реализации общественных законов от реализации законов природы и сама возможность закономерного наступления такого общественного состояния, когда люди смогут в полной мере проявлять и реализовывать свою родовую сущность.

Сначала объективные законы истории. Потом и на этой основе деятельность людей и проблемы их приобщения к реализации требований законов. А в итоге не объективистское описание истории, а подчинение ее анализа задачам преобразования действительности, раскрытию человеческого смысла истории, что позволяет не только связать (и в этом смысле подчинить первую вторым) деятельность людей с объективными законами, но и нацелить эту деятельность на сознательную реализацию человеческих потенций исторического процесса.

Итак, методология исторического материализма характеризуется органическим единством и комплексностью.

Единство трех методологических аспектов объективно обусловлено самим обществом. Осознание данного факта позволяет понять, что вычленение этих аспектов есть не искусственная конструкция, а метод исследования, при котором сам объект разворачивается в богатстве своих определений. Правильное отражение этой объективной многомерности общества позволяет устранить антиномию структурализма и антропологизма. Леви-Строс и его последователи, разрабатывая методы исследования объективных структур, абсолютизируют этот подход, снимают проблему человека и тем самым стирают грань между структурой социальной системы и другими безличными структурами. Антропологизм, фиксируя внимание на специфически человеческих проблемах и пытаясь осмыслить их с гуманистических позиций, абсолютизирует другую сторону социально-философской проблематики, снимает проблему объективной обусловленности человеческой деятельности и развития личности. Материалистическая диалектика позволяет выявить их односторонность и сочетать оба аспекта исследования

общества как полюсы единой методологии, приобретающей новое качество, когда оба подхода берутся в органическом единстве. Поэтому известные попытки противопоставить раннего Маркса (гуманиста) позднему – «сциентисту» (период «Капитала») нелепы, как нелепы попытки перенести в марксизм противопоставление структурализма и антропологизма.

Таким образом, объективно обусловленное единство трех методологических аспектов автоматически не реализуется. Здесь требуется активность познающего субъекта. Поэтому столь важны коллективные усилия в разработке фундаментальных теоретико-методологических проблем исторического материализма.

Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков

*«ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»:
ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ
БОРЬБЫ В 1970-е гг.*

В истории советской философии много драматических страниц. Выдвижение новых идей, рождение новых дисциплин всегда встречали активное противодействие. Новые темы объявлялись идеологически вредными, возникшие направления закрывались административным путём. Однако сама по себе идеология ответственна за подобный обскурантизм лишь в минимальной степени. За теми или иными решениями всегда стояли конкретные люди. К 1970-м гг. времена революционной безоглядности прошли, и идеологическая риторика скрывала, как правило, прагматические соображения. Против новых идей и подходов в философии и науке боролись те, кто сами были неспособны на новаторство, но при этом стремились, не проявляя каких-либо творческих усилий, сохранить монопольное положение в научной иерархии. Вполне естественно, что подобные люди, выпестованные десятилетиями сталинской казённой, неуютно себя чувствовали там, где требовалось демонстрировать знания и эрудицию, и переводили вопрос в идеологическую плоскость. Но интересовала их не идеология как таковая, а входящие в её состав мифологемы. Последние выставлялись в качестве «священных коров», на которых якобы покусились отступники, а затем эти мифологемы использовались в качестве административной «дубины», чтоб бить ею по головам коллег, имевших несчастье родиться талантливыми людьми. Многие пострадали от этих проработок, не смогли вполне раскрыть свой творческий потенциал, были вынуждены менять место работы или вообще уйти из науки.

Постоянным объектом нападок в первой половине 1970-х гг. был журнал «Вопросы философии». В 1968 г. журнал возглавил И.Т. Фролов.

В редколлегию И.Т. Фролов ввёл А.А. Зиновьева, Б.А. Грушина, В.А. Лекторского, Ю.С. Мелешенко, Л.Н. Митрохина, В.И. Шинкарука. Он опирался и на уже входивших в состав редколлегии В.Ж. Келле, П.В. Копнина, Б.М. Кедрова. В условиях того времени философия существовала как монолог, проводящий границу между догмой и ересью. А поскольку всё новое заведомо не может иметь отношения к догме, оно расценивалось как ересь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Необходимо было создать нормальные условия развития философского процесса.

На решение этой задачи были нацелены «круглые столы» журнала по наиболее перспективным и острым проблемам, связанным с философским осмыслением функционирования науки в обществе, её воздействия на человека. Дискуссии за круглым столом тщательно готовились в редакции. Перед дискуссией её участники получали развёрнутые тезисы с постановкой проблемы и перечень конкретных вопросов для обсуждения. Участники заранее представляли тезисы своих выступлений. К дискуссии приглашались крупные учёные из самых различных сфер знания, писатели, деятели культуры и искусства. Дискуссии стали и своего рода формой существования независимой мысли. Характерно, что диалог не заканчивался самим круглым столом. Журнал публиковались обзоры читательских писем — откликов на материалы круглых столов. После первых же круглых столов тираж журнала вырос почти в два раза. Диалог продолжался и на читательских конференциях и встречах читателей с членами редколлегии во всех уголках страны. Проводились встречи в научных учреждениях: Научном центре биофизических исследований АН СССР в Пущине-на-Оке, Институте повышения квалификации при МГУ им. М.В. Ломоносова и др. Одна из таких встреч была организована в Центральном Доме литераторов. В ней принимали участие И.Т. Фролов, Б.М. Кедров, В.Ж. Келле, А.Я. Зись и др. В ходе встречи обсуждались нравственные аспекты НТР, вопросы философского осмысления художественного и научного творчества. Тираж журнала достиг 40 тысяч экземпляров при том, что число философов в стране было 13 тысяч. Такого тиража не имел ни один философский журнал в мире.

Проблематика дискуссий журнала «Вопросы философии» всё более расширялась, включая в себя проблемы, бывшие на периферии тогдашней

советской философии. Круглые столы «Вопросов философии» способствовали налаживанию реального союза между философами и представителями частных наук, деятелями культуры. Для дискуссий выбирались темы, имевшие междисциплинарный характер. Это вопросы этической ответственности учёных, гуманистическое измерение научно-технического прогресса, восстановление содружества философов и естественников, взаимодействие науки и искусства в условиях НТР, глобальные, общечеловеческие проблемы современности, экологии и демографии, и в итоге – проблема человека. Новаторской, например, была тема круглого стола «Наука, этика, гуманизм» (1973. №6, 8)¹. В те годы вопросами этической ответственности учёных почти не занимались. В достаточно остром обсуждении приняли участие В.А. Энгельгардт, А.А. Малиновский, Т.И. Ойзерман, Б.М. Понтекорво, М.В. Волькенштейн, Н.В. Мотрошилова, М.К. Мамардашвили, А.Ф. Шишкин, В.Ж. Келле, Э.Г. Юдин, и др. Спор вращался вокруг проблемы соотношения исследовательских и ценностных аспектов научного познания.

Но постепенно проводить линию на постановку в журнале новых теоретических проблем становилось всё труднее. Так, не состоялся готовившийся круглый стол по вопросам соотношения наследственных и средовых факторов в поведении животных и человека, который мог бы легализовать в советской философской печати проблематику этологии и социобиологии. После выхода почти каждого номера И.Т. Фролова вызывали в Отдел науки ЦК КПСС по поводу претензий к журналу. В таких случаях И.Т. Фролов всегда брал ответственность на себя, не перекладывая её на сотрудников журнала. Так он получил от ЦК КПСС сполна всё, что полагалось бы авторам передовой статьи «Философия и политика», которую готовили М.К. Мамардашвили и В.Ж. Келле. В статье развивалась мысль об относительной независимости философии от политики.

Творческое содружество установилось у журнала с Институтом философии АН СССР в бытность его директором П.В. Копнина. В статье П.В. Копнина и И.Т. Фролова (1971. №5) проводилась мысль о том, что философия весьма опосредованно связана с политикой и не может просто идеологически обслуживать очередные «лозунги дня».

¹ Здесь и далее в скобках ссылки на номера журнала «Вопросы философии».

П.В. Копнин и И.Т. Фролов высказывались против попыток М.Б. Митина, М.Т. Иовчука и других вернуть советскую философию к состоянию, в котором она пребывала до середины 1950-х гг. И нацеливали философскую общественность на содержательную разработку и обсуждение проблем логики и методологии научного познания, философско-социологических проблем НТР, других проблем, имеющих комплексный характер. В марте 1970 г. в Отделении философии и права АН СССР было проведено разносное обсуждение книги П.В. Копнина «Философские идеи В.И. Ленина и логика» (1969). Тон задавал выступивший с основным докладом академик М.Б. Митин. Увенчанные регалиями догматики обвиняли П.В. Копнина в том, что он пытался дополнить определение предмета философии как науки о наиболее общих законах природы, общества и мышления положением о человеке как тотальности, в абстрактном гуманизме, в том, что он отвергал «диалектику природы» как натурфилософскую спекуляцию и утверждал, что философия в качестве своего предмета имеет не объективную реальность, а совокупность тех знаний, которые выработаны другими науками (1970. № 7). В 1971 г. П.В. Копнин безвременно умер.

Борьба «двух линий» в советской философии сказывалась самым непосредственным образом на работе журнала «Вопросы философии». Атмосферу времени хорошо иллюстрирует следующий случай. 20 апреля 1972 г. на закрытом заседании редколлегии обсуждалось заявление Б.М. Кедрова. Руководимая им исследовательская группа по теории диалектики в составе М.М. Розенталя, Э.В. Ильенкова и Г.А. Курсанова представила в редакцию статью и план разработки теории диалектики. По предложению М.Б. Митина публикация была отложена, а план разослан для обсуждения в несколько адресов, в том числе и самому М.Б. Митину. После этого М.Б. Митин написал заявление в ЦК КПСС, в котором квалифицировал план группы Б.М. Кедрова как ревизионистский и антиленинский и одновременно представил свой план исследований по этой тематике, на 70 % совпадавший с кедровским. Ситуация была совершенно очевидна. Но М.Б. Митин, естественно, обвинения отвергал, а свой план обсуждать не мог, потому что его содержания «не помнил».

Подводя итог острому спору на редколлегии, И.Т. Фролов сказал: «Мы можем только выразить сожаление. Это не первый случай. Когда-то,

в начале своей деятельности здесь я по наивности сказал, что «как же это так можно?». Однако, как оказалось, Марк Борисович прав, и нет никакого формального права кому-то сказать: «Нет», если он обращается в высшие инстанции, в ЦК и т.д. Я сам сейчас пожинаю последствия: нам нельзя сказать слова — всё это докладывается. Может быть, сам я не так опытен, я вам ничего не советую, но надо делать для себя вывод».

С каждым годом тучи над журналом и членами его редколлегии всё более сгущались. В 1970 г. вышла подготовленная в Институте философии АН СССР под редакцией В.Ж. Келле, В.В. Денисова и Е.Г. Плимака книга «Ленинизм и диалектика общественного развития». Книга была раскритикована на специальном заседании Отделения философии и права АН СССР. 21 мая 1970 г. для «Правды» была набрана статья Г.Е. Глезермана, М.Т. Иовчука и И. Петрова под броским заголовком «Отступление от принципов партийности», в которой книга подверглась грозному разному. Главное, что не устраивало проработчиков, это то, что авторы книги не включили в характеристику ленинизма его «развитие» после 1923 г., то есть в сталинский период, «замалчивали или искажали борьбу за чистоту ленинизма против его открытых и скрытых врагов», которая велась тогда всем известными методами. Имея в виду себя, критики выражали надежду, что «советские философы обладают необходимыми силами для того, чтобы создать столь необходимую книгу по проблемам диалектики общественного развития на подлинно высоком научном уровне, на основе последовательной коммунистической партийности». Нетрудно себе представить, что бы случилось с В.Ж. Келле и его коллегами после публикации в «Правде». Под угрозой была сама возможность дальнейшей работы по специальности.

Вопрос о публикации рассматривался в ЦК КПСС. 9 июня 1970 г. главный редактор «Правды» М.В. Зимянин направил И.Т. Фролову вёрстку статьи для согласования. Нетрудно было предвидеть возможные последствия подобного выступления главного печатного органа ЦК КПСС. Благодаря принципиальной позиции И.Т. Фролова статья в «Правде» не появилась. Вместе с тем, И.Т. Фролов не стал беспокоить В.Ж. Келле рассказом об этой неприятной истории. Благородная роль И.Т. Фролова в этой непростой ситуации стала известна только после его смерти при разборе его научного архива.

В передовой статье «На новые рубежи», открывавшей первый номер журнала за 1973 г. в числе приоритетных тем главным редактором были названы: НТП, изучение человека, принципы творческого сотрудничества представителей разных наук и пр. Дальнейшая углублённая их разработка и определялась как выход «на новые рубежи». Высоко оценивался в этой связи опыт проведённых редакцией круглых столов. А в качестве главного препятствия выходу «на новые рубежи» были названы «серость, бесталанность, сочетаемые с догматической твердолобостью, неумением видеть новое, равно как и мнимая оригинальность, погоня за дешёвой сенсацией» (1973. № 1). Те, кому эти слова были адресованы, узнали себя сразу иотреагировали соответствующим образом.

В 1973 г. резко усилилось административное давление на руководство журнала «Вопросы философии». Начальство не устраивало, что журнал поднимает глобальные, экологические проблемы. Это воспринималось как падение боевитости, деидеологизация и как «очернение» нашей экономической политики, поскольку, мол, в СССР экологических проблем быть не может. Обстановка вокруг журнала постепенно накалялась. Накапливались обвинительные материалы.

Организовывал кампанию секретарь МГК КПСС В.Н. Ягодкин. На городском партийном активе В.Н. Ягодкин обвинил журнал в отступлении от партийности: «В центральном философском журнале «Вопросы философии» (главный редактор И.Т. Фролов) читатель встречается с обилием общих внеклассовых оценок социальных явлений, некритически заимствованных из буржуазных концепций». В качестве примера он привёл статью Б.Г. Юдина, в которой «фактически пересказывается широко распространённая в буржуазной литературе версия о трансформации капитализма в постиндустриальное общество, где ведущей силой будет обладающая знаниями интеллигенция». Подводя итог, В.Н. Ягодкин давал следующую руководящую установку: «Учёному совету Института философии АН СССР давно пора обсудить работу журнала с принципиальных позиций».

«Идеи» В.Н. Ягодкина «развил» секретарь партбюро Института философии АН СССР Л.Н. Суворов: «Партбюро неоднократно обсуждало работу журнала, но следует со всей самокритичностью сказать,

что мы ещё не сделали, очевидно, всего, что должны были сделать в выправлении работы журнала. В докладе В.Н. Ягодкина совершенно правильно говорилось об идейно-теоретических ошибках статьи Б.Г. Юдина. Но ведь это не единичный факт. Научная общественность недавно была серьёзно обеспокоена появлением в двух последних номерах журнала «Вопросы философии» статьи К.М. Кантора. В этой статье проводится далёкий от классовых марксистских позиций объективистский подход уже не к самому капиталистическому обществу как в статье Б.Г. Юдина, а к наиболее реакционному направлению идеологии современного капитализма, к теориям антикоммунизма. Подобный тон, не говоря уже о содержании, совершенно неуместен в марксистском исследовании, тем более публикуемом в центральном философском журнале страны». М.К. Мамардашвили, который замещал в тот момент И.Т. Фролова, был вызван в Отдел пропаганды ЦК КПСС и был вынужден объясняться по этим статьям. Также ему пришлось выступать по этому вопросу и на заседании Отделения философии и права АН СССР.

И.Т. Фролов полностью поддержал М.К. Мамардашвили и взял всю ответственность за произошедшее на себя. Более того, он взял Б.Г. Юдина и сына К.М. Кантора – В.К. Кантора на работу в журнал. Вместе с тем, он опасался не столько разносной идеологической критики, на которую уже привык не реагировать, сколько ситуации, требующей решения, которая возникает в ходе всяческих совещаний в начальственных кабинетах. Тут уже не будут смотреть на собственно содержание журнала, а вцепятся в неосторожно сказанное слово и закончат «оргвыводами».

В ЦК КПСС И.Т. Фролов заявил, что в докладе В.Н. Ягодкина журнал получил одностороннюю негативную оценку. Он назвал несправедливым то, что ни В.Н. Ягодкин, ни Л.Н. Суворов не нашли ничего положительного в работе журнала, а учёный совет Института философии не высказался в защиту журнала. Публикацию же статей К.М. Кантора и Б.Г. Юдина И.Т. Фролов представил как... выполнение указаний ЦК КПСС.

В докладе на заседании редколлегии 23 апреля 1973 г. И.Т. Фролов так расставил акценты: «К нашей работе проявляется весьма существенное внимание со стороны партийной общественности. Мы рабо-

таем под непосредственным руководством Центрального Комитета, отделов Центрального Комитета. Далеко за примером ходить не надо: в двух номерах мы опубликовали более или менее пространную статью тов. Кантора. Тема выступления была нам подсказана: Центральным Комитетом было дано указание о необходимости выступить против серии антикоммунистических статей, опубликованных в газете «Нью-Йорк таймс» в связи со 125-летием «Коммунистического манифеста». Статья рассматривалась в Центральном Комитете. Конечно, не всё нам удалось, видимо, сделать так, как это должно быть в такого рода статье. Но эта статья, конечно, имеет особое значение в жизни нашего журнала. Я думаю, что, рассмотрев её и наблюдая реакцию на эту статью, мы не должны обижаться относительно качества её содержания, но мы не можем и поддаваться на такие, в сущности, иногда провокационные, иногда сбивающие с толку заявления, которые не очень тактично касаются таких материалов, в которых в наибольшей степени заинтересована наша партия, и мы как коммунисты должны делать всё для того, чтобы по-деловому, а не ради фраз и не ради каких-то других целей совершенствовать наш стиль этой критической работы. На это нас и ориентирует, в частности, Центральный Комитет партии».

В первом номере «Вопросов философии» за 1974 г. И.Т. Фролов поместил редакционную статью «С позиций партийности», которая была ответом одновременно идеологическим проработчикам во главе с В.Н. Ягодкиным и тогдашним руководителям «философского фронта». И.Т. Фролов отвергал обвинения в отступлении от «партийности» и доказывал, что как раз журнал выступает «с позиций партийности», но отвергает «ультрапартийность»: «К сожалению, мы не всегда замечаем, что ореол непогрешимости пытаются создать вокруг себя люди, которые всем недовольны, всех критикуют, но сами либо ничего, либо крайне мало делают для нашей философии. Порой бесталанность, непрофессиональность рядятся в тогу «ультрапартийности», прикрываются громкими фразами. Подделка под партийность, призванная замаскировать собственное научное бесплодие, особенно отрицательно сказывается на обсуждении новых проблем, организации дискуссий вокруг тех или иных философских книг и статей. Здесь часто субъективизм, групповые интересы становятся доминирующими над подлинно

научными и партийными» (1974. № 1. С. 55). И.Т. Фролов сформулировал далее два принципиальных положения, которыми следует руководствоваться в философской борьбе. Во-первых, недопустимо навешивание идеологических ярлыков, при котором методы борьбы с буржуазной философией и антикоммунизмом переносятся на советских учёных, а дискуссии единомышленников превращаются в политические погромы. Во-вторых, в рамках дискуссий единомышленников, в рамках марксистского мировоззрения возможен поиск и, следовательно, можно приходиться к неоднозначным результатам. Можно идти вместе к единой цели разными путями – и это нормально.

Передовая «Вопросов философии» вызвала озлобление у многих. Особенно задела фраза об «ультрапартийности». В нашей философии было много людей, которые могли принять её на свой счёт как в столице, так и в провинции. Прежде всего она прямо затрагивала таких деятелей, как Г.Е. Глезерман, М.Т. Иовчук и др. Именно они с помощью идеологемы «партийности» обрушивались на оппонентов (П.В. Копнина, В.Ж. Келле, И.Т. Фролова и др.). Круги от удара по борцам за «партийность» расходились по всей стране. Когда И.Т. Фролов присутствовал на отчётно-выборном собрании Брянского областного отделения Всесоюзного общества «Знание», он получил подписанную инициалами записку, в которой ему «в связи с серьёзной критикой передовой статьи «Вопросов философии» (№ 1 за 1974 г.), данной проф. А.Ф. Окуловым» предлагалось назвать автора статьи. Поиронизировав по поводу требования анонима, И.Т. Фролов сказал, что писал статью он на основе своего выступления в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС.

В № 12 журнала «Вестник АН СССР» за 1973 г. тогдашний директор Института социологических исследований АН СССР М.Н. Руткевич обрушился на тех, кто «ослабляет внимание к основам марксистской социологии, теоретически заимствует концепции буржуазных социологов». В «чёрном списке» оказались Ю.А. Левада, Э.В. Соколов, специалисты по моделированию социальных процессов и журнал «Вопросы философии». 24 января 1974 г. И.Т. Фролов собрал редколлегия. Редколлегия в своём решении назвала заявление М.Н. Руткевича «огульным, бездоказательным, декларативным и недостойным» и обратилась с опровержением в журнал «Вестник АН СССР».

5 февраля 1974 г. состоялось обсуждение журнала «Вопросы философии» на заседании учёного совета Института философии АН СССР. Заседание открыл Б.М. Кедров, который призвал собравшихся к конструктивной работе, которая бы пошла на пользу журналу. Ему, прошедшему через идеологические выволочки, здесь же ровно двадцать пять лет назад в точности по такому же поводу было совершенно ясно, в каком ключе нужно провести обсуждение, чтобы реально помочь И.Т. Фролову и «Вопросам философии», не подыгрывая высокопоставленным обличителям. Был заслушан доклад комиссии Института философии о деятельности журнала. Председатель комиссии Ф.Т. Архипцев выступил с вполне объективным сообщением. Слово было предоставлено И.Т. Фролову. Он рассказал о работе журнала. А задачу предстоящего обсуждения повернул весьма оригинальным образом. Он сказал, что пока что дискуссии, споры не рассматриваются у нас как перманентное состояние философской мысли. Но «так же, как для естествоиспытателей обязательной является лабораторная работа, для нас необходимыми, жизненно важными должны быть дискуссии, споры. Конечно, имеются в виду не зряшные словопрения с навешиванием ярлыков» (1974. № 6. С. 159). На обсуждение пришёл и горячо поддержал редколлегию журнала академик Н.П. Дубинин. Он высоко оценил круглые столы журнала, привлечение к сотрудничеству выдающихся естествоиспытателей, и обозначил в качестве приоритетных тем дальнейшей работы журнала проблему человека, этику генетической инженерии, этологию. На заседании учёного совета содержательно выступили М.Э. Омеляновский, В.А. Лекторский, А.Я. Зись, И.Б. Новик, В.А. Смирнов и др.

Организаторы давления на «Вопросы философии», конечно же, не могли удовлетвориться таким обсуждением журнала. Им нужен был идеологический спектакль. Не могли они снести и оценок, данных в статье «С позиций партийности». 19 мая 1974 г. статья была раскритикована на совещании в отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС за «групповщину» и стремление пресечь критику по адресу той группы, которая определяет курс журнала. В этом было всё дело. Нужно было поменять курс, взятый журналом с приходом в него И.Т. Фролова в 1968 г.

16 мая 1974 г. было принято решение Президиума АН СССР, в соответствии с которым из состава редколлегии журнала удалялись наиболее

активные сторонники этого курса: М.К. Мамардашвили, Б.А. Грушин, Ю.А. Замошкин. Взамен в состав редколлегии вводились инициаторы преследований журнала: М.Т. Иовчук, Г.Е. Глезерман, Б.С. Украинцев. Это произошло незадолго до нового обсуждения работы журнала, организованного теперь уже в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Накануне этого обсуждения И.Т. Фролов с М.К. Мамардашвили проговорили целую ночь: И.Т. Фролов считал, что в этих условиях ему тоже следует уйти в отставку, потому что нормально работать всё равно не дадут. М.К. Мамардашвили же говорил, что И.Т. Фролов должен остаться, чтобы продолжить линию журнала.

17–18 июня 1974 г. состоялось обсуждение журнала «Вопросы философии» на заседании специализированного учёного совета по философским наукам Академии общественных наук при ЦК КПСС (1975. № 8. С. 172–177). Обсуждение должно было послужить прелюдией к полному расформированию редколлегии. Но по законам жанра, заданным ещё Сталиным, в таких случаях для оргвыводов требовалось признание вины, так называемая самокритика. Целью было подавить волю к сопротивлению. Во вступительном слове председательствовавший Г.Е. Глезерман заявил, что в журнале специальные проблемы возобладали над важными общественно-политическими. Как вспоминал выступавший на этом заседании в защиту журнала Л.Н. Митрохин, «президиум заседания постоянно пытался играть роль группы скандирования, перебивал ораторов, бросал реплики, подсказывал желательные формулировки» (Вопросы философии. 1997. № 8. С. 58). Но именно «самокритики» организаторы обсуждения и не дождались.

И.Т. Фролов с помощью своих сотрудников хорошо подготовился: в редакции была составлена справка на 40 страниц о работе журнала за 1968–1974 г. В ней говорилось об организованных в журнале дискуссиях, о развитии международных связей журнала, тематических сериях статей по важнейшим проблемам, укреплении союза философии и естествознания. Было отмечено, что за этот период журнал опубликовал 27 статей академиков-естественников, 8 статей членов-корреспондентов АН СССР и 6 статей академиков АН союзных республик. Было подробно расписано, как были выполнены рекомендации академиков, высказанные по адресу журнала на заседании Президиума АН СССР в 1969 г. Предваряя возможные обвинения, в справке

подробно сообщалось о 72 статьях журнала, посвящённых борьбе против буржуазной идеологии.

Перед обсуждением доброжелатели советовали И.Т. Фролову покритиковать себя и работу журнала — тогда, мол, меры по отношению к журналу не будут слишком радикальными. Но он поступил иначе. В своём докладе, длившемся около двух часов, И.Т. Фролов «дал бой» противникам журнала. В результате проделанной журналом работы, отметил И.Т. Фролов, явственно обнаружилась ложность как прежнего комментаторского пути (догматизма, начётничества), так и позитивистских попыток отказаться от философии как особой науки, а также выявившиеся тенденции пойти по пути изоляции философии от наук и от социальных проблем. Основной смысл деятельности журнала за истекшие годы, сказал он, был не в том, чтобы пассивно фиксировать то, что есть в нашей философии, а в том, чтобы активно влиять на её развитие. В философии это возможно и необходимо. Отсюда и такая форма работы журнала, как дискуссии, круглые столы по актуальным проблемам. И.Т. Фролов подчеркнул важность линии журнала на сотрудничество, союз с естественными, техническими и общественными науками. «Вопросы философии», утверждал И.Т. Фролов, должны быть не просто журналом Института философии, но общеакадемическим журналом учёных и для учёных, выполнять функции интеграции, синтеза.

Шаг за шагом И.Т. Фролов разобрал каждый выпад против журнала и ни с чем не согласился. Журнал, сказал он, выступает против монополизма в науке, против навешивания ярлыков. И.Т. Фролов говорил резко, защищал положения статьи «С позиций партийности», не согласился с критикой этой статьи, высказанной на обсуждении в Отделе науки ЦК КПСС, а изменение состава редколлегии связал не с «выправлением» «сверху» линии журнала, с лишь с истечением полномочий прежнего состава редколлегии.

Организаторы обсуждения были не готовы к такому повороту событий, к игре «не по правилам». Их растерянность проявилась яростью. Х.Н. Момджян восклицал: «Мы знаем, на что вы надеетесь, но не думайте, что вы всеильны... всё может измениться» (1997. №8. С. 65). Имелась в виду, конечно, поддержка журнала со стороны П.Н. Демичева, у которого И.Т. Фролов ранее работал помощником.

Были спокойные, содержательные выступления, например у М.М. Розенталя. Но очень быстро обстановка накалилась. Раздались обвинения в групповщине, мелкотемье, в том, что роль редколлегии сведена до минимума, а философы «всё меньше читают журнал». Очевидно, имелись в виду те философы, которым не удалось попасть на его страницы. «Надо не только писать о партийности, но эту партийность проводить!» — говорили обвинители. «Мы и проводим её, не печатая «ультрапартийные» статьи», — отвечал И.Т. Фролов. Вызывал недовольство «крен» журнала в философские вопросы естествознания и особенно биологии. Выступавшие говорили, что статьи по этой тематике — «позитивистские», а то и идеалистические, носят справочный и специальный характер, в то время как естественникам «надо показать» правильное философское направление. И.Т. Фролов ответил на это, что его никто не убедит, что философские вопросы естествознания поставлены в журнале плохо: «Меня хотели поучить. Но я в поучениях не нуждаюсь». Не устраивала выступавших и «имманентная критика» западных концепций, то есть анализ их положительных и слабых сторон без идеологической ругани. Ведь за бортом журнала в этом случае оказывались бессодержательные статьи, заполненные идеологической трескотнёй. Но авторы, не увидевшие своих статей на страницах журнала, представляли дело иначе: редколлегия «Вопросов философии» пропускает статьи только «своих», в основном — членов редколлегии. Б.А. Чагин назвал для примера ставшую теперь классической статью М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьёва и В.С. Швырёва «Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии», а Х.Н. Момджян, услышав это, воскликнул: «Это же уголовное дело!» От И.С. Нарского той же статье трёх авторов досталось за нарушение принципа партийности.

Большие претензии были к отделу критики и библиографии журнала. Сановных критиков раздражало, что редакция «берёт под свою защиту, одобряет некоторые издания, содержащие серьёзные идейно-теоретические ошибки» и «обходит молчанием появление ряда солидных коллективных марксистских трудов» (1997. № 8. С. 62), которые, надо сказать, были заведомо мертворождёнными и их никто никогда не читал, включая и некоторых из титульных авторов.

Не устраивала и линия, которую И.Т. Фролов принципиально проводил в журнале: неучастие в шельмовании идеологически проштрафившихся философов. А.С. Ковальчук предъявил претензии, почему журнал не выразил своей позиции в отношении подвергавшегося тогда критике Ю.А. Левады, не ставит примечания о «дискуссионном» характере перед статьями, в которых высказываются нетрадиционные взгляды. И.Т. Фролов сказал, что в журнале вообще нет, как это было принято раньше, непогрешимых статей, с одной стороны, и «спорных» — с другой: все статьи могут служить основанием для дискуссии. Поэтому отменена рубрика: «В дискуссионном порядке».

Последним выступал Х.Н. Момджян. Он сказал: «В своём более чем часовом выступлении главный редактор «Вопросов философии», зная, что в работе редакции есть недостатки, не нашёл серьёзных критических слов в адрес журнала. За общими словами, славословием остались в стороне недостатки, вызывающие тревогу у философской общественности». Л.Н. Митрохин подал реплику: «Какие?» Х.Н. Момджян обвинил журнал в отступлении от партийности, в отсутствии идейных оценок в статьях по современной буржуазной философии, малом количестве публикаций по проблемам исторического материализма и научного атеизма, в том, что журнал заполняется статьями по частным методологическим вопросам естественных наук и игнорирует «фундаментальные проблемы философской науки»: современный революционный процесс, строительство социализма, идеологическая борьба с антикоммунизмом и др. «Под профессионализмом вы подразумеваете уход от партийности», — заявил Х.Н. Момджян. Ларчик открывался просто: планка научности, заданная журналом, заранее отметала бессодержательные идеологизированные тексты. Как верно заметил в связи с 50-летним юбилеем «Вопросов философии» Т.И. Ойзерман: «Показательно то, что все эти критики ни разу не представили в наш журнал своих статей. Они, эти критики, оказались в своём подавляющем большинстве неспособными к творческой философской работе» (1997. № 8. С. 24). Действительно, редколлегия «Вопросов философии» игнорировала пустые схоластические статьи, и стало понятно, что предлагать их в журнал бессмысленно. В заключение Х.Н. Момджян потребовал обновления состава редколлегии.

В своём заключительном слове И.Т. Фролов сказал, что обсуждение обнаружило определённое недовольство журналом в АОН при ЦК КПСС, но получилось почему-то так, что выступали в основном «обиженные» авторы, которые есть у любого журнала. «Ораторы обвиняют нас, что мы не выступаем с «самокритикой», – говорил он. – Но мы отстаиваем то, что сделано в журнале, принципиальную линию на союз с конкретными науками и освещение актуальных вопросов современности».

И.Т. Фролов рассказывал впоследствии, как «один из «проработчиков» говорит – вы посмотрите, как он себя держит, Фролов. Мы здесь говорим такие суровые вещи, а он спокоен и даже улыбается...» (Советская культура, 1989. 20 мая). На самом же обсуждении И.Т. Фролов парировал выпады оппонентов следующим образом: «Мне пришлось выслушать личные оскорбления. С таким я сталкиваюсь впервые. Я никого не оскорблял, а меня – да! Вы говорите, что я улыбаюсь. Вы хотите довести редактора журнала до того, чтобы он не улыбался!»

Поскольку в ходе «обсуждения» выяснилось, что «руководство журнала не хочет понять всю серьёзность задачи преодоления недостатков, имеющихся в работе журнала», Г.Е. Глезерман и Х.Н. Момджян, чтобы добиться организационных выводов по итогам заседания учёного совета АОН при ЦК КПСС, написали докладную записку в ЦК КПСС. В записке повторялись обвинения журнала в аполитичности и идейной всеядности, в том, что редколлегия не даёт партийной оценки различного рода идеологическим ересьям (1997. № 8. С. 59–64). Но в ЦК КПСС не посчитали нужным развивать эту «инициативу». Записка была переправлена вице-президенту АН СССР П.Н. Федосееву, который И.Т. Фролова поддерживал. А с текстом её пригласили ознакомиться Л.Н. Митрохина, который выступал на обсуждении в АОН при ЦК КПСС как член редколлегии «Вопросов философии» и активно защищал линию журнала. Л.Н. Митрохин тогда же написал на имя П.Н. Федосеева сопроводительное письмо, в котором излагалась позиция «другой стороны». Так что новых последствий докладная записка Г.Е. Глезермана и Х.Н. Момждяна не имела.

Но редколлегия «Вопросах философии» стало теперь работать значительно труднее, чем раньше. После массивного идеологи-

ческого давления, которое было оказано на редколлегию в 1973—1974 г., уже нельзя было свободно развивать проблематику научно-технического прогресса и глобальных проблем на страницах журнала. И.Т. Фролов не мог рассчитывать на поддержку П.Н. Демичева, который в 1974 г. был переведён из секретарей ЦК КПСС на должность министра культуры СССР. В составе редколлегии были теперь такие противники прежнего курса журнала, как Г.Е. Глезерман, М.Т. Иовчук, Б.С. Украинцев. В письме от 6 января 1975 г. М.Т. Иовчук предлагал И.Т. Фролову для «активизации работы новых членов редколлегии» организовать «обстоятельное обсуждение итогов работы журнала за 1974 год и перспективного плана на 1975 год на заседании редколлегии (желательно закрытом)», поскольку «обсуждение вопросов работы Института философии и журнала «Вопросы философии» в ряде мест и в Отделе науки ЦК КПСС показали, что у нас есть крупные недостатки, требующие более быстрого и последовательного устранения, а порой и непростительные ошибки». И.Т. Фролов отвечал, что такое обсуждение целесообразно отложить до принятия документа ЦК КПСС о работе журнала.

Возрастало давление и со стороны «философской общественности», точнее тех её представителей, которые не смогли увидеть на страницах журнала рецензий на собственные произведения. Один из таких неудовлетворённых авторов писал на имя главного редактора, что в «Вопросах философии» «слишком много уделялось внимания идеалистической диалектике, в особенности догегелевской», зато журнал не помещает рецензии на новые книги, посвящённые «диалектике передовых мыслителей великого русского народа», хотя на эти книги «уже дано было несколько положительных отзывов, в том числе членом-корреспондентом АН СССР М.Т. Иовчуком». Письмо завершалось «каверзным» вопросом с двумя (!) вопросительными знаками: «Нет ли здесь серьёзных промахов в работе аппарата журнала??»

За положением дел в «Вопросах философии» стала пристальней присматривать главная партийная газета страны. 19 сентября 1975 г. в редакционной статье «Высокий долг советских философов» «Правда» высказала критические замечания по адресу «Вопросов философии». В частности, статья нацеливала журнал на развёрнутую критику модернизированных вариантов буржуазной философии и идеологии, пропо-

ведей «деидеологизации», извращённых истолкований марксизма, попыток использования в этих целях проблем гуманизма и культуры. Разумеется, статья была не инициативой самой «Правды», а трансляцией директивных указаний ЦК КПСС.

Естественно, что была собрана редколлегия журнала, которая «с благодарностью восприняла и глубоко проанализировала» полученные «указания и рекомендации». Были намечены мероприятия, «направленные на серьёзное улучшение работы журнала», прежде всего — на подготовку статей по «кардинальным проблемам» современного общественно-исторического развития, социалистического и коммунистического строительства, мирового революционного процесса. В решении редколлегии специально подчёркивалось, что «особое внимание обращается на те проблемы, целеустремлённая разработка которых осуществлялась советскими философами в минувший период недостаточно». Каким же проблемам было решено отдавать приоритет? «Углублённой разработке вопросов идеологической борьбы на современном этапе», «остро партийной критике буржуазных и ревизионистских концепций», «разоблачению новейших фальсификаций реального социализма буржуазными апологетами». Было решено открыть рубрику, специально посвящённую этим вопросам.

Также в решении редколлегии «Вопросов философии» говорилось, что выполнению поставленных перед журналом указаний должно способствовать «дальнейшее укрепление связей с Институтом философии АН СССР» и открытие новой рубрики — «Актуальные проблемы советской философской науки», «в которой будут публиковаться статьи, обобщающие результаты исследований советских философов по наиболее значимым проблемам». Таким образом, страницы «Вопросов философии» открывались для «серых» статей лидеров советского «философского фронта», что неизбежно должно было сказаться на профессиональном уровне журнала.

И.Т. Фролов не мог игнорировать указаний свыше. Но и выполнение этих указаний он стремился осуществлять в традиционных для журнала формах. 17–18 декабря 1975 г. он провёл в редакции совместно с Научным советом при Президиуме АН СССР по проблемам современных зарубежных идеологических течений, возглавлявшимся М.Б. Митиным, круглый стол, посвящённый духовному кризису совре-

менного буржуазного общества. В своём вступительном слове перед началом круглого стола И.Т. Фролов отметил, что организация круглого стола по вопросам критики буржуазной идеологии является ответом на редакционную статью газеты «Правда», «содержащую указания ЦК КПСС». Редактируя текст перед выступлением, И.Т. Фролов вынужден был включить фразу о недостаточности работы, проводившейся в журнале по критике буржуазной философии и идеологии. Вместе с тем, И.Т. Фролов содержательно проанализировал кризисные явления современного буржуазного общества. Он негативно оценил примитивность прямолинейной критики буржуазной идеологии по типу «Два мира...». Сказал он и о важности изучения проблем гуманизма, причём представил это как выполнение указаний редакционной статьи «Правды». Хотя, разумеется, понимание этих сюжетов было различным. М.Б. Митин и ряд других участников беседы всю обринулись на буржуазный антропологизм.

12 января 1976 г. в рубрике «“Правда” выступила. Что сделано?» газета «Правда» с удовлетворением сообщила о произошедшей коррективке курса редколлегии журнала «Вопросы философии».

Блокировались привычные для главного редактора «Вопросов философии» формы работы. И.Т. Фролов как главный редактор журнала испытывал на себе постоянное враждебное внимание со стороны руководства Института философии АН СССР и его директора Б.С. Украинцева. И.Т. Фролов получил от дирекции Института философии АН СССР уведомление, что в плане заграничных командировок Института философии АН СССР на 1976 г. поездка делегации «Вопросов философии» на совещание редакторов философских и социологических журналов социалистических стран в Польшу не предусмотрена. Это было небывалым пренебрежением. В Польшу, конечно, И.Т. Фролов поехал и без поддержки Института философии — и на сессию Комиссии философов СССР и ПНР, и на совещание главных редакторов. Выступая на заседании Комиссии философов СССР и ПНР, И.Т. Фролов имел основания вспомнить максимуму Ф. де Ларошфуко: «Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией».

Работа журнала вновь обсуждалась на заседании учёного совета Института философии АН СССР. Выступая на этом заседании,

И.Т. Фролов сказал, что журналу «Вопросы философии», его статьям «уделяется в последние годы большое внимание». «Мы хорошо знаем, что статьи журнала вызывают определённый отклик, дискуссию, критику. Было бы странным, если бы было иначе. Статьи должны вызывать обсуждение, иначе они никому не нужны». Сохранилась записка И.Т. Фролова того времени: «Дискуссии, спор есть перманентное состояние философской мысли. А нас мучают другим. «Разоблачения», ярлыки. Как будто по всем вопросам есть истина! Журнал хотел бы выйти на уровень новых задач, но... Отчаяние и тоска».

Но «и в этой осложнившейся ситуации, — вспоминает член редколлегии журнала В.Ж. Келле, — И.Т. Фролов упорно продолжал проводить свою линию в журнале, не поддаживался к тем, с чьим мнением не был согласен, старался поддерживать достигнутый интеллектуальный уровень журнала, быть независимым в своих решениях» (2000. № 8. С. 29). Невозможность реализовывать новаторские начинания в области исследований научно-технического прогресса, глобальных проблем современности и проблемы человека в конце концов вынудила И.Т. Фролова уйти 10 февраля 1977 г. с поста главного редактора «Вопросов философии». Последним всплескам «шестидесятничества» в советской философии был положен предел; наступило глухое «застойное» время.

В первой половине 1970-х гг., на которую пришёлся «звёздный час» журнала «Вопросы философии», была во многом сформирована современная проблематика нашей философии. В этом заслуга тех, кто тогда «делал» журнал. Не будем заблуждаться — вопрос о взаимоотношениях философии и идеологии не снят с повестки дня, ибо не бывает обществ без идеологии. Правда, наиболее уродливые формы идеологического диктата ушли в прошлое. Но борьба посредственности с талантом, столь острая особенно в творческой и научной среде, к несчастью, в прошлое не уходит, а потому опыт «Вопросов философии» 1970-х гг. остаётся для нас поучительным.

В архиве И.Т. Фролова сохранились его заметки, афоризмы. Один из них такой: «Философ талантливый чувствует себя иногда как Красная Шапочка, которую в любой момент могут съесть серые... философы».

*В.Ж. КЕЛЛЕ И МАРКСИСТСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ В КИТАЕ¹*

В.Ж. Келле прибыл в Китай в качестве специалиста для помощи в строительстве нашей страны в начале 1952 г., преподавал философию в Китайском Народном университете, в июле 1954 г. вернулся на родину, проработав в Китае более двух лет. Его обширные знания и высокие моральные качества произвели необычайно глубокое впечатление на его китайских коллег и студентов. В кругах китайской философской общественности, особенно в Китайском Народном университете, он до сих пор имеет очень высокий авторитет. Глубокое понимание профессором Келле марксистской философии и выдающийся стиль преподавания значительно продвинули вперед дело распространения и развития в Китае марксистской философии. Он отец самого мощного в Китае философского факультета – философского факультета Китайского Народного университета, мост между советской философией, а также всей марксистской философией и древним Китаем, великий друг китайского народа.

Роль профессора Келле в развитии марксистской философии в Китае необычайно важна и при том уникальна. Это связано с особым местом Китайского Народного университета.

Наш университет был основан в октябре 1950 г., его предшественником было учебное заведение под названием Общественная школа северного Шэньси, созданное в революционной базе Коммунистической партии Китая – городе Яньани в 1937 г. Это был первый

¹ Данная статья поддержана Фундаментальным фондом исследований для центральных университетов Китая и Фондом исследований Китайского Народного университета.

университет, созданный ею. Позднее оно было объединено с несколькими другими университетами и получило название Северокитайский университет, Северокитайский объединенный университет. Через два месяца после создания в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики на основе предложения Компартии Китая китайское правительство приняло решение о создании на базе Северокитайского университета Китайского Народного университета. В те годы он был единственным университетом, созданным компартией Китая, кроме того, его преподавателями и студентами были в основном интеллигенты и молодые студенты, которые участвовали в деле революции еще до взятия компартией власти, все они были убежденными марксистами.

Этот университет занимал в Китае особое место. Он был тогда единственным «пролетарским университетом». Его ректор У Юйчжан значительно дольше, чем Мао Цзэдун участвовал в революционном движении. Это был революционер высоких моральных качеств, пользовавшийся большим авторитетом. Второй человек после Мао Цзэдуна в компартии, Лю Шаоци, присутствовал на церемонии открытия университета. В 1950 г. его бюджет составлял 20 % от бюджета всех остальных высших учебных заведений страны.

В тогдашних условиях Китайский Народный университет был центром по распространению и изучению марксизма-ленинизма в новом Китае. Вскоре после взятия компартией власти Мао Цзэдун указал, что центральной силой, руководящей нашим делом, является компартия Китая, а теоретической основой, направляющей наше дело, – марксизм-ленинизм. Его изучение и распространение становится чрезвычайно важной задачей. Однако в тогдашнем Китае не хватало кадров, могущих взять на себя эту задачу, поскольку подавляющая часть интеллигентов прибыла из старого Китая¹, эти люди не разбирались в марксизме-ленинизме, и они стали как раз в то время объектом масштабной кампании по идеологическому перевоспитанию. Что касается университетов, то кроме Китайского Народного университета все остальные были приняты «из рук Гоминьдана», их преподаватели очень плохо разбирались в марксизме, многие из них даже

¹ Имеется в виду, что до 1949 г. эти интеллигенты жили в районах Китая, находившихся под контролем Гоминьдана. – *Прим. перев.*

занимали по отношению к нему позицию отрицания. В 1952 г. китайское правительство на основе советского опыта осуществило масштабную «реорганизацию институтов и факультетов» — было проведено объединение институтов и факультетов на основе их сходства. Существовавшие в университетах гуманитарные, инженерно-технические, медицинские, сельскохозяйственные специальности были выведены из них, существовавшие в них одинаковые специальности превращены в специальные, самостоятельные высшие учебные заведения — политехнические, медицинские, сельскохозяйственные и другие институты. Некоторые специальности были сконцентрированы в одном или нескольких университетах. Например, к моменту создания нового Китая во всей стране было четыре философских факультета, в 1952 г. все их преподаватели были переведены на работу на философский факультет Пекинского университета, а остальные три факультета были ликвидированы. Во всех университетах страны существовала настоятельная необходимость в изучении марксизма-ленинизма, осуществление идеологического перевоспитания их преподавателей. В этих условиях взоры всех были обращены к Китайскому Народному университету. Подготовка преподавателей для всей страны по дисциплинам марксистско-ленинской теории, пропаганда марксистской философии становится миссией Китайского Народного университета. Само собой разумеется, что пролетарский университет должен был сыграть главную роль в этой кампании по изучению марксистско-ленинской теории и преобразованию идей.

Именно в такой обстановке Келле и прибыл на работу в Китайский Народный университет.

В августе 1950 г. в Китайском Народном университете была создана кафедра основ марксизма-ленинизма, внутри которой была образована группа философии. Когда в начале 1952 г. Келле прибыл в Китайский Народный университет в качестве советского специалиста, он принял на себя задачу преподавания, а также стал советником этой кафедры, призванным направлять ее работу. При его участии в июне 1952 г. была создана первая в Китае кафедра диалектического и исторического материализма, а в октябре того же года — исследовательская группа марксизма-ленинизма, которая стала набирать аспирантов, в том числе по философии. С этого времени в новом Китае началась подготовка

своих специалистов по преподаванию и изучению марксистско-ленинской философии. В 50-х гг. двадцатого столетия в Китайском Народном университете в разное время работали шесть советских специалистов, но среди них Келле добился наилучших результатов в преподавании, его вклад был наиболее значительным, он получил наибольшее уважение среди китайских товарищей. В Китае Келле читал слушателям исследовательской группы лекции по философии, вел семинары по диалектическому и историческому материализму, трудам классиков марксистско-ленинской философии, истории западной философии, а также различные философские спецкурсы (например, по философским вопросам естествознания). Его лекции слушали не только студенты и преподаватели Китайского Народного университета, но и из других учебных заведений и учреждений. Из Пекинского университета постоянно приезжали преподаватели специально слушать лекции Келле, среди них были знаменитые китайские философы Хэ Линь, Чжан Дайнянь, Пан Пу. Кроме этого Келле выступал с лекциями или научными докладами в других вузах. Его лекции в Пекинском университете слушали почти все основные философы из всех учебных заведений Китая. Можно сказать, что Келле очень рано начал в Китае систематичное и весьма эффективное воспитание в духе марксистской философии.

Работа Келле была очень важной, важность ее заключалась не только в непосредственном распространении знаний по марксистской философии, но и в том, что в ходе этой работы было подготовлено первое поколение собственных китайских преподавателей марксистской философии, что позволило создать существующую до сих пор базу для китайского марксистско-ленинского образования. Сяо Цянь, самый знаменитый марксистский философ в новом Китае, профессор Китайского Народного университета долгие годы был председателем Всекитайского общества диалектического материализма; Хуан Наншэн, профессор философского факультета Пекинского университета был председателем Всекитайского общества истории развития марксистской философии, председателем Всекитайского антропологического общества, деканом философского факультета Пекинского университета; Гао Цинхай, самый оригинальный китайский марксистский философ, был деканом самого крупного на северо-востоке Китая

философского факультета – философского факультета Цзилиньского университета, проректором этого университета. Все они были учениками Келле. Воспитанные им ученики стали основателями марксистского философского образования в различных местах Китая. Через два года после возвращения Келле на родину, т.е. в 1956 г., на основе созданной при его активном участии кафедры диалектического и исторического материализма в Китайском Народном университете был создан философский факультет. Тогда в нем была только одна специальность – марксистская философия. Почти все руководители факультета и его преподаватели были коллегами либо студентами Келле. Он был настоящим отцом философского факультета Китайского Народного университета. Создание факультета получило высокую оценку Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, в год основания его студентами стали более двухсот превосходных молодых людей со всего Китая. После окончания факультета они стали костяком китайского марксистского философского образования, многие из них руководителями философских факультетов. В 80-х гг. прошлого столетия во всем Китае было почти тридцать философских факультетов, в двадцати шести из них деканами были выпускники философского факультета Китайского Народного университета. Подобное обстоятельство является очевидным свидетельством того, что Келле явился основателем марксистского философского образования в высших учебных заведениях Китая, вплоть до настоящего времени почти все китайские философы, занимающиеся преподаванием и изучением марксистской философии, являются студентами Келле либо студентами его студентов.

Тогда в Китае среди советских специалистов по философии был не только один Келле, но только он один взял на себя особую миссию по пропаганде марксизма в Китайском Народном университете и по преподаванию диалектического и исторического материализма; благодаря своему блестящему таланту и усердному труду он воспитал первое поколение марксистских философов нового Китая, создал философский факультет Китайского Народного университета, который явился основой китайской марксистской философии. Он внес неоценимый вклад в распространение марксистской философии в новом Китае.

Сегодня в кругах китайской философской общественности он обладает большим авторитетом, пользуется всеобщим уважением. С одной стороны, это связано с его выдающимся вкладом в преподавание философии, а с другой стороны, с тем, что его высочайшая ученость и прекрасные личные качества оставили неизгладимое впечатление у китайских ученых. Среди работавших в те годы специалистов по философии в китайских высших учебных заведениях, включая советских специалистов в Пекинском университете и других вузах, Келле выделялся своими способностями и уровнем знаний. Его знания были энциклопедическими, он обладал гибкостью мысли, ясной логикой, слушатели его лекций смогли получать исчерпывающие ответы, он был самым приветствуемым советским специалистом. Работавший его переводчиком профессор Китайского Народного университета Чжун Юйжэнь до сих пор помнит следующую историю. Однажды Келле делал доклад на философском факультете Пекинского университета. Во время перерыва его обступило немало профессоров, некоторые среди них были старше его по возрасту. Они задали ему много вопросов, в том числе о советской литературе и искусству, его ответы получили единодушное одобрение этих китайских профессоров. Особо драгоценным было следующее. Тогда многие советские специалисты упоминали Сталина, по любому вопросу они начинали свои выступления со слов Сталина или решений съездов КПСС. Они служили для них критерием истинности. Келле вел себя не так. Он проводил свой анализ, приводил доказательства, руководствуясь научным подходом, исходя из внутренней логики теории, следуя научному духу. Он делал упор на научность, в которой не было ни грама догматизма. Ниже мы приводим программу его курса по истории западной философии, прочитанного им в 1953 г.

Первая лекция. История философии и ее предмет и задачи.

Вторая лекция. Древняя восточная философия.

Третья лекция. Борьба материализма с идеализмом в Древней Греции и Риме.

Четвертая лекция. Философские и социальные идеи в период феодализма.

Пятая лекция. Философия периода возникновения капиталистических отношений в Западной Европе (XIV–XVI вв.).

Шестая лекция. Развитие материализма в период ранних буржуазных революций и его борьба против идеализма.

Седьмая лекция. Развитие французской материалистической философии в период подготовки буржуазной революции XVIII века.

Восьмая лекция. Развитие общественно-политической и философской мысли в России в XVIII веке.

Девятая лекция. Немецкий идеализм в конце XVIII в. и начале XIX в. Антропологический материализм Фейербаха.

Десятая лекция. Развитие материалистической философии и прогрессивной общественной мысли в России в период разложения, кризиса и распада крепостнического строя.

Одиннадцатая лекция. Борьба марксизма-ленинизма против реакционной буржуазной философии эпохи империализма.

В этой программе отразились особенности марксистской теории, она ясно несла на себе отпечаток той эпохи, сегодня она вряд ли подходит. Однако по своему содержанию она была весьма подробна, совершенна по структуре, не отличалась политическими поучениями, в ней присутствовала сильная научность, поэтому ею дорожили. Иной западной философии, которую излагал в своей программе Келле, тогда в Китае не было, она до неузнаваемости изменила представление китайских ученых. Вплоть до 1959 г. читавшийся им курс пользовался среди них хорошей оценкой и уважением. В сентябре 1959 г. лекции Келле были изданы на китайском языке.

Кроме того, Келле скромный человек, трудоголик, он легко общался с китайскими коллегами, учеными, а также руководителями различных рангов, у него со всеми были глубокие дружеские отношения. Хотя уже прошло полстолетия, время не в состоянии стереть память, которую он оставил в сердцах своих китайских друзей. В сердцах китайцев он до сих пор является образцом работавших тогда в Китае советских специалистов. После перехода Китая к политике реформ и открытости Келле не раз посещал Китай. И каждый раз его прежние студенты собирались вместе, чтобы встретиться с ним. Глубокие чувства, которые проявляли по отношению к нему во время теплых встреч серьезные ученые, бывшие пятьдесят с лишним лет тому назад его студентами, не могли не тронуть каждого, кто присутствовал на них.

Работавший пятьдесят с лишним лет тому назад в Китае советский специалист Келле не принадлежит только китайскому прошлому, многие его идеи имеют актуальное значение и в современном Китае, заслуживают уважения.

Профессор Келле – настоящий ученый. У него есть совесть, он весь поглощен научными исследованиями, он «не совершает танцев» вслед за изменениями политических ветров. Доказательством этого является тот факт, что во времена Советского Союза он неоднократно подвергался критике со стороны специалистов по идеологии. Общеизвестно, что совесть ученого и приверженность духу научного исследования позволили профессору Келле в течение своей жизни добиться глубоких результатов. Он внес важный вклад в восстановление в Советском Союзе социологии, в углубление исследований по историческому материализму, развертывание исследовательской работы по философским вопросам науки и техники, изучение вопросов цивилизации и культуры. Уровень развития теории в каком-либо государстве определяется тем, насколько она удовлетворяет практическим потребностям этого государства. Полные интеллектуального духа лекции профессора Келле по диалектическому и историческому материализму в начале 50-х гг. прошлого столетия значительно стимулировали просвещение разума китайцев. После окончания «культурной революции» центром деятельности стала экономика, заменившая собой классовую борьбу, а главной экономической моделью – рыночная экономика, заменившая собой плановую экономику. Преследование материальных интересов, а также конкуренция на рынке значительно оживили субъективные устремления китайцев, стимулировали возникновение в Китае практического материализма. В этих условиях в Китае получают высокую оценку произведения и идеи Кедрова, Копнина, Ильенкова, Лекторского, Фролова, поскольку они делают упор на человека, на его субъективность. Уже изгнанные со своих святых мест такие «великие люди», как Митин, Константинов и другие, были забыты без сожаления, более того, были подвергнуты критике. Рыночная экономика значительно стимулировала развитие экономики Китая, однако в конце XX века китайское общество столкнулось с новыми проблемами: материальные производительные силы получили значительное развитие, но одновременно в обществе возникло серьезное имуще-

ственное расслоение, большие различия между бедными и богатыми, коррупция и самодурство, уменьшение сырьевых ресурсов, ухудшение ситуации с окружающей средой, серьезное отчуждение в жизни человека, люди обнаружили, что между развитием производства и счастьем человека не существует линейной связи. Проблемы, которые во второй половине двадцатого столетия беспокоили Франкфуртскую школу и других западных марксистов, теперь появились в Китае. Сейчас китайцев больше всех заботит уже не развитие субъективности человека и рыночной экономики, а проблемы отношений развития экономики и человека, ценностные ориентации развития общества. Отвечая на эти изменения, Коммунистическая партия Китая выдвинула новый руководящий принцип, суть которого «человек как основа, создание социалистического гармоничного общества, осуществление концепции научного развития». Китайское общество вступило в новый этап развития. Эти громадные изменения в реальной жизни оказали значительное влияние на развитие китайской философии. Философов больше не интересует диалектический материализм, но они накрепко соединили вместе изучение практического материализма и исторического материализма. В сегодняшнем Китае людей больше всего интересует исторический материализм. При изучении исторического материализма упор делается не на закономерностях истории развития и определяющей роли производительных сил, а на отношениях исторического материализма и ценностных ориентациях человечества, а также освобождении человека, на связи исторического материализма с европейской культурой, ее месте в философской мысли Маркса, отношениях между философом Марксом и философом Энгельсом, отношениях между деятельностью человека и историческим материализмом. И как раз при обсуждении этих проблем китайские философы вновь вспоминают Келле, ибо его идеи в сегодняшнем Китае имеют актуальное реальное значение.

Общеизвестно, что среди теоретического вклада Келле одной из наиболее высоко оцениваемых российской философской общественностью его идей было оригинальное понимание исторического материализма. Еще в 50-е гг. прошлого столетия Келле и Ковальзон вместе выдвинули следующее положение: исторический материализм имеет богатое содержание, является методологией изучения исторического

процесса, которая включает три момента: во-первых, исторический материализм вскрывает закономерности развития общества, поэтому историю общества он рассматривает как естественноисторический процесс, подчиняющийся объективным закономерностям; во-вторых, исторический материализм требует рассматривать историю общества как процесс и результат деятельности людей; в-третьих, человек творит историю, но и история творит человека, исторический материализм требует рассматривать историю общества как процесс развития, историю развития самого человека. Эту важную мысль Келле китайские философы знали уже давно, давали ей высокую оценку, но только сейчас она проявила в Китае свое реальное значение. При обсуждении в настоящее время в кругах китайской философской общественности проблем исторического материализма философы вольно или невольно с различных точек зрения касаются второго и третьего моментов вышеуказанной мысли Келле. Читая сегодня произведения Келле, китайские философы могут еще получить из них полезные указания.

Советский специалист Келле пятьдесят шесть лет тому назад уехал из Китая, однако в сердцах его китайских друзей, в сегодняшних китайских философских дискуссиях философ Келле по-прежнему вместе с нами.

Что касается меня, то, как только произносится имя Келле, мое сердце само собой начинает испытывать чувство волнения. В 1979 г., приехав из провинции Шаньси, я поступил в аспирантуру философского факультета Китайского Народного университета, моим руководителем был студент профессора Келле, поэтому я являюсь студентом его студента. Будучи аспирантом, я начал читать труды советских философов, с 1981 г. стал специально изучать советскую философию, для чего было необходимо знакомиться с большим количеством материалов на русском языке. При чтении их, а затем занимаясь переводами, я встречался с большими трудностями в понимании текстов на русском языке. И каждый раз при разрешении этих трудностей я обращался за помощью к переводчику профессора Келле во время его работы в Китайском Народном университете – профессору Чжун Юйжэню, поэтому можно сказать, что мой путь к изучению советской и русской философии также связан с профессором Келле, опосредованно

я получал его помощь. В 1989 г. я впервые приехал в Советский Союз на учебу для изучения советской философии; местом моей годичной стажировки был Одесский университет. Во время пребывания в Одессе я неоднократно обращался за советами к профессору Келле. Например, я спрашивал его, можно ли сказать, что гуманизация становится главной тенденцией развития советской философии после смерти Сталина? Можно ли сказать, что главным представителем тенденции гуманизации советской философии является Фролов? И т.д. И на все свои вопросы я получал от профессора Келле исчерпывающие ответы. Вскоре после этого я установил с ним непосредственную связь, за двадцать с лишним лет он оказал мне большую помощь, дал много ценных указаний; в различных формах отвечал на мои всевозможные вопросы, познакомил меня со многими российскими философами, помогал публикации в России моих сочинений... Сердцем я отчетливо понимаю: Келле помогал мне лично? Нет, он помогал не мне лично, через меня помогал китайской философской общественности понимать и изучать русскую философию, продолжал развивать роль моста между философами Китая и России. Сегодня в Китае я один из главных специалистов, кто изучает российскую философию, многие китайские философы через мои работы знакомятся с философией России, и, как я уже говорил выше, каждое мое продвижение вперед по изучению российской философии неразрывно связано с руководством и помощью профессора Келле.

Перевод

доктора философских наук В.Г. Бурова

В.Г. Буров

*ЧЕЛОВЕК, НЕ МЕНЯЮЩИЙ
СВОИХ УБЕЖДЕНИЙ*

Впервые я услышал о Владиславе Жановиче Келле на рубеже 1954–1955 гг. в Пекине, где я сразу после окончания Института Востоковедения работал переводчиком. Еще перед отъездом на работу в Китай я заходил в Институт философии Академии наук СССР, меня интересовала возможность поступления в аспирантуру по специальности «история китайской философии», я даже подал документы, но работа в Китае спутала мои карты. Находясь в Пекине, я не упустил возможности познакомиться с рядом китайских философов, преподавателей Пекинского университета, в том числе с ныне здравствующим профессором, встреча с которым во многом определила мою дальнейшую судьбу в философии. Именно он посоветовал избрать темой моей кандидатской диссертации мировоззрение китайского мыслителя XVII в. Ван Чуаньшаня. Проф. Жэнь Цзюй рассказал мне о том, что у них в университете работает ряд советских философов, с одним из них, Колоницким (впоследствии главный редактор журнала «Наука и религия»), я вскоре познакомился, и он мне рассказал о других советских философах, работавших в высших учебных заведениях Пекина в качестве специалистов. Если мне не изменяет память, он называл фамилии Ф. Георгиева, Иониди и других, в том числе В. Келле. Я могу ошибаться, но последнюю фамилию он называл без особого пиетета. Но тогда я с Владиславом Жановичем не встретился.

Второй раз о нем я услышал уже осенью 1957 г., когда после поступления в аспирантуру Института философии я приехал на стажировку в Китайский академический институт философии. Я не могу сейчас вспомнить, от кого я услышал его фамилию, но помню точно, что ее

произносили с большим уважением, в отличие, скажем, от фамилий других советских философов-специалистов. Много позднее, уже в 80-е гг., мне приходилось много раз слышать из уст моих китайских собеседников – профессиональных философов фамилию Келле, и ее всегда произносили подчеркнуто уважительно.

Причину подобного отношения китайских философов к Владиславу Жановичу я понял после моих откровенных разговоров с моим ближайшими китайскими друзьями, а также познакомившись позднее с его работами и с ним лично. Как я понимаю сегодня, Владислав Жанович покориł своих китайских слушателей нестандартным изложением основ диалектического и исторического материализма. Вспомним, какая ситуация была тогда, в первой половине 50-х гг., в советской философской науке. Она еще не вышла из оков догматизма; естественно, что советские преподаватели, работавшие в Китае, следовали принятым тогда установкам. В отличие от них В. Келле старался, как это можно было сделать в тогдашних условиях, отойти от пережевывания азбучных истин, показать действительное богатство марксистской философии. Это можно было сделать путем изучения трудов классиков – К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, содержание которых резко контрастировало с официальной версией, основывавшейся на 4-й главе «Краткого курса». Как пишет сам Владислав Жанович, «его лекции несли на себе отпечаток той эпохи. Нельзя было отступать от принятой в СССР официальной версии марксизма. Но все-таки излагать его можно было по-разному. В моих лекциях, видимо, было и что-то идущее от меня лично, от моего восприятия и понимания марксизма, от моих философских размышлений, от моего опыта преподавания философии. Думаю, что китайские коллеги оценили эту сторону моих занятий. Во всяком случае, все мои лекции, кроме курса по философским вопросам естествознания, были изданы Народным университетом как учебные пособия, а *записи лекций по произведениям классиков марксизма издавались университетом дважды*»¹. Успех лекций В.Ж. Келле объясняется тем, что в отличие от принятого тогда метода заучивания текстов он избрал проблемный подход.

Неудивительно поэтому, что имя В.Ж. Келле до сих пор пользуется в кругах китайской философской общественности большим уваже-

¹ Вопросы философии. 2007. № 5. С. 7–158.

нием, слушатели его лекций и семинаров стали крупными учеными, профессорами философии в различных университетах Китая. Теперь у них есть уже свои учебники и все они с большой теплотой вспоминают своего наставника. Его уже не раз приглашали в Китай, где принимали как большого друга.

Говоря о Владиславе Жановиче Келле, нельзя не сказать о том, что он был и остается последовательным и твердым сторонником марксизма, но марксизма творческого. Еще в советские времена он неоднократно подвергался критике за теоретические ошибки, отступления от принципов марксизма. Я до сих пор помню ожесточенную дискуссию вокруг вышедшей под его редакцией в 1970 г. книги «Ленинизм и диалектика общественного развития». Я был свидетелем того, как официальные философы обвиняли авторов книги во всевозможных грехах, прежде всего ревизионизме. После этой дискуссии ему пришлось уйти из Института философии, а ведь в этой книге отстаивались непримиримые идеи Маркса—Ленина о социализме, внутрипартийной демократии, свободе человека.

После известных событий 1991 г., когда многие философы поменяли свои политические и теоретические позиции на 180°, Владислав Жанович остался верен своим прежним *марксистским* убеждениям, о чем свидетельствуют и его публикации и общественная позиция. Он активно участвовал в научной деятельности, его публикации продолжают вызывать живой интерес у читателей. У него были, видимо, серьезные претензии к официальным представителям советской философии, которые на дух не выносили его. Он был решительный противник идеализации Сталина и замалчивания его преступлений, но не переносил свою естественную горечь по поводу того плохого, что было в советский период российской истории, на саму модель социалистического переустройства общества. Вот почему он вместе с другими известными учеными подписал письмо-протест против отмены праздника Великой Октябрьской социалистической революции. *Владислав Жанович Келле не менял своих убеждений.*

Нельзя не отметить и его личные человеческие качества. Он всегда был доброжелателен, с уважением относился к мнениям своих коллег, являя собой образец настоящего ученого.

Р.М. Алейник

*В.Ж. КЕЛЛЕ В РХТУ
ИМ. Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА*

Владислав Жанович Келле более полутора десятков лет работал по совместительству в Московском химико-технологическом институте им. Д.И. Менделеева (ныне – Российский химико-технологический университет), на кафедре философии, где я после окончания МГУ им. М.В. Ломоносова работала с 1974 г. сначала ассистентом-почасовиком и лаборантом, а затем штатным преподавателем. В.Ж. Келле появился у нас году в семьдесят шестом. Я тогда не знала обо всех его заслугах, но прекрасно понимала, что это мыслитель самого высокого класса, внесший свое слово в разработку современной философской мысли, и что нашим аспирантам повезло слушать лекции профессора такого ранга. Из этих лекций я вывела, что Владислав Жанович – мыслитель, которому дороги ценности свободы, ответственности, достоинства и чести.

Кафедра философии в МХТИ была создана в 1958 г. Ее основатель – профессор Николай Андреевич Будрейко, был выпускником химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Начало деятельности кафедры философии совпало с реформой образования в Советском Союзе. Это было время хрущевской «оттепели». Сфера образования нуждалась в фундаментальных изменениях. Идеологический диктат привел к тому, что вузы утратили ориентиры и перспективу, они стали неэффективны. В этой системе требовалась новая концепция социальной педагогики. Философия – «самосознание эпохи» и теоретическое обоснование социальных изменений. Она сама нуждалась в перестройке. Пятьдесят лет назад наметились сдвиги и в этой области. Они коснулись поначалу наименее идеологизированной сферы фило-

софии — методологических проблем естествознания. Из-за догматичности образования в систему преподавания не попадали многие прогрессивные идеи из области науки. После XX съезда КПСС идеологическому руководству страны стало ясно, что под давлением научно-технического прогресса необходимы качественные изменения в системе высшего образования, которое перестало соответствовать его логике и тенденциям. Учебный материал необходимо было приблизить к научному содержанию. Получила развитие наименее догматизированная область философского знания — философия науки, под которой подразумевалось прежде всего естествознание. Она должна была отвечать жизненно важным задачам и потребностям возрождающегося общества. Философия естествознания стала рассматриваться двояко: во-первых, как философское осмысление материального мира, объективного содержания собственных научных теорий природных и социальных явлений и экспериментальных и теоретических средств познания. Во-вторых, как философский анализ естествознания, осуществляемый с философских позиций, чтобы выявить закономерности и методы познания объективного мира в естественнонаучных теориях. По мере развития естественных и социальных наук их методология становилась все богаче. Исследование этого содержания имеет значение как для конкретных наук, так и для развития диалектического и исторического материализма.

Цель философии естествознания — расширить содержание конкретного миропонимания и методологии, заключавшееся в самих научных теориях, которых придерживалось большинство ученых. Это было время, когда активизировались связи философов с учеными. Многие философы стремились получить второе естественнонаучное или математическое образование. Именно так поступил второй после Н.А. Будрейко заведующий кафедрой философии МХТИ Владимир Иванович Метлов, выпускник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, позже доктор философских наук, профессор. Он прослушал в годы учебы на философском факультете еще и несколько лекционных курсов по основам высшей математики на механико-математическом факультете МГУ. В философии естествознания в качестве важнейшей обсуждалась проблема бытия. Это и сегодня рассматривается как необходимый в то время этап в развитии науки. Все это имело отношение к химической

науке, которая именно в те годы и сама переживала период своего переосмысления и создания общей теории.

Пришло понимание того, что образование обязано идти в ногу с наукой, что такие новации должны были отразиться в учебниках. Опыта подобного рода накоплено было немного. Николай Андреевич Будрейко сделал в этом отношении определённые усилия. Массив научной информации, полученный многими исследователями, нужно было сопрячь с возможностями студента технического вуза. Профессор Будрейко стал создавать работы по философским вопросам химии еще до того, как была создана общая теория развития химии. Заведующий кафедрой философии прибегал в учебных пособиях к трудам крупнейших специалистов в области философии химии, таких, как Б.М. Кедров, Ю.А. Жданов, В.И. Кузнецов, к работам ученых менделеевского института — академика В.В. Кафарова, профессоров А.П. Крешкова, М.Х. Карапетьянца, С.И. Дракина, Б.И. Степанова и др.

Работы Н.А. Будрейко сегодня имеют в основном значение исторического документа эпохи, диалектика в них трактовалась всё ещё догматически, как «сумма примеров», но они были заряжены безграничным оптимизмом — таков был дух времени. Страна шла по пути прогресса, преодолевая прежние «политические ошибки», наука была готова решать все важнейшие проблемы человечества. (Достаточно вспомнить тогдашнюю атмосферу, столь точно воспроизведенную в культовом фильме М.И. Ромма «Девять дней одного года».) Наука пользовалась тогда колоссальным авторитетом в обществе. В те годы в философии растет понимание важности исследований по разработке диалектико-материалистического мировоззрения на основе интеграции достижений науки, совершенствования форм образования. Химия создает материальные предпосылки перестройки ведущих отраслей промышленности. На этой базе у нас в институте при парткоме начал формироваться единый учебный план мировоззренческой подготовки студентов, при этом кафедра философии должна была стать координирующим центром в деле согласования усилий всего преподавательского корпуса по выработке содержания программы. Задача его состояла в том, чтобы сжать до минимума массив научной информации, соотнести требования с возможностями одного среднестатистического студента.

Этому плану не суждено было сбыться, так как Николай Андреевич тяжело заболел, а у его преемника сложилось иное, более тонкое и глубокое представление о связи философии и естествознания. С 1977 г. на протяжении тридцати лет кафедрой стал руководить В.И. Метлов.

Его научные интересы были сосредоточены как раз в области оснований научного знания. Владимир Иванович рассматривает проблему соотношения философского и специально-научного познания не как абстрактную, а в контексте наиболее общей теории развития, теории диалектики, которая даёт возможность представить и знание в целом, и место той или иной научной дисциплины в системе единого знания. В своей докторской диссертации он «прослеживает эволюцию проблематики оснований в различных специальных отраслях научного знания и одновременно основные коллизии, возникающие в этих сферах исследований, начиная с кризиса наивно-реалистической точки зрения, свойственной метафизическому материализму через появление антиномий и вырастающих на составляющих её положениях противоположных тенденций, и кончая становлением решения проблемы, свойственного материалистической диалектике»¹.

В.И. Метлов полагал, что нужно обращение к самым общим особенностям взаимоотношения субъекта и объекта в научном исследовании, к тщательному анализу становления той или иной отрасли научного познания, к выявлению материальных корней исследовательских образцов, практикуемых в той или иной сфере исследования, но не следует становиться при этом на позицию упрощенного социологизма. Таким путём можно подойти к более детальной характеристике предмета научного исследования. Здесь интересы философа, методолога, анализирующего науку, придут в непосредственное соприкосновение с интересами учёного-специалиста. Метлов был не удовлетворён не только сложившимся в философии науки подходом к анализу проблем оснований научного знания, но и к тому, как примитивные представления находят своё отражение в учебниках по философским проблемам естествознания, и много внимания уделял прояснению своей позиции.

¹ Метлов В.И. Основания научного знания как проблема философии и методологии науки. М., 1987. С. 137.

Новый заведующий кафедрой обратился к нам с предложением перво-наперво изучать тексты самих основоположников марксизма, например переписку К. Маркса и Ф. Энгельса. Это занятие, по его мнению, было более полезным, чем чтение современных интерпретаторов марксизма-ленинизма, занимающихся проблемами оснований философии естествознания. В то время на нашей кафедре работали не только выпускники философского факультета Московского и Ленинградского университетов, но и люди, имеющие военно-политическое образование, фронтовики с большим жизненным опытом, со своими представлениями о мире, в котором мы жили, о предмете и задачах философии, сформировавшимися ещё в 30-е гг. Для меня предложение нового завкафедрой было добрым знаком. С самого начала Владимир Иванович стал заботиться о серьёзном совершенствовании теоретического уровня знаний преподавателей. Он в тот момент дорабатывал докторскую диссертацию, стремился активно обсуждать волновавшие его вопросы. В методологическом семинаре, посвящённом проблемам материалистической диалектики, который активно работал особенно в первые двадцать лет, стали принимать участие не только кафедральные преподаватели, но и ведущие учёные Института философии АН СССР, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, Института Истории естествознания и техники, зарубежные профессора из Венгрии, Чехословакии, США, Великобритании, Франции, Германии. Общение проходило легко: у нас не все владели иностранными языками, но В.И. Метлов — свободно говоривший на трёх европейских языках — нередко заменял в процессе обсуждения профессиональных толмачей, испытывавших трудности перевода специальных философских терминов. Сейчас он — профессор кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Появление на кафедре Владислава Жановича Келле, Владимира Ивановича Кузнецова, тогдашнего заместителя директора Института истории естествознания и техники, а позже Йовы Эллеза было для меня радостным и отнюдь не рядовым событием. Благодаря этим известным учёным, усилиям заведующего кафедрой, возникало ощущение, что у нас не периферийная кафедра общественных наук технического вуза, что мы — в курсе всего того важного, что происходило в современной

философской жизни. Йова Эллез — специалист по истории философии; Владимир Иванович Кузнецов — доктор химических наук, автор оригинальной концепции развития химической науки, изложенной в книге «Диалектика развития химии» (М., 1973).

Владислав Жанович ассоциировался у меня с Московским университетом, который я окончила в 1973 г., с Институтом философии АН СССР. В годы моей учебы его работы рекомендовали нам в качестве учебных пособий для подготовки к занятиям по историческому материализму. В МХТИ он читал аспирантам курс по историческому материализму. Тридцать лет назад, будучи ассистентом кафедры, я прослушала дважды его лекционный курс. Записи эти берегу до сих пор; для меня они сохранили свою актуальность и значимость. Благодаря этим лекциям Владислава Жановича я смогла воздать должное К. Марксу в условиях складывавшейся конъюнктурной суеты середины восьмидесятых годов. Сейчас В.Ж. Келле для меня стоит в одном ряду с такими отечественными философами, как Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили, рассматривавшими марксизм не как догму, а как творческий метод. Работы В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзона отвечают строгим критериям качества философского творчества.

Если с материалистической диалектикой применительно к естествознанию для меня всё становилось более понятным, то в отношении методологии социально-гуманитарных наук дело обстояло хуже. Реформа образования должна была включить изучение экономики и всей социальной жизни. В конце 60-х годов это только получило импульс к развитию. Но системы образования, замкнутой на всех элементах социальной жизни, еще не было. Это относилось и к самому философскому образованию.

Главное внимание во время учёбы на философском факультете МГУ, кроме специальных дисциплин, уделялось иностранному языку и истории философии. Поэтому лекции Владислава Жановича стали для меня впервые проникновением в методологию общественных наук. Нельзя сказать, что я тогда полностью отдавала себе отчёт в том, что это творческое развитие марксизма, что при анализе исторического процесса лектор новаторски применил три методологических аспекта: естественноисторический, деятельностный и личностный. Это сейчас, просматривая тетради, я могу оценить новизну

и свежесть его подхода к традиционному учению. Тогда же я поняла, что это подлинная наука, основание методологии современной социальной жизни.

В университете в конце 60-х – начале 70-х гг., как мне представлялось, нам хорошо читали курс по Марксу; достаточно вспомнить лекции Г.А. Багатурии, В.А. Вазюлина. Я много читала самих классиков, книги Э.В. Ильенкова, Т.И. Ойзермана, и мне казалось, что марксизм-то неплохо себе представляю. Но после лекций В.Ж. Келле я стала понимать Маркса значительно глубже и лучше могла ориентироваться в марксизме: то есть стала понимать необходимость различения в марксизме идеологической составляющей и научной методологии, сохраняющей своё значение по сию пору, когда мир невероятным образом изменился.

У нас было смешение общественных наук и идеологии. Такого мнения придерживаются до сих пор многие сотрудники менделеевского университета, преподаватели химических дисциплин, которые любят иронически нас расспрашивать, «а как мы сейчас относимся к марксизму». Надо сказать, что, учась на философском факультете, я сама относилась к историческому материализму не столько как к науке, сколько как к апологетике. Истмат, как мною ощущалась, был наиболее строго регламентированной дисциплиной. Я воспринимала тогда лекторов «физиономически», по выражению лица. Словом, энтузиазма истмат тогда у меня не вызывал. Это было начало 1970-х гг. Мы были свидетелями изгнания с факультета под благовидными предложениями цвета тогдашней философской мысли: М.К. Мамардашвили, П.П. Гайдено, Н.В. Мотрошиловой – с кафедры истории зарубежной философии, Г.М. Андреевой – с заведования кафедрой социологии. Даже участвовали в борьбе за то, чтобы Галину Михайловну оставили на кафедре, но безуспешно. Её под своё крыло тогда взял академик А.Н. Леонтьев, декан психологического факультета.

Владислав Жанович своей европейскостью уже внешне заметно отличался от тогдашних своих коллег. А содержание его лекций заставляло прислушиваться к каждому слову. Например, он утверждал, что идеология и наука не совпадают. Современному слушателю это представляется общим местом, но в 70-е гг. это было отнюдь не очевидно, считалось, что «старый материализм не рассматривал специфики соци-

ального бытия общества», а в историческом материализме она учитывалась. Профессор Келле объяснял, что в обществе существуют: духовная, политическая, социальная структуры, и задача обществоведения состояла в изучении закономерных связей между разными компонентами системы связей, с одной стороны, и законами развития общества – с другой. Предмет исторического материализма – наиболее общие законы взаимосвязи разных компонентов социального целого, развитие и смены социальных систем, законы, опирающиеся на материалистическое решение основного вопроса философии применительно к обществу. Причем существуют статистические аспекты исследования, сводимые к тому, что всё можно узнать из особенностей развития экономической структуры общества, и динамические аспекты изучения развития всех этих сторон. Общество невозможно постичь в мгновенном срезе, а только – в истории.

В.Ж. Келле ввел понятие «уровней методологического анализа»: более и менее общие уровни анализа. Он предложил типологизацию социального знания, обращая внимание на некоторое несовпадение гуманитарного и социологического знания, например, в кибернетике, социологии. Причём обращал внимание не только на идеологические различия в общественном познании. Деятельностный подход к общественной жизни означал, что действия индивида, коллективного или социального субъекта, связаны с содержанием, мотивами, которые можно свести к *интересам* людей, к *целям* деятельности, задаваемым условиями жизни, и которых бывает не одна, а несколько, к *средствам* деятельности, к *направлениям* деятельности и её результатам. Деятельность субъекта не задана, а определяется конкретными условиями. Общественные законы определяют сознание, мотивы, стимулы, цели, но не абсолютно. Так как реализация их зависит от субъективного начала. В защиту субъективного фактора выдвигается следующий довод: *он – необходимый компонент действия социальных законов. Это означает, что действие законов не снимает ответственности субъекта за его деятельность.* Метод классового анализа, без которого нельзя глубоко проникнуть в историю человечества, требует умелого использования: без учета внутрикласовой дифференциации нельзя оценивать социальные явления; классовый подход – «бритва», которой надо уметь пользоваться, нельзя его вульгаризировать.

В лекциях В.Ж. Келле прозвучала идея обоснования возможности взаимодействия самих общественных наук. Он выделил три сферы знания в социально-гуманитарных науках: историческое знание, конкретное социально-гуманитарное знание и философско-социальное знание. Речь шла об изменении сложившейся структуры общественных наук, о сложных отношениях между теорией и практикой. Наука — результат теоретического осмысления практического опыта. Отрыв от практики ведет к умозрительности, к схоластике, к новой мифологизации общественного сознания.

Проблема роли человека в истории трактовалась вразрез с тем, что было написано в учебниках. Это тема, появившаяся лишь в 60-е гг. Личность — понятие, способствующее критическому взгляду на жизнь. До этого у нас не было регулятора, отличавшего свободу от произвола. Личные качества вождей оказывают влияние на историю, они сопоставимы с движениями общественных классов. Профессор Келле ввёл в истмат понятие «*образ жизни*», где сочетается общественное и индивидуальное. В структуре общественного сознания можно выделить два уровня: духовную сторону общественно-исторического процесса и *реальное* сознание данного общества. Отдельная тема — о единстве и многообразии исторического процесса, где давался анализ факторов многообразия: факторов естественных, факторов социальной среды, разнообразия культур, духовных и идеологических факторов. Он выражал на общепринятом тогда языке исторического материализма идею сложности мира, его многокультурности. Сегодня успехи средств коммуникации сделали мультикультурную природу нашей современности более очевидной. Ныне пробудились, ожили, стали требовать равноправного места за общим столом другие культуры, находившиеся на обочине истории. Э. Левинас на первый план выдвигал такие ценности, как самосознание, уважение, способность замечать и ценить другого человека. Расширяется глобализация и одновременно повышается несогласованность, хаос.

Из лекционного курса следовало, что история отнюдь не однородна, что она разнообразится различными факторами, включая и культуру. Что и культура советского периода отнюдь не однородна, а рассуждения об «идейном единстве» культуры, духа народов служат и до сих пор опознавательными знаками тоталитарной власти и её идеологии.

Лекции Владислава Жановича были для меня, сравнительно молодого преподавателя, школой подлинного мастерства и свидетельством скрытого сопротивления стереотипам, привитым тогдашней политической системой. Они отличались тематической и логической последовательностью, систематичностью. В лекциях он прибегал к примерам, взятым из истории философии, из современной политической жизни. Они проясняли сложные ходы рассуждений и делали читаемый курс по философии марксизма живым и необходимым для понимания процессов не только современности, но и культуры в целом. Знаменательно, что этот курс читался за десятилетие до перестройки. В.Ж. Келле вскоре будет одним из авторов замечательного учебника «Введение в философию» под редакцией И.Т. Фролова, где эти идеи присутствуют. Но тогда мне это помогло понять и оценить творческий потенциал марксизма и глубже проникнуть в осмысление колоссальных сдвигов, происходящих и в Советском Союзе, и в мире.

До этого официозная наука продолжала утверждать нечто иное. Выводы её объявлялись непререкаемыми, превращаясь в «символ веры», и потому к социальным переменам она оказалась не готова. Другое дело, что ученые были вынуждены молчать, работать в стол, менять профиль своих исследований, переходя в более безопасные сферы. Поле гуманитаристики тогда резко уменьшалось, но «биение мысли» всё же не останавливалось. Преподавание общественных наук в огромной степени, как мне представляется, было упрощено, жестко регламентировалось, следствием чего становилось утверждение стереотипов в общественном сознании, вульгарных представлений и наивных идеалов. Не учитывалось ни своеобразие изучаемых объектов общественных наук, ни то, что тут нет «вечных» законов. Ведь общество — самый сложный, многомерный, постоянно развивающийся организм. Тем не менее общественные науки оценивались по критериям, принадлежащим иному классу научных дисциплин. Во всех случаях в техническом вузе отношение к социальным дисциплинам известное. Надо признать, что нередко обществоведы в таком перекосе сами виноваты.

У нас до сих пор не хватает рефлексии по поводу истории общественных наук в Советском Союзе, не написано объективного полноценного труда на эту тему. В истории этого вопроса хватало и догма-

тизма, и апологетики, серости, недобросовестности, необъективности. Однако было и творческое начало, и преследование за инакомыслие. Массу материалов для понимания всего этого можно найти в интервью ряда известных ученых-обществоведов. Сегодня мы находимся в поиске новой парадигмы общественного развития, связанной с включением нашего общества в рыночную экономику, с глобализацией.

Совместная работа «Теория и история» В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзона позволяет понять, что развитию новых подходов в социально-философской науке, реализации её творческих возможностей, использованию её теоретических и прикладных разработок мешает мифологизация глобальных процессов и конкретных действий. В эпоху перестройки появилось два главных мифа: учение об идеально централизованной экономике и прямо противоположное — вера в спонтанное развитие эффективного рынка. Объективная оценка хода реформ, без которой нельзя двигаться дальше, затруднена мифами в общественном сознании, сложившимися в советские годы и в годы реформ, способствующими манипуляциям с общественным сознанием.

Нам необходимо обосновать особенности собственного развития, связанного с собственной историей, культурой, образованием, менталитетом. Потому что преобразования в России по своим основным направлениям привели к последствиям, не предсказанным экспертами. Либерализация цен, например, породила их более быстрый и длительный рост, чем это прогнозировалось. Реформа налоговой системы привела не к тому, чтобы помочь правительству в ускорении экономического развития, а к росту теневой экономики. А ослабление государственного контроля над финансовыми потоками привело к значительному росту коррупции. Приватизация «ради развития эффективной частной собственности» обернулась появлением множества акционерных обществ, превратившихся в полновластных собственников и резким спадом промышленного производства. Экономисты говорят, что всё это уже было в послевоенной Европе, Латинской Америке и странах южно-азиатского региона. Их опыт не был учтён по-настоящему. Поэтому многие разделы теории общественных наук оказались неадекватны реальным социальным процессам и выяснилось, что обществоведы не способны выделить ключевые проблемы, которые надо решать.

Прав В.Ж. Келле вместе с Л.И. Абалкиным: необходимо изучать труды наших обществоведов, как дореволюционной поры, так и деятелей советского периода, способных остро воспринимать социальные конфликты. Сегодня стало ещё более понятно: радикальные решения для развития общества опасны. При институциональных преобразованиях должны быть предприняты усилия по прогнозированию и, как говорят экономисты, по избежанию «возможностей институциональных ловушек». Главное, чтобы переходные формы не превращались в постоянно действующие. И демонтаж старого, неэффективного института надо планировать в долгосрочной перспективе, а вводимые нормы должны бы были действовать определённое время и предусматривать автоматическую отмену. Надо поддерживать разнообразие институциональных форм, учитывать культурную инерцию возникновения институциональных конфликтов.

Примерно об этом самом Владислав Жанович говорил в своём выступлении на теоретическом семинаре нашей кафедры в эпоху перестройки. Речь шла о весьма волновавшей обществоведов теме – судьбе марксизма в России и мире. Тема разделила тогдашнее общество: одни с легкостью отказались от своих прежних убеждений, стали либо яркими либералами, либо ура-патриотами, кондовыми почвенниками, другие – остались «твердыми искровцами», не желающими считаться с фактом очевидных перемен, происходящих в обществе и с необходимостью нормализации общественной жизни. Это был период накала страстей и страстных взаимных обличений. Я уже не говорю о том, как иронизировали по этому поводу наши коллеги-химики. Владислав Жанович говорил о рецепции марксизма в России и Советском Союзе в разные годы, о его неслыханном упрощении и вульгаризации.

Мы подводили итоги развития общества в советский период и то, каким представлялось в сознании граждан учение Маркса, причины чудовищного раздрая в постсоветском обществе, не дающего возможности и по сию пору создать спокойную атмосферу обсуждения наболевших проблем. Позже я не раз слышала от Владислава Жановича, что спорить с людьми по поводу их политических пристрастий бессмысленно: убеждения формируются только в личном опыте. Наше философствование органически объединено с нашим личностным опытом. Сегодняшняя жизнь показала, что у нас немало прагматиков, пола-

гающих, будто бы главное — не отставать и всегда поспевать за начальством.

Работы В.Ж. Келле по социологии науки, такие, как «Социальное знание и социальное управление» (М., 1976), «Наука как компонент социальной системы» (М., 1988), я оценила в полной мере, когда мы начали читать аспирантам курс «Истории и философии науки». В последней книге есть специальная глава об общественных науках, где говорится многое из того, что актуально. Например, о необходимости рационализации деятельности, о готовности воспринимать рекомендации науки, служить практике социального управления. О возможности прогнозирования социального развития. О том, что жители развитых в научно-техническом отношении стран должны мыслить научно, жить по законам технического прогресса, трудиться на научном уровне. Использовать научные подходы к действительности, добиваться господства подлинно научного мировоззрения, вытеснения иллюзорных форм его. И самоуправление науки должно тоже содержать элемент научности. Поражаюсь прозорливости и умению автора этих книг выделять важнейшие проблемы социологического анализа лет за двадцать до того момента и в той области, о которой заговорили высшие руководители страны. Я имею в виду проблемы инновационного развития общества.

Однажды у Владислава Жановича во время учебного семестра состоялась командировка в Китай. После неё на кафедре мы собрались послушать об этой поездке. Оказалось, это не первый визит профессора Келле в КНР. Первый был длительной командировкой ещё при жизни Сталина, с 1951 по 1953 г. Это был очень интересный разговор об особенностях развития китайского общества, увиденного глазами наблюдательного и тонкого человека. Владислав Жанович принес альбом фотографий о своём пребывании в Поднебесной. Это было неожиданно и интересно.

Одним из самых частых собеседников Владислава Жановича на кафедре была Фаина Георгиевна Никитина (1923–2009), замечательный человек, мой научный руководитель кандидатской диссертации, посвященной родному брату Людвигу Фейербаха — Фридриху, работы которого она разыскала в архивных материалах по делу петрашевцев. Она же — главный вдохновитель моей докторской диссертации. Никитина

является автором многочисленных работ по истории отечественной философской мысли периода 40-х гг. XIX века и начала XX века, исследователем, работавшим в архивах на протяжении пятидесяти с лишним лет. Таких специалистов-архивистов в области философии у нас в стране не так много. Между тем исторические знания для нашего российского человека до сих пор остаются неполными и ограниченными. Сказывается идеологизация российской истории, отсутствие доступа к правдивой информации, причём не только по истории советского периода. Тщательно выполненные аналитические исследования и комментарии Ф.Г. Никитиной основаны на малодоступных архивных материалах, они снимают стереотипы мышления и потому пользуются спросом у историков отечественной мысли.

Она плодотворно работала и была востребована до самых последних дней жизни. Её статьи публикуются в самых авторитетных академических изданиях: в Материалах Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге, ИМЛИ, энциклопедиях по русской философии, журнале «Вопросы философии» вплоть до самого последнего времени. Оглядываясь на пройденный ею путь, можно утверждать, что она посвятила свою жизнь сохранению культурно-исторической памяти нашего народа. Я была свидетелем замечательных бесед Фаины Георгиевны и Владислава Жановича по поводу её нередко случавшихся разнообразных «маленьких открытий» в деле петрашевцев, людей круга Ф.М. Достоевского, М.А. Бакунина и других исторических лиц. На кафедре философии МХТИ, честно говоря, особенно большого интереса к направленности её научной деятельности не ощущалось. Далеко не все мои дорогие коллеги могли оценить этот страстный интерес к истории своей культуры. Но Владислав Жанович всегда неизменно поддерживал Ф.Г. Никитину в её начинаниях и переводил разговор в русло философского осмысления драматических событий нашей истории и культуры.

Их сближало и то, что муж Фаины Георгиевны, Иван Григорьевич Иванов (1921–1984), профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, несмотря на символическую разницу в возрасте, оказался после войны студентом Владислава Жановича. Оба, преподаватель и студент, – вчерашние фронтовики. Владислав Жанович воевал на украинском направлении, участвовал в битве за Днепр,

закончил войну артиллерийским капитаном, а Иван Григорьевич участвовал в обороне Сталинграда, закончил войну старшим лейтенантом. Иногда мы встречались в доме Фаины Георгиевны по каким-то знаменательным датам и слушали захватывающие рассказы о войне, о довоенной интеллектуальной московской жизни, об ИФЛИ (Институт философии, литературы, истории) и философском факультете в 30–50-х гг. прошлого века. Это были очень интересные беседы. Запомнилось, что о личных военно-фронтовых заслугах говорилось при этом очень сдержанно и скромно.

Владислав Жанович был одарён очень высокой степенью самосознания, ума, таланта и ответственностью за то дело, которому он служит. Его суждения для меня очень авторитетны. Его взгляд на прошлое творчество из перспективы прошедшего времени — а почему я должен отказываться от того, во что верил, что стремился усовершенствовать, чему служил — вызывает глубокое уважение.

Знакомство с его позицией позволило не поддаваться ослеплению оголтелого антикоммунизма правых. Прежде всего потому, что этот подход противоречит опыту людей, переживших то время с ощущением, что тогда совершалось нечто чрезвычайно важное. Он мог бы сказать, что «коммунизм придаёт жизни самое интенсивное чувство осмысленности, какое только существует», что XX съезд стал процессом подлинной детotalизации, «гибели богов», но не отказом от идеи социализма.

К сожалению, у нас не было подлинного соперничества школ в рамках марксистской философии. Историки только начали разбирать фундамент «конструкции для промывки мозгов» в области истории. Хочется надеяться, что мы когда-нибудь доживём и до автономии вузов в сфере образования. Перестройка явственно способствовала подъёму уровня интеллектуальной жизни в России, и новый качественный скачок назрел.

Мои личные отношения с Владиславом Жановичем были не очень интенсивными. Мы порой обменивались мнениями по поводу событий философской жизни, иногда я слышала его суждения и советы от Фаины Георгиевны по поводу чего-то и кого-то. Меня радовало совпадение наших взглядов в оценках поступков людей. Запомнились его уроки принципиальности, достоинства и чести. Владислав Жанович

великолепно ощущал границы, отделяющие слабость от подлости, ошибку от низости. Он умел отличать то, что неуместно, но пропустительно, от вещей полностью непростительных. Это был человек определённых правил. Не удивительно, что он состоял в споре с влиятельными людьми, отрицающими существование основополагающих нравственных критериев, а с такими людьми приходится встречаться в течение всей жизни. Я уверена, что вся деятельность Владислава Жановича была направлена на то, чтобы страна наша была открытой, а люди — более терпимыми, чтобы мы жили в атмосфере, где не было бы лицемерия, фальши и культурной изоляции.

Профессора Владислава Жановича Келле я увидел впервые примерно сорок лет назад на конференции в Москве. Его научные работы я знал давно, но впервые увидел его в перерыве на конференции. Мне показалось, что он – важный, суховатый человек. Дальнейшее знакомство подтвердило мнение о нем как о большом ученом и опровергло первые представления о его личных качествах: он оказался скромным, внимательным, обаятельным человеком.

В.Ж. Келле, работая в Институте философии АН СССР совместно с С.Р. Микулинским, разработал программу конкретного социологического исследования деятельности ученых академических научных организаций, которое было проведено в 1970–1973 гг. Были охвачены институты Академий наук различных регионов и союзных республик. На определенном этапе я включился в это исследование и провел в Ленинграде социологический опрос. Роль Келле как исследователя и организатора социальных исследований ярко проявилась во всесоюзной (а по существу, международной) конференции по науковедению (Ленинград, 1990), где он был руководителем секции социологии науки и одним из основных докладчиков. То же самое следует сказать о международной конференции «Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования» (Санкт-Петербург, 1996). Первое, что мне показалось, когда я начал писать статью о Келле, что совместных наших работ очень мало. Но, просматривая работы разных лет, я обнаруживаю все новые совместные работы. Так, еще почти 20 лет назад в статью «Социальные механизмы переходных процессов в организации исследовательской деятельности», включены материалы исследований Келле.

В 1992 году вышло первое учебное пособие по социологии науки: Введение в социологию науки // Под ред. С.А. Кугеля и Н.С. Черняковой. Л., 1992. В этой работе разделы «Предмет социологии науки» и «Наука и общество» подготовлены при участии В.Ж. Келле.

Важным этапом моего сотрудничества с Владиславом Жановичем была работа по подготовке коллективной монографии «Научные кадры СССР: динамика и структура». Эта коллективная монография вышла в издательстве «Мысль» в 1991 г. Она основана на социолого-наукоеведческих исследованиях, проводившихся ИИЕТ АН СССР совместно с рядом ленинградских и московских вузов, специалистов ГКНТ СССР и управления кадров Президиума АН СССР. В ней исследуется динамика научного сообщества СССР за длительный период (60–80-е гг. XX века), изменения в кадровых ресурсах в различных социально-экономических условиях. Келле выступил не только как составитель и научный редактор, но и как руководитель большого междисциплинарного коллектива. Ученый с большим научным кругозором, творческой интуицией, он являлся не только редактором, но и соавтором одного из разделов книги. Эта книга остается единственным обобщающим трудом по научным кадрам СССР.

Запомнилась совместная работа по линии СЭВ, в которых одной из центральных тем было изучение структуры и динамики научных кадров. Участвовали все страны СЭВ, особенно продуктивно было сотрудничество с Венгрией и ГДР.

Отмечу еще несколько фактов совместной деятельности 70–80-х годов. 1970 г. — Международный конгресс в Румынии. В.Ж. Келле — делегат и представитель СССР в секции «наука и общество». Его выступления были, как всегда, глубоки и ярки. На каком-то этапе Келле перевели в другую секцию и его функции передали мне. Одно из заседаний (круглый стол) проходило в Академии общественных наук Румынии. Советская делегация приняла участие, но заявки на выступления от нас не было. Однако руководитель круглого стола, румынский ученый, объявил выступления советских делегатов. Несмотря на этот неожиданный поворот, яркое выступление В.Ж. Келле запомнилось надолго.

80-е гг. прошлого столетия. Период, в который, по выражению одного известного социолога, никто из социологов почти ничего не

делал. Однако ленинградские социологи науки совместно с московскими коллегами продолжали активно вести исследования и публиковать их результаты.

Отмечу исследование, конференцию и книгу по проблеме «Новые научные направления и общество». В этих междисциплинарных акциях наглядно проявилось сотрудничество социологов и естествоиспытателей. Мое сотрудничество с В.Ж. Келле уже проходило не первый год, появилась новая совместная публикация — статья в книге «Новые научные направления и общество» (М.; Л., 1983). Для меня эта совместная работа была не только приятной, но и весьма полезной. В этом же направлении была следующая совместная работа, опубликованная в сборнике «Социальные и экономические проблемы повышения эффективности науки» (М., 1985).

С 1992 г. основным социальным пространством нашего сотрудничества стала основанная в Ленинграде Международная школа социологии науки и техники. Более 20 лет В.Ж. Келле постоянно делал доклады, участвовал в круглых столах и дискуссиях на секциях Школы. Уже сам перечень докладов характеризует его как выдающегося социолога науки. Назову некоторые из них: «Ценность и цена научного знания», «Научная культура и массовое сознание», «Наука и ученые как составляющие интеллектуального потенциала» и др.

Талант В.Ж. Келле как историка науки проявился в подготовке и написании совместно с Р. Винклер раздела «Социология науки» в книге «Социология в России» (М., 1998), под редакцией В.А. Ядова. Келле разработал периодизацию социологии науки в СССР, выделив особенности каждого этапа, их институционализации. Что касается ленинградской школы социологии науки, то в этой работе Келле она правильно характеризуется как самостоятельная научная общность, а не как часть нечетко обозначенной ленинградской.

В последние годы внимание В.Ж. Келле привлекала проблема инноваций. Как мне представляется, главный итог этих исследований изложен в монографии «Инновационная система России (формирование и функционирование)» (М.: УРСС, 2003). По проблемам инноваций сейчас опубликовано довольно много статей, начали выходить специализированные журналы, однако я не знаю другого такого труда, как книга Келле «Инновационная система России». Основой этой

книги послужили его лекции на сессии Международной школы социологии науки и техники. В книге анализируются социологические, экономические, социокультурные аспекты инновационного развития. Россия рассматривается в контексте общемировых тенденций, определяются цивилизационные императивы, которые влияют на развитие России, дается характеристика интеллектуального потенциала России, его роль в разработке высоких технологий, формулируются принципы инновационной стратегии, научной политики. Последняя его работа по этой теме — «Интеллектуальный ресурс инновационного развития и молодежь» — опубликована в сборнике «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» (СПб.: Наука, 2009. Вып. 25.)

Когда читаешь (или перечитываешь) статьи Келле, даже если фамилия автора не указана, я узнаю его по особенностям стиля: в нем сочетается философская мудрость и социологическая ориентация на конкретные эмпирические данные. Он всегда социолог-теоретик и в ряде случаев участник крупномасштабных эмпирических исследований.

Нельзя не согласиться с социологами, которые отмечают роль В.Ж. Келле не только как выдающегося ученого, но и как активного защитника социологии. Б.А. Грушин писал: «Вернулись с фронта люди, которые видели Европу. Железный занавес был прорван войной. Эвальд Васильевич Ильенков, Александр Александрович Зиновьев, Владислав Жанович Келле пришли к нам на факультет уже с новыми идеями, новым видением жизни...»¹ Отмечая роль Келле в утверждении в нашей стране прогнозирования, Бестужев-Лада писал: «Новоявленное прогнозирование встречалось в штывки не только догматиками, и если бы не принципиальная позиция тогдашнего директора Института конкретных социологических исследований М.М. Румянцева, а также некоторых из ведущих социологов (в первую очередь В.Ж. Келле), то никакого прогнозирования появиться в те годы не могло»². Обобщая роль В.Ж. Келле в защиту социологии, Б.М. Фирсов отметил, что В.Ж. Келле — один из тех, кто активно выступил в защиту социологии³.

¹ Грушин Б.А. Горький путь невостребованности // Российская социология шестидесятых годов. СПб., 1999. С. 206.

² Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998. С. 613.

³ См.: Фирсов Б.М. История советской социологии. СПб., 2001. С. 103.

КЕЛЛИАДА¹

*Мы Вас очень уважаем,
Хоть не сват Вы нам, не брат,
Потому что изучаем
Мы по Жанычу ИстМат.*

*Разбудите Вы любого,
И сквозь сон воскликнет он:
Мне не надобно другого —
Нужен Келле—Ковальзон.*

*Не одно десятилетье,
Словно в звонкую дуду,
Вы играете, заметьте,
Гимн всеобщему труду.*

*Темпераментен, неистов, —
Повсеградно и везде, —
Как марксист из всех марксистов,
Не в совместном Вы труде,*

*А, конечно, во всеобщем —
И от Вас не отчуждён,
Если выразаться в общем,
Шустрый Мотя Ковальзон.*

*Все, кто Ваш ИстМат освоит,
Из совместного уйдёт,
А ушедши, без простоев
Во всеобщий перейдёт.*

*Пусть дирекция не ропщет, —
Труд всеобщий днём с огнём...
На работу ходим вобщем,
Вобщем пашем, вобщем жнём.*

¹ Вариант: КеллеОда.

*Труд учёного всеобщий.
Но совместно выпьем мы,
Чтоб светили в тёмной ночи
Столь могучие умы,*

*Как наш юный Жаныч милый,
Наш ИстМатчик дорогой...
Мы клянёмся до могилы
Вас читать, наш дорогой.*

*Хоть совместным было чтение,
Но всеобщее была
Наша радость от прочтения
Книги Вашего стила.*

*Всё читаю и читаю,
Всё учу её, учу.
Как в седьмой раз прочитаю,
Так в девятый раз начну.*

*Как от головешки искра,
Прянувшая в небосклон...
Я Вам — графа Монте-Кристо,
Вы мне — Келле—Ковальзон.*

*Был бы я навеки сволочь,
Если б здесь я утверждал,
Что один лишь Рабинович
Вашу книгу прочитал.*

*Осенью, зимой и летом,
И весной — видит Бог —
Вас читаем всем ИЕТом
И, конечно, между строк,*

*Потому что между строчек
Этот очень важный труд
С всевозможных зренья точек
Концептабелен и крут.*

17.09.1980

М.А. Пронин

*ВИРТУАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА
ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ*

В памяти есть воскрешающая сила,
память хочет победить смерть.

Н. Бердяев

В рождении человека, в смерти и бессмертии есть великая загадка. Известно, что герои не умирают – они живут вечно: живут в памяти поколений. Как это происходит? Как формируется пространство памяти поколений? Разберем процесс запечатления подвига, сохранения памяти о герое на нескольких примерах, преимущественно «устной» – первой по отношению к письменной, но и поныне существующей истории.

ПАМЯТЬ – КАК ПОРУЧЕНИЕ

Празднуя в 1995 г. 50-летие великой победы, сидя за праздничным семейным столом, я вдруг осознал, что моей бабушке, ныне уже покойной, Елене Матвеевне Фомичевой, маминой маме, – 83 года. А значит, в год окончания войны ей, как и мне в юбилей победы, было тоже 33 года. И значит, нас разделяют 50 лет...

– Бабуль, – обратился к ней я, – вот тебе сейчас восемьдесят три, так?

– Да, деточка, – ответила она мне.

– Ба, то есть тебе девятого мая сорок первого было тридцать три года, так ведь получается?

– Да, так.

Мои родные несколько озадаченно посмотрели на меня: к чему это я...

– Бабуль, и мне сейчас тридцать три года, – продолжил я, – ба, как ты думаешь, я до твоих лет доживу?

– До-оо-лжен, – ответила она мне, смеясь.

– Получается, что в год столетия победы я смогу передать твои слова о том, как все было... Так?

– Так, деточка, так... – закивала она головой.

– Ба, что передать? – спросил ее я. – Что про войну сказать?

Я заметил, что все выпрямились. Замерли. За столом воцарилась тишина. Бабуля была уже старая. Ничего не видела. Перенесла три инсульта. Сама не ходила.

Тут лицо ее помолодело, на нее нахлынули воспоминания, она заплакала и смогла сказать сквозь слезы лишь:

– Передай, Миша, что мы в оккупации – страшно жили... одну картошку гнилую ели и лебеду..

– Хорошо, ба, передам. Обещаю!

Так что, много ли сто лет? Рукой, как говорится, подать... Ну а двести? Что было за сто лет до Великой Отечественной войны? Есть ли поручения, которые были нам переданы предшествующими поколениями?

ПОРУЧЕНИЕ АРХИПА ОСИПОВА

Что ж, перенесемся за сто лет до Великой Отечественной войны, т.е. в 40-е гг. XIX века... Известно, что Россия в то время тоже воевала – вела войну на Кавказе. Строила линию укреплений по берегу Черного моря. Шло реформирование армии. К 1837 г. на Черноморском побережье Кавказа, близ устья реки Вулан, для этого полка было построено Михайловское укрепление, вошедшее в состав Черноморской береговой линии, состоящей из 17 военных укреплений, начальником которой был генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, сын прославленного героя Отечественной войны 1812 г.

В начале же 1840 г. восстали ранее спокойные горцы Черноморского побережья Кавказа. Давно уж нет людей, которые могли бы сказать, что это был «грозный 1840-й год», как сегодня принято называть 1941-й. Остался лишь язык истории, хотя дед моей бабушки вполне мог ей передать слова своего деда – участника или современника тех событий, а она мне...

Недовольство восставших, как считают историки, было вызвано строительством русскими укреплений Черноморской береговой

линии, а также голодом из-за неурожая 1839 г. и разрушения традиционных промыслов.

Так, в мае 1834 г. два батальона Крымского полка, в том числе 5-я мушкетерская рота, где служил Архип Осипов – герой нашей истории, – влились в 77-й Тенгинский пехотный полк. Известно, что 19 февраля 1840 г. горцы захватили недостроенный редут Лазарева, 13 марта – укрепление Вельяминовское, а 29 марта лазутчик донес о намерении атаковать укрепление Михайловское, где находились 500 человек Тенгинского пехотного полка под командой штабс-капитана Николая Константиновича Лико.

По воспоминаниям участников тех событий, весь гарнизон подтвердил ранее данному командиру обещание живыми не сдаваться и в крайнем случае взорвать пороховой погреб. Добровольцем для этой операции вызвался рядовой Архип Осипов, который обязался устроить взрыв, как только неприятель начнет сбивать с двери замки. С вечера 30 марта каждую полночь гарнизон выходил на стены, а Архипа Осипова с фитилем запирали в погребе. Горцы атаковали рано утром 3 апреля (22 марта ст. ст.). К 10 утра защитники были перебиты, и горцы начали сбивать замки с погреба. Прогремел взрыв, и укрепление взлетело на воздух. От взрыва погибли три тысячи нападавших и почти весь гарнизон крепости. Остатки гарнизона 77-го Тенгинского полка попали в плен к горцам. По одним сведениям, штабс-капитан Н.К. Лико пал в крепости – во время налета был дважды ранен, а затем порублен шашкой, – по другим – был захвачен в тяжелом состоянии в плен и умер.

Что нам известно об Архипе Осипове? Не много. Происходил он из семьи крепостных крестьян села Каменка Липецкого уезда Киевской губернии. О времени его рождения точных данных нет. По одним источникам, на момент совершения геройского поступка ему было 38 лет, по другим – 40. За свою долгую службу А. Осипов участвовал в войнах с Персией и Турцией, за что в 1829 г. был награжден серебряными медалями.

О подвиге Архипа Осипова узнали лишь несколько месяцев спустя. После того как пятьдесят защитников крепости, возвратившись из плена, под присягой все подтвердили...

Архип Осипов впервые в истории Русской армии был навечно зачислен в списки полка. В приказе № 79 военного министра

А.И. Чернышева от 8 ноября 1840 г. значится: «Обрекая себя на столь славную смерть, он просил только товарищей помнить его дело (выделено мной. — М.П.), если кто-либо из них останется в живых. Это желание Осипова исполнилось. Несколько человек храбрых его товарищей, уцелевших среди общего разрушения и гибели, сохранили его завет и верно его передали. Государь император почтил заслуги доблестных защитников Михайловского укрепления в оставленных ими семействах. Для увековечения же памяти о достохвальном подвиге рядового Архипа Осипова (выделено мной. — М.П.), который семейства не имел, Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил сохранить навсегда имя его в списках I гренадерской роты Тенгинского полка, считая его первым рядовым, и на всех перекличках, при спросе этого имени, первому за ним рядовому отвечать: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении».

Вот так должно было сохраняться в памяти поручение Архипа Осипова.

Сегодня писать об Архипе Осипове — «ворошить прошлое»: на российском Кавказе вновь беспокойно. Очень часто мы вынуждены помнить то, что не должны вслух поминать. Неудобный, неуместный сегодня герой Архип Осипов.

«Помнить надо хорошее, а плохое — не забывать» — формула на все времена.

ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ ТЕЛЕСНА

В советское время Подвиг Архипа Осипова не был особо вспоминаем на фоне подвига Александра Матросова (1924—1943)¹. Как, собственно, не очень и вспоминали на фоне подвига Александра Матросова и других героев, таких, например, как Александр Типанов (1924—1944)² — пуле-

¹ Матросов Александр Матвеевич (5.2.1924—27.2.1943) — Герой Советского Союза, стрелок-автоматчик 2-го отдельного батальона 91-й отдельной Сибирской добровольческой бригады имени И.В. Сталина 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса 22-й армии Калининского фронта, рядовой.

² Типанов Александр Федорович родился 20.10.1924 в с. Устье ныне Сасовского района Рязанской обл. в семье рабочего. Русский. Окончил 7 классов. Работал механиком в Московско-Окском пароходстве. В Советской Армии с 1942 г. В действующей армии с февраля 1943-го. Пулеметчик 191-го гвардейского стрелкового

метчик 191-го гвардейского стрелкового полка 64-й гвардейской стрелковой дивизии 42-й армии, — или Петр Лабутин — еще один защитник блокадного Ленинграда.

Героев Великой отечественной войны — А. Матросова, А. Типанова и П. Лабутина — я выбрал для описания психологических пространств памяти не случайно: так получилось, что жизнь моя связала, столкнула или свела меня с ними: герои, оказывается, живут рядом, оказывается, память о героях — телесна: можно с давно ушедшим героем соприкоснуться. Как? В своем внутреннем пространстве — виртуально... Тело и телесность — не одно и то же: телесность — одухотворена: психологична, субъектна, личностна.

Виртуальность сегодня в обыденном массовом сознании чаще воспринимается как компьютерная реальность, что отчасти лишь верно. *Virtus* (лат.) у древних римлян — особое состояние силы и доблести у воина в бою, или добродетель. Мужским проявлением добродетели является *харизма* (*haris*), ну а женской — *грация* (*gratis*). Виртуоз — человек, преодолевший технические сложности овладения профессией, — происходит от *virtus*. Философией виртуальности, виртуальной психологией занимается виртуалистика — относительно новое парадигматическое направление современной науки, направление, возникшее в 80-е годы прошлого века в СССР.¹ Виртуалистика исследует виртуального человека — внутреннего человека, которого каждый взрослый, как правило, старше 27 лет в себе чувствует и различает — разделяет себя внутреннего и внешнего. Иными словами, виртуалистика, и ее раздел виртуальная психология, занята исследованием внутреннего пространства человека, как бы мы его ни называли: субъектным, психологическим, духовным, антропологическим и т. д. Вот в этом самом пространстве и происходят наши встречи с героями.

полка (64-я гвардейская стрелковая дивизия, 42-я армия, Ленинградский фронт) комсомолец гвардии рядовой Типанов в бою у Красного Села (Ленинградской обл.) 18.01.44 закрыл собою амбразуру вражеского дота, открыв путь наступающим. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.02.44 посмертно. Награжден орденом Ленина. Похоронен в Красном Селе. Именем Героя названы улицы в Ленинграде и Рязани. Навечно зачислен в списки воинской части. На месте подвига — стела (Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. М.: Военное изд-во, 1988).

¹ Сайт Исследовательской группы «Виртуалистика» Института философии РАН (бывшего Центра виртуалистики Института человека РАН): www.virtualistika.ru.

Будучи воспитанным в детстве на фильме Леонида Лукова «Рядовой Александр Матросов» (1947 г.), я и предположить не мог, что в 1984 г. попаду на войсковую стажировку в полк, в котором служил Александр Матвеевич Матросов...

Учился же я в 1974–1977 гг. в 256-й средней школе города Ленинграда, в которой была пионерская дружина имени Петра Ивановича Лабутина — «повторившего» подвиг Александра Матросова за год и четыре месяца до Александра Матросова. Лабутина, кстати, не было присвоено звание героя. Да и вспомнили о его подвиге лишь в 1965 г., назвав в его честь улицу в Ленинграде и нашу пионерскую дружину.

Поступив в 1979 г. в Военно-медицинскую академию в Ленинграде, в ее учебном центре в Красном Селе первый марш-бросок мы, молодые курсанты, совершили к дзоту Александр Федоровича Типанова. Увидев место подвига «военным взглядом» — нам на излете марша пришлось «брать высоту», — могу сказать: «Врагу не пожелаешь на нее подняться».

Собственно, у меня и моих товарищей был выбор: либо подняться по туристической тропе — дорожке со ступенями, ведущей наверх к мемориалу, — либо «взять» высоту. Я спонтанно выбрал последнее. За мной потянулись и другие курсанты. Были и такие, кто пошел «туристическим» путем.

Пока ставишь себя на место героя в воображении — часто обывательски виртуальные образы сводят к воображению, — как правило, про подвиг мало чего понимаешь. Поставив же себя на место героя телесно, многое начинаешь видеть совсем по-другому.

Как-то мне довелось побывать в Новороссийске. В 2003 г. философский пароход отправлялся в Стамбул на XXI Всемирный философский конгресс. До его отправления было свободное время, и Российское философское общество — вдохновитель и организатор поездки, — привезло нас к мемориалу на Малой Земле.

— Ну что, Сереж, хотел бы ты тут оборону держать? — обратился я к коллеге-философу — бывшему саперу, подорвавшемуся на mine в Афганистане... Тяжелое ранение, пенсия в двадцать с небольшим лет и привели Сергея Полатайко в философию.

— А, Михаил, ты тоже смотришь!

— Да, смотрю и думаю: одно дело книжку читать Брежнева¹ и умо-
зрительно глумиться над ней, другое — здесь постоять и попытаться
все представить телесно...

— И не говори, Михаил!

Кто был на Малой Земле — не даст соврать: берег прямой и чистый
как стол... Поле боя все ставит на место. Если на это место встать.

На первый взгляд, может быть, не очень и очевидно, что мы,
живущие, погружены в телесность героев, сохранивших своим телом
нас с вами. Многие, скорее, воспринимают как символы улицы, города,
пароходы, носящие имена героев. Мне же жизнь подсказывает, что все
гораздо жизненнее. Память о героях телесна: в какой-то момент
собственной жизни можно оказаться в одном строю с Александром
Матросовым. Буквально.

СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ

Есть разные формы сохранения подвига как истории: фольклорная,
над которой трудится народная память (в форме ли песни, баллады
или былины) и идеологически санкционированная властями, утверж-
денная как официальная, признанная история.

Вот марш 77-го Тенгинского пехотного полка, в котором воссозда-
ется подвиг Архипа Осипова, как образец фольклорного творчества:

Подвиг Архипа Осипова
(22 марта 1840 г.)²

Как черкесы³ к нам ходили
Лет уж будет с пятьдесят.
Раз, два! Меж собой они решили
Резать наших жен-ребят.

А в Михайловском на взморье
В укреплении сидят,

¹ Имеется в виду книга Л. И. Брежнева «Малая Земля».

² Расшифровка фонограммы Мужского хора Института певческой культуры
«Валаам», дирижер И. Ушаков, запись 1997 г. CD «Песенная летопись Кавказской
войны» (СПб.: Русская Лири, 2002). Расшифровка взята из Интернета.

³ Черкесы — во времена Кавказской войны 1817–1864 гг. черкесами называли
любых горцев, сражавшихся с русскими.

Раз, два! Всё тенгинцы – горцам горе, –
Там давно они стоят.

Подошли черкесы грозно,
Тысяч, кажется, с пяток,
Раз, два! С шумом, с гиком скачут грозно,
Мчатся с гор как злой поток.

А тенгинцы молодцами
Не считая тут врагов,
Раз, два! И картечью и штыками
Их укладывали в ров.

Но врагам пришла подмога,
Стали снова напирать.
Раз, два! В помощь нам была подмога,
Чтоб нам крепость не сдавать.

«Крепче, братцы, не сдаваться!
Здесь положим мы живот!
Раз, два! Равны мы теперь сражаться –
Русских много славных рот.

Пусть врагам известно будет,
Что за Русская земля!
Раз, два! Враг нас сдать не принудит,
Ляжем все здесь за царя!» –

Так по долгу по святому
Архип Осипов сказал.
Раз, два! К погребу пороховому
С фитилем у входа встал.

Все враги вдруг побледнели –
Страшен был он с фитилем!
Раз, два! Вместе с погребом взлетели
И погибли все огнем.

В переключке по уставу
Вызывается Архип.
Раз, два! Отвечают, что за Веру,
За Отечество погиб!

Любой подвиг свершается в двух измерениях: в земном –
обыденном, и в пространстве славы. И то и другое может сохраниться

в фольклорной памяти и в идеологически признанной форме по-разному, однако уровень сакрализации героя и события, когда оно апроприируется идеологической системой, заметно повышается, а ореол его бытования выходит за пределы места самого подвига. Вопрос о славе – сложный вопрос. В фольклоре слава сохраняется и описывается, в авторском произведении осмысливается. Вот как об этом пишет Владислав Занаворнов – поэт и участник Великой Отечественной войны.

На высоте «Н»¹

На развороченные доты
Легли прожектора лучи
И эти темные высоты
Вдруг стали светлыми в ночи
А мы в снегу на склонах голых,
Лежали молча, как легли,
Не поднимая век тяжелых,
И их увидеть не могли.
Но, утверждая наше право,
За нами вслед на горы те
Всходила воинская слава
И нас искала в темноте.

Вернемся к подвигу А. Матросова. О подвиге общеизвестно следующее.

7 февраля 1943 г. 2-й батальон получил задачу атаковать опорный пункт в районе деревни Плетень, западнее деревни Чернушки Локнянского района Псковской области. Как только наши солдаты прошли лес и вышли на опушку, они попали под сильный пулемётный огонь противника – три вражеских пулемёта в дзотах прикрывали подступы к деревне. Один пулемёт подавила штурмовая группа автоматчиков и бронебойщиков. Второй дзот уничтожила другая группа бронебойщиков. Но пулемёт из третьего дзота продолжал обстреливать всю ложину перед деревней. Попытки заставить его замолчать не увенчались успехом. Тогда в сторону дзота пополз красноармеец Александр Матросов. Он подобрался к амбразуре с фланга и бросил две гранаты. Пулемёт замолчал. Но как только бойцы поднялись в атаку, пулемёт

¹ Фронтовая лирика: Стихи и песни. М.: Художественная литература, 1995. С. 58.

снова ожил. Тогда Матросов поднялся, рывком бросился к взлету и своим телом закрыл амбразуру. Ценою своей жизни он содействовал выполнению боевой задачи подразделением.

Звание Героя Советского Союза Александру Матвеевичу Матросову посмертно присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 года. Похоронен в городе Великие Луки Псковской области»¹.

Это известие послужило основой для разработки идеологии подвига, где историческая правда местами была принесена в жертву созданию патриотического образа героя: «Через несколько дней имя Александра Матросова стало известным всей стране. Подвиг Матросова был использован находившимся случайно при части журналистом для патриотической статьи. При этом дату смерти Героя перенесли на 23 февраля, приурочив подвиг ко дню Красной Армии. Несмотря на то что Матросов был не первым, кто совершил подобный акт самопожертвования, именно его имя было использовано для прославления героизма советских солдат. Впоследствии свыше трёхсот человек совершили подобный героический поступок, но это уже широко не освещалось. Подвиг Александра Матросова стал символом мужества и воинской доблести, бесстрашия и любви к Родине»².

Через три месяца после награждения была проведена «сакрализация» героя – увековечение его памяти. «8 сентября 1943 года приказом народного комиссара обороны СССР имя А.М. Матросова было присвоено 254-му гвардейскому стрелковому полку, сам он навечно зачислен в списки 1-й роты этой части. Это был первый приказ НКО СССР в годы Великой Отечественной войны о зачислении павшего Героя навечно в списки воинской части»³. Так, через сто лет после Архипа Осипова Александр Матросов стал первым советским солдатом, зачисленным навечно в списки воинской части.

На фоне подвига А. Матросова весьма показательна судьба Петра Лабутина. Лабутин Пётр Иванович (1904–1942), рабочий, участник Великой Отечественной войны. С начала войны боец дивизии народ-

¹ Сайт «Герои страны»: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?hero_id=597.

² Там же.

³ Там же.

ного ополчения Октябрьского района, затем рядовой сапёрного батальона 189-й саперной дивизии (Ленинградский фронт).

Вот что писала одна из питерских газет о нем и его подвиге. «Есть в нашем городе улица Петра Лабутина, с 15 мая 1965 года существует. Впрочем, существовала она в Коломне, рядом с площадью Тургенева и Лермонтовским проспектом, еще с XVIII столетия, только до вышеуказанной даты именовалась Прядильной. За что ж такая честь Петру Лабутину? За то, что кровь свою пролил, защищая фронтной город Ленинград, 13 сентября 1942 года. И не просто пролил, а закрыл грудью амбразуру немецкого ДЗОТа. Пулемет захлебнулся, наши поднялись в атаку и опрокинули врага. Подбежали к Петру — а он, мертвый, висит на пулемете, очередью простреленный, гимнастерка вся в крови. Вот и все, вот и отгулял по цветущей еще земле красноармеец Лабутин, душу свою положивший за други своя, за Родину и русский народ. А затем был митинг на могиле героя, клятвы товарищей, публикации в военной печати, книги «Слава отважным» и «Ленинградец Петр Лабутин». А затем...

...кончилась война, и о Петре забыли. Забыли и о его старой матери, которая после войны жила с дочерьми и зятем. Жила трудно, одна из дочерей страдала от тяжелой болезни и имела инвалидность первой группы. И получала пенсию, а мать ее и Петра — не получала, ввиду отсутствия неких документов была признана по суду иждивенкой с мизерным пособием. Дело в том, что Лабутин, совершивший подвиг Александра Матросова на год и четыре месяца *раньше* самого Матросова, — не был награжден! Хотя должен был стать (посмертно) Героем Советского Союза. Увы — не всякая награда находила героя своевременно. А публикации военного времени суд за документы не посчитал.

И вот однажды сидела мать Петра на кухне своей коммунальной квартиры на Кузнецовской улице, в доме сталинской постройки, и плакала. И увидела ее сердобольная соседка, и разузнала про ее проблемы. А муж соседки некогда был немалым человеком и с сильными мира сего знакомство водил. И написала соседка от имени Лабутиной письмо тогдашнему министру обороны, Маршалу Вооруженных Сил СССР Малиновскому. И въехала вскоре во двор дома на Кузнецовской большая черная машина, вышли из нее представители воен-

ного министерства с кучей гостинцев. И была восстановлена справедливость в смысле пенсии и даже в смысле жилплощади. Тогдашний горисполкомовский деятель товарищ Сизов добился переименования в честь Лабутина одной из ленинградских улиц и внесения его имени на мемориальную плиту на площади Победы. Но большего, к сожалению, не успел. Вот такая история советского времени, похожая на сказку..

Может, и на уровне нынешних государственных структур что-то сдвинется, и награда найдет наконец героя, и появится в Ленинграде памятник Лабутину. Ей-богу, не красит наш город и факт отсутствия рядом с увековеченным именем героя самого этого слова — Герой»¹.

КАК ЗВОНИТЬ ВО СЛАВУ ПРЕДКОВ

Как устроено пространство внутреннего человека, на языке виртуальной психологии — виртуального человека? С точки зрения христианства, как считают историки, никаких новых событий быть не может: все, что происходит, уже было описано в Библии, необходимо лишь отыскать соответствующее место и отождествить персонажи по характеру подобия.

К слову, согласно официальной легенде, в 77-м Тенгинском полку бережно сохранялась серебряная медаль Архипа Осипова: в полковой часовне она висела на иконе священномученика Автонома, подаренной полку еще Александром Суворовым. Кстати сказать, на известном портрете М.Ю. Лермонтов изображен в мундире Тенгинского пехотного полка. Он был отправлен «на Кавказ» и попал в Михайловское укрепление уже в июне 1840 г., когда память о подвиге Архипа Осипова была свежа...

В «Слове о полку Игореве» — древнерусском произведении XII в. — говорится: «Те ведь без щитов, с засапожными ножами кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу. Но сказали вы: «Помужествуем

¹ Поклонский Андрей. Вспомните Петра Лабутина! // Новый Петербург. — 2001. №19 (486), 8 мая. Или: <http://newspb.boom.ru/486/labutin.htm>.

сами: прошлую славу себе похитим, а будущую сами поделим!»¹ В своем комментарии к этим словам Ю.М. Лотман писал: «Остается, однако, неясным, почему подвиги соратников Ярослава заставляют звенеть славу предков, а не их собственную, почему подвиги совершают правнуки, а звенит при этом не их новая слава, а старая слава прадедов, совершавших в свое время какие-то другие героические дела».

«Древнерусское сознание исходило из иных представлений. Лежащие в основе миропорядка «первые» события не переходят в призрачное бытие воспоминаний – они существуют в своей реальности вечно. Каждое новое событие такого рода не есть нечто отдельное от «первого» его пробраза – оно лишь представляет собой обновление и рост этого вечного «столбового» события. <...>

...великие и славные дела лишь оживляют вечно существующую и единственно реальную «первую славу», звонят в нее, как в колокол, который имеет реальное бытие и тогда, когда молчит, в то время как звон его – не бытие, а свидетельство бытия. Подобно тому как в циклическом времени мифа события непрерывно повторяют исконный порядок вечного Цикла и – одновременно – для того, чтобы каждое событие, единственно предусмотренное в Порядке, осуществилось, требуется магическое вмешательство ритуала, которое его реализует, – для того чтобы вечный колокол прадедовской славы зазвенел, необходимы героические дела правнуков»².

Поэт в России – больше чем поэт. Поэтический глазомер точнее, слово тоньше. Разве не о том же говорят вот эти широко известные строки из песни «В лесу прифронтовом»³:

...Пусть свет и радость прежних встреч
 Нам светят в трудный час.
 А коль придется в землю лечь,
 Так это ж только раз.

¹ Героическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. С. 26–27. Ср.: Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 59. Цит. по: *Лотман Ю.М.* «Звонячи в прадедную славу» // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. II. Таллин, 1992. С. 107–110.

² *Лотман Ю.М.* «Звонячи в прадедную славу» // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. II. Таллин, 1992. С. 107–110.

³ Музыка – М. Блантер; слова – М. Исаковский.

Но пусть и смерть в огне, в дыму
Бойца не устрашит,
И что положено кому –
Пусть каждый совершит.

*Так что ж, друзья, коль наш черед,
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука.
Настал черед, пришла пора, –
Идем, друзья, вперед.
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждет
(курсив в тексте мой. – М.П.).*

Так что, память – это и ритуал: на всех переключках, при спросе этого имени <Архипа Осипова>, первому за ним рядовому отвечать: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

9 мая 2005 г., в день 60-летия Победы за праздничным столом в отделе комплексных исследований человека ИФ РАН мы чествовали главного научного сотрудника, ветерана Великой Отечественной войны Владислава Жановича Келле. В свой черед с поздравлением встал и я.

– Владислав Жанович, – обратился я с вопросом, рассказав о моем разговоре с бабушкой, – что от вас передать через 50 лет? В год столетия победы в Великой Отечественной войне?

Владислав Жанович встал. Задумался. Было видно, что он глубоко тронут вопросом. Все ждали...

– Знаете, Михаил, – он согнул правую руку в локте, сжал кулак, потряхнул им и твердо, с расстановкой произнес: – Передайте... что мы... дело свое – сделали!

*ДОКУМЕНТЫ
И БИБЛИОГРАФИЯ*

Р.С.Ф.С.Р.

Народный Комиссариат Просвещения

АТТЕСТАТ

Настоящий аттестат выдан Келле Владиславу
Жановичу, родившемуся в 1920 году,
в том, что он обучался в 17-й средней
школе им. А.С. Пушкина гор. Кирова Кировской
области, окончил
полный курс этой школы и обнаружил при отличном
поведении следующие знания:

по русскому языку	отлично
по литературе	отлично
по арифметике	отлично
по геометрии	отлично
по тригонометрии	отлично
по естествознанию	отлично
по истории	отлично
по географии	отлично
по физике	отлично
по химии	отлично
по геологии и минералогии	отлично
по обществоведению	отлично
по иностранному языку (немецк.)	отлично
по рисованию	отлично
по черчению	отлично

На основании Постановления Совета Народных комиссаров
СССР

и Центрального комитета ВКП(б) от 3/IX 1935 г. Келле

Владислав Жанович

пользуется правом поступления в высшую школу без
вступительных экзаменов

22 июня 1938 года

№ 1144

Директор школы Учителя:

Источник: Центральный архив города Москвы. Фонд 2378.

Опись 2. Дело 156. Лист 337.

Публикация С.Н. Корсакова

Ведомость успеваемости экзаменационной сессии.

Философский факультет МИФЛИ за семестр
1940/41 учебного года. III курс. I группа.

Келле В.И.	История народов СССР – отлично
	Основы марксизма-ленинизма – отлично
	История философии – отлично
	Иностранный язык – зачёт

*Источник: Центральный архив города Москвы.
Фонд 2378. Опись 2. Дело 27. Лист 7.*

Публикация С.Н. Корсакова

Библиография трудов
профессора Владислава Жановича Келле¹

1956

1. Материализм исторический // БСЭ. Т. 17. 1,6 п.л.
2. Категории исторического материализма // Вопросы философии. 1956. № 4 (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
3. Исторический материализм как наука. М.: Советская наука, 1956. 1 п.л.
4. О произведениях классиков марксизма-ленинизма по диалектическому и историческому материализму. Пекин, 1956. С. 1–252 (на китайском языке).

1957

5. В.И. Ленин о религии // Наука и жизнь. 1957. 0,5 п.л.

1958

6. Философия как форма общественного сознания. М.: Изд-во МГУ, 1958. 1,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
7. Рецензия на работу В. Газенко «Лекции по историческому материализму» // Философские науки. 1958. № 1. 0,3 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном, Д. Кошелевским).
8. Марксистско-ленинская теория общественно-экономической формации. М., 1958. 2 п.л. (в соавторстве с А.И. Вербиным).
9. Исторический материализм и социология // Вопросы философии. 1958. № 5. 0,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном, А.И. Вербиным).
10. Идеология и наука // Коммунист. 1958. № 18. 1 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном). Издано также в ГДР, Чехословакии, Румынии.

1959

11. Исторический материализм // МСЭ. Т. 3. 0,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
12. Формы общественного сознания. М.: Госполитиздат, 1959. 14 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
13. О произведении Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». Пекин: Изд-во Народного университета, 1959. С. 1–121 (на китайском яз.).
14. О работе Ф. Энгельса «Диалектика природы». Пекин: Изд-во Народного университета, 1959. С. 1–91.
15. О работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Пекин: Изд-во Народного университета, 1959. С. 1–95 (на китайском языке).
16. Лекции по истории марксистской философии. Пекин: Изд-во Народного университета, 1959. С. 1–308 (на китайском яз.).
17. Преобразующая сила марксистско-ленинских идей // Молодой коммунист. 1959. № 11. 0,7 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).

¹ Дается в авторской редакции

18. К вопросу о соотношении общественного бытия и общественного сознания // Вестник МГУ. 1959. № 4. 1 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).

1960

19. О специфике роли различных форм социалистического сознания в коммунистическом воспитании трудящихся // Коммунистическое воспитание трудящихся в период развернутого строительства коммунизма. Одесса, 1960. 25 п.л.

1961

20. В.И. Ленин о соотношении общественного бытия и общественного сознания // Великие идеи В.И. Ленина претворяются в жизнь. М.: Высшая школа, 1961. 1,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
21. Вопросы диалектики в работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Вопросы методики преподавания и изучения книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М.: Высшая школа, 1961. 1 п.л.

1962

22. Произведение В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Диалектический материализм. М.: Изд-во МГУ, 1962. 1 п.л.
23. О теоретических проблемах истории техники // Вопросы философии. 1962. № 6. 0,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном, А.И. Вербиным). Рецензия на кн. С.В. Шухардина «Основы истории техники».
24. Коммунизм и гуманизм. М.: Знание, 1962. 3 п.л.
25. Исторический материализм. М.: Высшая школа, 1962. 30 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном). Издано также в Чехословакии.
26. Идеология // Философская энциклопедия. Т. 2. 1 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).

1963

27. Как возникают и развиваются производственные отношения коммунистической формации // Ответы на вопросы. М.: Знание, 1963. 0,8 п.л.
28. Коммунизм и общественные науки // Вопросы философии. 1963. 0,8 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
29. Исторический материализм как наука и структура его изложения // Вопросы философии. 1963. № 12. 1 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном). Рецензия на кн.: Рожина Ю.А. «Научный коммунизм и общественные науки».

1964

30. Сила революционных идей // Вопросы философии. 1964. № 3. 0,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном). Рецензия.
31. Структура общественного сознания. М.: Знание, 1964. 3 п.л.
32. Классификация общественных наук // Вопросы философии. 1964. № 11.

1 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном). Издано также в ГДР.

1965

33. Общественное сознание и его формы. М.: Политиздат, 1965 (2-е изд. 1966). 3 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
34. Материальная заинтересованность // *Философская энциклопедия*. Т. 2. 0,25 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
35. Исторический материализм — марксистская социология // *Коммунист*. 1965. № 1. 1,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
36. Исторический материализм // *Историческая энциклопедия*. 1 п.л. (в соавторстве с Ф.В. Константиновым, А.Г. Спиркиным).
37. Роль естествознания в повышении культурно-технического уровня советских людей // *Естествознание и строительство коммунизма*. М., 1965. 1 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
38. Развитие исторического материализма после Ленина // *История философии*. Т. 6. М., 1965.
39. О понятии способа производства // *Философские науки*. 1965. № 5. 0,25 п.л.
40. Проблема подлинного гуманизма // *Философские науки*. 1965. № 5. 0,25 п.л. Рец. на кн.: Петросяна М.И. «Гуманизм».
41. Взаимодействие общественного и индивидуального сознания // *Политическое самообразование*. 1965. № 10. 1 п.л.
42. Материальное производство как основа общественной жизни // *Методические советы по философии*. М.: Политиздат, 1965. 1,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном). Переведено в Болгарии.
43. Общественное сознание и его формы // *Методические советы по философии*. М.: Политиздат, 1965. 1,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном). Переведено в Болгарии.

1966

44. Индивидуальное и общественное сознание // *Проблемы сознания*. М., 1966. 1 п.л.
45. Формирование научного мировоззрения // *Строительство коммунизма и духовный мир человека*. М.: Наука, 1966. 2 п.л. (в соавторстве с В.С. Молодцовым).
46. Некоторые особенности развития социализма // *Вопросы философии*. 1966. № 3. 1 п.л. (сокр. вариант в «Учительской газете» от 10 марта 1966 г. и журнале «Форум», № 3, Польша).
47. Заметки о философской жизни Югославии // *Вопросы философии*. 1966. № 5. 0,5 п.л.
48. Communism — the real embodiment of humanism. М.: АПН. 1966. 2 п.л.
49. Познавательные и идеологические функции социологии // *Социология в СССР*. М.: Прогресс. 1966. 1 п.л. Издано на французском яз., а также в ГДР.

50. Советско-японский философский симпозиум по проблеме человека (обзор) // Философские науки. 1966. № 4. 0,5 п.л. (в соавторстве с Е.В. Осиповой).
51. Некоторые вопросы общественного сознания // Актуальные вопросы исторического материализма. М.: Знание, 1966. 0,3 п.л.
52. К вопросу о классификации общественных наук // Методологические вопросы общественных наук. М.: Изд-во МГУ, 1966. 2 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
53. Коммунистическое мировоззрение и личность: Передовая // Политсамообразование. 1966. № 11. 1 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
54. О некоторых направлениях развития исторического материализма // Вопросы философии. 1966. № 10. 1 п.л.

1967

55. О некоторых направлениях развития исторического материализма: Обзор дискуссии // Вопросы философии. 1967. № 10. 0,5 п.л. (в соавторстве с И.И. Кравченко).
56. Die Struktur der marxistischen soziologischen theorie // Deutsche Zeitschrift für philosophie. 1967. № 9. 1 п.л.
57. Materialisme historique, teorie sociologique et recherché social án USSR // Social Sciences Information sur les Sciences Sociales. Vol. VI. 1967. 1,5 п.л. (в соавторстве с Г.В. Осиповым).
58. Общественные отношения // Философская энциклопедия. Т. VI. 0,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
59. Производственные отношения // Философская энциклопедия. Т. VI. 0,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
60. Исторический материализм как наука // Диалектический и исторический материализм. 2-е изд. М.: Политиздат, 1967. 1,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
61. Совершенствование общественных отношений при социализме // Вопросы теории и жизнь. М.: Правда, 1967. 0,6 п.л. (газ. «Правда» от 5 апреля 1967 г.).
62. Выступление на дискуссии // Сознание. М., 1967. 0,02 п.л.
63. Роль субъективного фактора в совершенствовании социалистических общественных отношений // Философские науки. 1967. № 1. 1 п.л.

1968

64. Ленинские принципы классового анализа // Коммунист. 1968. № 18. 1 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
65. Обоснование Марксом необходимости социалистической революции (методологические проблемы) // «Капитал» Маркса, философия и современность. М.: Наука, 1968. 1,5 п.л.
66. Выступление на государственной конференции социологов в Чехословакии // Социология-66. Прага, 1968. 0,5 п.л.

67. Проблемы общесоциологической теории у Маркса // Маркс и социология. М., 1968. 0,5 п.л.

1969

68. Исторический материализм. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1969. 27 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
69. Познавательные и идеологические функции социологии // Социология и идеология. М.: Наука, 1969.
70. Философия и политика // Вопросы философии. 1969. № 3. 1 п.л. (в соавторстве с М.К. Мамардашвили)

1970

71. Ленинизм и диалектика общественного развития. М.: Наука, 1970. 25 п.л. (коллектив авторов; ред. и автор).
72. Исторический материализм и современность // Ленин и современная наука. М.: Наука, 1970.
73. О противоречиях в развитии социализма // Диалектика объективного и субъективного в развитии социалистического общества. М.: Мысль, 1970. 1 п.л.
74. Ленинская концепция научной идеологии и ее критики // Вопросы философии. 1970. № 4. 1 п.л.
75. Эволюция «гуманистической критики» // Вопросы философии. 1970. № 9 (в соавторстве с И.И. Кравченко).
76. Aktuelle Probleme der Sociologischen Forschung in der UdSSR // Wissenschaft und Menschheit. Leipzig: Urania-Verlag, 1970. 1,5 п.л.
77. Об уровнях социологической теории // О структуре марксистской социологической теории. М.: Изд-во МГУ, 1970. 0,5 п.л.

1971

78. Главы в учебнике: Основы марксистско-ленинской философии. М.: Политиздат, 1971. 2,5 п.л.
79. Аспекты исследования и уровни теории в социологии наука // Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Т. II. М.: ВИНТИ. 1971. 1 п.л.
80. Problém teoretických novín v sociologii vedy // Sociologický časopis. 1971. № 2.
81. Исторический материализм — теория и метод научного познания и революционного действия // Коммунист. 1971. № 4. 1 п.л. (в соавторстве с Н.В. Пилипенко, Г.Е. Глезерманом).

1972

82. Значение и функции социального знания при социализме // Вопросы философии. 1972. № 5. 1 п.л.
83. Исторический материализм сегодня; проблемы и задачи: Передовая // Вопросы философии. 1972. № 10. 1,5 п.л. (основн. автор).

84. Глава 1 в кн.: Основы политических знаний. М.: Политиздат, 1972. 2,2 п.л.
85. Tworcza funkcja nauk społecznych w społecztbstwe // Studia filozoficzne. 1972. № 94. 1 п.л.
86. Исторический материализм (очерк марксистской теории общества). М.: Прогресс. 1972–1981. 20 п.л. (в соавторстве с М.Я.Ковальзоном). На испанском, французском, английском, немецком, японском, арабском, хинди, португальском и др. — всего на 13 языках.
87. Наследие К. Маркса и некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ и генезиса капитализма. Введение. Раздел I, § 3,5 // Принцип историзма в познании социальных явлений. М.: Наука, 1972. 18 п.л. (соавтор, редактор). Переведено в Чехословакии.
88. Пролетарский интернационализм и факторы интернационализации общественной жизни // Вопросы философии. 1972. № 12. 1 п.л.
89. Рецензия на кн. П.Н. Федосеева «Коммунизм и философия» // Вопросы философии. 1972. № 12. 0,5 п.л. (в соавторстве с Р.В. Садовым).
90. Общественные науки и субъективный фактор при социализме // Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М.: Наука, 1972. 20 п.л. (редактор всей книги).
91. Ленинская концепция научной идеологии и современный ревизионизм // Ленинизм, история философии и современность. София: Наука и искусство. 1972. 2 п.л.
92. Интересное исследование одной дискуссионной проблемы // Философские науки. 1972. № 2. 0,2 п.л. (в соавторстве с Л.Б. Баженовым). Рецензия на кн. В.Ф. Черноволенко

1973

93. Ленинская концепция научной идеологии // Социальная природа познания. М., 1973. Вып. 1. 1 п.л.
94. Теория отражения и методология познания социальных явлений. София: Наука и искусство, 1973. 1 п.л. (в соавторстве с Н.И. Макешиным).
95. КПСС – партия социального творчества // Вопросы философии. 1973. № 9. 1 п.л.
96. НТР и будущее человечества // Человек–наука–техника (опыт марксистского анализа НТР). М.: Политиздат, 1973. 2 п.л. (редактор всей книги вместе с Кедровым, Рихтой, Одуевым). Издано в Праге на англ. и чешск. яз.
97. Идеология // БСЭ. Изд. 3-е. М., 1973. 0,3 п.л.
98. Логика истории и деятельность людей // Актуальные философские проблемы общественного развития (материалы к XV Всемирному философскому конгрессу). М., 1973. 0,5 п.л.

1974

99. Исторический материализм и современная борьба идей // Проблемы мира и социализма, 1974. № 4. 0,75 п.л.

100. Роль общественных наук в управлении социальными процессами // Коммунист. 1974. № 7. 1 п.л.
101. Диалектика единства и многообразия в философии истории Гегеля // Доклады X Международного Гегелевского конгресса. М., 1974. Вып. III. 0,5 п.л.
102. О социальных функциях общественных наук при социализме // Социологические проблемы науки. М.: Наука, 1974. 28 п.л.
103. Социальное содержание НТР // Вопросы философии. 1974. 0,25 п.л.
104. Интернационализация как мировой процесс, факторы ее развития // Вопросы философии. 1974. № 11. 0,3 п.л.
105. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М.: Политиздат, 1974. 6,4 п.л. (в соавторстве с Е.Г. Плимаком, Ю.М. Бородаем).
106. On the Problem of Evaluating Scientific Work in the Domain of Basic Research // Problem of the Science of Science. 1974. 0,5 п.л.
107. Методология социального познания // Исторический материализм как наука. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 274–284.
108. НТР и общественные науки // НТР и социальный прогресс. М., 1974. С. 143–146.

1975

109. К анализу социально-исторической концепции К. Маркса в работе Ф. Текеи: Послесловие к работе Ф. Текеи «К теории общественных формаций». М.: Прогресс, 1975. 1 п.л.
110. Социалистическое общество. Социально-философские проблемы современного советского общества. М.: Политиздат, 1975 (один из редакторов и соавтор гл. II).
111. Рецензия на кн.: Уледова А.К. Социологические законы. М.: Мысль, 1975. 0,3 п.л. (в соавторстве с Г.Т. Журавлевым).

1976

112. Борьба идей в современном мире. М.: Политиздат, 1976. Т. II (в соавторстве с Э.Ю. Соловьевым, Л.Н. Митрохиным – гл. I).
113. Социальное знание и социальное управление. М.: Знание, 1976. 4 п.л.
114. Рецензия на кн.: Б.А. Чагина, В.И. Клушина «Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы» // Вопросы философии. 1976. № 10. 0,3 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
115. Socialismus und wissenschaftliches Schopfertum. Berlin: Akademie Verlag. Kap. VIII. 1976.
116. Technology and Society as the object of sociological analysis // Acta Historiae Rerum Naturalium nec non Technicarum. Special Issue, 8. Praque. 1976. 0,5 п.л.
117. Marks i wspolczesne problemy teorii procesu spolecznego // Czlowiek i swiatopogląd. 1976. № 10.

1977

118. Выступление на круглом столе по проблемам качества философской продукции // Вопросы философии. 1977. № 1.
119. Методологические проблемы комплексного исследования научного труда // Вопросы философии. 1977. № 5. 1 п.л. Опул. также в сб.: Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. М., 1979.
120. A tudomány helye a szocialista társadalom isánetás rendszerében // Magyar filosofiai szemle. 1977/2. 1 п.л.
121. Sociology of Science // Social Sciences. Vol. VIII. № 3. 1977. 1 п.л. (в соавторстве с С.Р. Микулинским).
122. Великий Октябрь и развитие исторического материализма // Вопросы философии. 1977. № 10. 1,5 п.л.
123. Рецензия на кн. А. Дашдамирова «Наука и личность» // Вопросы философии. 1977. № 12.
124. The Methodology of Social Knowledge and the Problem of the Integration of the Sciences // Foundational Problems of the Special Sciences, part two. 1977. 1 п.л. (в соавторстве с Э.А. Маркарян).

1978

125. Фундаментальный труд по историческому материализму: Рецензия // Вопросы философии. 1977. № 2. 0,5 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
126. Наука как компонент социальной системы // Социологические исследования. 1978. № 3. 1 п.л.
127. Теоретические и методологические вопросы социологического анализа и сравнительного изучения различных обществ (доклад на X Всемирном конгрессе) // Социология и проблемы социального развития. М.: Наука, 1978. 0,5 п.л.
128. Борьба идей в современном мире: Послесловие. М.: Политиздат, 1978. Т. 3. 0,5 п.л. (в соавторстве с Ф.В. Константиновым).
129. Предисловие и статья «Социологические аспекты исследования отношений и деятельности в сфере науки» // Социологические проблемы научной деятельности. М., 1978. 1 п.л. (в соавторстве с Н.И. Макешиным).

1979

130. Рецензия на кн. П.Н. Федосеева «Диалектика современной эпохи» // Вопросы философии. 1979. № 2. 0,5 п.л. (в соавторстве с Б.М. Кедровым, И.Т. Фроловым).
131. Базис и надстройка и механизмы социальной деятельности людей // Философские науки. 1979. № 1. 1 п.л. (в соавторстве с А.И. Вербиным).
132. Проблемы исторического материализма в работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Вопросы философии. 1979. № 5. 1 п.л.
133. Теория идеологии и идеологическая практика: Рецензия // Коммунист. 1979. № 5. 0,5 п.л.
134. Methodological Problems of Historical Analysis of the Interconnection between

Science and Society // Abstracts of 6 th Int. Congress of Logic, Method. And Phil. Of Science. Sec. 13. Hannover, 1979. 0,3 п.л.

1980

135. Социологические проблемы исследования отношений и деятельности в сфере науки // Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах. М.: Наука, 1980. 0,2 п.л. (в соавторстве с Н.И. Макешиним).
136. Понятие общественно-экономической формации и его методологическое значение // Политсамообразование. 1980. № 3. 1 п.л.
137. Философия и ценностные формы сознания: Рецензия // Вопросы философии. 1980. № 6. 05 п.л.
138. Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования // Вопросы философии. 1980. № 7. 1,2 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
139. Science as a form of intellectual Production // Sociology of Science. Budapest: Akadémiai Kladó. 1980. 0,5 п.л.
140. Философско-методологические проблемы конкретных наук // Вопросы философии. 1980. № 3. 1 п.л. (в соавторстве с И.А. Акчуриным, В.М. Величковским, М.В. Попович).

1981

141. Социализм и наука. М.: Наука, 1981. 31 п.л. (в соавторстве).
142. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М.: Политиздат, 1981 (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
143. Социологията на науката, неинтия предмет на изследоване, перспективи на развитие и съотношение с наукознанието // Проблеми и перспективи на социология на науката. София: Наука и изкуство. 1981. 1 п.л. (в соавторстве с С.Р. Микулинским).
144. Систематизация категорий и опыт истории // Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Челябинск. 1981. 1 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
145. Заключение к публикации материалов круглого стола «Производительные силы как философская категория» // Вопросы философии. 1981. № 9 (в соавторстве с В.И. Керимовым).
146. Институциональные аспекты науки как факторы ее развития // Социологические исследования, 1981. № 4. 1 п.л.
147. Социологически аспекти на отношението между науката и културата // Социологически проблеми. 1981. № 3. 1 п.л.
148. Věda jako fenomén kultury. Teorie rozvoje vědy, v/2. 1981. 0,5 п.л. (ЧССР).

1982

149. Рецензия на монографию Н.С. Злобина «Культура и социальный прогресс» // Вопросы философии. 1982. № 1. 0,3 п.л. (в соавторстве с В.М. Межуевым).
150. Культура—человек—философия // Вопросы философии. 1982. № 1, 2. 3 п.л. (в соавторстве).

151. Соотношение экстенсивных и интенсивных параметров развития науки // Социальные и экономические аспекты повышения эффективности советской науки. М., 1982. Разд. I. С. 5–10.
152. Структура и динамика науки как социального института // Сборник докладов советских ученых к X Всемирному социологическому конгрессу в Мехико «Социология науки в СССР: вопросы теории и практики». М., 1982. С. 26–39.
153. Социологические аспекты обеспечения новых направлений в науке. Сборник материалов симпозиума «Социальные и социально-психологические аспекты повышения эффективности науки». М., 1982. С. 118–132 (в соавторстве с С.А. Кугелем).
154. Социологическая теория и ее социальный контекст // Общественные науки. 1982. № 2. С. 66–73 (на английском, французском и испанском яз.).
155. Культура в системе категорий исторического материализма // Общественные науки. 1982. № 1. С. 81–95 (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
156. Соотношение принципов системности и детерминизма как проблема методологии социального познания // Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки: Материалы к VIII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки». М., 1982. С. 241–244.
157. Материалы совещания по теме «Исторический материализм в 80-е годы: актуальные проблемы и перспективы развития» // Вопросы философии. 1982. № 4. С. 38–40; № 7. С. 114–116.
158. Наука как компонент социальной системы // Методологические проблемы историко-научных исследований. М.: Наука, 1982. С. 11–28. Также на английском и испанском языках в сб.: Наука и техника: гуманизм и прогресс. М., 1981. Т. 1 (изд. в рубрике «Проблемы современного мира» – № 95.)
159. Рецензия на кн. В.З. Роговца «Социальная политика в развитом социалистическом обществе» // Jahrbuch für Soziologie und Sozialpolitik. Akademie Verlag, Berlin. 1982. S. 310–312.

1983

160. Рецензия на кол. монографию «Духовное производство» // Социологические исследования. 1983. № 2. 0,3 п.л.
161. Соотношение детерминации и системности в методологии социального познания // Вопросы философии. 1983. № 6. 1 п.л.
162. Научный стиль мышления как норма культуры // Философская думка, 1983. № 4. 1 п.л. (на украинском яз.) и в сб.: Диалектика и современный стиль мышления. Севастополь, 1983. 0,5 п.л.

1984

163. Философские основания психологии и общественных наук // Вопросы философии. 1984. № 2. 1 п.л. (в соавторстве с И.З. Налетовым и Е.Н. Соколовым).
164. Социологический аспект интегративных процессов в науке и междисциплинарные исследования // Диалектика как основа интеграции научного

знания. Проблемы диалектики. Вып. XII. Л.: Изд-во ЛГУ. 1984. С. 35–49.

165. Научно-техническая революция и социальные функции науки. М.: Знание, 1984. С. 3–48.
166. Рецензия на кн. А.И. Ракитова «Историческое познание: системно-гносеологический подход» // Философские науки. 1984. № 2.
167. Проблемы философии культуры. М.: Мысль, 1984. 2,5 п.л. (соавтор – гл. IV и VII – и главный редактор).
168. Наука как феномен культуры // Наука и культура. М.: Наука, 1984. 1 п.л. (отв. редактор).

1985

169. Социально-философские и методологические проблемы научно-технического прогресса: Передовая // Вопросы философии. 1985. № 9 (в соавторстве).
170. Социальная природа науки как социологическая проблема // Социологические проблемы формирования творческой личности и творческого коллектива. Тбилиси: Мицисереба, 1985.
171. Культура и общественное развитие // Общественные науки. 1985. № 6. С. 133–146.
172. Научный потенциал с социологической точки зрения // Развитие и размещение научного потенциала республики (региона) ЭССР. Таллин, 1985.
173. Основы науковедения (гл. 2, § 1). М., 1985 (член авторского коллектива).
174. Вступление к материалам круглого стола по проблемам образования // Наука и жизнь. 1985. № 12.

1986

175. Исторический материализм и практика реального социализма // Коммунист Грузии. 1986. № 5. С. 110–17; № 7. С. 20–26 (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).
176. Философские проблемы стратегии ускорения // Политсамообразование. 1986. № 10. 1 п.л.; также: Коммунист (Литва). 1986. № 12. С. 49–57.
177. Социологическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса // Социологические исследования. 1986. № 2 (в соавторстве с Е.З. Мирской).
178. Интенсификация науки: системный подход // Социальные аспекты современного экономического и научно-технического развития. Навстречу XI Всемирному социологическому конгрессу. М., 1986. С. 63–68.
179. Диалектика субъективного и объективного и стратегия ускорения // Теория социального прогресса и актуальные проблемы совершенствования социализма. Пермь, 1986.
180. Статьи в: Философский словарь. 5-е изд. 1986.

1987

181. Acceleration strategy: social aspects // Socialism: theory and practice. 1987. № 6. С. 43–47; № 7. С. 16–20.

182. Перестройка и проблемы исторического материализма: Выступление на круглом столе «Философия и жизнь» // Вопросы философии. 1987. № 8.
183. Гуманистический сектор науки // Коммунист. 1987. № 14. С. 77–78.
184. Движущие силы общественного развития: проблемы концептуального подхода // Деятельность и общественные отношения. М., 1987. С. 3–8.
185. Критерии научности в социальном познании // Материалы 8 Международного конгресса по логике, методологии и философии науки. М., 1987.
186. Социология науки: Статья // Научно-технический прогресс: Словарь. М., 1987. С. 262–263.

1988

187. История КПСС в системе обществоведения // Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С. 58–67.
188. Перестройка экономического механизма и человеческий фактор // Философские науки. 1988. № 7. С. 3–13.
189. Революционная теория и социальная практика // Маркс, философия, современность. М.: Политиздат, 1988. 1,5 п.л.
190. Диалектика общественного развития. Л., 1988. 16,5 п.л. (соавтор и главный редактор).
191. Наука как компонент социальной системы. М.: Наука, 1988. 14,6 п.л.
192. Выступление на круглом столе «Философия и историческая наука» // Вопросы философии. 1988. № 10. С. 26–28.
193. Предисловие к публикации статьи Н.И.Бухарина «Учение Маркса и его историческое значение» // Вопросы философии. 1988. № 10. С. 65–66.
194. Sociology studies itself: reply to Fuhrman and Social Epistemology. 1988. Vol. 2. № 2. P. 175–179.

1989

195. The Genesis of Science and the Cultural Context // Science and Society. 1989. С. 72–91.
196. Практика перестройки и общественные науки // 1939 J.D. Bernal's. The Social function of Science 1989. Berlin. 1989. С. 285–292.
197. Введение в философию. М.: Политиздат, 1989. 5 п.л.

1990

198. Марксистская традиция в социально-историческом знании и современность/ Тезисы докладов и выступлений. Минск. 1990. С. 79–82.
199. Science and perestroika // Science studies. 1990. № 1. P. 53–59.
200. Самоорганизация процесса познания // Вестник АН СССР. 1990. № 9. С. 3–10.
201. Деятельность: теория, методология, проблемы. М.: Политиздат, 1990. 1,2 п.л.
202. Научное познание и ценности гуманизма // Ценностные аспекты развития науки. М.: Наука, 1990. 1 п.л. (соредактор).

203. Интенсификация и эффективность науки // Социальные проблемы и факторы интенсификации научной деятельности. М.: Наука, 1990. 1 п.л.
204. Общественные науки и практика // Вопросы философии. 1990. № 12. 1 п.л. (в соавторстве с М.Я. Ковальзоном).

1991

205. Научные кадры СССР (1950–1990). М.: Мысль, 1991.

1992

206. Самоорганизация науки: Введение в социологию науки. СПб., 1992. Ч. 1. 0,75 п.л.

1993

207. Соотношение формационного и цивилизационного подходов к анализу исторического процесса // Цивилизация. М.: Наука, 1993. Вып. 2. С. 26–34.

1994

208. Современная наука: Россия и Запад // Возрождение культуры России: гуманитарные знания и образование сегодня. СПб., 1994. Вып. 2.
209. Science Today: Russia and the West // Sociological abstracts. 1994. P. 160.
210. Человечество. Цивилизация // Преподавание истории в школе, 1994. № 5. С. 14–16.
211. Über eine lang zurückliegende Polemik. Zeit-Genosse J. Kuczynski. Berlin, Elefant Press. 1994.
212. Идеология // Преподавание истории в школе, 1994. № 2. С. 9–11.

1995

213. Становление в СССР социологических исследований науки в послевоенный период // ВИИЕТ. 1995. № 2. С. 41–49.
214. Академические научные коллективы в новых условиях // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. СПб., 1995. Вып. 9. Ч. 1. С. 18–23.
215. Не оставляйте золото в отвалах // Гуманитарий: Ежегодник. СПб., 1995. № 1. С. 37–50.
216. Социология и социальная история науки // История науки и техники: проблемы и перспективы. М., 1995. С. 135–136.
217. Социальная динамика современной науки. М.: Наука, 1995. 20 п.л. (редактор).

1996

218. Общественно-экономическая формация // Преподавание истории в школе. 1996. № 1. С. 26–27.
219. Социальные аспекты процесса формирования в России инновационной системы // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. СПб., 1996. С. 32–38.

220. Социальная история естествознания и техники. Методология проблемы // Проблемы социальной истории науки и техники. М.: ИИЕТ РАН, 1996. С. 5–15.
221. Поколения—время—история // Проблемы развития личности в современном российском обществе. М., 1996. С. 28–37.
222. Национализм и будущее России // Альтернативы. 1996. № 1. С. 70–89.
223. Социология науки // Социология в России. М., 1996. С. 369–400 (в соавторстве с Р.Л. Винклер).
224. Рецензия на кн. М.С. Кагана «Человек—культура—искусство» (на немецком яз.) // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 149–152.
225. Выступление на круглом столе «Преемственность поколений» // Человек. 1996. № 5. С. 38–54.
226. Академическая наука и высшая школа России в период реформ // Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования. СПб., 1996. С. 13–14.

1997

227. Рецензия на серии ежегодников: Культура, традиции, образование. М., 1990–1993. Вып. 1–2; Постигание культуры: Концепции, дискуссии, диалоги. М., 1995–1996. Вып. 3–6 // Вопросы философии. 1997. № 2.
228. Проблемы формирования в России инновационной системы / ИИЕТ им. С.И. Вавилова. Ежегодная научная конференция. М., 1997. С. 140–150.
229. Инновационные системы. Типология и эффективность // Свободная мысль. 1997. № 7. С. 70–80.
230. Гуманизм и современная наука // Гуманизм на рубеже тысячелетий: идея, судьба, перспектива. М., 1997. С. 102–109.
231. Журнал вчера и сегодня (встреча в редакции). Выступление // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 3–6.
232. Высшая школа и академическая наука России // Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования. СПб., 1997. С. 43–49.
233. Человек потянулся к человеческой деятельности // Человек. 1997. № 6. С. 5–14.

1998

234. Ответственность элит // Соцэлиты. СПб., 1998. С. 53–61.
235. Культура и социальность // Постигание культуры: Ежегодник. М., 1998. Вып. 7. С. 254–271.
236. Человеческий потенциал: концепции и показатели // Человек. 1998. № 4. С. 112–118.
237. К вопросу об ориентирах российской инновационной политики. Социологический образ науки и техники. СПб., 1998. Ч. 1. С. 7–9.
238. Проблемы государственной поддержки инновационной деятельности // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов / Международный ежегодник. СПб., 1998. Вып. XII. С. 90–98.

239. Точное и неточное в гуманитарном знании // *Философия науки*. М., 1998. Вып. 4. С. 161–168.
240. Российская наука в контексте реформ: обретения и потери // *Наука*, 1998. № 3. С. 84–95.

1999

241. Цивилизационные императивы инновационной политики // *Философия, наука, цивилизация*. М., 1999. С. 309–322.
242. Китай на подъеме // *Альтернатива*, 1999. № 2. С. 91–96.
243. Функции государства в научно-технической сфере // *Науковедение*. 1999. № 3. С. 30–43.
244. Человеческий потенциал и человеческая деятельность // *Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода*. М., 1999. С. 62–73.
245. Цивилизационные императивы инновационной политики: Россия и мировой опыт // *Философия, наука, цивилизация*. М., 1999. С. 309–322.
246. *Цивилизация, культура, личность*. М., 1999. 224 с. (2, 3, 4 (в соавторстве с Н.С. Злобиным), 5 главы, предисловие и послесловие – автор, редактор).
247. *Die Rettung der Grundlagenforschung Russlands als Sociales Problem // Russlands wohin?* Berlin. 1999. S. 320–329.

2000

248. Наука России и Китая в период рыночных реформ: сравнительный анализ // *ИИЕТ / Годичная научная конференция*. М., 2000. С. 142–144.
249. Наука и ученые в составе интеллектуального потенциала России // *Годичная научная конференция ИИЕТ РАН*. М., 2000. С. 29–37.
250. Интеллектуальный потенциал инновационного процесса // *Социология науки: Статьи и рефераты*. СПб., 2000. С. 68–77.
251. Искоренение нищеты – императив XXI в. // *Человек*. 2000. № 3. С. 42–46.
252. Культура в системе цивилизационных механизмов // *Электронный журнал «Исследовано в России»*. 1999. Адрес в Интернете [http // zhurnal.mipt.risi.ru](http://zhurnal.mipt.risi.ru); то же в: *Сравнительное изучение цивилизаций мира*. М., 2000. С. 8–18.
253. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // *Личность, культура, общество*. М., 2000. Т. II. Вып. IV. С. 255–258.

2001

254. Проблемы реализации интеллектуального потенциала // *Проблемы деятельности ученого и научных коллективов*. СПб., 2001. Вып. XVI. Ч. 1. С. 21–28.
255. О перспективах академической науки // *НГ–Наука*. 2001. 17 янв. (в соавторстве с Е.З. Мирской).
256. Не сотвори себе мифа // *Поиск*. 2001. № 32–33.
257. Инновационная политика // *Свободная мысль*. 2001. № 6. С. 68–80.
258. Беседа с В.Ж. Келле // *Вопросы философии*. 2001. № 6. С. 83–93.

259. Духовность и интеллектуальный потенциал // В диапазоне гуманитарного знания. Серия IV «Мыслители». СПб., 2001. С. 22–34.
260. Личность и культура в системе цивилизационных механизмов // Многомерный образ человека. М., 2001. С. 150–168.
261. Цивилизация и культура // От философии жизни к философии культуры. СПб., 2001. С. 64–81.
262. Идея многомерности в познании социальной реальности // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. СПб., 2001. С. 52–62.
263. Модернизация и глобализация в контексте современности // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». М., 2001. Вып. 10. С. 19–27.
264. Интеллектуальная и духовная составляющие культуры // Бытие творческой личности / Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции «Человек в культуре России». Ульяновск. 2001. Ч. 1. С. 53–55.
265. Наука в России // Российская цивилизация: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 235–244.

2002

266. Базисные принципы инновационной стратегии России // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. XVII. СПб., 2002. С. 58–64.
267. Цивилизационные аспекты инновационного развития России // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. СПб., 2002. Вып. XVIII. С. 111–123.
268. Формы и реформы организации фундаментальной науки в период перехода к рынку // Науковедение и организация фундаментальных исследований в России в переходный период. СПб., 2002. Ч. 1. С. 39–50.
269. Проблемы реализации интеллектуального потенциала России // Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерение. М., 2002. С. 42–56.
270. Государство в сфере инноваций // Свободная мысль. 2002. № 9. С. 43–55.
271. Стратегический выбор // Электронный журнал «Курьер академической науки и высшей школы». 2002. № 8–9.
272. Образ постиндустриальной науки XXI века // Науковедение и организация фундаментальных исследований в переходный период. СПб., 2002. С. 6–15.
273. К 60-летию воссоздания философского факультета: Интервью с В.Ж. Келле // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». 2002. № 2. С. 3–14.
274. Проблема многомерности в познании социально-исторической реальности // Проблемы исторического познания. М., 2002. С. 28–41.
275. Введение в философию. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. Разд. 1, ч. IV, гл. 6:3 (4); разд. II, гл. 9.
276. Социальная история естествознания и техники // История науки и техники. 2002. № 10. С. 40–44.

2003

277. Общество // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003. С. 716–718.
278. Глобализация с позиции цивилизационного подхода // Труды Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 7(30) «Глобализация, культура, цивилизация». М., 2003. С. 32–44.
279. Формирование инновационной системы России как предмет математического моделирования // Актуальные проблемы социологической науки и социальной практики. М., 2003. Т. 3. С. 85–93.
280. Трудности становления инновационной стратегии России: историко-социологический анализ // Международный журнал «Рефлексивные процессы и управление». 2003. Т. 3. № 2. С. 5–15.
281. Наука // Новая российская энциклопедия. Т. 1 «Россия». М., 2003. С. 616–623.
282. Инновационная система России: формирование и функционирование. М., 2003. 147 с.
283. О современных исследованиях в области философии науки в России // Журнал Университета Шаньси. 2003. № 2. Т. 26. С. 1–5 (на китайском яз.).
284. В эпицентре «Большой игры» (рецензия) // Природа. 2003. № 1. С. 89–91.
285. История как наука в трактовке Г.Г. Шпета // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 148–164.

2004

286. Перспективы развития научного социально-гуманитарного знания в XXI веке // Хин Фа Вендьже (Новый Китай. Digest). 2004. № 4. С. 123–125 (на китайском яз.). Перепечатка из журнала «Вестник Китайского Народного университета. 2003. № 2. С. 7–12.
287. Образ постиндустриальной науки XXI века // Науковедение и организация научных исследований в России в переходный период. СПб., 2004. С. 6–15.
288. Социология инновационного процесса // ИИЕТ РАН / Годичная научная конференция. М., 2004. С. 161–162.
289. Человек–Наука–Гуманизм // Наука, общество, человек: К 75-летию И.Т. Фролова. М., 2004. С. 6–15.
290. «Высокое соприкосновение» в наши дни // Там же. С. 70–74.
291. От генерирования знаний к производству технологий // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М., 2004. С. 66–85.
292. Императивы высшего образования в условиях инновационного развития // Высшее образование для XXI века. М., 2004. С. 97–103.
293. Структура инновационного процесса и проблемы его интенсификации в условиях России // Математическое моделирование социальных процессов. М., МАКС Пресс, 2004. Вып. 6. С. 110–117.
294. От производства знаний к производству технологий // Человек, наука, цивилизация. М., 2004. С. 302–313.

2005

295. Духовное и интеллектуальное в культуре. К методологии анализа // Философия и будущее цивилизации: Тезисы / IV Российский философский конгресс. М., 2005. Т. 4. С. 308.
296. Социальная философия: возможные направления исследования // Личность, культура, общество. 2005. Т. VI. Вып. 3. С. 363–366.
297. Время в культуре // Там же. С. 356–358.
298. Духовная и интеллектуальная составляющие культуры // Вопросы философии. 2005. № 10. С. 38–54.
299. Социальные факторы инновационной динамики России: историко-социологический анализ // ИИЕТ РАН / Годичная научная конференция. М., 2005.
300. Духовность и интеллектуальное начало культуры // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М., 2005. С. 125–137.
301. Наука и власть: К вопросу о реформировании российской науки // Личность, культура, общество. 2005. Т. VII. Вып. IV. С. 9–19.
302. Трудности и риски формирования инновационной стратегии России: историко-социологический анализ // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. XX. СПб., 2005. С. 6–20.
303. Ценность и цена научного знания // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. XXI. СПб., 2005. С. 38–51.
304. Вспоминая Б.М. Кедрова // Бонифатий Михайлович Кедров: Очерки, воспоминания, материалы. М., 2005. С. 530–538. (Было опубликовано в «Вопросах философии» – 2004. № 1).
305. Об Алексее Матвеевиче Румянцеве // Социология и экономика: от мифов к реальности. М., 2005. С. 83–86.
306. К.С. Пигров. Социальная философия: Предисловие. СПб., 2005. С. 3–6.
307. Теоретическая культурология. Серия «Энциклопедия культурологи». Статьи: Цивилизационные механизмы и их социальные функции (с. 177–182); Личность (с. 464–467); Общество (с. 476–478); Социальность (с. 489–491); Цивилизационные механизмы (с. 500–502). Изд. Академический проект. Екатеринбург, 2005.

2006

308. Культура и история. Методологические заметки // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 23–32.
309. Социальная философия: актуальные проблемы // Философия и общество. 2006. № 1. С. 5–18.
310. Социология инновационной деятельности: постановка проблемы // Математическое моделирование социальных процессов. М., 2006. Вып. 8. С. 179–183.
311. Гражданская позиция научного сообщества России // Годичная конференция ИИЕТ РАН. М., 2006.
312. Альтернативы научной политики России // Проблема субъектов российского развития / Материалы Международного форума «Проекты

будущего: междисциплинарный подход». 16–19 октября 2006. М., 2006. С. 81–86.

313. Марксизм и постмодернизм // Альтернативы. 2006. № 3. С. 4–16.

2007

314. Предисловие // Наука и техника в первые десятилетия советской власти: социокультурное измерение (1917–1940). М.: Academia, 2007. С. 7–12.

315. Культура и свобода // Вестник Российского философского общества. № 1. 2007. С. 133–136.

316. От эпистемы Мишеля Фуко к матрице культуры // Человек. № 3. 2007. С. 93–107.

317. Научная культура и массовое сознание // Проблемы деятельности учебного и научных коллективов / Международный ежегодник. СПб., 2007. Вып. XXIII. С. 6–16.

318. Социальная философия: актуальные проблемы // Личность, культура, общество. 2007. Т. IX. Вып. 3(37). С. 146–157 (перепечатка; см.: Философия и общество. 2006. № 1).

319. Интеллектуальный ресурс страны как базис ее инновационного развития // Человеческий потенциал как критический ресурс России. М.: ИФ РАН, 2007. С. 19–34.

320. Статус и функции фундаментальной науки в условиях инновационного развития / Научно-практическая конференция «Инновации РАН – 2007». Тезисы выступлений. Черноголовка. С. 6.

321. Синергетическая концепция культуры как путь к обновлению гуманитарного знания // Мир петербургской культуры / Материалы научно-практической конференции 18–19 мая 2006 г. Памяти М.С. Кагана. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 75–78.

322. Варианты социально-экономической инфраструктуры инновационной системы России // Математическое моделирование социальных процессов. М.: Университет; Книжный дом, 2007. Вып. 9. С. 94–101.

323. Перспективы социальной поддержки инновационного развития России // Рефлексивные процессы и управление. 2007. № 2, июль–декабрь. Т. 7. С. 29–34.

324. Дальняя командировка // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 154–162.

325. Человеческий потенциал в инновационном развитии России // Россия в глобализирующемся мире: Мировоззренческие и социокультурные аспекты. М.: Наука, 2007. С. 427–453 (в соавторстве).

2008

326. Социальные аспекты взаимоотношения интеллектуальной и духовной ветвей культуры // Человек вчера и сегодня: Междисциплинарные исследования. М.: ИФ РАН, 2008. С. 58–68.

327. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Т. II. Концепция и методология исследований / Под ред. Ю.М. Резника. М., 2008. Вып. 1 (2). С. 356–374.

328. Власть и наука: сценарии взаимодействия: Тезисы / Материалы к конференции. Девятый Международный форум «Высокие технологии XXI века». М., 2008. С. 261–262.
329. Этос науки: Рецензия // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 4. С. 185–192.
330. Культура и свобода // Философский журнал. М.: ИФРАН. 2008. С. 44–53.
331. Перспективы фундаментальной науки в инновационном развитии России // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. XXIV. СПб.: Изд. политехнического института, 2008. С. 80–91. 0,8 п.л.
332. К социологии инновационной деятельности: Тезисы выступления на секции 36 «Социология науки» Всероссийского социологического конгресса. Опубликовано на сайте ИС РАН, 2008. 0,1 п.л.
333. Перспективы социальной поддержки инновационного развития России // Рефлексивные процессы и управление. 2007. № 2. Т. 7. С. 29–34.
334. Интеллектуальная и духовная свобода человека // Человек вчера и сегодня: Междисциплинарные исследования. М.: ИФ РАН, 2008. Вып. 2. С. 38–51.

2009

335. Формирование инновационной инфраструктуры и молодежь // Инновационное развитие России и человеческий потенциал молодежи. Колл. монография. М.: ИФ РАН, 2009. С. 34–61.
338. Информационная модель инновационной инфраструктуры // Математическое моделирование социальных процессов. КДУ, 2009. С. 58–70.
339. Идеологическая компонента в системе международных научных коммуникаций // Общественные и гуманитарные науки. Тенденции развития и перспективы сотрудничества. М.: ИПРН РАН, 2009. С. 58–73.
340. Ideological component in the System of international scientific communications // The social sciences and humanities. М., 2009. S. 49–63.

2010

341. Состоится ли инновационная модернизация России // Социология науки и технологии. СПб., 2010. Т. 1. № 1. С. 40–51.
342. Рубежные точки эволюционного процесса формирования природы человека. Взгляд гуманитария // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 546–557.
343. Образ человека в китайском буддизме и американском протестантизме // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 752–761.

Алейник Раиса Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии РХТУ им. Д.И. Менделеева

Ань Цинянь – профессор Института философии Китайского Народного университета (Пекин)

Артемьева Татьяна Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры РГПУ им. Герцена (Санкт-Петербург), внештатный научный сотрудник ИФ РАН

Ашмарин Игорь Иванович – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИФ РАН

Белкина Галина Леонидовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИФ РАН

Буров Владлен Георгиевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Гранин Юрий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Захарченко Елена Георгиевна – старший научный сотрудник ФГНУ РИК

Кантор Владимир Карлович – доктор философских наук, профессор ГУ-ВШЭ

Келле Владислав Жанович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН

Киселева Марина Сергеевна – доктор философских наук, зав. сектором ИФ РАН, профессор МУМ

Ковальзон Мария Матвеевна – кандидат философских наук, старший преподаватель философского ф-та МГУ им. Ломоносова

Корсаков Сергей Николаевич – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник ИФ РАН

Кугель Самуил Аронович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН, директор Международной школы социологии науки и техники (Санкт-Петербург)

Лекторский Владислав Александрович – доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик РАО, зав. отделом ИФ РАН

Межуев Вадим Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН

Микешин Игорь Михайлович – студент магистерской программы кафедры социологии и социальной антропологии Центрально-Европейского университета (Будапешт)

Минкина Неля Александровна – доктор философских наук, зав. кафедрой философии ОАО «НИЦ «Строительство»

Мирская Елена Зиновьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая сектором социологии науки ИИЕТ РАН

Пронин Михаил Анатольевич – кандидат медицинских наук, ученый секретарь ИФ РАН

Пружинин Борис Иосифович – доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии»

Рабинович Вадим Львович – доктор философских наук, профессор, зав. сектором ФГНУ РИК

Разумов Александр Евгеньевич – старший научный сотрудник ИФ РАН

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН, зам. директора, зав. сектором ФГНУ РИК.

Румянцев Олег Константинович – доктор философских наук, заслуженный работник культуры РФ, зав. сектором философских проблем культуры ФГНУ РИК

Степанова Галина Борисовна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ИФ РАН

Тищенко Павел Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, зав. сектором ИФ РАН

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, зав. сектором ИФ РАН

Чумакова Татьяна Витаутасовна — доктор философских наук, профессор философского факультета СПбГУ (Санкт-Петербург), внештатный научный сотрудник ИФ РАН

Юдин Борис Григорьевич — член-корр. РАН, доктор философских наук, зав. отделом ИФ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ в КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

В.Ж. Келле

Духовность и интеллектуальное начало культуры 9

В.А. Лекторский

Как возможен диалог цивилизаций 21

О.К. Румянцев

Культурный смысл европоцентризма. 37

Ю.Д. Гранин

Формирование «глобальной культуры»: проблемы и перспективы 58

В.Г. Федотова

Проблема российской идентичности: выбор пути или ракурсы интерпретации. 74

А.Е. Разумов

Закон и власть в истории России 99

П.Д. Тищенко

Интеллигенция как антропологический проект (поэтическое предположение). 116

В.К. Кантор

Эразм Роттердамский и принц Гамлет 132

Е.Г. Захарченко

Русский язык сегодня: Вавилонская башня как метафора и как модель. 158

Н.А. Минкина, М.М. Ковальзон

Нравственная составляющая социальной философии 174

НАУКА в КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

В.Ж. Келле

Методологические проблемы комплексного
исследования научного труда 187

Б.И. Пружинин

«Исторический материализм»: наука vs идеология
(Из истории философии в России
2-й половины XX века) 205

В.М. Межуев

Идеология и наука 217

Б.Г. Юдин

Человек и наука в обществе знаний 231

Е.З. Мирская

Науковедение и проблемы организации науки 254

Т.В. Артемьева, И.М. Микешин

Интеллектуальная коммуникация и поля
философской науки. 268

В.Ж. Келле

Инновационная политика 287

И.И. Ашмарин

Гуманитарное знание и участники
инновационного процесса. 308

Г.Б. Степанова

Творческий компонент деятельности
по разработке инновационного продукта 328

М.С. Киселева

Научный факт в гуманитарных
науках: история и филология. 347

Т.В. Чумакова

Изучение истории Академии наук
в XVIII – первой половине XX в. 360

ЧЕЛОВЕК и ЕГО ВРЕМЯ

Ю.М. Резник

О себе, времени и стране. Интервью
с В.Ж. Келле, 17 июля 2009 г. 381

В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон

Методологические аспекты социально-
философского исследования 395

Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков

«Вопросы философии»: из истории философской
борьбы в 1970 гг. 412

Ань Цинянь

В.Ж. Келле и марксистская философия в Китае 431

В.Г. Буров

Человек, не меняющий своих убеждений 442

Р.М. Алейник

В.Ж. Келле в РХТУ им. Д.И. Менделеева 445

С.А. Кугель

Владислав Жанович Келле. 461

В.Л. Рабинович

Келлиада 465

М.А. Пронин

Виртуальные пространства памяти поколений 467

ДОКУМЕНТЫ и БИБЛИОГРАФИЯ

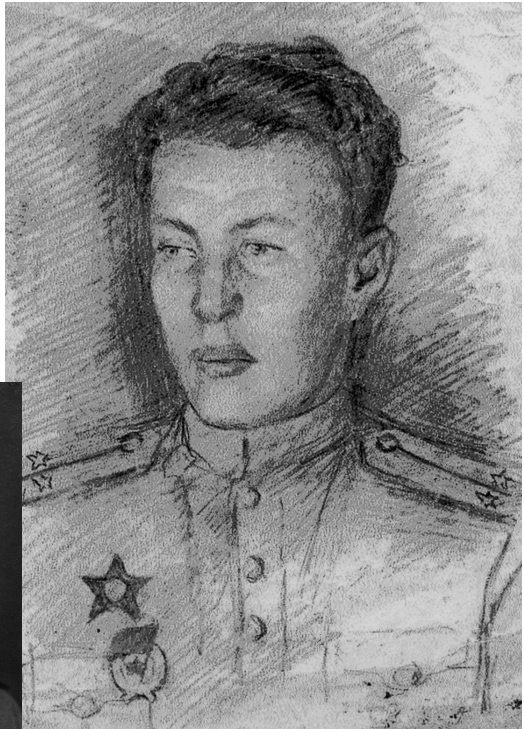
Аттестат о среднем образовании В.Ж. Келле
(публикация С.Н. Корсакова) 483

Ведомость о сдаче экзаменов
(публикация С.Н. Корсакова) 484

Библиография трудов профессора Владислава Жановича Келле	485
Сведения об авторах	505

Со школьным другом Володи́ей Зубаревым

*Рисунок бойца артиллерийской батареи,
которой командовал В.Ж. Келле,
2-й Украинский фронт, 1943*

1944

Студент философского факультета МГУ. 1945

*В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон работают над книгой
«Очерк марксистской теории общества»
для изд-ва «Прогресс».
«Озёра», 1965*

Политехнический музей, 1968

С женой Ириной

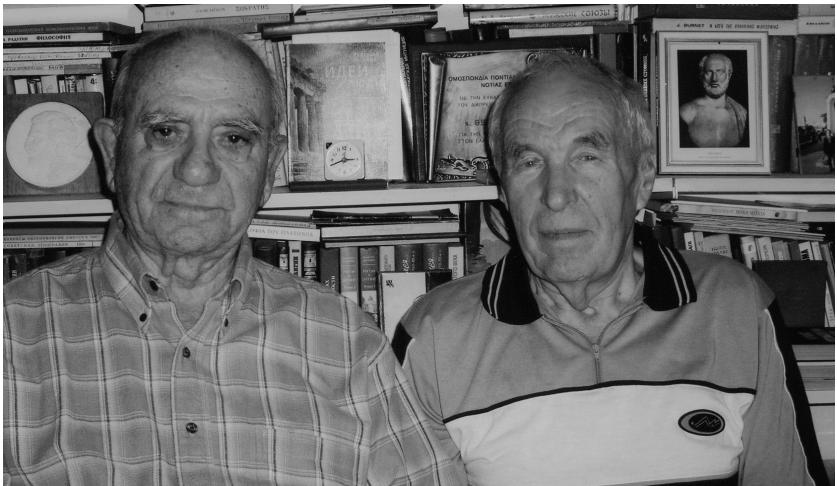
*Загреб, Югославия, 1965
Выступает В.Ж. Келле*

*Празднование 65-летнего юбилея
Национального университета Китая
Пекин, 11.01.2002*

*После встречи с однополчанами.
Парк культуры им. Горького, 9.05.2006*

В гостях у Ф. Кессиди. Афины, 2007

*Встреча с однополчанами 1-й Гвардейской
воздушно-десантной дивизии.
Май, 2001*

*В день вручения В.Ж. Келле медали
«За вклад в развитие философии».
Общее собрание ИФ РАН
15.04.2010*

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Человек в интеллектуальном
и духовном пространствах

Директор издательства *Б.В. Орешин*
Зам. директора *Е.Д. Горжевская*

Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Печ. л. 32,0.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Прогресс-Традиция»
119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9
Телефон (499) 245-53-95, 245-49-03

ISBN 978589826352

9 785898 263522

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский пер., 6